

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

О ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЗАНЯТИЯХ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРСКОЙ ЗЕМЛИ В XIV-XVI В.

Багновская Нела Михайловна

Доктор ист.наук, профессор, Российский экономический университет им. Г.В.Плеханова

ON ECONOMIC CLASSES OF THE POPULATION OF SEVERSK LANDS IN XIV-XVI CENTURY.

Bagnovskaya Nela M., Dr. East.Sciences, Professor, Russian economic University named after. G. V. Plekhanov

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается характер социально-экономического развития населения в регионе бывшей Северской земли, где складывались этнические границы восточных славян. В исторической литературе долгое время было распространено мнение, особенно в польской и украинской буржуазной историографии, о полном запустении этого региона в результате опустошений кочевников в конце XIV-XVI в. Изучение широкого круга источников и литературы позволяет автору утверждать, что основной костяк населения Северской земли в XIV-XVI в. составляли древние местные жители края, именуемые севрюками, которые сохраняли в исследуемый период свои традиционные хозяйственные занятия.

Ключевые слова: Северская земля, севрюки, хозяйственные занятия, рыбная ловля, охота, бортничество, земледелие.

ABSTRACT

The article discusses the nature of socio-economic development of the population in the region of the former Severskaya land, where he formed the ethnic boundaries of the Eastern Slavs. In the historical literature for a long time it was widely believed, especially in the Polish and Ukrainian bourgeois historiography, on the complete desolation of the region as a result of the devastation of the nomads at the end of XIV-XVI century the Study of a wide range of sources and literature allows the author to argue that the bulk of the population of Seversk lands in XIV-XVI century was the ancient local inhabitants of the region called sirocam who remained in the study period, their traditional economic activities.

Keywords: Severskaya land, Sevruk, economic classes, fishing, hunting, beekeeping, farming.

Северская земля как историческое понятие просуществовала с VIII по XVIII в. и представляла собой этнокультурный регион, исторически сложившийся на базе северы – одного из восточнославянских племенных объединений. История Северской земли – сложный и порой противоречивый процесс социально-экономической и этнокультурной эволюции от родоплеменного объединения восточных славян к вхождению её древнего населения севрюков в состав близкородственных народов – украинцев, русских и белорусов. [7].

В исторических условиях XIV-XVI в. древние жители Северской земли как бы «проявляются» вновь под именем «севрюков-севруков». Севрюки локализируются на значительной территории, охватывающей Черниговский, Новгород-Северский, Путивльский, Рыльский уезды, а также по рекам Ворскла, Псёл, Сула, Удай, Трубеж. Эта территория в основном совпадает с областью распространения северянских памятников VIII-X в. (роменская археологическая культура) [16, с.217; 9, с.19-23], то есть с границами древней Северской земли.

Так как города и волости бывшей Северской земли долгое время входили в состав Литвы и Речи Посполитой (или переходили из рук в руки), к проблемам истории Северской земли обращались некоторые польские исследователи конца XIX-XX в.. Наиболее известным из них является А.Яблоновский, труды [28] которого по истории Укра-

ины XVI - XVII в. надолго определили представления о территории и границах литовской и польской Украины и России и о населении этих областей. Односторонность используемых Яблоновским источников (только литовские описания-люстрации), незнание событий конца XVI в. на территории Северской земли, привели его к перенесению границ Речи Посполитой XVII в. на XVI в., в результате чего вся территория к востоку от Днепра до Путивля оказалась в пределах Польши. Эти земли (не учтенные люстрациями и принадлежавшие в XVI в. Московскому государству) были объявлены Яблоновским “пустующими”, “пустыней”. Характерный недостаток его работ: почти все явления историко-этнических процессов на Левобережья Днепра в XVI в. обосновывал исходя из данных источников XVII в. Советская исследовательница Н.Б.Шеламанова доказала ошибочность существовавших долгое время представлений о рубежах этих государств в XVI в.[26]

До 1571 г. охрана степной границы Московского государства в значительной степени осуществлялась путивльскими севрюками. Иногда создается впечатление, что в социальном плане севрюки – это те же казаки на службе у Московского государства. Однако отождествлять севрюков с казаками нельзя. Итоговые сведения о социально-экономическом положении убитых и ограбленных жителей Путивльского и Черниговского уездов, приведенные Г. Н. Анпиловым в специальной таблице [4,

с.18], говорят о том, что волощане-севрюки принадлежали к категории государственных (дворцовых) крестьян, плативших медвяный оброк в царскую казну. Здесь же имеются сведения о начале закрепощения дворцовых крестьян. В одном из документов, относящихся ко времени походов Самозванца, о населении Северной земли говорится: «тутошние мужики севрюки...», «севрюки мужики люди простые...» [25, 259]. То есть, в массе своей севрюки – это мужики, сидящие на своей земле и занимающиеся своими «мужицкими» делами, а мужиками, как известно, мало интересовались в те времена: удел их был в основном одинаков и в Литве, и в Польше, и в Московском государстве. Другое дело, когда севрюки участвовали в обороне границы от татарских набегов, либо в столкновениях на московско-литовском рубеже – тогда сведения о них попадают на страницы разрядных и полевых дел. Характер этих источников и приводит порой к представлению о севрюках как о социальной группе вроде казаков.

В вопросе о хозяйственных занятиях севрюков нет полной ясности. Люстраторы XVI в. говорят о севрюках исключительно как о промысловом населении Левобережья Днепра, которое занимается рыбной ловлей, охотой, бортничеством в «уходах» по рекам Суле, Псле, Ворскле, Удаю и пр. [5, с.103] Люстраторам выгодно было изображать Левобережные земли пустующими, без постоянного земледельческого населения, чтобы иметь основание на захват и заселение этих земель подданными Польско-Литовского государства. Свидетельством такой политики могут служить жалованные грамоты польских королей на раздачу земель в северских землях [17, с.104; 18, с.11-13; 5, с.316]. Однако в указанной области, несомненно, было постоянное северское население, возможно, не очень многочисленное, но жившее не только в уходах, но и в «селищах».

В русских источниках севрюки часто называются «бортниками», а их занятию бортничеством уделяется особое внимание. Ещё в известном «Сказании о Мамаевом побоище» князь Дмитрий Рязанский говорил Андрею Полоцкому, что к нему приходили «медокормцы из Северы» [20, с.93], то есть уже в XV в. Северская земля была важным поставщиком меда. В XVI - XVII в. севрюки-волощане платили медвяный оброк в царскую казну [22, Ф.79. Кн.22; Ф.1209. Кн. 367,368, 10554, 10555; 3.] и, в связи с этим, в актах писцового дела главным образом нашло отражение их занятие бортничеством [22, Ф.389. Оп.1. Д.563, л.11; 18, с.86]. По данным литовской Метрики, бортные земли на Северщине представляли собой самостоятельные хозяйственные объекты – предмет «данин» великого князя литовского. Бортные угодья входили также в состав земельных владений в районе Чернигова, Путивля, Брянска [24, ст.57, 734-735, 754-755; 2, с.6].

Хозяйственные занятия севрюков во многом определялись природными условиями Северной земли. В географическом отношении на территории расселения севрюков можно выделить два основных района: северный (Полесье) с малоплодородными почвами и значительными лесными массивами и южный – район лесостепи с плодородными почвами, удобными для земледелия.

Природные богатства южных районов Северной земли, безусловно, способствовали тому, что рыболовство, охота и бортничество играли значительную роль в хозяйстве населения. С другой стороны, постоянные татарские вторжения вели к сокращению обрабатываемых земель, к некоторому упадку земледелия в пограничных областях. На этом основании некоторые исследователи пишут о полном забвении земледелия [6, с.560-561; 14, с.179], что, безусловно, неверно. Крестьянское хозяйство немислимо без хлеба, а значит и без выращивания его, особенно в XIV-XVI в., когда безраздельно господствовало натуральное хозяйство. Другой вопрос – о соотношении в хозяйственных занятиях этого времени между пашенным земледелием и промыслами. Ещё М. В. Довнар-Запольский считал, что «в XVI в. преобладающим типом хозяйства здесь было не земледелие, а эксплуатация ухажав» [13, с.722]. М. С. Грушевский также считал, что на Северщине в XV-XVI вв. пашенное земледелие «делило свое значение в хозяйстве... с разными другими источниками доходов, а собственно занимало рядом с ними второстепенную позицию» [12, с.146]. В современной литературе эту особенность экономики Северной земли исследователи определяют, как преобладающее развитие промыслов – бортничества, рыболовства, охоты – в сравнении с земледелием [27, с.49]. Достаточно убедительно подтверждение этого вывода дают московские источники XVI в. – «обидные списки» 1580-90-х гг. - с перечнем «обид», причиненных польско-литовской стороной. Среди названных «обид» на Северщине преобладают разорения бортей, рыбных ловлей, бобровых гонов и угон лошадей, однако говорится и об увезенном хлебе и сене [27, с.49]. Таким образом, в экономике Северщины этого времени преобладали занятия разнообразными промыслами при сохранении земледелия.

Ведущей отраслью земледелия было производство зерна. «Пашни» и «пашные земли» фиксируются документами того времени, а среди зерновых культур упоминаются прежде всего рожь и пшеница [24, ст. 53, 645, 725 и др.; 2, с. 6]. Эрих Лассота, ехавший в конце XVI в. на Запорожье, утверждает, что он видел среди полей деревянные срубы, из которых хлебопашцы отстреливались от неприятеля [21, с.15]. О том, что севрюки продолжали заниматься хлебопашеством в условиях постоянной военной опасности, свидетельствует также тот факт, что черкасы грабили у них главным образом «борошна», то есть хлеб [1, с.133]. В описании г. Канева 1552 г.* говорится относительно Левобережья, что «земля по полям мещанам на пашню издавна была свободна, но недавно князь Владимир Путивльский, вышедши из Москвы, начал на тех землях с пашен мещанских брать десятину» [5, с.97-98]. Плотородие пашенных земель в Северной земле отмечал в своих «Записках о Московии» С. Герберштейн [10, с.140].

О древних традициях земледелия в Северной земле свидетельствуют бортные знамена. Среди рисунков бортных знамен, изображающих различные орудия труда, предметы хозяйственного снаряжения, быта, природы, большое место занимают сельскохозяйственные орудия, особенно сохи и орики (то есть рала) [3, с.157]. Ар-

* В то время к г.Каневу относились значительные пространства на Левобережье по рекам Супою и вплоть до Удаю и Сулы, а это уже Северские земли.

хеологические материалы этого района дают разнообразные сельскохозяйственные орудия XIV-XV вв., аналогичные древнерусским. [8, с.52-55, 92] О распаханной земле в урочищах бортных ухажеев упоминают писцовые материалы [3, с.156-162; 15, с.120-133].

В северных районах – северная Черниговщина, Стародубщина – земледелие, основанное на расчистке лесных участков, также имело древнюю и прочную основу, но из-за низкой урожайности малоплодородных почв, лесные промыслы (бортничество, собирательство, охота) играли существенную роль в хозяйстве населения. Важность этих промыслов для населения всех районов Северной земли обуславливалась, начиная с княжеских времен и вплоть до XVII в., необходимостью платить дань государству главным образом медом, а также мехами, сеном.

Города Северной земли – Чернигов, Новгород-Северский, Путивль, Стародуб, Брянск – отделялись один от другого обширными лесными массивами. По словам Герберштейна, в этих лесах водились «огромное количество горностаев, белок и куниц» [10, с.140-141]. О богатстве животного мира Северной земли свидетельствуют и более поздние по времени данные (конец XVIII в.) о стародубской ярмарке, на которую привозили «з сотень Мглинской и Новомеской ведмежие, волчье, лисичье, куничье, беличье, рыси, горностаи, коз диких, бобровые и выдровые кожи» [19, с.39]. Естественно, в таких условиях охота была постоянным занятием населения, о чем свидетельствуют многочисленные упоминания в жалованных грамотах о «сочении зверя», «бобровых гонах», «бобровых берегах» и «ловищах».

Наличие разветвленной речной сети и большое количество рыбы способствовало развитию рыболовства. Археологические раскопки выявили рыболовные снасти XIV-XV в. (ости, крючки, грузила и пр.) сходные с древнерусскими [8, с.56-57].

В целом сведения о хозяйстве в Северной земле XV-XVI вв. очень скудны, что неоднократно отмечалось в литературе. Однако, исследуя сельское хозяйство Московской Руси в XVI в., Н.Рожков пришел к выводу, что хозяйство Северских уездов этого времени не было в упадке [23, с.101, 122, 123].

В исторических условиях, когда Северские земли находились под властью Литвы, затем частично возвращаются к Московскому государству и снова оказываются в составе уже Польско-Литовского государства, обнаруживается стойкость исторического названия Северной земли и её населения. В XIV-XVI в. на территории Северной земли жило древнее местное население севрюки. Рассмотрев вопрос о хозяйственных занятиях севрюков, можно сделать вывод, что, несмотря на значительную роль в хозяйстве населения Северной земли XIV-XVI в. таких промыслов как бортничество, охота, рыболовство, развитие которых способствовала система натуральных повинностей, а также благоприятные природные условия местности, основным занятием населения всегда оставалось земледелие.

Литература

1. Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией. Т. 1. СПб., 1841.
2. Акты Литовской Метрики, изданные Ф.И.Леонтовичем. Варшава, 1896. Т.1. Вып.1. № 314; № 385; Вып. 2. № 434; № 437.
3. Анпилогов Г. Н. Бортные знамена как исторический источник (по Путивльским и Рыльским переписным материалам конца XVI и 20-х гг. XVII в.) // Советская археология. 1964. № 4.
4. Анпилогов Г. Н. Новые документы о России конца XVI – начала XVII века. М., 1967.
5. Архив Юго-Западной России. Ч. УП. Т.1. Киев, 1903.
6. Багалея Д. И. Займанщина в Левобережной Украине // Киевская старина. 1883. № 11.
7. Багновская Н. М. Севрюки: население Северной земли в XIV-XVI вв. М.: Изд-во «Палеотип», 2002; Этнодинамика населения Северной земли. VIII- XVIII в. Москва; Ярославль: изд-во «Канцлер», 2010.
8. Беляева С. А. Южнорусские земли во второй половине XIII-XIV в.: (По материалам археологических исследований). Киев, 1982.
9. Березовец Д. Т. Северяне (перед образованием Киевской Руси). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1969.
10. Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988.
11. Грушевский М. С. Історія України-Руси. Т.1. Київ, 1913.
12. Грушевський М. Історія України-Руси. Київ; Львів, 1907. Т. 6: Життя економічне, культурне, національне XIV - XVII віків.
13. Довнар-Запольский М. В. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. Киев, 1901. Т. 1.
14. Каргалов В. В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. М., 1967.
15. Коткова Н.С. Название русских бортных знамен – историко-лингвистический источник // Исследования по лингвистическому источниковедению. М., 1963.
16. Ляпушкин И. И. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа // МИА. № 104. М.; Л., 1961.
17. Материалы для истории казацкого землевладения (1494-1668 гг.) // ЧИОНЛ. 1894. Кн. 8. Отд. 3.
18. Материалы по истории землевладения князей Вишневецких в Левобережной Украине. Сообщил Ф. Д. Николайчик // Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца (далее ЧИОНЛ). 1900. Кн.14. Вып. 2.
19. Опис Новгород-Сіверського намісництва (1779-1781). Київ, 1931.
20. Повести о Куликовской битве. М., 1953.
21. Путевые заметки Эриха Лассоты, отправленного римским императором Рудольфом П к запорожцам в 1594 г. СПб., 1873.
22. РГАДА. Ф. 79. Кн. 22.; Ф.389. Оп. 1. Д. 563; Ф.1209. Кн. 367, 368, 10554, 10555;
23. Рожков Н.А. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. М., 1899.
24. Русская историческая библиотека, издаваемая Археологической комиссией. Т. 27.
25. Сборник Русского исторического общества (РИО). Т. 137. М., 1912.
26. Шеламанова Н. Б. Образование западной части территории России в XVI в. в связи с её отношениями с Великим княжеством Литовским и Речью Посполитой. М., 1970.
27. Шеламанова Н. Б. Состав документов Посольского приказа и их значение для исторической географии

России XVI века: (По материалам фонда Сношений России с Польшей ЦГАДА) // Археографический ежегодник за 1964 г. М., 1965.

28. Jablonowski A. Polska XУ1 w. pod wzgledem historyezno-statycznym. T. 9-11. Ukraina // Zlodla

dziejowe. T. 20-22. Warszawa, 1894-1897; Левобережная Украина в XУ-XУ1 вв. // Киевская старина. 1896. № 5; Zaludnienie Ukrainy. // Pisma Aleksandra Jablonowkiego. T. 1. Warszawa, 1910. S.72-197; Gospodarka polska na Zadnieprzu siewierskim // Przegląd Historie. T. X1X. Warszawa, 1915.

ИСТОРИЯ ПЕРЕПИСЕЙ НАСЕЛЕНИЯ КАЗАХСТАНА В 1920 И 1923 ГОДАХ

Балыкова Аккайын Муратовна

кандидат исторических наук, доцент Западно-Казахстанского инженерно-гуманитарного университета, Уральск., Казахстан

HISTORY OF KAZAKHSTAN IN THE CENSES YEARS 1920-1923

Balykova Akkain, Candidate of historical sciences, Associate Professor of West Kazakhstan University of Engineering and Humanities, Uralsk, Kazakhstan

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается история двух первых переписей населения Казахстана, проведенных с установлением Советской власти. Несмотря на трудности голода, большевистского террора и военного коммунизма переписи были проведены на высоком уровне с почти полным охватом населения республики.

ABSTRACT

This article discusses the history of the first two censuses of Kazakhstan held with the establishment of Soviet power. Despite the challenges of hunger, of Bolshevik terror and war communism correspondence were conducted at a high level with nearly dipole coverage of the population.

Ключевые слова: демографическая ситуация, абсолютная численность населения, этнический состав, естественный прирост, миграционное развитие.

Keywords: demographics, absolute population size, ethnic composition, natural growth, migration development.

Процесс усиления многонациональности населения и другие тенденции этнодемографического развития Казахстана получили резкий толчок в послеоктябрьский период, за годы Советской власти. Это связано с осуществлением социалистической индустриализации, сплошной коллективизации сельского хозяйства "на основе ликвидации кулачества как класса", страшным голодом тридцатых годов, других социально-экономических экспериментов, последствиями Великой Отечественной войны и освоением целинных и залежных земель. Во всех этих событиях, негативно отразившихся на демографическом развитии казахского народа, отрицательную роль сыграла этнически избирательная миграционная политика коммунистического тоталитарного режима, представлявшая собой "новую" политику, в отличие от политики царизма и капитализма в России.

Руководящего и объединяющего в единый центр государственного статистического органа в Казахстане не было вплоть до 1920 года. Несмотря на то, что 25 июля 1918 года Председателем СНК РСФСР В.И. Лениным был подписан декрет об образовании ЦСУ РСФСР, вплоть до 1920 года на территории Казахстана продолжали функционировать разрозненные по различным административно-территориальным единицам статкомитеты, которые также были переподчинены непосредственно ЦСУ РСФСР.

10 июля 1919 года декретом СНК РСФСР был учрежден Военно-революционный комитет по управлению Киргизским (Казахским) краем, куда вошли только Акмолинская, Семипалатинская, Тургайская, Уральская области и часть Астраханской губернии. В связи с этим было

образовано статистическое управление при указанном Киревкоме на правах его отдела.

Первая советская перепись населения была проведена в августе 1920 года под эгидой отдела переписей и текущей статистики Высшего Совета народного хозяйства РСФСР. Эта перепись проходила в условиях гражданской войны, большевистского террора и военного коммунизма. Из-за военных действий лишь 72% населения страны, равно как и Казахстана, были охвачены переписью. Данная перепись отмечалась рядом особенностей: во-первых, она носила характер демографическо-профессиональной, т.к. в ее программе значительное внимание было уделено профессионально-производственным вопросам; во-вторых, впервые с аналогичными переписями других государств переписной формуляр содержал вопрос не только о родном языке, но и о национальной принадлежности.

Перепись 1920 года проводилась по состоянию на 28 августа. В городах заполнение переписных формуляров производилось методом опроса в течение 7 дней, в сельских местностях - 14 дней, реже - самоисчислением. Учитывались две категории населения: наличное и постоянное.

Личный листок основного формуляра переписи кроме данных о фамилии и имени содержал 17 вопросов, которые вместе с подвопросами составили около 30 вопросов, основными из которых были: пол, возраст, национальность, родной язык, гражданство, для иностранцев - подданство, место рождения, продолжительность проживания в месте постоянного проживания, семейное состо-

яние, грамотность, уровень образования, участие в войнах 1914-1917 и 1918-1920 годов, занятость в сельском хозяйстве, другие занятия (главное и второстепенное, положение в промысле, место работы), профессия, для не имеющих занятие - источник средств существования, способен ли к труду, физические недостатки, наличие психических расстройств.

Первоначальные итоги переписи по отдельным губерниям, уездам, волостям и городским поселениям были опубликованы в пяти выпусках, изданных в 1920-1921 годах. Более полные данные по данной переписи в виде отдельного сборника были опубликованы позднее в 1928 году.

Численность населения Казахстана по переписи 1920 года составила 5 млн. 400 тысяч человек [1;8-38].

Одновременно с всеобщей переписью в сентябре-октябре 1920 года производилась сельскохозяйственная перепись с целью получения дополнительных сведений об изменениях в сельском хозяйстве, происшедших после Октябрьской революции. И эта перепись в силу указанных объективных и субъективных причин не смогла охватить всю территорию страны и, соответственно, не могла располагать полными сведениями. В переписи в основном затрагивались два раздела:

- 1) фиксация всех сельхозпредприятий: хозяйств, входящих в крестьянские общества; коммун; артелей; совхозов и прочих хозяйств;
- 2) подворная перепись, которая отмечала сельскохозяйственное население, полевые и приусадебные посеы под культурами, поголовье скота по видам, полу и возрасту, сельскохозяйственный инвентарь, промышленные и торговые заведения, промысловые и подсобные занятия населения и др [2;415].

В ходе проведения первой всеобщей советской переписи на базе территории, находившейся под управлением Кирревкома согласно декрета СНК РСФСР от 26 августа 1920 августа, была образована Киргизская (Казахская) Автономная Социалистическая Республика в составе РСФСР, столицей которой стал г. Оренбург. В связи с образованием Киргизской (Казахской) АССР ее Правительство (СНК) своим постановлением от 8 ноября 1920 года утвердило "Положение о государственной статистике в Казахской АССР", а статотдел Кирревкома был преобразован в Статистическое управление Казахской АССР и первым его управляющим был утвержден И.П.Крутилин. Согласно этому положению указанное Статуправление было определено высшим статистическим органом в Казахской АССР.

С образованием Казахской АССР удалось объединить часть этнической территории казахов и в составе этого государственного образования, в процессе которого приходилось преодолевать традиционную колонизаторскую политику царизма и русского кулачества и казачества. Так, например, сепаратисты из русскоязычного населения в составе руководств Урала и Сибири выступили против включения в состав Казахской республики Акмолинской, Семипалатинской и Уральской области, Кустанайского уезда и т.д [3; 34,70-74].

Эти вопросы неоднократно обсуждались Центральным Комитетом партии и Президиумом ВЦИК, которые поддержали усеченную территориальную целостность Казахстана, а казахскому населению в республике по декрету Каз. ЦИК в 1921 г. были возвращены территории де-

сятиверстной полосы по Иртышу и Уралу, положительно решен и "Кустанайский вопрос" [4].

На Статистическое управление Казахской АССР возлагалось общее руководство учетом и статистикой, организация общегосударственных статистических работ, утверждение планов и программ статистических обследований, ведение демографической и моральной статистики, а также статистики здравоохранения и санитарии, труда, промышленности и сельского хозяйства, распределения и потребления, выпуск ежегодников и других периодических изданий, сборников и обзоров по отдельным вопросам из экономической и социальной жизни республики. Местные органы Статуправления Казахской АССР были представлены губернскими и уездными статистическими бюро, а также добровольными корреспондентами по статистике на местах.

В начале 20-х гг. демографическая ситуация была неблагоприятной: во время неурожая и джута 1921 года часть крестьян стала стихийно переселяться в РСФСР и на Украину. ЦИК Казахской АССР обратился к крестьянскому населению республики со специальным обращением с целью сдержать отток из республики. Отметим также, что в начале 20-х годов из различных районов страны (например, из Саратовской, Астраханской губерний) в Казахстан переселилось или возвращалось не только крестьянское (русское, украинское, мордовское и др.), но и казахское население. В то же время преобладала стихийная миграция в годы восстановления экономики, миграции населения обуславливались комплексом исторических факторов: трудностями экономического порядка и ходом восстановительных процессов в первые годы нэпа, последствиями неурожая и джута 1921-1922 гг., результатами земельно-водной реформы, кочевым и полукочевым бытом значительной части казахского населения и др.

Все это требовало изучения демографической ситуации. В связи с этим статистические органы Казахстана уделяли особое внимание подготовке и проведению Всероссийских переписей населения, городской торговой переписи, изучению дела народного образования и ликвидации неграмотности среди взрослого населения, бюджетному исследованию крестьянских хозяйств, исчислению хлебных ресурсов и численности скота по возрастным группам, регистрации и изучению сельского хозяйства в его текущей, повседневной изменчивости (состояние урожайности и валового сбора зерновых и кормовых культур) обеспеченности населения хлебом, учету численности и состава рабочих, и служащих и их заработной платы, учету рыночных цен по главным торговым пунктам республики, обследованию состояния питания сельского и городского населения, подготовке и проведению Всероссийского земельного обследования 1924 года, обработке данных по естественному и механическому движению населения, составлению карт Казахстана и отдельных его регионов, диаграмм и картограмм по отдельным экономическим показателям.

15 марта 1923 года была проведена первая городская перепись населения, которая была призвана также произвести учет промышленных и торговых учреждений. Население распределено по полу, главным возрастным группам, самостоятельности и занятости. Понятно, что началом новой экономической политике необходимо было возобновить тотальный учет больших и малых пред-

приятий как государственных, так и частных коммерческих учреждений. Последние не спешили платить налоги и пополнять государственный бюджет. Эта перепись проводилась в пору укрепления Советской власти и имела полный географический охват территории СССР, в том числе Казахстана. СССР на этапе НЭПа испытывала экономическую эйфорию от представленных коммунистами свобод. В СССР бурно развивалась демография, становилась статистическая служба, в т.ч. учета населения [5;3]. Большую роль в разработке материалов этой переписи сыграл заведующий отделом демографии ЦСУ В. Михайловский.

После образования 17 июня 1923 года Центрального Статистического управления при Совете Народных Комиссаров СССР (ЦСУ СССР) на правах народного комиссариата, всю работу по программно-методологическому руководству важнейшими статистическими работами и постановке статистического учета в СССР взял в свои руки ЦСУ СССР, что положило начало ведению единого для всей страны статистического учета и отчетности на основе единых принципов, единой методологии и организации. При этом исходили из указаний командно-административной системы о том, что централизованная система учета и статистики в народном хозяйстве страны, является важнейшим рычагом государственного управления и планового руководства развитием народного хозяйства СССР,

обеспечивающим якобы строгий контроль за выполнением государственных планов и соблюдением общегосударственных интересов.

Статистические органы Казахстана выполняли возложенные центром все виды статистических работ, как текущего характера, так и исследовательского и аналитического направления. На первый план в их деятельности выдвинулись статистические исследования земли и сельского хозяйства, необходимые для решения проблемы перевода кочевников в оседлость, систематические исследования хозяйств местного населения. Эти работы зачастую выполнялись экспедиционным способом изучения объектов исследования.

Литература

1. Труды ЦСУ. Т.1. Вып.3. Предварительные итоги переписи 28 августа 1920 г. Население 58 губерний Европейской и Азиатской России. М., 1921.
2. ЦГА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 75.
3. Нусупбеков А.Н. Объединение казахских земель в Казахской Советской Социалистической республике. Алма-Ата: АН КазССР, 1953.
4. ЦГА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 141.
5. Итого Всесоюзной городской переписи 1923 года. Ч. П. Население городов Союза ССР по занятиям. Распределение городского населения по главным отраслям труда. М., 1925.

ВКЛАД КРЫМСКОТАТАРСКИХ ЖЕНЩИН В КУЛЬТУРУ И ПРОСВЕЩЕНИЕ КРЫМА В 20-Е - 40-Е ГОДЫ XX ВЕКА

Бекмамбетова Эльвина Мамутовна

Аспирантка кафедры региональной истории и специальных дисциплин исторического факультета Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, г. Симферополь

*CRIMEAN TATAR WOMEN'S CONTRIBUTION IN CULTURE AND ENLIGHTENMENT OF CRIMEA IN 20TH - 40TH OF THE 20TH CENTURY
Bekmambetova Elvina Mamutovna, Local history and special subjects department's graduate student of the Vernadsky's Crimean Federal University, City of Simferopol.*

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена поверхностно изученной в современной историографии теме - участию крымскотатарских женщин в культурной жизни Крыма с 1917 года до Великой Отечественной войны. В начале статьи автор уделяет внимание роли женщин в культурной жизни Крыма второй половины XIX - начала XX веков - периода, непосредственно предшествовавшего изучаемому, - поскольку в этот период культурная жизнь полуострова начинает претерпевать позитивные перемены - развивается театр, зарождается кинематограф, впервые пересматривается роль женщин в обществе. Все эти перемены создали предпосылки для развития культуры в 20-е - 30-е годы XX века.

Автор подробно рассматривает участие женщин в музыкальном искусстве, вышивке. Много внимания уделено жизни и творчеству знаменитых вышивальщиц Зулейхи Бекировой и Адавиэ Эфендиевой, педагогов Зулейхи Чобан-заде и Аббасовой Зейнеп.

Автор публикует и анализирует факты, полученные им из неопубликованных архивных источников, оценивает степень вовлеченности крымскотатарских женщин того времени в культурно-просветительскую жизнь полуострова.

Ключевые слова: крымские татары, женщины, эмансипация, Крымская АССР, СССР, история культуры.

SUMMARY

The article is devoted to the superficially researched subject in the modern historiography, the involvement of the Crimean Tatar women in the cultural life of Crimea from 1917 to the Great Patriotic war. In the beginning of the article author pays attention to the role of the women in the Crimean cultural life of the second half of the XIXth-beginning of the XXth centuries, - the period directly preceding the studied one, - for in this period the cultural life of the peninsula begins to undergo the positive changes - theatre is being developed, the cinema is being raised up, and the women role in the society is being

reviewed for the first time. All those changes created a background for the cultural development in 20th-30th decades of the XXth century.

The author pays attention at the women participation in music and fancywork. A lot of attention is dedicated to the life and oeuvre of the famous embroiderers, such as Zuleikha Bekirova and Adaviya Efendirova, pedagogues Zuleikha Choban-zade and Abasova Zeinep.

The author analyze the facts selected from the unpublished archives. The level of the involvement of the 20th century Crimean Tatar women is estimated in the cultural and educational life of the peninsula.

Keywords: Crimean Tatars, women emancipation, the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic, Soviet Union, cultural history.

Довоенный период истории советского Крыма - необычайно яркое и сложное время для нашего полуострова. Двадцатые годы прошлого века по праву считаются временем расцвета культурной жизни. Такие революционные начинания недавно пришедшей к власти партии большевиков, как ликвидация безграмотности, привлечение к культурной жизни широких народных масс, коренизация, фундаментально изменили облик культурной и просветительской жизни Крыма. Следующее десятилетие привело с собой ужесточение режима, репрессии против некоторых деятелей культуры, но, не смотря на это, сохранило некоторые достижения предыдущих лет, например, равенство мужчин и женщин, и, как следствие, участие последних в культурно-просветительской жизни.

После революции 1917 г. советская власть, активно проводившая политику эмансипации, принимала активные меры для включения женщин в общественно-политическую, культурную и просветительскую жизнь страны.

Крымскотатарские женщины не стояли в стороне от охвативших страну перемен. Впервые в истории они столь активно включились в общественную жизнь, и плоды их труда и творчества несомненно должны быть изучены, ибо без понимания роли крымскотатарских женщин невозможно составить полную картину тех революционных преобразований, охвативших культурно-просветительскую жизнь крымскотатарского народа и всего полуострова в данный период. Несмотря на это, в историографии эти вопросы освещены непросто слабо, что и попытается исправить автор в данной, и последующих своих работах.

Необходимость изучения процесса включения женщин в общественно-политическую и культурную жизнь обусловлена тем, что и поныне вопрос о положении женщины в обществе является темой для многочисленных дискуссий, а чтобы дать ответы на спорные вопросы и понять, как решить современные гендерные проблемы, необходимо обратиться к опыту прошлого.

Освещая роль крымскотатарских женщин в культурно-просветительской жизни необходимо отметить то, что период 20-х годов считается «золотым веком» литературы, театра, науки, образования в Крыму.

Новое дыхание крымскотатарский театр получил в последней четверти XIX века. Много фактов театральной жизни крымцев начали отображаться в газете «Терджиман» («Переводчик»).

По данным монографического исследования С. Керимовой, в 1882 году отдельной книгой на крымскотатарском языке вышла печатью лирическая драма «Бахтияр», которой было начало целой серии пьес.

Наиболее ранняя постановка на крымскотатарском языке зафиксирована газетой «Терджиман» в 1886 году. Сцена была сыграна в Бахчисарае.

Среди мужчин актеров конца XIX-начала XX столетий, можно выделить таких как Джелил Меинов, Сеит Абдулла Озенбашлы, Исмаил Леманов, Сейтжелил Хаттатов, и других. [4, С. 56-57]

В 1910 году в Крыму начал активно развиваться жанр киноискусства. Подобные кинозалы были открыты в Акмечети, Ялте, Алуште.

В 1914-1916 годах, режиссер В.К. Висковский на крымскотатарскую тему 2 раза снимал полнометражный фильм «Алим - крымский разбойник».

Очень драматическую эволюцию привлечения и развития при национальном театре прошли крымскотатарские актрисы.

Абсолютное непризнание и неуважение зрителями женщины-мусульманки на сцене в конце XIX века за короткий срок изменились.

В 1910-х годах на сцене крымскотатарского театра выступали такие актрисы, как: Айше Тайганская, Эмине Челебиева, Фатиме Ширинская, Айше Болатукова, Зоре Ширинская, Эмине Болат, Гиса Зак, Эмир-заде Асие и другие.

В 1917 году в Акмечети (Симферополе), смогли организовать отдельную женскую труппу под названием «Ешиль ада» («Зеленый остров»), где попробовать себя в роли драматургов решили А. Тайганская, и в роли режиссеров А. Болатукова и А. Тайганская [3, с. 10-11].

Известность в музыкальном искусстве крымских татар получили певицы как: Сабрие Эреджепова, Зейнеп Люманова, Эдие Топчи.

Сабрие Эреджепова родилась в Бахчисарае в семье учителя Керима Джемилева 12 июля 1912. В 1924 году, после окончания начальной школе она учится в образцовой девятилетней школе.

Впервые на сцену Сабрие выходит в 1928 г. с выступлением хора на юбилее известной актрисы Сары Байкиной. После окончания школы в 1930 г. Сабрие Эреджепова преподает в семилетней школе в деревне Тавбадрак. С 1932 г. по рекомендации ее преподавателя Варвары Карповны Ханбековой, Сабрие Эреджепова работает в Крымском радиокомитете, где поет народные песни. Она покоряет сердца слушателей и становится общеподлюбимой. В народе ее ласково называют Бульбуль сеслиль (Соловьиный голосок) [14, С. 156-157]. В 1935 г. на ялтинской киностудии снимается фильм "Запорожец за Дунаем" ("Запорожъялы Дунай артында"). Эреджепова исполняет здесь две песни: "За окном падает снег" ("Пенджерен кьар гелир") и "По принуждению". В 1936 г. Сабрие Эреджепова принимает участие в Первом всесоюзном радиофестивале в Москве. Здесь она исполняет песню "Два филина" ("Эки пугь") и "Ногайские чапушки" ("Нога бейитлери") [9, с.6]

Песня «Охотник ли ты, девушка?» записана в 1936 году от Эреджеповой Сабрие.

В 1939 г. в Москве проходит первый всесоюзный конкурс эстрады. В номинации "вокал" первое место заняла Сабие Эреджепова с песней "Я вынужден был" ("Меджбур олдым"). А в номинации "танец" первое место заняла артистка Нурие Джелялова-Джетере. Она выступила с крымскотатарским народным танцем "Тым-тым".

В 1940 г. Эреджепова удостоивается звания заслуженной артистки Крымской АССР. Она выступает на сцене Крымскотатарского театра в Симферополе.

Во время Второй мировой войны она вместе с работниками крымскотатарского театра попадает в Румынию.

В 1944 г. весь крымскотатарский народ был депортирован из Крыма. Сабие Эреджепова в конце 40-х гг. уезжает в Узбекистан к мужу и сыну. 15 сентября 1950г. она была арестована за то, что она находилась на территории вражеской страны во время войны. Ее, как врага народа, осудили на 25 лет лагерей. Лишь 12 марта 1956 г. дело в отношении нее за отсутствием состава преступления было прекращено и ее выпустили на свободу. 18 декабря 1967 г. она была реабилитирована.

В 1957 г. в Ташкенте бы основан крымскотатарский ансамбль песни и танца "Хайтарма". Сабие Эреджепову приглашают сюда солисткой.

Ансамбль был призван возродить крымскотатарскую музыкальную культуру. В 1966 г. ей присваивается почетное звание заслуженной артистки узбекской ССР. Умерла Сабие Эреджепова в Ташкенте летом 1977 г. [4, с. 158]

Также в 1936 году записана песня «Была я одна у матери», от Эдие Топчи [12, с. 48].

Зейнеп Люманова родилась 9 мая 1918 г. в с. Сарайлы-Кияк под Акмесджитом (Симферополем). Самая младшая из десяти детей в семье, она училась в Акмесджите в образцовой средней школе. Занималась в театральной студии при Крымском государственном драматическом театре. Уже в 15 лет Зейнеп пела в радиоэфире, днем учась в школе, а вечером выступая. Во время войны вместе другими артистами Зейнеп Люманова выступала в воинских частях и госпиталях. В депортацию с семьей и ребенком попала в Бекабад на Фархадстрой. В 1957 г. в Ташкенте был создан крымскотатарский ансамбль "Хайтарма", куда З. Люманову пригласили на работу. Но она не смогла воспользоваться этим предложением. С 1967 по 1971 годы работала в редакции газеты "Ленин байрагы" ("Ленинское знамя"). Наибольшую популярность принесла ей песня "Мсеверсинь, севмесинь". [14, с. 16-18]

В жанре крымскотатарской вышивки следует выделить известную вышивальщицу Зулейху Абдулхаировну Бекирову, родившуюся в 1913 году, в селе Моллалар Перекопского уезда. Ее творческий путь начался в Евпаторийской художественно-кустарной артели «Эски-Орнек» («Старинный узор»), организованной в 1930 году П.Я. Чепуриной.

Зулейха Абдулхаировна в короткий срок овладела техникой и орнаментальной композицией крымскотатарской вышивки и ткачества (1930-1932 гг.). [1, с. 281]

В марте 1932 г. правление артели командировало ее, как лучшую мастерицу на учебу в Московский художественно-промышленный техникум.

С сентября 1936 года Зулейха Бекирова работала художником по ковровой специальности в научно-исследовательском институте художественной промышленности.

Для всемирной выставки в Нью-Йорке в 1939 году, в Ашхабадской экспериментальной ковровой мастерской по эскизу, разработанной Зулейхой-ханым, был соткан ковер «Верблюды». (В настоящее время находится в музее народного искусства в Москве). [13, с. 11]

С 1939 года, она является членом Московского союза художников.

В 1940 году поступила учиться в Московский институт декоративного и прикладного искусства, по окончании которого в 1948 году, ее направили преподавать в Московский художественно-промышленный техникум им.Калинина.

В 1950-1953 годах, в период учебы в творческой аспирантуре она занималась декоративным оформлением ковровыми изделиями зрительного зала Ашхабадского драматического театра.

После ухода на пенсию основной точкой приложения творческих сил художницы стали гобелены «Весна идет», «Труд», «Озарение», «Осень», [11, с. 7].

Также известна Эфендиева Адавие – (1879-1950), мастер декоративно-прикладного искусства, крымская вышивальщица. В 1928 году приглашена Евпаторийским музеем в качестве специалиста по обучению технике крымскотатарской вышивки [5, с. 236].

В этот период следует выделить наиболее известных представительниц крымскотатарского народа, которые внесли свой вклад в дальнейшее развитие культуры и просвещения:

Аббасова Зейнеп Сеитаппазовна – (1906-1998), педагог, поэтесса, которая родилась в квартале Токьал-Джами г. Симферополя. В 20-е годы заведовала детским домом. С конца 30-х до 40-х года преподавала в 12-й и 13-й средних школах г. Симферополя. Писала стихотворения, которые опубликовались в газете «Яш кьувет» («Юная сила») и журнале «Илери» («Вперед»). В 1933 году в журнале «Къадынлык социализм елунда» («Путь женщины к социализму») была опубликована ее поэма «Той» («Свадьба»). В соавторстве подготовила ряд учебников по родному языку. В 1940 году окончила факультет крымскотатарского языка и литературы Крымского пединститута. После депортации проживала в Ферганской области. В 1989 году переехала в Крым в село Бештерек (Донское), затем жила в селе Дубки. Скончалась 14 июля 1998 года [6, с. 2]

Зулейха Чобан-заде - (1904-?), родилась в 1904 году в Карасубазаре (Белогорске), была сестрой поэта и филолога Бекира Чобан-заде. Д.П. Урсу в своей книге, посвященной жизни и деятельности поэта Бекира Чобан-заде, пишет о ней, что она окончила Симферопольское женское педагогическое училище, проработав учительницей всю жизнь. В списке «социально чуждых» учителей, уволенных в 1933 году значилась и З. Чобан-заде, с мотивацией «не отказавшаяся на деле от своих национальных убеждений». Уволена была из городской школы №9. После ареста Бекира Чобан-заде, в 1937 году на нее поступил донос, был произведен обыск, при котором был обнаружен учебник по грамматике на арабском шрифте, автором которого являлся ее брат. Вскоре она была уволена. [12, с. 172]

Мулина Райме Сафаевна – (1905-1980), ученый, языковед, педагог. Семья Мулиной проживала в г. Симферополе. Отец занимался кустарным производством. По окончании, в 1927 г. Крымского государственного пединститута и аспирантуры она занимала должность преподавателя крымскотатарского языка и методики. Характеризовалась руководством вуза как добросовестный и перспективный научный работник. [2, с. 21]

Умерова Хатидже – (1900-?), народная сказительница.

Из вышесказанного можно сделать следующий вывод: в период между революцией и Великой Отечественной войной крымскотатарские женщины действительно активно принимали участие во многих сферах культурно-просветительской жизни крымского полуострова, о чем говорят приведенные в данной статье факты. Эта статья лишь в общих чертах освещает след, оставленный женщинами - крымскими татарками культуре Крыма. Данная тема лишь поверхностно затронута в историографии, источники, освещающие её, малочисленны, факты приходится собирать по крупицам. Но не смотря на это многие данные ждут своего обнаружения, изучения и публикации.

Литература

1. Акчюрина-Муфтиева Декоративно-прикладное искусство крымских татар XV - первой половины XX вв. (Этапы развития, типология, стилистика, художественные особенности). Симферополь: ОАО "Симфероп. гор. тип.", 2008. 392 с.
2. Змерзлый Б. Политические репрессии среди крымскотатарских преподавателей Крымского государственного педагогического института им. М.В.

Фрунзе / Б.В. Змерзлый // Культура народов Причерноморья. — 2004. — N49, Т.2. — С. 20-23

3. Керимова С., Заатов И., Велиева А. Крымскотатарский национальный театр. Симферополь: 2003. 264 с.
4. Керимова С. Страницы истории крымскотатарского довоенного театра и драматургии / С. Керимова // Симферополь: Доля, 2002. - 192 с.
5. Урсу Д.П. Бекир Чобан-заде. Жизнь. Судьба. Эпоха: научное издание. Симферополь: Крымучпедгиз, 2004. – С. 172-173.
6. Урсу Д.П. Деятели крымскотатарской культуры: Библиографический словарь. Симферополь: 240 с.
7. Усеинова Г. Голос нежный, словно тающий / Г. Усеинова // Искусство и культура. 13 июня. - 2008. - С. 16-18.
8. Усеинова Г. Есть только миг между прошлым и будущим // Голос Крыма. 1998. 26 июня. С.2.
9. Усеинова Г. Не властно время над песней / Г. Усеинова // Голос Крыма. - 18 июля 1997. - С. 6
10. Черкесова Э. Декоративно-прикладное искусство крымских татар. Библиографический указатель. Симферополь: 2009.
11. Чурлу М. Яркий стиль крымских вышивок // Голос Крыма. 2005. 4 ноября. С.7.
12. Шерфеддинов Я.Я., Омер-оджа. Звуки хайтарма. Ташкент: 1990.
13. Эминова С. Золотых рук творенье. Зулейха Бекирова и крымскотатарская вышивка (гобелены, керамика, ткани): Буклет. Симферополь: Крымскотатарский фонд Культуры, 2001.
14. Эмирусейнова З. Сабие Эреджепова / З. Эмирусейнова // Очерки истории и культуры крымских татар. - Симферополь: Крымучпедгиз, 2005. - с. 156 - 158.

РЕФОРМИРОВАНИЕ БИБЛИОТЕЧНОГО ДЕЛА В УДМУРТСКОЙ АССР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1970-Х ГГ.

Бородулина Светлана Федоровна

*кандидат исторических наук, доцент, ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»,
Ижевск*

LIBRARY REFORMS IN UDMURTIA IN THE SECOND HALF OF THE 1970S.

Borodulina Svetlana Fedorovna, candidate of history sciences, assistant professor, Udmurt State University, Izhevsk

АННОТАЦИЯ

Целью статьи является рассмотрение реорганизации библиотечного дела в Удмуртии во второй половине 1970-х гг. Автор, применяя сравнительно-исторический метод исследования, описывает специфику объединения отдельных небольших библиотек в крупные централизованные системы. Показывает преимущества и недостатки процесса укрупнения библиотек, произошедшие изменения в практике библиотечных услуг и материально-технической базе библиотек Удмуртской АССР.

ABSTRACT

The aim of the article is to consider the reorganization of libraries in Udmurtia in the second half of the 1970s. Using the comparative-historical method of research, the author describes the specifics of combining separate small libraries into large centralized systems and shows the advantages and disadvantages of this process, changes in library services and library management in Udmurtia.

*Ключевые слова: история книжного дела, Удмуртия, библиотеки, централизованная библиотечная система.
Keywords: History of books, Udmurtia, libraries, centralized library system.*

Реформирование книжного дела в СССР проводилось неоднократно. Периодически происходило совершенствование библиотечной сети. Во второй половине 1970-х гг. прошел очередной этап реорганизации библиотек. Постановлением ЦК КПСС от 22 ноября 1974 г. «О повышении роли библиотек в коммунистическом воспитании трудящихся и научно-техническом прогрессе» была намечена развернутая программа совершенствования библиотечного дела в стране, целью которой было объединение отдельных небольших библиотек в крупные централизованные системы. В 1974 г. в Удмуртии на основе опыта Свердловской области была создана первая централизованная система библиотек (ЦСБ) в Глазовском районе, в 1975 году такие системы появились в Киясовском, Игринском, Камбарском районах и в городе Глазове [3]. Таким образом, в УАССР началась повсеместная централизация библиотечной сети.

Структурная реорганизация библиотек на первом этапе была завершена до 1976 г. В 1977 г. в Удмуртской АССР уже имелось 9 районных и 2 городские библиотечные системы, в условиях централизации работали 156 массовых библиотек (30% их общего количества). Многие небольшие библиотеки были объединены, в районных библиотеках появились новые отделы. Внимание акцентировалось не на расширении сети библиотек, а на повышении качества и эффективности их работы. Во всех районных библиотечных системах значительно возросло число читателей, в том числе в Игринской, Камбарской, Глазовской, Киясовской средний прирост читателей составил 13%, что в два раза выше, чем в остальных районах республики. Увеличилась выдача литературы: за три года работы в новых условиях в Глазовском районе она возросла на 24%, в Киясовском за два года – на 11%, в Игринском и Камбарском – на 10%, Глазовском – на 7% [3].

Особую значимость централизация имела для сельских библиотек. В 1977 г., в сельской местности Удмуртии работало 480 массовых библиотек и 1200 библиотек-передвижек, услугами которых пользовалось 58% сельских жителей. На одну тысячу сельских жителей приходилась одна массовая библиотека. За год сельский читатель в среднем знакомился с 19 книгами (учитываются книги, взятые в библиотеке). В ряде районов республики этот показатель равнялся 23-24 книгам. Централизация дала больше возможностей для организации на предприятиях, в удаленных от библиотек населенных пунктах передвижной сети. После объединения в пяти первых централизованных системах республики увеличилось количество библиотек-передвижек с 366 в 1974 году до 407 в 1976 году; в т.ч., в Глазовском районе – на 26, Игринском – на 8, Камбарском – на 7. В Глазовском и Игринском районах, впервые в республике, появились библиобусы или автобиблиотеки. По специальному графику они объезжали небольшие деревни районов, библиотекари организовывали книжные выставки, проводили беседы, обзоры литературы, обменивали книги. Количество читающих возросло с 19128 до 20900 человек.

Проведение централизации потребовало участия в ней квалифицированных библиотекарей. До централизации в пяти действующих системах работало 82 специалиста, в 1977 г. их стало 98. К 1980 году в библиотеках Удмуртии работало 60% специалистов с высшим и средним образованием, а в Киясовской и Граховской ЦСБ их число составляло 91%, в Селтах – 76, в Уве – 74% [2; 3; 6].

Реформировалась также сеть профсоюзных библиотек республики. С 1976 г. библиотека Дворца культуры объединения «Ижмаш» функционировала как республиканская базовая библиотека Удмуртского областного совета профсоюзов. С 1978 г. она стала учебным центром подготовки работников профсоюзных библиотек республики в условиях централизации. Первая централизованная система профсоюзных библиотек была создана в Можге. Профсоюзная библиотека завода «Дубитель» объединила 6 библиотек и один пункт выдачи литературы. В Камбарке, в ЦСБ вошло две библиотеки, в Сарапуле – 8, в Ижевске – 18 и т.д. [4; 5].

В 1980 году оформились ЦСБ в Игре, Камбарке, Сюзьях, Уве. Около 60 мелких профсоюзных библиотек в сельской местности Удмуртии были переданы в сеть государственных библиотечных систем. Были намечены планы по межведомственной централизации массовых государственных и профсоюзных библиотек в городах Можге, Воткинске, Камбарке, Сарапуле.

В связи с процессом централизации перед библиотеками была поставлена задача: подготовить книжные фонды и каталоги для централизованного обслуживания читателей. В течение 1978 года шла очистка книжных фондов от ветхой, устаревшей по содержанию, непрофильной литературы, создавались вновь или редактировались алфавитные каталоги. В результате значительно улучшился состав фондов, использование их читателями, а средняя обращаемость выросла с 1,6 раза до 2-х. Комплектование фондов всех централизованных библиотек велось на основании планов, с учетом экономического и культурного профиля зоны обслуживания каждого филиала. Средства на приобретение литературы стали распределять между библиотеками в зависимости от числа читателей и обеспеченности их книгами. В Киясовской ЦСБ в полтора раза увеличилось за два года поступление новой литературы, значительно больше книг стало поступать в Глазовскую районную библиотеку.

Улучшилось информационно-библиографическое обслуживание читателей. Стали применяться такие формы и методы работы, как создание сводных каталогов и картотек, выпуск информационных бюллетеней о новых поступлениях, организация системы индивидуальной и коллективной информации читателей. Библиотеки в условиях централизации объединили свои усилия в подготовке и совместном проведении крупных массовых мероприятий, оформления наглядной агитации, производственной литературы в помощь специалистам.

В ходе централизации выявились отрицательные моменты в работе библиотек. В ряде районов (Завьяловском, Дебесском, Каракулинском и др.) долгое время не решался вопрос о предоставлении дополнительных площадей районным библиотекам для вновь открываемых отделов комплектования литературы, книгохранения и методико-библиографического отдела. Большинство библиотечных систем на момент централизации не располагали необходимой множительной техникой и поэтому не могли организовать регулярный выпуск информационных бюллетеней и методических материалов. Не было авто-транспорта и телефонной связи с главными библиотеками. Не улучшились такие важные показатели работы, как средняя посещаемость библиотек и средняя читаемость. Только в Глазовской районной и городской ЦСБ были созданы сводные каталоги, полностью отражающие

фонды всех входящих в них библиотек, в других эта работа велась медленно. Неудовлетворительно был развит внутрисистемный книгообмен, как правило, по заявкам внутри системы выдавалось в год от нескольких десятков до двухсот-трехсот книг.

Централизацию библиотек республики первоначально планировалось завершить в 1979 году, но работа по реорганизации библиотек продолжилась в последующие годы. В Воткинске и Можге были созданы единые системы, включающие все государственные городские и районные библиотеки, в Ижевске – две централизованные системы городских и детских библиотек, организованы межведомственные ЦСБ [2; 3].

К началу централизации в Удмуртии имелась только Глазовская районная централизованная система библиотек. К 1981 году районных ЦСБ было 44, они объединяли 540 государственных и 59 профсоюзных массовых библиотек. Полностью была завершена централизация библиотек Министерства культуры УАССР.

В результате проведения централизации улучшилось использование книжных фондов, возросла их обращаемость. В 1975 году один читатель в среднем брал в библиотеке 20 книг, то за 1980 год более 22. Почти на одну треть возросла книговыдача. В 1981 г. 685 массовых библиотек Удмуртии обслуживали около 56% населения республики, это почти на 10% больше, чем в 1975 году.

Значительно укрепилась материальная база. За первые три года реформирования библиотечной сети в республике было построено 57 библиотек, дополнительные помещения получили 7 из 11 районных библиотек, возглавивших ЦСБ, в удобное помещение переехала Красногорская районная библиотека. К 1981 г., только в системе Министерства культуры новые помещения получили 4 районные, 13 детских и 86 сельских библиотек-филиалов. Были построены первые в республике типовые здания центральных районных библиотек в поселке Ува и городе Воткинске. Хорошие помещения получили в Ижевске республиканская библиотека для слепых, ряд городских и детских библиотек. Библиотечные системы получили технические средства – ротаторы, электро-фотокопировальные установки, пишущие машинки, библиобусы [5].

В 1980 году число читателей увеличилось более чем на 28 тыс. и составило 79,2% населения республики. Средняя читаемость на одного читателя в 1980 году составила более 22 книг. По отдельным библиотечным системам она намного выше: так, в Каракулинском этот показатель равен – 27,7; Вавожском – 26; Можгинской – 24,7.

Обращаемость книжного фонда республики выросла с 1,7 в 1979 году до 1,9 раза в 1980 году, а в библиотеках Глазова она составила 2,9, Ижевска – 2,4, Малой Пурги – 2,2, Алнашей и Камбарки – 2 раза.

В 1980 г. сеть передвижных библиотек составила 2797 единиц, что на 143 больше, чем в 1979. В 1981 г. 22,6% читателей обращалось за книгой непосредственно в передвижные библиотеки [1].

Реформирование (централизация) библиотечной системы Удмуртии осуществлялось в два этапа. Начальный этап происходил в 1974-1975 гг., и имел локальный характер, охватив несколько районов УАССР. На втором этапе, в 1976-1980 гг., реформирование библиотечной сети началось во всех районах и городах республики. В процессе проведения централизации присутствовал ряд негативных моментов, однако это не повлияло на конечные положительные результаты реформирования. В целом, повысилось качество комплектования фондов, улучшилась материально-техническая база библиотек, увеличилось время библиотекаря для индивидуальной работы с читателями, укрепился кадровый состав, на более качественный уровень вышла методическая работа и информационно-библиографическое обслуживание читателей.

Список литературы

1. Ватлин В. Библиотеки республики в новой пятилетке // Удмуртская правда – 1981, 6 мая.
2. Ватлин В. Книгу – в массы // Удмуртская правда – 1977, 28 декабря.
3. Ватлин В. Централизация библиотек: итоги трех лет // Удмуртская правда – 1977, 21 сентября.
4. Ложкина Г. Для читателей // Удмуртская правда – 1977, 18 марта.
5. Ложкина Г. Курс на централизацию // Удмуртская правда – 1978, 18 января.
6. Трефилова Н. Пропагандисты книги // Удмуртская правда – 1981, 14 июня.

КНИЖНОЕ ДЕЛО МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВВ.

Гончарук Инна Алексеевна

аспирант кафедры отечественной истории и архивоведения, Гуманитарной школы, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток

BOOK PUBLISHING MAGADAN REGION AT THE TURN OF XXI CENTURIES

Goncharuk Inna, Far Eastern Federal University, graduate student of Russian history and archival science, School of Humanities, Vladivostok

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена истории магаданского книгоиздания на примере крупнейших издательств области (Магаданское областное книжное издательство, «Кордис», «Гоби», «Магаданская областная типография»). Рассматривается деятельность ведомственных издающих организаций, производится анализ Хронологического каталога

местных изданий Магаданской областной универсальной научной библиотеки, а также тематики книжной продукции, выпускаемой на рубеже XX–XXI в. в Магаданской области. Определяются основные тенденции регионального книжного дела, в частности, наличие большого числа продолжающихся и серийных изданий.

ABSTRACT

The article is devoted to the history of book publishing in the Magadan example of the largest publishing houses region (Magadan Regional Publishing House, "Cordis", "Gobi", "Magadan Oblast Printing House"). We consider the activities of departmental publishing organizations, analyzed the chronological catalog of local editions in Magadan Oblast Universal Scientific Library, as well as subjects of books, produced at the turn of the twenty-first century. in the Magadan region. Identifies the key trends of the regional book business, in particular, the large number of ongoing and serials.

Ключевые слова: Дальний Восток; Магаданская область; книги; издатели.

Keywords: Far East; Magadan region; books; publishers.

С момента начала реформ в сфере книжного дела 20 ноября 1986 г., когда Госкомиздат России утвердил решение «О расширении прав и самостоятельности издательств, и совершенствовании тематического планирования», региональное книгоиздание имело лучшие показатели, чем общероссийское: общее число названий по России выросло на 187%, тиражи сократились на 61% (в 2,5 раза), тогда как в регионах число названий увеличилось в 2,8 раза, а тиражи уменьшились на 40% [13]. В 1980-е – начале 1990-х гг. в динамике регионального книгоиздания отмечалась тенденция роста тиражей. В период с 1985 по 1991 гг. прирост тиражей составил 60%, в 1,5 раза увеличился и объем книг в печатных листах-оттисках. Книжная продукция росла даже в кризисных условиях 1989–1991 гг. Например, на Дальнем Востоке в Приморском полиграфкомбинате в 1990 г. рост тиражей по книгам составил 68 тыс. экз., а по брошюрам 60 тыс. экз. [10]. В 2000 г. только на территории Приморского края насчитывалось свыше 50 издательств, а уже к 2002 г. их количество достигло 100 [12].

В 2005 г., по данным Российской книжной палаты, в России насчитывалось более 2200 региональных издательств, что составляло 40% всех издательств страны. В совокупности они выпускали более 28 тыс. названий книг (31% от общего числа) общим тиражом примерно 60 млн экз. (8,7%). В составе издательской продукции данные цифры показывают весомость вклада регионов в отечественное книгоиздание [2]. Но всё же, несмотря на положительную динамику в регионах, федеральные округа и по совокупному тиражу, и по числу названий значительно уступают показателям центральных издательств. Выпускаемая более 30% в год новых книг по наименованиям, все региональное книгоиздание занимает менее 10% в годовом общем тираже по экземплярам [9]. Всего в 2005 г. в стране было выпущено 95 498 названий книг и брошюр общим тиражом 669,4 млн экз., из них в Дальневосточном регионе вышло 1474 названия общим тиражом 1036,5 тыс. экз. Внутри Дальневосточного региона по росту и количеству издательств с 2001–2005 гг. позиции распределились следующим образом: лидером по выпуску книжной продукции являются Приморский и Хабаровский края, а также Республика Саха (Якутия), в которых выпускаются 85% всех книг, ежегодно издаваемых на Дальнем Востоке, причем Приморский край находится на 1-м месте по количеству названий (28%), а Республика Саха (Якутия) – по тиражу (37%); затем идут Сахалинская, Магаданская, Камчатская и Амурская области, замыкает список ЕАО и Чукотский автономный округ [11] выпускающие в сумме оставшиеся 15% всех изданий региона.

В 2008 г. на Дальнем Востоке произошел спад по количеству книг и брошюр: 1699 наименований тиражом

1087,7 тыс. экз. в 2008 г. против 1922 названий (удельный вес 1,8%) тиражом 1207 тыс. экз. (удельный вес 0,18%) в 2007 г. [5]. (табл. 1 и 2), однако ситуация в отдельных субъектах Дальневосточного региона складывается неоднозначная. В частности, книжный рынок Магаданской области характеризуется иными тенденциями, в том числе в связи с ликвидацией в начале 1990-х гг. Магаданского областного книжного издательства.

Магаданское областное книжное издательство было создано 1 июля 1954 г. на базе издательства «Советская Колыма», образованного в 1936 г. и печатавшего в год более 100 наименований книги и брошюр различной тематики. В 1990-е гг. в связи с новой социально-экономической ситуацией книжное издательство стало испытывать финансовые трудности, количество выпускаемых книг сократилось, в результате в 2002 г. Магаданское книжное издательство – единственное государственное книгоиздающее предприятие в области – прекратило свое существование, а созданное издательское предприятие ООО «Кордис» за три года выпустило всего около 50 наименований книг [16].

ООО «Кордис» зарегистрировано в Магадане в 1997 г. Издательство специализируется на выпуске научной и справочной, а также научно-популярной литературы. В издательстве выходят «Ученые записки кафедры психологии СМУ» под редакцией В.П. Серкина, автора прозаического произведения «Хохот Шамана». Издательство также выпускает учебную литературу для школьников (в 2000 г. – «Хрестоматия по литературе народов Крайнего Северо-востока России» для 6-го класса; в 2002 г. при поддержке Комитета природных ресурсов – учебное пособие для учащихся 8–9-х классов «География Магаданской области. Природа», получившее диплом выставки-ярмарки «Печатный двор-2002» в номинации «Учебная детская литература»). Однако основная продукция издательства «Кордис» – научно-техническая литература (справочное издание «Техника и технология обогащения россыпей золота», книга «Хроника горнодобывающей промышленности Магаданской области», приуроченная к 50-летию Магаданской области) [15].

Издательство «Кордис» имеет собственную полиграфическую базу – участок оперативной полиграфии, который в совокупности с редакционно-издательским комплексом позволяет печатать несложные издания, а при необходимости полноцветной печати издательство привлекает субподрядчиков из Магаданской областной типографии, существующей с 1996 г. как ОАО «Магаданская областная типография» (МАОБТИ). Типография имеет переплетно-брошюровочное производство и весь технологический цикл для издания книг, и потому является монополистом на книжном рынке Магаданской области.

Другое магаданское издательство – «Гоби» – получило лицензию на издательскую деятельность (ЛР № 060271) Министерства печати и массовой информации РСФСР 8 октября 1991 г. Тема репрессий оказалась одной из ведущих в деятельности издательства, но в региональном плане, и первая книга открывала серию «Особый остров» (общий объем изданий в 1992 г. должен был составить 92 физических печатных листа, тираж – 180 тыс. экз., стоимость полиграфических работ – 667,5 тыс. руб.) [3]. Когда «Гоби» перестало существовать, четвертая книга («Под ржавыми звездами») серии вышла только в 1994 г.; в 2001 г. вышло сразу 2 ее выпуска: «Колымское триединство» (за счет фонда «Омолон») и «Люди, годы, Колыма» (за счет средств ОАО «Магаданская группа»); в 2002 г. вышел сборник «Дело о литературном салоне» (за счет благотворительного фонда «Омолон»: всего за годы деятельности фонда на финансирование издания книг израсходовано около 500 тыс. руб. [6]).

Кроме указанных выше издательских предприятий («Кордис», «МАОБТИ») над созданием отраслевой литературы продолжают работать ведомственные издающие организации: Всесоюзный (ныне Восточный) НИИ золота и редких металлов, объединение (ныне ОАО) «Северовостокзолото»; Северо-Восточное территориальное геологическое управление; Магаданский зональный НИИ сельского хозяйства Северо-Востока; Магаданский филиал Тихоокеанского НИИ рыбного хозяйства и океанографии (ныне МагаданНИРО). Они выпускают производственную и научную литературу, посвященную исследованиям в области горного дела и геологии, сельского и рыбного хозяйства, тогда как фундаментальные научные исследования – прерогатива Северо-Восточного комплекса НИИ ДВО РАН, Института биологических проблем Севера, Международного научно-исследовательского центра «Арктика». Учебным книгоизданием в Магадане занимается Институт повышения квалификации педагогических кадров и Северный международный университета (ранее Институт усовершенствования учителей и Магаданский государственный педагогический институт); методическую литературу готовят специалисты Областного центра народного творчества и досуга; магаданские библиотеки выпускают краеведческие библиографические пособия. Потребности местных вузов обеспечиваются РИО СМУ, СВКНИИ, СВНЦ ДВО РАН. Однако основную массу литературы выпускают издательство «Кордис» и ОАО «МАОБТИ», которые издают книги по заказам. Основной поставщик книг в Магаданскую область – ОАО «Магаданская группа», главные критерии при этом – рентабельность и читательский спрос.

Под эгидой Управления природных ресурсов выходит в свет «Государственный доклад о состоянии окружающей природной среды в Магаданской области», получивший второе место в номинации «Экологическое издание» на конкурсе выставки «Печатный двор-2002»; с 1999 г. при поддержке объединения «Северовостокзолото» выходит старейший на Северо-востоке производственно-технический журнал «Колыма», отмеченный дипломом выставки как лучшее краеведческое издание [3], основанный в 1936 г. и представляющий собой летопись промышленного и культурного освоения северо-восточных окраин России, который издательство «Кордис» выпустило в 2005 г. с целью привлечь внимание представителей гуманитарного научного знания к изучению проблем

прошлого и настоящего северного региона [8]. В основном же в Магаданской области на сегодняшний день практически отсутствуют периодические или продолжающиеся издания, объединенные по тематическому признаку, в которых ученые могли бы публиковать материалы своих исследований [1; 4].

Представление об общих тенденциях в регионе дает анализ Хронологического каталога местных изданий Магаданской областной универсальной научной библиотеки, который содержит более 6,5 тыс. карточек (1936–2003 гг.) и позволяет изучить тенденции книгоиздания на Колыме и Чукотке (до 1993 г. в нем собиралась информация и об изданиях, выходивших в Чукотском автономной округе). Так, 1-е место занимает производственно-практическая литература (18,8% от всей массы литературы, отраженной в каталоге) – это рассказы о передовиках производства, практические советы по внедрению новых технологий. Пик подобных изданий приходится на 1950–1960-е гг. (34,2%), затем неуклонно снижается: в 1990–2000 гг. – менее 3%; спад также происходит в издании нормативной литературы (от 12,4% в 1940-е гг. до 0,7% в 2000-е). На 2-м месте – научная литература (17%) – стабильно издаваемые труды и монографии сотрудников ВНИИ-1, СВКНИИ, ИБПС, МЗНИИСХ СВ, МОТИПРО, МНИЦ «Арктика». Здесь с 1940-х гг. до настоящего времени – неуклонный рост выпуска именно научной литературы (от 11,5% в 1950-е до 29% за 2000–2002 гг.). Подобный рост замечен также и в издании учебной (6% от всего массива карточек, от 2,3% в 1950-е гг. до 20,6% в 2000-е), рекламной (0,9%, от 0,45% в 1960-е гг. до 2,6% в 2000-е), справочной (3,6%, от 1,6 в 1960-е гг. до 8,8% в 2000-е) литературы. 3-е место по количеству изданий (13,6%) занимают литературно-художественные издания – произведения советских писателей, литература по культуре и искусству, сборники в помощь художественной самодеятельности (по годам выпуск стабилен – в пределах 10–15%); краеведческие издания составляют 61,9% (по годам – от 50 до 70%). Незначительный процент составляют издания для детей и юношества (2,4%), для проведения досуга (1,2%), нотные (0,4%) и издания (0,6%) [14].

Таким образом, данные, полученные из Хронологического каталога, отражают основные тенденции книгоиздания на территории Магаданской области. Одна из наиболее показательных тенденций областного книгоиздания – наличие большого числа продолжающихся и серийных изданий, выходящих на протяжении не одного десятилетия («На Севере Дальнем», «Краеведческие записки» областного музея, бюллетень «Магаданский оленевод» и др.). Ассортимент и тематику книжной продукции в Магаданской области, как правило, определяют издающие организации, в то время как выпуск универсального ассортимента литературы осуществлялся ранее издательством «Советская Колыма» и Магаданским книжным издательством, с ликвидацией которого исчезла и региональная концепция книгоиздания. В 2002 г. в рамках Инновационного проекта развития образования был создан Региональный информационный центр образовательной статистики и учебного книгоиздания [7], задача которого – совершенствование системы заказов на учебную и учебно-методическую литературу, что в условиях Магаданской области будет содействовать процессу модернизации образования и способствовать развитию местного книжного рынка.

Литература

1. Антонов Е.П. Рецензия на сб. «Колымский гуманитарный альманах». Вып. 1 // Якутский архив. – 2007. – № 1. – С. 125–127.
2. Антонова С.Г. Формирование репертуара регионального издательства // Пути развития и повышения конкурентоспособности современного издательского дела в регионах России. Научно-практическая конференция: Казань, 2006: Тезисы докладов / отв. за вып. В.К. Солоненко. – М.: ОАО «НИЦ «Экономика», 2006. – С. 3–5.
3. Бирюков А.М. Гоби – первое частное издательство в Магадане // Книжная культура Магаданской области: история, проблемы и перспективы: Материалы Первой межрегион. науч.-практ. конф., 16–18 апр. 2003 г., г. Магадан / отв. ред. О.А. Толоконцева. – Магадан: Кордис, 2003. – С. 120–123.
4. Ващук А.С., Чернолуцкая Е.Н., Поповичева Ю.Н. Размышления над Колымским сборником // Россия и АТР. – 2007. – № 2. – С. 161–167.
5. Всё выше и выше. Рекордные статистические показатели российского книгоиздания в 2008 году // Кн. обозрение. – Pro 4. – 2007. – № 302.
6. Еншаков Э.В. Деятельность благотворительного фонда «Омолон» по поддержке местного книгоиздания // Книжная культура Магаданской области: история, проблемы и перспективы: Материалы Первой межрегион. науч.-практ. конф., 16–18 апр. 2003 г., г. Магадан / отв. ред. О.А. Толоконцева. – Магадан: Кордис, 2003. – С. 54–56.
7. Каранова В.В. Региональный информационный центр на базе Института повышения квалификации педагогических кадров как единая база учебного книгоиздания и книгообеспечения // Книжная культура Магаданской области: история, проблемы и перспективы: Материалы Первой межрегион. науч.-практ. конф., 16–18 апр. 2003 г., г. Магадан / отв. ред. О.А. Толоконцева. – Магадан: Кордис, 2003.
8. Колымский гуманитарный альманах. – Магадан: Кордис, 2005. – Вып. 1. – 168 с.
9. Лямин Г.А. Региональное распространение для региональных издателей // Пути развития и повышения конкурентоспособности современного издательского дела в регионах России. Научно-практическая конференция: Казань, 2006: тез. докл. / отв. за вып. В.К. Солоненко. – М.: ОАО «НИЦ «Экономика», 2006.
10. Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока: в 5 т. / Гос. публич. науч.-техн. б-ка Сиб. отд-ния Рос. акад. наук; отв. ред. С.А. Пайчадзе. – Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2000.
11. Печать Российской Федерации в 2001–2005 гг.: стат. сб. – М., 2002–2006.
12. Прудкогляд Т.В. Издательства и библиотеки: пути сотрудничества // Книга. Читатель. Культура: Материалы второй регион. научно-практ. конф. / отв. ред. О.П. Еланцева. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2004. – С. 176–178.
13. Региональное книгоиздание в России: Аналитический обзор / отв. за вып. В.К. Солоненко. – М.: ОАО «НИЦ «Экономика», 2006.
14. Симонова С.И. Тенденции книгоиздания в Магаданской области: анализ хронологического каталога книг, изданных на территории Магаданской области, в областной универсальной научной библиотеке им. А.С. Пушкина // Книжная культура Магаданской области: история, проблемы и перспективы: Материалы Первой межрегион. науч.-практ. конф., 16–18 апр. 2003 г., г. Магадан / отв. ред. О.А. Толоконцева. – Магадан: Кордис, 2003. – С. 83–88.
15. Склеинис С.А. Издательство «Кордис»: от рукописи – к книге // Книжная культура Магаданской области: история, проблемы и перспективы: Материалы Первой межрегион. науч.-практ. конф., 16–18 апр. 2003 г., г. Магадан / отв. ред. О.А. Толоконцева. – Магадан: Кордис, 2003. – С. 123–128.
16. Склеинис С.А. Книжная культура Магаданской области: издательский аспект // Книжная культура Магаданской области: история, проблемы и перспективы: Материалы Первой межрегион. науч.-практ. конф., 16–18 апр. 2003 г., г. Магадан / отв. ред. О.А. Толоконцева. – Магадан: Кордис, 2003. – С. 45–54.

КРАТКИЙ АНАЛИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КРЕПОСТНОГО И ПОЛЕВОГО ОТДЕЛА ОФИЦЕРСКОЙ АРТИЛЛЕРИЙСКОЙ ШКОЛЫ

Дьяков Сергей Иванович

Канд. пед. наук, начальник УК (К)

Пилявец Григорий Алексеевич

Начальник факультета ППК

Добряк Сергей Юрьевич

Канд. псих. наук, доцент, доцент каф. гум. и соц.-экон. дисц.

Кисин Константин Алексеевич

Канд. пед. наук, доцент, доцент каф. гум. и соц.-экон. Дисц., Михайловская военная артиллерийская академия, г. Санкт-Петербург

АННОТАЦИЯ

В данной статье проводится анализ деятельности полевого и крепостного отдела офицерской артиллерийской школы за все время ее существования. Кратко рассказано о назначении отделов школы, а также о существовавших предметах обучения и проводимых исследований.

ABSTRACT

This article analyses the activity field and the castle of the division artillery officer school for all time of its existence. Briefly explained the purpose of the departments of the school, as well as about the existence of the objects of study and research.

Ключевые слова: офицерская артиллерийская школа; крепостной отдел, полевой отдел; испытания.

Keywords: artillery officer school; serf Department, field Department; testing.

Одним из лучших достижений богатого военно-исторического наследия русской армии является создание эффективной системы подготовки командных кадров для артиллерии.

Созданная во второй половине XIX в. отечественная система переподготовки и повышения квалификации офицерских кадров со средним специальным образованием, явилась прототипом аналогичной системы РККА в 20-30-е годы. Позднее она трансформировалась в Центральные и окружные курсы повышения квалификации офицерского состава. На данный момент после ликвидации Центральных артиллерийских курсов, переподготовка и повышение квалификации офицеров различных категорий осуществляется на факультете переподготовки и повышения квалификации Михайловской военной артиллерийской академии.

В связи с этим опыт деятельности офицерских школ и курсов дореволюционной России может быть полезен и в целях совершенствования ныне существующей системы подготовки и переподготовки командных кадров для ракетных войск и артиллерии ВС РФ.

В Офицерской артиллерийской школе вначале существовал только один отдел - полевой артиллерии. С учетом блестящих результатов, показанных школой по результатам ежегодных проверок с 1882 г., а также потребностей войск, в 1890 г. был открыт новый отдел - крепостной артиллерии. Он имел задачей готовить старших офицеров к самостоятельному ведению стрельбы с крепостных верхов при обороне крепостей [5].

Набор слушателей в Артиллерийскую школу первоначально составлял 35 человек в год. В это учебное заведение направлялись офицеры из числа капитанов пешей и конной артиллерии, а также из войсковых старшин и есаулов казачьей артиллерии, являвшихся кандидатами на должности командиров батарей. Крепостной отдел, ежегодно принимал 10 офицеров из числа рекомендуемых на должности командиров крепостных батальонов [12].

Большинство выпускников Артиллерийской школы получали назначение на должности, соответствовавшие уровню их подготовки. Так, с 1882 г. по 1891 г. из 275 офицеров, поступивших на учебу в полевой отдел, успешно окончили курс 267 человек. 195 из них получили назначение командирами пеших, конных и казачьих батарей, остальные были назначены на другие должности. На крепостной отдел в 1890 г. поступили 11 человек, все окончили успешно, из них 4 сразу были назначены командирами крепостных батальонов [6].

Достойное пополнение получили войска и в дальнейшем. Например, в 1900 г. школу успешно окончили 47 человек, причём 14 капитанов стали подполковниками. Крепостной отдел в том же году окончили 11 человек, из них 1 капитан гвардии пешей артиллерии; 9 капитанов крепостной артиллерии и 1 капитан осадной артиллерии [9].

В связи с введением в организацию артиллерии системы дивизионов, в Положение об Офицерской артиллерийской школе были внесены определенные изменения. Приказом по военному ведомству №15 от 1897 г. из программы военно-учебного заведения были исключены предметы, не имевшие непосредственного отношения к стрельбе батарей и дивизионов, а именно: изучение баллистических свойств орудий и винтовок; устройство дальномеров; ознакомление с современным состоянием полевой артиллерии в иностранных армиях; курс прикладной тактики; описание некоторых исторических фактов применения артиллерии в бою; иппология. Такое решение приняла специально созданная комиссия, которая в результате своей работы пришла к выводу, что «школу нужно превратить в исключительно практическую школу стрельбы при 45 обучающихся офицерах» (без учёта крепостного отдела). Предметами обучения предлагалось назначить «исключительно стрельбу и обращение с материальной частью». Высказывалось даже предложение переместить школу в районы с более благоприятным южным климатом, которое, однако, не было реализовано. Курс обучения в полевом отделе был сокращён с семи с половиной до пяти месяцев - с 11 апреля по 10 сентября. Соответственно уменьшились и расходы на обеспечение деятельности школы.

Проводимая военная реформа в значительной степени коснулась и деятельности Артиллерийской школы. В 1907 г., по подсчетам, за одно лето каждый обучающийся в школе офицер выполнил 14 стрельб - в полтора-два раза больше, чем за всю предыдущую службу. При этом было израсходовано около 45 тыс. снарядов. На одного офицера пришлось в среднем по 325 снарядов. Но и этого считалось недостаточно. Для сравнения - во Франции в школах стрельбы расходовалось по 560 снарядов на каждого офицера. Другим образом традиционно считалась Германия, где «артиллерийское искусство было поставлено высоко» и каждый офицер проходил школу три раза: сначала - через два года после производства в офицеры, затем - при получении батареи и третий раз - при назначении на должность командира дивизиона [7]. В целях дальнейшего повышения уровня полевых занятий и учений, в школе, начиная с 1908 г., ежегодно стали прикомандировывать три артиллерийские бригады и одну конноартиллерийскую батарею, а с 1911 г. - ещё дополнительно пехотную бригаду и конницу в составе двух эскадронов [10].

Вопросы очередной реорганизации Офицерской артиллерийской школы обсуждались ещё в течение трёх лет, окончательно были сформулированы и изложены в 1912 г., а в следующем году были одобрены Николаем II и утверждены на заседании Военного Совета. Учебное заведение, поскольку увеличение численности касалось полевого отдела, полагалось теперь именовать Полевой офицерской артиллерийской школой. Крепостной отдел временно оставался в подчинении начальника школы с сохранением своего штата. Через Главное артиллерийское

управление по согласованию с Главным управлением Генерального штаба планировалось представить на очередное заседание Военного Совета предложение об установлении совместных занятий трёх школ - Артиллерийской, Стрелковой и Кавалерийской - на Сергиевском полигоне под г. Лугой с конца июля в течение двух месяцев [11].

В Артиллерийской школе обучались офицеры из Болгарии. В 1910г., среди успешно окончивших крепостной отдел школы, было 4 офицера болгарской армии. От них в адрес школы поступали письма со словами искренней признательности и благодарности. Одно из таких писем было опубликовано в очередном номере журнала «Вестник Офицерской артиллерийской школы» в 1914 г. [2].

В отделе полевой артиллерии ежегодно с 1 февраля по 10 сентября проходили подготовку 108 капитанов (кандидатов на должности командиров батарей) и 36 штаб-офицеров (кандидатов на должности командиров дивизионов и бригад). В отделе крепостной артиллерии в течение семи с половиной месяцев обучалось 20 капитанов и 5 штаб-офицеров крепостной и осадной артиллерии.

В 1914 году к занятиям в школе приступило 152 слушателя по отделу полевой артиллерии и 25 слушателей по отделу крепостной артиллерии.

Занятия велись теоретические и практические, в классах (аудиториях) и в лагере на Лужском полигоне в соответствии с утвержденными программами по всем вопросам артиллерийского дела, включая материальную часть, теорию стрельбы и тактику артиллерии, общую тактику, артиллерийскую разведку и практические стрельбы.

Старший офицерский состав полевой артиллерии, прошедший подготовку в Офицерской школе, к началу войны был хорошо подготовлен к управлению артиллерийскими частями (подразделениями) в мирное и военное время. Знание тактики и стрельбы артиллерии было основой для аттестации офицеров, оканчивающих Школу, при назначении на командные и штабные должности в артиллерии. Меньше внимания в Школе уделялось подготовке офицеров крепостной артиллерии, что сказывалось на общем уровне ее боевой подготовки, особенно в сухопутных крепостях [3, с.23].

В полевом отделе артиллерийской офицерской школы краткая программа преподавания заключалась в следующем.

Теоретическое преподавание:

- а) по артиллерии — изучение баллистических свойств полевых орудий, действия снарядов, правил стрельбы, инструкций и артиллерийских уставов;
- б) по тактике артиллерии — основные свойства артиллерии, организация и боевое применение;
- в) по общей тактике — курс прикладной тактики (причем главное внимание обращалось на употребление полевой артиллерии в бою в связи с прочими родами оружия), общие сведения по военной истории;
- г) по иппологии — приемка лошадей, ковка, содержание лошади, первая ветеринарная помощь до прибытия врача.

Практические занятия:

- а) по артиллерии и по тактике артиллерии — решение задач по таблицам стрельбы, осмотр, сборка, раз-

борка, замена поврежденных частей материальной части, подготовительные к стрельбе упражнения, полевые артиллерийские поездки с выбором позиций и путей следования к ним, упражнения в маневрировании с запряженными орудиями, практическая стрельба с маневрированием;

- б) по тактике — решение тактических задач на планах, военная игра, решение задач в поле;
- в) по топографии — чтение планов и карт, составление профилей, ориентировка и проверка планов и карт на местности;
- г) по иппологии — практикаковки, осмотр и приемка лошади [1].

Крепостной отдел офицерской артиллерийской школы имел назначением:

- 1) развитие искусства стрельбы в крепостной артиллерии, распространение в ней правильного взгляда на стрельбу при обороне крепости и установление общих однообразных правил производства стрельбы и обучения стрельбе;
- 2) теоретическую и практическую подготовку старших офицеров крепостной артиллерии к самостоятельному ведению стрельбы с крепостных верков [4].

С первых лет существования Офицерской артиллерийской школы правильность ведения в полевом и крепостном отделах школы учебного и строевого дела, постановки всех курсов преподавания, практических занятий и в особенности стрельб ежегодно проверялась генерал-инспектором артиллерии, по большей части стрельб — лично, остальных занятий — через состоящих при нем для поручений специалистов.

Успехи школы в обучении артиллерийских командиров были очевидны. Так, в 1895 г. крепостной отдел проверялся в четырех видах стрельбы: из четырех 42-линейных пушек по мишеням, изображающим атакующие войска во время осады крепости; из четырех 8-дюймовых мортир по замаскированной осадной батарее противника; из четырех 6-дюймовых пушек весом в 120 пудов по осадной батарее снарядами и шрапнелью. По всем упражнениям были показаны только «хорошие» и «отличные» результаты [8].

Знания офицеров оценивались по 12-бальной системе. Итоговый контроль осуществляла комиссия, назначенная приказом начальника Главного инженерного управления. Для перевода из младшего класса в старший экзаменовавшийся должен был получить в среднем по всем предметам не менее 7 баллов, причем по каждому из главных предметов не менее 9, а по остальным - не менее 6. Офицеры, окончившие школу, разделялись на два разряда. К первому относились получившие в среднем по всем предметам не менее 8 баллов, при этом по главным предметам не менее 9, а по остальным - не менее 7. Ко второму разряду относились те, кто имел средний балл не ниже 7: от 8 баллов по основным дисциплинам и не менее 6 по второстепенным. Кроме того, при выставлении среднего балла учитывались результаты переходного экзамена из младшего курса в старший, а также оценки, полученные в ходе практических занятий.

В 1905 г. проверка полевого отдела школы проводилась в присутствии генерал-инспектора артиллерии Великого Князя Михаила Александровича. Было произведено шесть стрельб отдельных батарей, вооруженных легкими пушками и скорострельными орудиями образца

1902 г. Вот краткие выдержки из отчёта работы комиссии: «полевые занятия построены правильно и приносят несомненную пользу; выезды на позиции произведены с требуемой скоростью; применялись новейшие способы управления батареей с расстояния: телефоны, семафорная сигнализация, цепь передатчиков; умело использовались угломеры, а в особо затруднительных случаях офицеры применяли компас или наводку по солнцу; пристрелка велась правильно и т.д.» Проверяющие отметили также наличие в школе «зрительных труб новейших систем» и их правильное использование.

Крепостной же отдел проверялся под личным руководством инспектора крепостной и осадной артиллерии генерал-лейтенанта Рейнталя. На первом этапе, проходившем 26-27 августа в крепости Либава, проверялись офицеры береговой артиллерии (7 человек, один из которых - «болгарской службы»). Второй этап проходил в крепости Осовец 12-13 сентября. Там проходили испытания офицеры сухопутной крепостной и осадной артиллерии (тоже 7 чел., из них 2 болгарина). И тем, и другим необходимо было выполнить по 6 задач стрельбы. Инспекция показала, что «все офицеры курса подготовлены теоретически и практически вполне основательно». Пожелания, высказанные членами комиссии, имели большей частью технический характер и учитывали опыт только что окончившейся русско-японской войны. Так, например, было указано на вредное влияние отблесков водной поверхности при стрельбе по морским целям и на необходимость изыскать «какие-либо меры», чтобы их устранить [1].

Значительное место в школе отводилось производству различного рода испытаний. Например, в 1913 г. были произведены испытания учебных снарядов, а также множества различных приборов: прибора для проверки прицельной линии 3-дюймовых полевых скорострельных орудий и 48-линейных гаубиц полковника Михайловского, прожектора-указателя системы Цейса, сигнального аппарата Леппинга, прицельного приспособления системы гв. полковника Соколова и др. Особое внимание, особенно накануне и в годы первой мировой войны уделялось вопросам взаимодействия артиллерии с авиацией и воздухоплавательными частями и подразделениями. Этой теме было посвящено множество работ, также опубликованных в журнале «Вестник Офицерской артиллерийской школы». Наконец, в школе создавались и некоторые изобретения для нужд войск. Как правило, они были эф-

фективны, просты и удобны в применении, как, например, круговой трансформатор поручика Серикова для определения данных для стрельбы. Однако в вопросе реализации изобретений школе порой приходилось сталкиваться с серьезными трудностями. Так, изобретенная накануне первой мировой войны артиллерийская сигнализация долго не могла «пробиться» в воинские части, где в ней так нуждались, пока учебное пособие по ней прошло многочисленные бюрократические инстанции. Недовольствием исполнена статья в очередном номере «Вестника», посвященная этому вопросу. Офицеры и руководство школы не могли понять «той канцелярской силы, которая тормозит получение этого пособия»

Анализ научной литературы нам показывает, о том, что всегда результаты итоговых проверок артиллерийской школы всегда были намного выше - стрелковой и кавалерийской школ. Этот факт подтверждает, что ракетные войска и артиллерия это интеллектуальный род войск. Офицерская артиллерийская школа сыграла большую роль не только в подготовке офицерских кадров но и в научно-исследовательской, опытно-практической, творческой деятельности на благо обороны России.

Список литературы

1. Барсуков, Е.З. Артиллерия русской армии- IV / Военное издательство Министерства ВС СССР. – Москва, 1948.
2. Вестник Офицерской артиллерийской школы. 1914, №24. С.72.
3. Бурлов И.С., Головкин И.Л. Подготовка военных кадров для артиллерии Русской армии накануне первой мировой войны. Михайловец №28. МВАА. СПб, 2014.
4. Приложение к кн. XV Свода военных постановлений 1869 г., изд. 4-е.
5. РГВИА, ф.1, оп.1, д.48507, л.150-151.
6. РГВИА, ф. 1, оп. 1, д.48507, л. 151.
7. РГВИА, ф.1, оп.1, д.49658, л. 160.
8. РГВИА, ф.1, оп.1, д.54569, л.96.
9. РГВИА, ф.1, оп.1, д.61094, л.83.
10. РГВИА, ф.1, оп.1, д.76469, л.4, 67
11. РГВИА, ф.1, оп.1, д.76469, л.4, 78
12. Стрелецкий, И.Я. Подготовка специалистов для русской армии в системе офицерских школ и курсов во второй половине XIX - начале XX вв.: дис.... канд. ист. наук / И.Я. Стрелецкий. - Москва, 2004. - 248 с.

СЛУШАНИЯ В КОНГРЕССЕ США ПО ВОПРОСУ ОБРАЗОВАНИЯ ДЕТЕЙ МЕКСИКАНСКИХ ИММИГРАНТОВ НА АМЕРИКАНСКОМ ЮГО-ЗАПАДЕ

Ионова Екатерина Николаевна

ст. преподаватель, Государственный Университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир

Тювина Евгения Алексеевна

студентка гр. Ии-112, Государственный Университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир

HEARINGS IN US CONGRESS ON THE QUESTION OF EDUCATION CHILDREN OF MEXICAN IMMIGRANTS IN THE SOUTHWESTERN PART OF THE USA

Ionova Ekaterina, Assistant Professor, State University named after Alexander and Nicolay Stoletovs, Vladimir

Tuvina Jevgenia, Student gr. ИУ-112, State University named after Alexander and Nicolay Stoletovs, Vladimir

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена рассмотрению вопроса обучения детей мексиканских иммигрантов, в том числе нелегальных, и политике руководителей школьных округов в ее разрешении.

ABSTRACT

The article is devoted to the question of education children of Mexican immigrants including illegal and the politics of school districts leading staff.

Ключевые слова: дети мексиканских иммигрантов, система образования, федеральное финансирование, двуязычное образование.

Key words: children of Mexican immigrants, system of education, federal provision, bilingual education.

Как известно Соединенные Штаты Америки являются страной иммигрантов, в основном потомков переселенцев из европейских стран. В этой связи особой ассимиляции вновь прибывшим не требовалось, поскольку это было преимущественно белое население. Современная Америка, как и ряд таких развитых стран как Франция, Великобритания, Швейцария и др. столкнулись с наплывом новой волны иммиграции, коренным образом отличающейся от прежних переселений. Сегодня большую их часть составляют люди, отличающиеся не только культурными традициями, вероисповеданием, цветом кожи, но они подчас не знают языка государства, в котором намерены проживать.

Особенностью иммиграционной составляющей современной Америки является огромный перевес латиноамериканцев и как его части мексиканцев. Испаноязычное население - самая быстрорастущая демографическая группа Америки уже в третьем поколении. По сравнению с 2000 г. ее рост к 2010 г. составил 43%, а численность достигла 16% (50,5 млн.) от общей численности населения страны и превысила количество афроамериканцев (12,6%) [1, с. 3-4]. Основная часть мексиканцев проживает в штатах юго-запада, где близка американо-мексиканская граница (Калифорния, Аризона, Нью-Мексико, Техас). Одной из сложностей ассимиляции их американским обществом является незнание английского языка. Имея преимущественно нелегальный характер, малообразованные низко квалифицированные мексиканцы общаются в рамках своей диаспоры. Близость к границе не требует от них стремления к овладению английским языком, так как, работая в полях на сборе урожая или горничными, черно-рабочими на стройках, они по своей сути являются сезонными рабочими. Однако сложность заключается в том, что дети, рожденные от мексиканцев на территории США, становятся уже гражданами Америки по рождению. В последние несколько лет возникают политические инициативы, предлагающие внести поправки в конституцию и запретить предоставление гражданства по рождению, но скорее это радикально-нервная реакция на сложность ситуации с неконтролируемым процессом нелегального потока иммигрантов. В частности, в штате Аризона уже частично заблокировал его вступление в силу федеральным судом радикальный иммиграционный законопроект.

Гражданство дает право на ряд материальных благ, в том числе бесплатное обучение в американских средних школах, а впоследствии и грин карту. Обязательность предоставления школьного образования своим гражданам США прописали на федеральном уровне, в то время как его исполнение на уровне штатов начало давать пробуксовку. Уже к 1980-м годам 20 века американский юго-запад начал испытывать всплеск мексиканской иммиграции в связи с чем вопрос был вынесен на обсуждение на

федеральном уровне. Целью нашей работы будет освящение дискуссии на уровне слушаний подкомитета по начальному, среднему и профессиональному техническому образованию комитета по образованию и труду Палаты Представителей американского Конгресса. Слушания касались законопроекта по предоставлению помощи детям иностранцев, в которых излагается позиция представителей школьных округов штата Техас, конгрессменов и самих латиноамериканцев, в частности представителя Лиги Объединенных Латиноамериканских Граждан США.

Консолидированная позиция руководителей независимых школьных округов, являющихся единицами административно-территориального деления штата, прозвучала крайне озабочено. Основной их упор делался на лишение возможности детям американских граждан получения качественного школьного образования в результате фокусирования финансовых, технических и кадровых сил на работу по размещению потока детей иностранцев. Школьные округа США независимы от местных властей, сами собирают налоги и управляют деятельностью всех подведомственных муниципальных школ, реализуя образовательную политику в округе, поэтому распределением, освоением денежных средств штата и федерального центра они занимаются самостоятельно. Сводя все их требования и подходы к решению воедино можно выделить основные три: 1. Предлагалось создание более гибкой системы распределения федеральной финансовой поддержки (ESEA – bilingual, regular and migrant) и наделение руководства школьных округов большими полномочиями в связи с этим. Высказывались предложения по выделению денег на строительство дополнительных учебных корпусов и помещений для проживания мексиканских студентов.

2. изменить программы обучения в старших классах таким образом, чтобы появились дополнительные часы на двуязычное образование вплоть до 12 класса. Освоение федеральных денежных средств пойдет на реализацию целей развития обучения английскому языку в рамках которых колледжам и университетам Техаса рекомендуется вводить обучающие курсы по подготовке учителей, работающихими со студентами старших классов, не говорящих по-английски [2, с. 25].

3. Предоставить свободу школьному руководству в отборе студентов к зачислению в школу. В виду близости американо-мексиканской границы участились случаи дачи ложных сведений студентами о наличии у них родственников или опекунов на американской территории, у которых они проживают. По закону штата такие студенты могут посещать государственные школы даже при отсутствии у них американского гражданства или подтверждающих документов об опеке американскими гражданами.

Это обстоятельство лишает школу дополнительного финансирования, что приводит к переполненности классов и возрастанию аудиторной нагрузки на преподавателей.

На слушаниях поднимался вопрос о недостаточном исследовании вопроса об образовании мексиканских студентов в школах американского юго-запада, и рекомендовалось агентству по образованию Техаса давать ежегодные отчеты по положению дел в приграничных школах с высоким численным показателем детей мексиканцев. Для защиты национальных интересов подобные рекомендации давались и другим приграничным штатам.

С 1976 по 1981 годы возросло число студентов-мексиканцев по сравнению с всеобщим приростом народонаселения штата. После проведенных в Мексике образовательной реформы получение начального образования детьми из бедных семей стало почти невозможным. Поэтому перевоз нелегалами всей семьи в США открывало их детям возможность бесплатного обучения в американских школах. Приграничные густонаселенные округа (Вебб, Идальго, Камерон) признаны Департаментом Торговли как населенные пункты с самыми низкими доходами вместе с самой высокой безработицей в США. В медицинские клиники в Мак Аллене, Бронсвилле, Эль Пасо и другие приезжают рожать мексиканки, а возвращаются обратно уже с американским гражданином на руках, поскольку новорожденному на территории США автоматически присваивается статус гражданина. За период с 1955

по 1975 годы по подсчетам одного из врачей Мак Аллена на его руках появились на свет 700-800 детей, из них 60% имели мексиканское происхождение [2, с. 27]. (примерно 8,400 детей в одной клинике за 20 лет) Подобная тенденция прослеживалась на всей приграничной с Мексикой территории. Благодаря ребенку-гражданину США его родителей, незаконно попавших в страну, не депортируют, поскольку службы опеки не позволят оставить его без попечения.

Участовавшие в дебатах в Конгрессе представители испаноязычного сообщества и белого большинства единогласно пришли к выводу о необходимости пересмотра иммиграционной системы США, несовершенство которой создает сопутствующие проблемы как, например, в области образования.

«Список литературы»

1. Overview of Race and Hispanic Origin: 2010. 2010 Census Briefs. Issued March 2011. URL: <http://www.census.gov/prod/cen2010/briefs/c2010br-02.pdf>. Взято 16.06. 2013.
2. The Alien Education Impact Aid of 1981. Hearing before the Subcommittee on Elementary, Secondary, and Vocation Education of the Committee on Education and Labor House of Representatives 87-th Congress, 1st session on H.R. 2954. US Government Printing Office, Washington, 1982.

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ЗАРОЖДЕНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ КОНЦА XVIII – XIX ВВ.

Калинина Дарья Александровна

кандидат исторических наук, доцент, ФБГОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет», город Киров

STATE LEGAL BASIS ORIGIN AND ACTIVITY OF PUBLIC ASSOCIATIONS IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE LATE XVIII - XIX CENTURIES

Kalinin Darya Alexandrovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, FBGOU VPO "Vyatka State University of Humanities", Kirov

АННОТАЦИЯ

В статье автор рассматривает процесс складывания в России первых общественных объединений, роль государства и общества в этом процессе. Дается анализ широты государственного контроля за деятельностью первых элементов гражданского общества. Выявлены причины заинтересованности государства в формировании первых гражданских инициатив в условиях отсутствия политических прав и свобод.

ABSTRACT

The author considers the process of folding the first in Russia public associations, the role of the state and society in the process. The analysis of the breadth of the state control over the activities of the first elements of civil society. The reasons of state interest in the formation of the first civil initiatives in the absence of political rights and freedoms.

Ключевые слова: гражданское общество; социально-политическая система; общественные объединения; государственное управление; Российская империя.

Keywords: civil society; social and political system; public associations; government; Russian Empire.

Среди прочих процессов, свидетельствующих о развитии и совершенствовании социально-политической системы, которые протекали в России в конце XIX в., интерес вызывает формирование элементов гражданского общества. С точки зрения права гражданское общество –

взаимосвязанная система независимых от государственной власти общественно-политических институтов, участвующих в общественных отношениях, возникающих по поводу реализации гражданами своих прав и свобод и находящихся вне политических (государственных) и част-

ных (личных) отношений, но в рамках национального законодательства [1]. К протообразованиям, которые, по мнению ученых, по ряду признаков можно причислить к этапам зарождения гражданского общества в России, относятся сословные группы, в особенности дворянство, купечество, казачество, духовенство, а также земства. Однако говорить с уверенностью о начале формирования в России системы негосударственных общественных организаций можно лишь в конце XIX в. в связи со складыванием необходимых для того предпосылок. К таковым факторам относятся экономическая и социальная свобода в рамках рыночной экономики, самоуправляемость и инициативность членов общества, открытость и доступность разных источников информации и общественных мероприятий, признание естественных прав человека и возможность их судебной защиты, режим законности и равенства всех перед законом, правовое государство, политический и идеологический плюрализм [2]. Часть упомянутых оснований в большей или меньшей степени уже существовала в России, однако некоторые политико-правовые условия естественного формирования гражданского общества либо находились в стадии зарождения, либо просто отсутствовали. Не сложившийся окончательно социально-экономический и политико-правовой фон, столь необходимый для дальнейшего совершенствования социально-политической модели России, привел к привычному для государства явлению: новые элементы общественной системы складывались медленно, находились под жестким государственным влиянием и не обладали какими-либо реальными рычагами для выполнения своих функций.

Несмотря на сложности и препятствия, российское общество осознавало необходимость создания и функционирования негосударственных обществ и организаций, которые занимались бы координацией и реализацией гражданских инициатив, контролировали соблюдение прав и свобод подданных и вступали в диалог с правительством по поводу усовершенствования государственно-правового механизма. Складывание основных элементов гражданского общества возможно только при наличии определенного уровня прав и свобод. Важность развития упомянутых элементов подчеркивали крупнейшие ученые начала XX в. Например, Н. М. Коркунов, являясь крупнейшим специалистом в области государственного права, отмечал: «Обеспечение гражданской свободы есть необходимое условие прогрессивного развития государственной жизни и даже в частности государственного имущества. Все силы государства сводятся в конце концов к личным силам составляющего его населения, а силы эти, конечно, не могут развиваться, если будет подавлена личная свобода, а с ней и личная инициатива. Государственное властвование опирается не столько на материальную силу, сколько на нравственное сознание долга подчиняться требованиям мирного государственного порядка... Государственная деятельность требует людей, привыкших общее ставить выше своего частного, личного, интересующихся общественными вопросами, умеющих действовать сообща... Если же общественная жизнь в государстве стеснена, если подданные не могут свободно обмениваться мыслями и знаниями, свободно сходить друг с

другом, не могут заключать союзов для совместной деятельности, они невольно замыкаются в рамки узкого эгоизма, приучаются чуждаться друг друга, делаются неспособны ко всякой сколько-нибудь энергичной и плодотворной общественной деятельности» [3].

Однако в конце XIX в. на уровне центрального государственного управления хотя и осознавалась мысль о большом значении гражданских инициатив, в развитии Российской империи, как и любого другого государства, все же преобладали этактистские традиции. Стремление абсолютизировать роль государства в отношениях с обществом, поставить подданных под максимально полный контроль весьма характерно для любой державы, обладающей обширной территорией, многонациональным и многоконфессиональным населением. Многовековые опасения возникновения крупных социальных конфликтов, потери части территории и, наконец, ликвидации государственности диктовали условия продолжающегося взаимодействия между властью и обществом [4].

Еще в XVIII в. Екатерина II вводит полицейский контроль за деятельностью общественных собраний [5]. В уставе благочиния от 1782 г. не содержалось прямого запрета на создание общественных организаций, что означало не прямое согласие власти на организованные общественные инициативы, в основном связанные с правом сословного самоуправления, дарованным дворянству и купечеству. Одновременно полиция наделялась исключительными полномочиями на выдачу разрешений об открытии подобных объединений и полный контроль за их деятельностью. Екатерина II, боявшаяся повторения Великой французской революции в России, особое внимание наказала уделять дворянским собраниям и обществам. Устав благочиния был одним из первых нормативно-правовых актов, зафиксировавших порядок воздействия государственных структур на общественные организации. Закон заложил односторонний принцип взаимодействия государства и развивающихся элементов гражданского общества: государство диктовало правила поведения и оказывало подавляющее влияние, а общественные объединения беспрекословно подчинялись.

Установленный Екатериной II порядок воздействия на самостоятельные объединения российских подданных действовал на протяжении конца XVIII – XIX в. и нашел отражение в Уставе о предупреждении и пресечении преступлений [6]. Устав, который во второй половине XIX в. неоднократно редактировался и дополнялся, зафиксировал неизменность политики государства в отношении практики создания и деятельности объединений подданных. Согласно Уставу, запрещались все «общества, товарищества и братства и другие собрания», основанные без ведома и согласия органов государственного управления [7]. Исходя из текста закона, подобные самовольные объединения запрещались в городах, что связано с ответственностью упомянутых норм и положений Устава благочиния, который был составлен для поддержания порядка в городах. Однако в действительности обязанность получать разрешение у властей на свою деятельность распространялась на все общества вне зависимости от типа местности, на которой они были расположены.

Устав о предупреждении и пресечении преступлений определяет перечень сообществ, запрещенных на территории государства, за создание или участие в них следовало судебное и внесудебное преследование. К таковым относились, во-первых, все тайные общества, т. е. открытые без разрешения властей и работавшие без огласки; во-вторых, все объединения, «преследующие вредную цель» [8]; в-третьих, общества, имеющие разрешение на функционирование ради осуществления благой с точки зрения государства цели, но в реальности прикрывающие благовидными действиями «такое направление, которое... вредно для государственного благоустройства и общественной нравственности» [9]; в-четвертых, все сообщества, запрещенные положением Комитета министров. Данный перечень оставлял за органами центрального и местного управления возможность отказать в открытии любому объединению, которое вызывало малейшее сомнение в благонадежности и целесообразности своего существования. В итоге две статьи (126 и 128) Устава о предупреждении и пресечении преступлений фиксировали безусловное доминирование государственных структур над общественными инициативами в области создания и деятельности обществ всех направлений.

Первоочередной задачей государственных органов являлось проведение отсева неподходящих обществ еще на стадии их открытия. Новое общество, для того чтобы начать свою деятельность, должно было иметь государственную регистрацию. Выдачей разрешений на открытие занимались губернаторы и градоначальники крупнейших российских городов.

Губернатор выносил решение о судьбе нового объединения подданных на основе рассмотрения предоставленного заявления, которое заверялось нотариусом, и проекта устава, где фиксировались цель общества, его состав, способы деятельности, территория распространения общественных инициатив. Губернатор мог отказать в открытии в случае несоответствия положений проекта устава обществу Уставу о предупреждении и пресечении преступлений или противоречия целей объединения интересам государства. Если общество признавалось все же полезным государству, то глава губернии или градоначальник одобрял заявление и рекомендовал утвердить устав общества на министерском уровне. По мере необходимости в проект устава объединения могли вноситься коррективы. Так, переписка [10] вятского губернатора Ф. Ф. Трепова с Министерством земледелия и государственных имуществ отражает этапы процедуры утверждения уставов. Переписка касалась вопросов, связанных с утверждением устава и созданием Сарапульского общества охоты и рыбной ловли. Еще 22 декабря 1895 г. губернатору поступил проект устава общества от помощника управляющего Сарапульским уездным округом для предоставления его в Министерство земледелия и государственных имуществ. Далее губернатором были написаны свои предложения министру по поводу изменения проекта устава. Вскоре был получен ответ из министерства: «Есть затруднения к представлению его на утверждение ввиду несоответствия многих параграфов названного проекта с таковыми же параграфами уставов охотничьих обществ, рассмотренных в последнее время» [11]; обществу было предложено взять за образец подобный устав и внести в отдельные пункты свои особенные поло-

жения. Проект устава переделали и снова отправили в министерство. В итоге устав был утвержден министром в феврале 1899 г., с замечаниями.

Общества, получившие разрешение на открытие, продолжали оставаться под контролем местных и центральных органов управления и должностных лиц на протяжении всего своего существования вплоть до официального закрытия. Малейшее изменение в направлениях деятельности, составе учредителей или целях обязательно отражалось в уставе и проходило процедуру рассмотрения, одобрения либо неодобрения сначала губернатором, а затем министерством. Несоблюдение установленных законом правил грозило принудительным закрытием общества и судебным или внесудебным преследованием для его организаторов и рядовых членов.

Итак, на протяжении конца XVIII в., когда впервые на законодательном уровне была поднята проблема объединений подданных, и всего XIX в. отсутствует какое-либо взаимодействие государственных и негосударственных структур, более того, наблюдается одностороннее подавляющее влияние правительственных учреждений на общества. Подобная политика государства была правомерной, так как в российском законодательстве у подданных не были зафиксированы политические права и свободы, и в частности свобода собраний. Исходя из анализа существующей в рассматриваемый период системы права, можно сделать вывод об уступках официальной власти российскому обществу в сфере организации общественных инициатив в виде различных объединений. Несмотря на то, что подданные не имели права на собрания, общества и т. п., государство, понимая необходимость поддержания активности и некоторой самостоятельности общества, разрешает создание частных объединений, но под жесточайшим контролем.

Список литературы

1. Грудцына Л. Ю. Государственно-правовой механизм формирования и поддержки институтов гражданского общества в России: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. 407 с.
2. Там же.
3. Коркунов, Н. М. Русское государственное право. Т. 1. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1909. С. 450.
4. См. Балыбердин Ю. А., Калинина Д. А., Смирнов М. А., Смирнова А. А. Взаимодействие системы центрального управления и органов местного управления и самоуправления и их влияние на общественно-политическую жизнь Вятско-Камского региона в конце XIX - начале XX вв. (1881–1917 г.). – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2013. – 245 с.
5. Устав благочиния или Полицейский. Часть первая [Утвержден в Санкт-Петербурге апреля 8 дня 1782 года]. СПб.: Тип. Акад. наук, 1782. [3], 77 с.
6. Устав о предупреждении и пресечении преступлений СПб.: Тип. Второго Отдела Собственной Е. И. В. канцелярии, 1876. 96 с.
7. Там же. С. 26.
8. Там же.
9. Устав о предупреждении и пресечении преступлений. СПб.: Тип. Второго Отдела Собственной Е. И. В. канцелярии, 1876. С. 26–27.
10. Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. 582. Оп. 138. Д. 171. Л. 1–14.
11. ГАКО. Ф. 582. Оп. 138. Д. 171. Л. 5.

ИССЛЕДОВАНИЯ АКАДЕМИЕЙ НАУК СССР АРКТИЧЕСКИХ ТЕРРИТОРИЙ**Киселев Михаил Юрьевич***кандидат исторических наук, руководитель Центра учета и обеспечения сохранности документов, Архив Российской академии наук, г. Москва***RESEARCHES BY ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR OF THE ARCTIC TERRITORIES***Kiselyov Mikhail Yuryevich, candidate of historical sciences, head of the Center of the account and ensuring safety of documents, Archive of the Russian Academy of Sciences, Moscow***АННОТАЦИЯ**

Приведена информация о научно-исследовательской работе Архива Российской академии наук по выявлению документов о научных исследованиях Академии наук СССР в арктических регионах страны. Представлены сведения о постановлениях Президиума Академии наук СССР по Арктике, отложившиеся в фондах Архива Российской академии наук.

SUMMARY

Information on research work of Archive of the Russian Academy of Sciences on detection of documents on scientific researches of Academy of Sciences of the USSR is provided in the Arctic regions of the country. The data on resolutions of Presidium of Academy of Sciences of the USSR across the Arctic postponed in funds of Archive of the Russian Academy of Sciences are submitted.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Арктика; научные исследования; Академия наук СССР; Архив Российской академии наук; документ

KEYWORDS: Arctic; scientific researches; Academy of Sciences of the USSR; Archive of the Russian Academy of Sciences; document

Арктический регион и в настоящее время имеет большое значение для России, не только потому, что составляет значительную часть ее территории. Арктика прежде всего ценна тем, что обладает огромным стратегическим и природно-сырьевым потенциалом, и мы наблюдаем, как она постепенно становится все более значимой для экономического, технико-технологического и социокультурного развития государства, поскольку способна обеспечить его прогрессивное развитие не только в настоящем, но и в будущем. Изучение исторического прошлого, связанного с освоением Арктики и Северного морского пути, обусловлено как потребностями приращения научного знания, так и необходимостью осмысления исторического опыта и возможностей его использования в современной социальной практике.

При проведении изучения арктических территорий практически используются документы региональных архивов. В этом отношении Архив Российской академии наук (РАН), одно из крупнейших и архивохранилищ России по истории российской науки, располагает богатейшим комплексом документов по истории освоения и изучения арктических регионов.

В федеральных архивах РФ не проводились межфондовые исследования арктических регионов в разрезе многопланового их изучения. Для комплексного и междисциплинарного изучения арктических территорий, введения в научный оборот новых документальных источников актуальной задачей является расширение источниковедческой базы по истории освоения Арктики.

По программе фундаментальных научных исследований государственных академий наук на 2013–2020 гг. Архив РАН выполняет научно-исследовательскую работу «Сохранение и изучение историко-культурного наследия: выявление, систематизация, научное описание, реставрация и консервация». Одной из тем научных исследований на 2014–2016 гг. является «Регионы СССР в исследованиях ученых по фондам АРАН: Арктика». Основной задачей исследования является расширение источниковедческой

базы по исследованиям арктического региона в личных фондах ученых, постановлениях и распоряжениях Президиума Академии наук, фондах академических учреждений и организаций.

К арктическим регионам, имеющим важное значение для экономики Российской Федерации, можно отнести Мурманскую область, Кольский полуостров и Печорский край. История Мурманской области тесно связана с освоением и развитием русского Севера. Масштабное освоение края началось в XX веке. Однако историческая летопись Кольского полуострова к этому времени уже насчитывала немало страниц. Издавна обитали здесь сами – коренные жители Севера, XV–XVI веками датируются поморские поселения. Быстрый рост промышленности, культуры и численности населения в 1920–1930 гг. стал причиной преобразования региона в 1938 г. в самостоятельную административную единицу — Мурманскую область.

Необходимо отметить, что Президиум Академии наук СССР постоянно уделял внимание развитию научных исследований в Мурманской области и на Кольском полуострове. В 1934г. была создана Кольская научно-исследовательская база АН СССР, на базе которой в 1935г. проведена конференция по изучению производительных сил Карело-Мурманского края

[1, с. 48]. В 1937г. комиссия АН СССР провела обследование Кольской базы [2, с. 56] и приняла решение об организации Научно-технического Бюро по вопросам Кольского полуострова при Совете по изучению производительных сил АН СССР; в дальнейшем бюро так и не было организовано по объективным причинам. В 1939г. Президиум АН СССР принял постановление о научно-исследовательских работах Академии наук на Кольском полуострове [3, с. 112], которые должны были быть проведены для ускоренного развития промышленности и изучения природных богатств региона. Ученые базы были инициаторами проведения совещания по вопросу изучения снежных обвалов и методов борьбы с ними и совещания

по оливинитам Кольского полуострова и других месторождений [4, с. 81]. Примечательно, что в регионе еще в 1930-е гг. был создан первый в мире Полярно-альпийский ботанический сад, который вошел в состав Кольской базы АН СССР. Опыт его работы в дальнейшем был использован учеными разных стран при проведении биологических исследований в различных регионах Арктики.

В 1940г. в связи с расширением работ по изучению региона была создана Комиссия по координации и руководству научными исследованиями по Кольскому полуострову [5, с. 97], причем Президиум АН СССР в 1941г. выделял специальные ассигнования академическим учреждениям на тематические поездки сотрудников по проблемам Кольского полуострова. В конце сентября 1941г. Кольская база была объединена с Северной базой АН СССР, многие сотрудники ушли на фронт, а остальные были эвакуированы в Коми АССР. Однако уже в апреле 1944г. областные организации Мурманской области обратились в Президиум АН СССР с ходатайством о возобновлении деятельности Кольской базы [6, с. 103], которая в 1946г. была реорганизована в Кольский филиал АН СССР.

В 1957-1960гг. Кольским филиалом АН СССР были разработаны предложения по извлечению сфенового и эгеринового концентратов из отходов комбината «Апатит», а также по увеличению его мощностей по производству апатитового концентрата. Для проведения научных исследований в регионе в 1958-1960гг. совершенствовалась структура Кольского филиала: на базе Мурманского отделения Института земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн, Ловозерской станции Института физики Земли и сейсмической станции «Апатиты» Кольского филиала АН СССР организован Полярный геофизический институт; на базе лаборатории горного дела, обогащения, строительных материалов и группы металлургии легких металлов Кольского филиала создан Горно-металлургический институт. В 1965г. в городе Апатиты была проведена расширенная научная сессия научных советов АН СССР по физико-техническим проблемам разработки полезных ископаемых и физико-химическим проблемам обогащения полезных ископаемых на тему «Проблемы разработки месторождений и комплексного обогащения руд в связи с развитием производительных сил Кольского полуострова».

Академия наук последовательно продолжала научные исследования Печорского края. 10-11 февраля 1935 г. в АН СССР было проведено совещание по вопросам изучения и освоения Печорского края по докладу Экономической группы Печорской бригады АН СССР «О рабочей гипотезе народнохозяйственного освоения Ухта-Печорского края на 1935-1950 гг.». В резолюции совещания подчеркивалось, что основой для хозяйственного развития Печорского края является решение транспортной проблемы: сооружение плотин на реках и строительство железных дорог. Для этих целей было признано необходимым проведение научно-исследовательских работ по изучению режима рек Печорского края, Печорского лимана и подходов к Печорскому порту. Также предлагалось проведение работ по разведке ископаемых на Полярном и Северном Урале, научно-исследовательских работ для усиления снабженческой базы (сельское хозяйство, оленеводство, рыбное хозяйство). 11 марта 1935 г. президент АН СССР А.П. Карпинский обратился с письмом к председателю Совета Народных Комиссаров В.И. Молотову по

итогах совещания. Примечательно, что письмо начинается следующими фразами «По инициативе тов. И.В. Сталина в Печорском крае была с 1929 г. развернута деятельность ГУЛАГ НКВД. В результате этой деятельности обнаружены и уже начата эксплуатация огромных запасов высококачественных углей на реке Воркуте, в бассейне реки Усы, нефти и редких элементов на реке Ухте...». В письме подчеркивалось большое значение Печорского края для экономического развития европейского Севера, экономическая целесообразность завоза печорских углей не только в Северный край, Карелию и Мурманский округ, но и в Ленинград. Отмечались огромные ресурсы края по лесу, ставились задачи максимального развития добычи нефти, несмотря на ее высокую себестоимость, первоочередного транспортного строительства. Указывалось, что «Академия наук берет на себя задачу научной консультации и помощи хозяйственным организациям, ведущим научно-исследовательскую работу на Печоре, проведение тех работ, которые не укладываются в рамки ведомственной работы отдельных организаций, или требует для своего успеха особенно высокой научно-теоретической разработки тех или иных вопросов, и, наконец, объединение на Печоре изыскательских и научно-исследовательских работ». Сохранился еще один интересный документ – «Пожелания делегации в отношении решения Правительства СССР по вопросам изучения и освоения Печорского края» - план конкретных мероприятий АН СССР на 1935 г. Необходимо отметить, что и письмо и пожелания имеют помету «Не подлежит оглашению» [7, с. 1-11].

Внимание Академии наук СССР научным исследованиям в арктических регионах страны реализовывалось в организации комплексных экспедиций с участием ученых различных академических учреждений и организаций, создании стационаров и филиалов АН СССР в региональных арктических центрах. За период 1935-1953 гг. Президиум АН СССР принял около ста постановлений, касающихся различных направлений деятельности академических учреждений по исследованию арктических территорий. Однако 3 марта 1954 г. Государственный плановый комитет (Госплан) СССР предложил Академии наук организовать научные исследования в районах Советского Севера.

Президиум АН СССР 28 мая 1954 г. принял постановление, в котором отмечалось, что научно-исследовательские работы в северных районах СССР проводятся совершенно недостаточно, разрозненно, без единого плана. Предлагалось для координации научно-исследовательских работ, выполняемых на Севере научными учреждениями АН СССР, создать постоянную Комиссию по проблемам Севера при Президиуме АН СССР, возложив научно-организационное и материальное обслуживание этой комиссии на Совет по изучению производительных сил СССР. Примечательно, что Президиум АН СССР обратился в Госплан с просьбой обсудить вопрос о выделении при составлении ежегодных планов развития народного хозяйства самостоятельных районов Севера: Север европейский (в составе Мурманской и Архангельской областей и Коми АССР) и Север сибирский (в составе Ханты - Мансийского и Ямал - Ненецкого национальных округов Тюменской области; Эвенкийского и Таймырского национальных округов Красноярского края; Якутской АССР; Кам-

чатской области и Корякского национального округа Хабаровского края; Магаданской области и Чукотского национального округа) [8, с. 180-181].

В продолжение предыдущего решения Президиум АН СССР 10 декабря 1954 г. принял постановление «Об усилении научно-исследовательских работ по Советскому Северу», в котором ряду академических учреждений предписывалось с 1955 г. приступить к работам по систематическому и комплексному изучению природных ресурсов и производительных сил северных территорий, а также культуры и быта народов Севера. Первоочередными предлагалось считать работы по изучению Магаданской и Камчатской областей, а также севера Якутской АССР. Предписывалось составить докладную записку в Совет Министров СССР «О состоянии изученности районов Советского Севера» и проект постановления Совета Министров СССР «О дальнейшем изучении современного состояния и перспектив развития районов Советского Севера», в котором необходимо было предусмотреть материально-техническое обеспечение работ, а также участие в них заинтересованных министерств и ведомств. Было предложено создать в ряде академических институтов структурные подразделения, которые будут проводить научные исследования по северной тематике. Редакционно-издательскому совету, издательству и редакциям журналов АН СССР было рекомендовано расширить публикацию материалов по проблемам Севера, обратив особое внимание на закрепление приоритета советской науки по ряду открытий в области изучения Севера [9, с. 208-209].

Особый интерес представляет стенограмма заседания Президиума АН СССР по обсуждению этого вопроса. В своем выступлении академик-секретарь Отделения геолого-географических наук академик Д.И. Щербakov отметил, что в 1954 г. по левому притоку реки Лены найдены чистые алмазные трубки – коренные – по типу южноафриканских, на Корякском хребте – мировые по масштабам запасы киновари. Однако, по его мнению, отдача Севера очень мала и крайне недостаточна, а стоимость содержания всевозможных организаций велика. Это связано с недооценкой ряда особенностей природы и ведения хозяйства на северных территориях, а также с отсутствием взаимосвязи между различными министерствами и ведомствами, что привело к нанесению некоторого ущерба развитию местных национальностей Севера и, отчасти, разработке тех вопросов жизнеобеспечения, которые требовали комплексного взаимодействия. Он констатировал, что охватить научными исследованиями все северные территории страны в целом в ближайшее время невыполнимо, поэтому как первоочередные были выбраны районы Салехарда, Анадыря и северной Якутии. Предлагалась организация специальной многолетней северной экспедиции в составе этнографов, археологов, языковедов и экономистов для изучения состояния хозяйства, культуры, быта и исторического прошлого народов Севера [9, с. 232-239].

В своем выступлении начальник Главного управления Северного морского пути В.Ф. Бурханов отметил, что народы Севера владели жалким существованием, по сути – ведут примитивный образ жизни, что связано с просчетами в организации их быта и труда. В качестве иллюстрации он привел ряд примеров. Организованы зверобойные промысловые станции, однако добытый морской зверь не

вывозится, тогда как его можно было использовать в зверосовхозах в качестве корма писцам и чернобурым лисицам. Созданы крупные оленеводческие колхозы, в которых построены дома для семей чукчей; оленеводы, привыкшие к кочевому образу жизни вместе с семьей, соскучившись по ней, бросают стада оленей. Особенным злом является спирт, продающийся в изобилии на Севере, что приводит к печальным последствиям: все состояние, заработанное за зиму, всех оленей человек пропивает за два дня. В результате – голодный и озлобленный человек, не говоря уже о жалком существовании его семьи.

В.Ф. Бурханов отмечал, что были попытки создания школ и интернатов, вовлечения северных народов в крупное производство, в частности на угольные шахты. На некоторых шахтах есть несколько забойщиков – коряков и чукчей, но эти – единицы, а сотни вымирают. Были созданы своего рода дома инвалидов в восточной тундре, куда направлялось большое количество чукчей и северных якутов. Народ там бездельничал, ел, пил, и опять-таки стремился употреблять спиртные напитки. Начальник Главного управления Северного морского пути считал, что ученые (этнографы, географы, экономисты) не подсказали правильного решения, а северные территории могли бы давать большую прибыль, и не в виде угля, олова или золота, а в виде мягкого золота – пушнины.

В своем выступлении он критиковал предложения о развитии северных территорий, рассмотренные на заседании Бюро Совета Министров РСФСР: проект по Чукотке был отклонен как совершенно непригодный и иждивенческий. По его мнению, по проекту предполагалось воспитывать людей Севера от рождения до старости за счет государства.

Он также затронул ряд экономических вопросов, которые необходимо было решить для эффективного развития северных территорий. В частности, была поставлена проблема обеспечения углем вольфрамовой промышленности и цветной металлургии. Бухта Угольная, находящаяся в Анадырском заливе и в 180 милях от потребителей, является колоссальным угольным бассейном, где можно довести добычу угля до 1 миллиона тонн. Однако горнодобывающая промышленность завозит 100 тыс. тонн угля за 5 тыс. миль. При рассмотрении энергетической проблемы необходимо решить вопрос о строительстве гидроэлектростанции на реке Амгуэма, где природой создано готовое место. Эти неувязки связаны с отсутствием единого экономического и научного и перспективного планирования. [9, с.244-252].

Представленная информация является лишь небольшим штрихом к большой работе Академии наук СССР по проведению научных исследований в арктических регионах России и позволит расширить источниковедческую базу по истории Арктики.

Литература

1. Архив Российской академии наук. Фонд 2. Опись 6. Дело 2.
2. Архив Российской академии наук. Фонд 2. Опись 6. Дело 8.
3. Архив Российской академии наук. Фонд 2. Опись 6. Дело 18.
4. Архив Российской академии наук. Фонд 2. Опись 6. Дело 22.

5. Архив Российской академии наук. Фонд 2. Опись 6. Дело 28. 6. Архив Российской академии наук. Фонд 2. Опись 6. Дело 42. 7. Архив Российской академии наук. Фонд 4. Опись 1 (1935). Дело 34.	8. Архив Российской академии наук. Фонд 2. Опись 6. Дело 170. 9. Архив Российской академии наук. Фонд 2. Опись 6. Дело 180.

КАТАСТРОФА КРЫМСКОГО ЕВРЕЙСТВА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Латышева Елена Владимировна

Доктор исторических наук, профессор, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь

CATASTROPHE OF CRIMEAN JEWRY IN THE GREAT PATRIOTIC WAR

Latysheva Elena, Doctor of Historical Sciences, Professor, Crimean V. I. Vernadsky Federal University, Simferopol

АННОТАЦИЯ

В наше время тема Холокоста не утратила актуальности; социальная напряжённость, межэтнические и межконфессиональные конфликты, всплески экстремизма и неонацизма – всё это вынуждает вспоминать о Катастрофе крымского еврейства в годы Великой Отечественной войны.

ABSTRACT

In our time, the theme of Holocaust has not lost its relevance; social tensions, ethnic and religious conflicts, outbursts of extremism and neo-fascism – that is why we have to remember the Holocaust of the Crimean Jews during the World War II.

Ключевые слова: Катастрофа; Холокост; Шоа; крымчаки; караимы; ашкеназы; евреи.

Keywords: Catastrophe; the Holocaust; the Shoah; Krymchaks; Karaites; Ashkenazi; Jews.

Правительство России приняло Федеральную программу «Формирование установок толерантного сознания, и профилактика экстремизма в российском обществе»; из духа и буквы этого документа вытекает необходимость преодоления воспроизводящихся в обществе этнических предрассудков (в том числе – антисемитизма), мешающих строить правовое государство и гражданское общество.

В отношении периодизации Холокоста отсутствует единая точки зрения, большинство исследователей определяют период 1933–1945 годов, включая преследования евреев в Германии в первые годы нацизма; другие – 1941–1945 годы, то есть период тотального уничтожения. Параллельно существуют и несколько понятий, обозначающих это ужасающее явление:

- Катастрофа [3, с. 20] – название, распространённое в русском языке, используется для обозначения событий и последствий Холокоста, точно характеризующее гибель миллионов евреев и тысяч еврейских общин на территории Европы и СССР в самый трагический период истории этого народа.
- Шоа (ивр. שואה – бедствие, катастрофа) – слово из Торы, которое буквально означает «бездна, гибельное разрушение», термин употребляемый для обозначения политики немецких нацистов по планомерному уничтожению еврейского этноса;
- Холокост (от греческого Holocaust) – всеожжение, уничтожение огнем. Этот термин многие считают менее корректным, хотя он является общепринятым для обозначения планомерного и организованного уничтожения еврейского населения в годы Второй мировой войны.

Говоря о Катастрофе, следует подчеркнуть, что эта трагедия никогда не была только еврейской проблемой,

нацизм был беспощаден ко всем – русским, украинцам, крымчакам и многим другим национальностям Крыма, России, Украины, да и всей Европы [2, с. 198].

По переписи населения 1939 г. в Крыму проживало 65452 евреев (5,8% населения полуострова), среди них – более 7 тысяч крымчаков. Большая часть евреев Крыма (43583 чел.) в 1939 году проживали в городах: Симферополь – 22791, Евпатория – 4249, Керчь – 5573, Севастополь – 5988, Феодосия – 2922, Ялта – 2060. В сельской местности Крыма проживало 21869 евреев. Районами с наиболее многочисленным еврейским населением в 1939 г. в Крымской АССР были Джанкойский – 2610 евреев, Колайский район (с 1944 г. – Азовский район) – 2017 евреев, Лариндорфский район (с 1944 г. – Первомайский) – 3492 еврея, – Сакский район – 2270 евреев, Тельманский район (с 1944 г. – Красногвардейский район) – 1910 евреев, Фрайдорфский район (с 1944 г. – Новоселовский район) – 2200 евреев [6, с. 70–72].

К началу 1941 г. еврейское население Крыма составляло уже приблизительно около 70 тысяч человек. По данным Совнаркома КрАССР, в организованном порядке из Крыма было эвакуировано около 200 тысяч человек. Нет точных данных об эвакуации еврейского населения, известно, что не смогли эвакуироваться большинство евреев Евпатории, Карасу-Базара и многих еврейских колхозов. В статьях “Красного Крыма” – центральной на полуострове газеты – утверждалось, что все национальные группы страдают на оккупированных территориях в одинаковой степени [10, с. 7].

Борьба за Крымский полуостров носила ожесточённый характер, ведь во взглядах нацистского руководства на судьбу завоёванных территорий Крым занимал особое место. Так, на совещании в ставке с руководителями рейха 16 июля 1941 г. Гитлер, среди прочего, заявил:

«Крым должен быть освобождён от всех чужаков и заселён немцами». 9 июня 1942 г. на совещании начальников СС и полиции Гиммлер заявил, что война не имела бы смысла, если бы после неё, в частности, Крым не был в течение 20 лет полностью колонизован немцами. Поэтому в Крыму велась особенно жёсткая оккупационная политика по отношению к мирному населению, особенно к евреям, которым в рамках «нового порядка» не было места в Крыму. Так как Крым оставался в зоне боевых действий, уничтожение евреев здесь проводилось ускоренными темпами. Осуществлялось, в основном, силами и ресурсами 11-й армии айнзатцгруппы «D» под командованием оберфюрера СС Отто Олендорфа, из пяти подразделений которой в Крыму находились айнзатцкоманда 11А и айнзатцкоманда 11Б, а также зондеркоманда 10Б. Помимо подразделений СС, в выявлении и передаче евреев для «соответствующего обращения», а порой и в убийствах участие принимали подразделения полевой жандармерии при полевых и городских комендатурах и служащие вспомогательной полиции из числа местных коллаборационистов [9 с. 2].

Уже в ноябре–декабре 1941 г. были расстреляны евреи Евпатории (603 человека), Керчи и Феодосии (около 9,5 тысяч), Симферополя (14 тысяч). Всего в Симферополе и окрестностях в 1941–42 гг. было уничтожено 23325 евреев, в том числе 20821 ашкеназ. 18 декабря 1941 г., после краткого заключения в гетто (около двух недель), были уничтожены евреи Ялты (около 1,5 тысяч).

Решив использовать евреев на осенних полевых работах, немцы отложили уничтожение еврейских колхозников в районах Фрайдорфа, Джанкоя и Майфельда (бывший Хаклай) до конца 1941 г. Осенью–зимой 1941–42 гг. были уничтожены около 7 тысяч евреев в Джанкое (в основном из еврейских колхозов) и неизвестное число во Фрайдорфском и Лариндорфском районах. 13 января 1942 г. были расстреляны 1512 евреев Майфельда и шести соседних еврейских колхозов. Позже остальных были расстреляны горские евреи из колхоза имени Шаумяна (март 1942 г.). 26 апреля 1942 г. Крым был объявлен «очищенным от евреев».

Особенность Катастрофы в Крыму связана с проживанием на полуострове разных этнических групп евреев, прежде всего это были караимы и крымчаки. Караимы смогли доказать нацистам, что они не являются евреями. После нескольких экспертных проверок Третий рейх 5 января 1939 г. определил караимов не евреями, потому что их «расовая психология» не является еврейской. Таким образом, караимскому народу удалось спастись от геноцида [8, с. 61].

До оккупации германское командование информацией о национальности крымчаки не обладало. Вот как об этом сообщается в отчете № 8, приложенном к донесению начальника безопасности и СД о действиях айнзатцгрупп на оккупированных территориях Советского Союза с 1 по 31 декабря 1941 года: «...При оккупации Крыма возникла необходимость решить проблему нееврейских жителей иудейского вероисповедания, так как мы обнаружили многочисленные группы караимов и крымчаков» [3, с. 121]. В декабре 1941 года командующий айнзатцгруппы «D» оберфюрер СС Отто Олендорф получил разъяснение, что «крымчаки являются евреями, которые говорят на татарском языке и состоят в смешанных

браках с окружающим населением» [2, с. 6]. Получив такой ответ, фашисты определились в вопросе о крымчаках, наметив их уничтожение. Об этом свидетельствовали документы, найденные в помещениях Керченского гестапо и городской управы, в освобождённом от фашистов городе в ходе проведения Керченско-Феодосийского десанта 30 декабря 1941 года [3, с. 123].

Всего в первые дни оккупации было истреблено более 5,6 тысяч крымчаков – от грудных младенцев до стариков. Чудом уцелели лишь те, кого успели спрятать в русских, украинских и крымско-татарских семьях [7, с. 84]. В ходе уничтожения еврейского населения Крыма было зверски убито около 70–80% крымчаков – пожалуй, ни один другой народ не пострадал в процентном отношении столь серьезно, как этот.

Нацисты в течение всего оккупационного периода, до апреля 1944 г., проводили агрессивную антисемитскую пропаганду на страницах периодических изданий (выходили 9 газет и 2 журнала на русском, немецком и крымско-татарском языках), посредством плакатов, листовок и брошюр, в радиопередачах проводного вещания и в кинопрокате. Информация о реальных событиях Холокоста в прессе не давалась, однако регулярно аудиторию извещали о вреде, который евреи наносят всему миру и, в частности, русскому или крымско-татарскому народам в религиозном, политическом, экономическом и культурном планах. В прессе использовались как материалы, присланные из Берлина, так и сочинения местных журналистов, сотрудничавших с новой властью. Несомненно, эту деятельность можно рассматривать как один из инструментов Катастрофы, способствовавшего созданию нетерпимого отношения к тем евреям, которые еще скрывались на полуострове. Большинство местного населения относилось равнодушно к еврейской трагедии, а некоторая часть татар и русских крестьян сотрудничала с немцами (как и некоторые караимы). Лишь немногие оказывали евреям помощь и спасали их.

Американец Э. Штейн недоумевает: «Почти тридцать лет прожил Александр Булдеев в эмиграции, но его стихи по непонятным причинам так и не были включены ни в одну из зарубежных антологий». Он возглавлял газету «Голос Крыма», где были очень трудные условия работы, зато рождались вот такие поэтические призывы:

О, Господь, помяни
В день суда, как жида злобно правили,
Погубили Россию и в плен
Нас вели, избивая,
И Сталина в боги поставили.
О блажен и блажен,
Кто отомстит Иудее,
Кто воздаст ее злобе без страха,
Кто младенцев ее оторвет
У жидовок от груди и шеи,
И о камень их гневной рукой
С размаха
На глазах у жидов разобьет.

Он же сообщает, что в редакции были еще один «замечательный русский поэт» Дмитрий Крачковский (Кленовский). И тоже выражает недоумение, что «нынешние исследователи творчества поэта» почему-то замалчивают этот период жизни Кленовского [11, с. 24–29].

В ходе антиеврейских действий оккупационного режима в Крыму погибли, по различным оценкам, от около 27000 [5, с. 182] до приблизительно 40000 [4, с. 49] евреев и крымчаков. Учитывая, что до войны на полуострове проживали более 65000 евреев и крымчаков [1, с. 20], следует признать, что нацисты в Крыму осуществили поголовное уничтожение еврейского населения. Выжить удалось единицам.

Катастрофа еврейства положила конец тысячелетней еврейской истории в Центральной и Восточной Европе. Некоторые светские и духовные деятели считают, что Шоа явилась неизбежным этапом в европейской истории – родовыми муками национального возрождения, или иными словами, ценой искупления. Такие высказывания можно слышать либо от крайних националистов, либо от крайне религиозных евреев.

Трудно поверить, что Ангел-Хранитель Израиля потребовал жизни миллионов детей как цену за национальное возрождение. Конечно, есть беспрецедентное величие во взрыве еврейской энергии и в проявлении непобедимой воли к жизни в борьбе за еврейскую государственность непосредственно после самого ужасного кровопускания и глубочайшего упадка, и отчаяния, которые когда-либо постигали какой-либо народ.

Список литературы

1. Ачкинази И.В. Крымчаки. Историко-этнографический очерк. Симферополь: ДАР, 2000. 192 с.
2. Гельман Б.Н., Глубочанский А.Д. Холокост: катастрофа в Крыму. Симферополь: Экспресс-печать, 2004. 232 с.

3. Гісем О.В., Мартинюк О.О. Голокост в Україні (1941–1945) / Словник-довідник. К.: Сфера, 2007. 194 с.
4. Губенко Г.Н. Книга печали. Симферополь, 1991. 188 с.
5. Круглов А.И. Хроника Холокоста в Украине, 1941–1944. Днепропетровск: НПЦ «Ткума», 2005. 208 с.
6. Крым многонациональный: общественно-политическая литература / Сост. Н. Г. Степанова. Симферополь: Таврия, 1988. 144 с.
7. Крым. Соцветие национальных культур. Традиции, обычаи, праздники, обряды / Сост. Н.В. Малышева, Н.Н. Волощук. Симферополь: Бизнес-Информ, 2003. 400 с.
8. Подольський А. Уроки минулого. Історія Голокосту в Україні. К., 2007. 96 с.
9. Тяглый М. «Расовые враги» и «асоциальные элементы»: политика нацистских оккупантов в Крыму в отношении евреев и цыган. // Историческое наследие Крыма №10, 2005 г. С. 9–22.
10. Холокост в Крыму // Документальные свидетельства о геноциде евреев Крыма в период нацистской оккупации Украины (1941–1944). Материалы ко Второму научно-методическому семинару «Голокост – минуле і сучасне». Симферополь: БЕЦ «Хесед Шимон», 2002. 164 с. (ред сост: Тяглый М.И.)
11. Штейн Эдуард (США). Незамеченные поэты уходящего поколения. // Родина №№ 11–12, 1992 г. С. 24–29.

ФРАНЦУЗСКАЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ДОКТРИНА ЭПОХИ КОРОЛЯ-СОЛНЦЕ В ТРУДАХ И ИДЕЯХ МАРШАЛА СЕБАСТЬЕНА ДЕ ВОБАНА

Овчинников Владимир Михайлович

кандидат исторических наук, преподаватель, Смоленский государственный медицинский Университет, г. Смоленск.

FRENCH GEOPOLITICAL DOCTRINE OF THE ERA OF THE SUN KING IN THE WRITINGS AND IDEAS OF MARSHAL SEBASTIEN DE VAUBAN.

Ovchinnikov Vladimir Mikhailovich, candidate of historical Sciences, lecturer, Smolensk state medical University, Smolensk

АННОТАЦИЯ

В статье на основании использования сравнительно-исторического метода исследования, а также ряда иных, описываются основные аспекты использования фортификационных сооружений во Франции в эпоху раннего Нового времени в рамках военно-политической доктрины абсолютизма, в чем прослеживается инструментализация античного наследия, что во многом подтверждается изучением богатого эпистолярного наследия Себастьена де Вобана. Демонстрируется, что богатая римская политическая практика значительно повлияла на формирование абсолютизма как геополитической доктрины.

ABSTRACT

The article uses the comparative-historical method of research, and also describes a number of other key aspects of the use of fortifications in France in the early modern era in the framework of military-political doctrine of absolutism, where there is the instrumentalization of ancient heritage, which is largely confirmed by the study of the rich epistolary heritage of Sebastien de Vauban. It is demonstrated that the rich Roman political practice significantly influenced on the formation of absolutism as a geopolitical doctrine

Ключевые слова: абсолютизм, лимес, Pre carre, Вобан, фортификация.

Key words: absolutism, limes, Pre carre, Vauban, fortification.

Стоит подчеркнуть, что в период раннего Нового времени в условиях формирования абсолютизма как военно-политической доктрины, основываясь на инструментализации античного наследия, мощные фортификационные сооружения рассматривались, как мы полагаем, не в качестве узлов обороны, а скорее, наоборот, в качестве плацдармов для дальнейшего ведения наступления. Один из очевидцев оккупации Страсбурга написал в 1681 г. следующие строки по данному вопросу: «...этот город – одно из колес повозки, на которой французы въедут в Империю...»[24,р.50]. Кроме этого, они препятствовали действиям мародеров в приграничных областях. Стоит также упомянуть, что, с учетом возрастания роли снабжения в ведении боевых действий, крепости становились чрезвычайно важными сооружениями, обеспечивающими подвоз всего необходимого войскам. В таких условиях невероятно важным был контроль над основными транспортными артериями того периода – реками[5,р.41].

Именно о важности контроля водных перекрестков и переправ на границах указывает интендант из Лотарингии Тюрго, который подчеркивал: «Крепости настолько эффективно контролируют территорию, что позволяет легко заблокировать любой участок водного пути, намного меньшими силами, чем потребуются противнику...»[14,р.115]. Как видно, французы, используя проверенный веками принцип, пытались использовать естественную преграду – Рейн для контроля приграничных территорий, пользуясь римской концепцией лимеса.

Конечно, осады в тот период были делом невероятно дорогостоящим, а Людовику нужны были блестящие победы, стремительные и впечатляющие. Именно в таких условиях появляется военная концепция маршала де Вобана, основанная, как мы полагаем, на богатой античной практике.

Именно в контексте рассмотрения данного вопроса огромный интерес представляет для нас эпистолярное наследие маршала де Вобана. Нельзя не заметить, что до сих пор существует довольно большое количество трудов и мелких записок, принадлежавших этому человеку, но так и не введенных в научный оборот. Наибольшую ценность представляют его работы, рассматривающие различные аспекты военного и политического строительства во Франции в период правления Людовика XIV, а также переписка с крупнейшими французскими военными и политиками того периода. Можно выделить несколько французских изданий, в которых представлены вышеуказанные материалы: в первую очередь, это работа Х. Шотарда[12], посвященная переписке между такими деятелями, как Вобан, Лувуа и Людовик XIV, в которой рассматриваются как проблемы защиты северных границ страны, так и создание единой системы укреплений *Pre saige*; значительный научный интерес представляет для нас также 4х-томная работа Г. Демпинга, посвященная французской административной корреспонденции рассматриваемого нами периода, где периодически фигурируют отчеты Вобана[16]; при этом стоит еще выделить одно издание подобного типа, где представлена корреспонденция Вобана[11,р.23-29], рассматривающая линии обороны на Пиренеях. Стоит также упомянуть об издании, посвященном корреспонденции маркиза де Лувуа где

можно обнаружить продолжительную переписку военного министра Франции с маршалом де Вобаном[25].

Наибольший интерес для нас представляют работы самого маршала де Вобана, посвященные военному и политическому строительству Франции в период правления Короля-Солнце. Наиболее известным и востребованным трудом в военной сфере является «Способ укрепления мессира де Вобана», известная в русском переводе как «Книга об атаке и обороне крепостей»[33]. Данное произведение, в котором рассмотрены три так называемые системы Вобана, в XVIII-XIX столетиях была настоящим учебником по фортификации. В этой книге можно обнаружить целый комплекс практических советов и рекомендаций по фортификации и осадам. Хотя общеизвестно, что маршал Себастьян де Вобан был известнейшим военным инженером своего времени, важнейшие его произведения далеко выходят за рамки его основной деятельности. В так называемых «Военных произведениях господина де Вобана»[34] рассматривается полномасштабная концепция создания вокруг Франции железного пояса крепостей для реализации долго идущих планов короля Людовика XIV. Также эта идея разрабатывается в «Проекте политической карты Европы»[23]. Хотя этим грандиозным проектом деятельность знаменитого маршала не ограничивалась: в его политическом завещании[8] можно обнаружить огромное количество различных политических проектов, таких, как, например, введение во Франции прогрессивного налога – создателем которого экономисты признают именно Вобана; данной проблеме посвящена даже отдельная работа «О королевской десятина»[32]. Также стоит упомянуть об отдельном сочинении, в котором подчеркивался целый комплекс негативных последствий (в первую очередь экономических), связанных с отменой Нантского эдикта[31].

Несмотря на столь широкий спектр вопросов, которые были в сферах интересов Себастьяна де Престра, он все же уделял наибольшее внимание в своих трудах именно военным вопросам, которых касается и в своих мемуарах[4;29]. Причем можно упомянуть и о произведениях по насущным вопросам, которые, в условиях ведения боевых действий, были исключительно важны – такие, например, как интендантская служба, рассматривая которую Вобан опирался на свой опыт в этой области, полученный в Шампани[7]. При всем этом, наибольшая часть наследия Вобана (это несколько сотен планов крепостей), лишь небольшая часть была реализована при жизни автора.

Заостряя внимание на военно-политической концепции маршала де Вобана, стоит заметить, что она развивалась в рамках концепции абсолютизма и имела ярко выраженную практическую направленность[20,р.193].

Основопологающим принципом данной доктрины была безопасность государства, что можно трактовать как залог стабильности экономической и политической системы страны. Как известно, Себастьяном де Вобаном было построено и модернизировано более 300 крепостей, что обуславливает его внимание к теоретическим аспектам использования протяженных систем фортификационных сооружений[28,р.6]. Именно по этой причине в

трудах всемирно известного инженера прослеживается интерес к концепции римского лимеса.

При этом учитывается и тот факт, что в новых условиях крепости становятся, в большей степени, оружием политическим, нежели просто системой защиты особо важных территорий. Подобная трактовка новой роли фортификационных сооружений подразумевала под собой также активное технологическое развитие вооруженных сил государства. Пользуясь выражением самого Вобана, лишь тогда люди стали осознавать изящество великого, все тонкости войны [6, р.98].

Естественно, также стоит упомянуть и о том, что линии обороны применялись, в том числе, и для удержания новых территорий. Мы полагаем, что это попытка воспользоваться римской практикой «политической ассимиляции» новых территорий. Тем не менее, огромную роль играла и оборонительная доктрина Вобана, которая подразумевала под собой создание именно по римскому образцу мощной системы пограничных укреплений. Уже к началу войны за Испанское наследство было создано четыре системы укреплений, прикрывающие территорию всех Нидерландов, пространство от Меца до самого моря [2]. Прибрежным территориям уделялось самое пристальное внимание, в своих воспоминаниях он отзывался об Ипре и крепостях в Южных Нидерландах: «эти два места являются нашим козырем против противника, идущего с моря, так как с самого начала легче будет сдержать его основной удар» [12, р.177].

Также активно применялась практика, унаследованная еще от Ришелье, который использовал цитадели для потенциально опасных городов, что было исключением в рамках общей доктрины [34]. Именно по этой причине Бордо лишился своих укреплений после восстания 1675 г., а Париж – еще в 1670 г. [13, р.422; 21, р.43]. По той же самой причине была возведена грандиозная цитадель Лилля в 1667 г., по сути, это было актом политическим [18, р.199]. Как видно, ориентируясь на римские образцы, была создана глубокоэшелонированная (для своего времени, конечно), линия обороны Франции и ее новых европейских территорий. Уничтожение старых укреплений и возведение цитаделей было, как мы полагаем, в первую очередь, идеологическим актом, нежели политическим.

Вероятно, именно Вобан, несмотря на огромный практический опыт, был одним из идеологов кабинетной войны, когда вся военная машина была подобна механизму, от эффективности работы которого зависела стабильность существования государства. Стандартизируя ведение боевых действий, подчиняя его определенным канонам, любая кампания была подобна драматическому произведению, где повествование разворачивалось шаг за шагом по известной ранее схеме [15].

Более того, некоторые ученые видят в развитии вобановской концепции имитацию механистической картины мира, описанной Ньютоном: «Вобана считали гением механики, систематизации и теоретического анализа, его проекты кажутся нам идеальными, потому что одним из параметров каждого элемента укреплений было также и время, в течение которого последний будет захвачен, что дает возможность очень легко выделить в

рамках каждой его крепости несколько линий обороны, соответственно, каждая из стадий обороны может быть предсказана и просчитана заранее...» [22, р. XXXIV].

Подобное рассмотрение этого процесса позволяет утверждать, что появление подобной концепции ознаменовывает собой завершение формирования военной машины по примеру римской, являющейся частью государственного механизма в качестве одного из его институтов. Это требовало проведения целого комплекса реформ в области экономики и налогообложения, что маршал де Вобан довольно подробно описал в своем трактате «О королевской десяatine» и «Политическом завещании мессира де Вобана» [8; 32; 30].

Для политической стабильности государства также очень важным, по его мнению, является планомерное размещение войск на территории всего государства. Маршал ратовал в большей степени за улучшение подготовки войск, нежели за увеличение их численности. Соответственно, создавая систему коммуникаций, как то: сеть дорог, казарм для войск и госпиталей, как для военных, так и для гражданских лиц, он пытался нормализовать работу французского военного механизма, что позволяло относительно безболезненно включить его в общегосударственную систему.

Итак, для раннего Нового времени характерно создание протяженных и хорошо укрепленных линий фортификационных сооружений, с разветвленной сетью полевых лагерей и казарм, насыщенных артиллерий, которые были призваны нейтрализовать значительные силы противника и лишить его «наступательного порыва». В подобной стратегии довольно четко прослеживается использование римской практики создания цепи грандиозных защитных сооружений (как стационарных, так и временных) – «лимеса» в период применения Римской империей стратегии мобильной защиты. По этой причине, военные специалисты в период «военной революции» в Европе стали довольно активно рассматривать вопрос «об укрепленных местах», ориентируясь, в том числе, на богатую римскую военную практику, в частности на реализацию концепции технологического превосходства над противником [33; 19; 17; 26; 27]. Кроме этого, значительный интерес для европейских военных специалистов и политиков представлял политико-идеологический аспект доктрины «римского мифа», направленный на использования военного механизма государства в целях пропаганды и применения протяженных линий фортификационных сооружений для политического давления на противников.

Таким образом, формируется агрессивная доктрина абсолютизма, основанная на римских принципах милитаризации государственного механизма и активной пропаганды территориальной экспансии государства, выраженной в так называемой дипломатии силы, в которой система *Pres carre*, как продолжение и развитие римской доктрины лимеса, играет весьма существенную роль, запуская механизм военно-технологической гонки в рамках увеличения в прогрессии европейских межгосударственных конфликтов.

По этой причине нам представляется, что территориальное расширение Франции следует рассматривать как результат реализации основных положений военно-

политической доктрины абсолютизма, во многом основанной на богатой античной практике. И именно поэтому Людовик XIV был заинтересован в достижении естественных границ Франции: Альпы – на юго-востоке, Пиренеи – на юге и Рейн – на севере, что можно рассматривать с позиции реализации грандиозного военно-политического проекта, в котором за основу доминирующей политической модели использовалась римская [9, р.73-74;3;10]. Доказательством наличия четкого плана реализации подобного проекта французским королем Людовиком XIV является целый комплекс мирных договоров, превративших Францию в супердержаву своего времени, а также проявления значительного интереса к развитию оборонительного потенциала Франции [1].

Литература

1. Ивонина Л.И. Очерки международных отношений в Европе во время становления Вестфальской системы (1648 - 1715). М., 2005.
2. Anon F. Mémoires des expéditions militaires qui se sont faites en Allemagne, en Hollande & ailleurs, depuis le traité d' Aix-la-Chapelle, jusqu'à celui de Nimégué: Relation de la bataille de Senef en 1674, par M. le prince de Conde'. Campagne de Monsieur de Turenne, commandant les armées du roy en Alsace, l'an 1674. Combat de Talbago, par M. le comte d'Estrées, vice-amiral de France, l'an 1677. Bataille de Mont-Cassel, par monsieur, frère unique de roi, en 1677. Lettres et autres pièces concernant la guerre de 1672. 2 vols, P., 1734.
3. Association Vauban. Vauban et ses successeurs dans les Alpes de Hautes-Provence. Colmars-les-Alpes, 1992.
4. Augoyat.A.M. Mémoires inédits du maréchal de Vauban sur Landau, Luxembourg, et divers sujets extraits des papiers des ingénieurs Hüe de Caligny, et précédés d'une notice historique sur ces ingénieurs, siècles de Louis XIV et de Louis XV. P., 1841.
5. Azan P. Un tacticien du XVIIe siècle. P., 1904.
6. Blomfield R. Sebastien Le Prestre de Vauban, 1633–1707. New York. 1971
7. Brancourt J.-P. L'Intendance de Champagne a la fin du XVIIe siècle. Edition critique des memoires «pour l'instruction du due de Bourgogne». P., 1983.
8. Boisguilbert P. Testament politique de Monsieur de Vauban, marechal de France & premier ingenieur du roi: dans lequel ce seigneur donne les moiens d'augmenter considerablement les revenus de la couronne, par l'établissement d'une dixme royale, & suppression des impots, sans apprehension d'aucune revolution dans l'état. Tome premier.P., 1707.
9. Bornecque R. La France de Vauban. Grenoble: Editions Arthaud, 1984.
10. Bornecque R. Vauban et les Alpes. P., 1995.
11. Bulletin de la Societe des Sciences, Lettres et Arts de Bayonne. Vauban et les fortifications des Pyrenees-Atlantiques. Bayonne: La Bibliotheque, 1984.
12. Chotard H. Louis XIV, Louvois, Vauban et les fortifications du nord de la France, d'après des lettres inédites de Louvois, adressées à M. de Chazerat, gentilhomme d'Auvergne, directeur des fortifications à Ypres. P., 1889.
13. Contamine P. Histoire militaire de la France. tome 1: Des origines à 1715. Paris: Presses Universitaires de France, 1992.
14. Corvisier A. Les Francaiset l'armee sous Louis XIV: d'apres les memoires des intendants, 1697-1698 Vincennes. P., 1975.
15. Debrabant B. Vauban et la fortification du Quesnoy au XVIIe siècle, Invenit, P., 2008.
16. Depping G.B. Correspondance administrative sous le règne de Louis XIV: entre le cabinet du roi, les secrétaires d'état, le chancelier de France, et les intendants et gouverneurs des provinces, les présidents, procureurs et avocats généraux des parlements, et autres cours de justice, le gouverneur de la Bastille, les évêques, les corps municipaux, 4 vols. Paris, 1850–1855.
17. Dogen M. Architectvra militares moderna. Amstelodami, 1647.
18. McCullough R.L. Coercion, conversion and counterinsurgency in Louis XIV's France. B., 2007.
19. Memoires de Montecuculi Generalissime des troupes de L'Empereur. P., 1760.
20. Mousnier R. Louis XV. Paris, 1989.
21. Parker G. The Military Revolution: Military Innovation and the Rise of the West, 1500-1800, Cambridge, 1988.
22. Pollak M. Military Architecture, Cartography and the Representation of the Early Modern European City: A Checklist of Treatises on Fortification in the Newberry Library. Chicago, 1991.
23. Rochas d'Aiglun A. Projet d'une carte politique de l'Europe par Vauban en 1706.P., 1891.
24. Rousset C. Histoire de Louvois, 4 vols. P., 1862-64. Vol.3.
25. Sarmant R. Architecture et Beaux-Arts à l'apogée du règne de Louis XIV. Edition critique de la correspondance du marquis de Louvois, surintendant des Bâtiments du Roi, Arts et Manufactures de France, tome I, Années 1683 et 1684, Paris, éditions du Comité des travaux historiques et scientifiques, Paris: CTHS 2007.
26. The history of Henri de la Tour D 'Auvergne Vifcount de Turenne Marfhal-General of France.L.1735.
27. Ville A. de. Les Fortifications du Chevalier de Ville. Alyon, 1640.
28. Virol M. Vauban et la gloire du roi au service de l'Etat. Paris: Presses Universitaires de France, 2003.
29. Virol M. Vauban S. Les oisivetés de Monsieur de Vauban: ou ramas de plusieurs mémoires de sa façon sur différent sujets. Seyssel (Ain): Champ Vallon, 2007.
30. Vauban S. Ecrits divers sur l'économie (Various writings about economy). Introduction by Jean-François Pernot. P., PUF Published in 1996.
31. Vauban S. Ecrits divers sur la religion. P., 1992.
32. Vauban S. La Dîme royale. P., 1897.
33. Vauban S. Manire de fortifier de Mr de Vauban. Amsterdam, 1689.
34. Vauban S. Oeuvres Militaire du Marechal de Vauban.P., 1794.

РОССИЙСКИЙ ФАКТОР В ПОЛИТИКЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ США В НАЧАЛЕ XXI В.: ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА, ПОСЛЕДСТВИЯ И НАУЧНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

Павловский Андрей Сергеевич

Аспирант факультета истории, социологии и международных отношений Кубанского Государственного Университета, 3-й курс, Краснодар

RUSSIAN FACTOR IN THE POLICY OF NATIONAL INTERESTS OF THE USA IN THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY: THEORY, PRACTICE, CONSEQUENCES.

Pavlovskiy Andrei Sergeevich, Postgraduate student of a faculty of history, sociology and international relations of the Kuban State University, 3-d year of study, Krasnodar

АННОТАЦИЯ

Статья рассказывает о причинах, факторах и последствиях деструктивного характера в отношениях между Россией и США, сложившихся в период международных отношений после «холодной войны». Через критический и системный анализ внешней политики США в отношении России автор статьи выявляет реальные цели Соединённых Штатов и возникшие вместе с этим проблемы научного сотрудничества в области истории между российскими и западными университетами.

ABSTRACT

The article says about reasons, factors and consequences, which have a destructive character in the relationship between Russia and the USA during the period of international relations after «cold war». Using critical and systematic analysis of the foreign policy of the USA towards Russia in the beginning of the 21 century the author identifies the real aims of the United States and emerged problems in historical collaboration between russian and western universities.

Ключевые слова: США, Россия, внешняя политика, интеграция, клинч.

Keywords: USA, Russia, foreign policy, integration, clinch.

В настоящее время гражданский и научный скепсис в отношении российского президента и будущего развития России постепенно отходят на задний план, но сохраняют при этом традиционную озабоченность. Особую поддержку общества В.В. Путин получил после государственного переворота в Украине в начале 2014 г. Зад год президент увеличил число сторонников на треть: до 75-80% граждан. Также за последние шесть лет Российскому государству удаётся:

- преодолевать условия уже второго по счёту экономического шока (кризис 2008 г. и санкции Запада со снижением цен на нефть в 2014 г.);
- оказываться ключевым посредником в урегулировании международных конфликтов.

Появилась ещё одна немаловажная способность. Не секрет, что на протяжении части новой и новейшей истории России приходилось догонять развитые страны по уровню экономического развития. Сегодня экономическая мощь России сама на практике раскалывает Запад. Но, подобный результат не может появиться из ни откуда. Стремительному росту популярности В.В. Путина предшествовал противоречивый, но важнейший участок современной истории России. В этой связи автору статьи хотелось бы вновь окунуться в недалёкое прошлое и выделить из истории России и международных отношений периода 1999 и 2001-го гг. несколько судьбоносных моментов, которые оказались для россиян не столь заметными, но критически важными. Кроме того, в сути противоречий, появившихся между США и Россией после холодной войны, невозможно разобраться в отрыве от общего обзора предшествующих исторических эпох. Это поможет определению политической мотивации государств в их действиях на международной арене в наше время.

Итак, уже несколько лет Россия находится в центре внимания мировой политики. Самостоятельную линию из года в год удаётся проводить вопреки давлению США и их

союзников. Возросший интерес к Российскому государству со стороны мирового сообщества сегодня выражен не только, как к инициативному игроку, умеющему успешно противостоять Западу, но прежде всего, как к центру, усиливающему своими проектами геополитическую и экономическую значимость целого ряда развивающихся стран. Все следят за Россией по разным причинам. Но, за прошедшие 15 лет её внешняя политика показала, что страна обладает глобальным интеграционным потенциалом, способным успешно конкурировать с Западом.

Процессы, происходившие в России после дефолта 1998 г., уже в 1999-2000 г.г. начали входить в противоречие с устройством однополярного мира, ведущее место в котором пока принадлежит США. Известный идеолог внешней политики США З. Бжезинский ещё 17 августа 1994 г. определил одну из главных перспектив для своей страны – окончательный развал России, как государства [1, с. 258]. Но, возросшая активность по осуществлению этого замысла наступила только с началом преодоления Россией процессов саморазложения. После холодной войны страны Запада оказались не заинтересованы в ускоренной экономической модернизации своего бывшего врага и конкурента. Такая позиция обозначила для России массу долговременных внешних и внутренних препятствий по преодолению отсталости от развитых стран и поиску национального самосознания.

Многие эксперты, особенно западные, до сих пор спорят, так это или нет. Служит тому масса справедливой критики, которой до сих пор придерживаются Соединённые Штаты. Среди них: дефолт 1998 г., коррупция и преступность в России, достигшие к 1998 г. небывалых размеров, инфраструктурные и территориальные проблемы, разгул бандитизма и многое другое. Кроме того, первый срок президентства Дж. Буша-младшего и В.В. Путина выглядел достаточно многообещающим для двух стран, особенно после известных терактов 11 сентября 2001 г. в г.

Нью-Йорке и г. Вашингтоне. А торговые связи России и Запада вплоть до финансового кризиса 2008 г. переживали настоящий экономический бум.

Но, зачем же тогда американцам не только отвергать партнёрство с Россией, но и проводить политику милитаризма по отношению к этой выходящей из кризиса стране? Ввиду вышеизложенного задача статьи – определить причины и факторы, оказывающие деструктивную роль в попытках России наладить равноправное сотрудничество с США и странами Запада. Также автор статьи попытался отобразить особенности положения российской исторической науки, сложившегося на Западе в условиях военно-политического сотрудничества между Украиной и Западом.

На протяжении многих веков Российское государство с абсолютным видом монархии расширяло территорию и влияние, не смотря на амбиции своих грозных соседей. Зачастую её позиция была ключевой и в бесконечных межкоалиционных конфликтах Европы. Однако на стыке XIX и XX вв. политический консерватизм Российской империи начал проседать под давлением тех прогрессивных тенденций в обществе, с которыми ещё в XVII-XIX вв. в своих странах столкнулись европейцы и американцы. Нерешённые крестьянский и рабочий вопросы в связке с причинами и результатами Первой Мировой войны привели к коренной ломке многовековой системы устоев Российской империи. Революционерами они воспринимались как пережиток и неэффективное управление страной. Эпоха новейшей истории отвела социалистической России главную роль, вокруг которой уже непосредственно велось формирование противников и союзников. Столетие назад советская идея во многих странах мира стала главной альтернативой против кризиса абсолютизма, феодализма и сомнительности в будущем капиталистического мироустройства. Но, рыночный прагматизм Запада в итоге взял верх над излишней ролью идеологии в СССР и странах социалистического лагеря. После распада Советского Союза и последовавших для всего постсоветского пространства кризисных 90-х гг. XX в. российский фактор теперь уже с присущим американским прагматизмом в системе однополярного мира вновь начал набирать вес. В ходе очередной трансформации политического строя, который идеологически уже не представлял опасности западным капиталам и территории, россиянам казалось логичным полноценное сотрудничество с Западом. Заключённые договора в сфере безопасности, как и послевоенная помощь США западным немцам – были наглядным тому подтверждением. Однако надеждам России на равноправное партнёрство с США и странами Запада не суждено было сбыться, особенно после бомбардировок Сербии авиацией стран НАТО в 1999 г. Но, и до событий в Югославии множество индикаторов указывало на то, что политика Запада в отношении России точно не будет благожелательна. В частности, в интервью В.Р. Соловьёву российский президент официально подтвердил, что 1990-х гг. американские спецслужбы помогали боевикам на Кавказе[2].

Теперь непосредственно о 2000-х гг. Уже 22 февраля 2001 г. в одном из интервью помощник президента США по национальной безопасности К. Райс достаточно откровенно обозначила позицию своей страны по российскому вопросу: «Россия представляет опасность для За-

пада вообще и для наших европейских союзников в частности...Сегодня главная угроза, нависшая над миром, исходит от загнанной в угол России. В том смысле, что часть её ядерного арсенала может попасть в руки государств-изгоев или террористических организаций...В определённый момент её интересы войдут в противоречие с американскими.... Уже в ближайшие годы Россия всё больше будет сближаться с арабскими странами, включая Иран, и вскоре совсем откажется помогать в сохранении мира на земле...»[3]. Упомянула она и об угрозе потери инвестиций в России. Автором статьи фразы вырваны из контекста, однако смысл слов американского политика они не меняют. Кроме того, из результатов внешней политики США, проводимой ими в 2000-е гг., в интервью чётко просматривается заранее спланированное осведомление о грядущих планах американского государства в регионе Ближнего Востока и подготовке международного общественного мнения против России. К. Райс намеренно попыталась ввести мировую общественность в заблуждение о том, что Россия заинтересована в распространении ядерного оружия. Также без труда предугадав негативную реакцию со стороны России на планируемые «цветные революции» и на сотрудничество США с исламскими странами и отдельными организациями, стремящимися к воссозданию халифата Мохаммеда, советник заранее обвинил Россию в поддержке так называемых стран-изгоев. Это изначально может показаться крайне абсурдным и подозрительным. Однако, подтверждением того, что это был не прогноз, а констатация грядущих действий, служат ещё как минимум несколько свидетельств и документов, принадлежащих структурам США.

Меньше, чем за месяц до интервью, 31 января 2001 г. прошло первое заседание президентской администрации в Белом доме, посвящённое первоочередным задачам по внешней и оборонной политике, где среди массы важнейших вопросов для дальнейшего будущего США были:

- обоснование увеличения оборонного бюджета;
- оценка угроз и вызовов Соединённым Штатам в XXI в.;
- доказательство необходимости развёртывания работ по созданию систем противоракетной обороны и проведения серии испытаний новейших элементов этой системы;
- контроль над распространением ОМУ;
- обоснование сценариев запланированной войны в Ираке и военной операции в Афганистане;
- проведение сложной переговорной дипломатии с членами НАТО, Россией и Китаем по вопросам НПРО;
- экстренная реорганизация министерства обороны;
- поиски вариантов доступа к иракской нефти и альтернативным источникам энергоресурсов для американской экономики;
- обоснование ускорения американской экспансии в различных регионах мира[4, с. 107].

Постановкой и проработкой этих вопросов занялись пришедшие в администрацию Дж. Буша-младшего неоконсерваторы – одни из самых радикально настроенных сторонников единоличного лидерства США в мировой политике и экономике. К реализации подобной стратегии они решительно призывали ещё на перекрёстке первого и второго президентского срока Б. Клинтона [5, с. 31].

Любопытным документом, который так же обозначил основу сценария внешней политики администрации Дж. Буша-младшего является подготовленный 13 декабря 2000 г. разведывательными службами и неправительственными экспертами США доклад под названием «Global Trends 2015» (Глобальные тенденции 2015)[6]. В документе отдельное внимание уделяется грядущему развитию стран бывшего СССР. В нём Россия к 2015 г. представляется отсталой страной, которая не сможет справиться с последствиями распада СССР. Её научный и экономический потенциал останется далеко позади Запада и даже других развивающихся рынков. Помимо всего прочего в прогнозе Соединённые Штаты ясно дали понять, что намерены в дальнейшем ослаблять экономические возможности России, развивая в обход неё всевозможные альтернативные варианты поставок энергоносителей. Любопытно, что американские учёные согласны с рядом российских коллег, которые потеряли надежду и спрогнозировали к 2015 г. в России сокращение населения со 145 до 130-135 млн чел[7, с. 68-70]. Получается, что в интервью слова К. Райс были далеко не собственным мнением и заложили базис отношений США с Россией в XXI в. А этот публичный и, казалось бы, рутинный документ ясно выразил то, Россия точно не получит свой «план Маршалла».

Спустя полтора десятилетия американско-российские отношения мало в чём изменились. Сегодня их основным индикатором являются трагические события в Украине, произошедшие в начале 2014 г. Хотя есть немало общих угроз. Создание на границе с Россией одного из крупнейших националистических держав в Европе может оказаться разрушительным не только для самой Украины, но для всего европейского региона.

Необходимо отметить, что это первый переворот на постсоветском пространстве, когда американцы его открыто поддержали. Прежде они старались действовать завуалированно. Настоящим откровением стали слова о смысле «цветных революций», сказанные в 2005 г. в кулуарах саммита «Перемирия» советником президента США по вопросам стран Востока П. Джарифом: «Это-волна, это цунами, которое несёт на задворки истории режим Путина и Лукашенко!». Французские журналисты «Kanal+» зафиксировали и включили эту речь в документальный фильм «США: покорение Востока».

Открытая поддержка реваншистов-националистов Украины Соединёнными Штатами в очередной раз ударила по их имиджу в странах-членах ОДКБ, Китае и многих других государствах. Постепенно американцы теряют контроль над Европейским Союзом, который несёт потери не меньше России и с 2008 г. практически не развивается. ЕС – образование специфическое, которому для существования в прежнем виде не подойдёт ни рецессия, ни стагнация, а только уверенный рост. Учитывая то, что часть России от западных её границ до Урала со 100-миллионным населением была около 20 лет практически неотъемлемой частью 500-т миллионной Европы, то откол от неё 1/6 российской части грозит неминуемым обострением социальных противоречий и экономической деградацией уже в ближайшей перспективе. Постоянные контакты глав государств Германии и Франции с США и Россией по собственной инициативе – есть осознание того, что Россия, в случае агрессии Украины и даже прибалтийских госу-

дарств, непременно отодвинет от себя угрозу. По принципу домино может усилить свои позиции польский национализм, который войдёт в противоречие с немецким. Затем по цепочке этот процесс перекинется на остальную Европу.

Впрочем, отказ европейских держав от поддержки США на поставки оружия на Украину обозначили некоторые границы влияния США на своих союзников. Если американцы будут действовать самостоятельно, то очевидно, что они потеряют Германию и Францию – ключевых союзников по континентальной Европе. Пока Соединённые Штаты находятся в тупике, но угроза масштабных боевых действий сохраняется. Не исключены скрытые поставки летального оружия Украине. В долгосрочной перспективе основную опасность для России представляет политика воспитания в Украине молодого поколения. Молодых украинцев учат ненавидеть и убивать русских на основе ложных исторических данных. Не исключено, что и евреев и поляков. Поэтому последние визиты в Россию на майские праздники канцлера Германии А. Меркель и госсекретаря США Дж. Керри имеют лишь чисто символическое значение.

Также есть в этой «игре» с одной стороны причудливые, а с другой – довольно серьёзные детали, которые самым непосредственным образом задавают отечественную науку. Суть их состоит в том, что в России постепенно повышается роль государственных институтов в жизни страны и её граждан: авторитет президента, армии, образовательных, спортивных и других учреждений.

В США пример той же пресловутой Дж. Псаки – назначение её на должность пресс-секретаря государственного департамента говорит о полном провале американской дипломатической службы при одной из лучших дипломатических школ в мире. Подобная симптоматика может указывать только на то, что в действительности правительство США уже давно связано «по рукам и ногам» со стороны своих экономических кругов и их агентов.

К этому дополняются довольно разрозненные комментарии профессоров и преподавателей таких престижных западных ВУЗов, как университетов Гарварда, Оксфорда, Кембриджа, Принстона и многих других, на высказывания об искажении исторических фактов польскими и украинскими политиками. Что также вызывает дискредитацию и недоверие к образовательным институтам Запада в области исторических наук. Отдельные выступления учёных Запада не имеют никакой информационной роли. А ведь, чтобы поступить туда и учиться, люди платят десятки тысяч долларов и евро. В этой связи, не хотелось бы нарушать традиционное сотрудничество между ВУЗами Запада и России, но было бы логичным и справедливым – через ключевые СМИ высказать или постоянно высказывать крайнее недовольство, озабоченность и протест единым многотысячным коллективом российских учёных в адрес западного экспертного сообщества, не давая им самоустраниться от дискуссий. Необходимо также настаивать на всевозможных открытых конференциях по этой проблематике. Проведённый в конце марта 2015 г. американско-российский форум с участием нескольких сенаторов от США, отдельные интервью и анализы ведущих западных экспертов по России – есть скромное подтверждение тому, что история России должна защищаться более настойчиво. С помощью научного сообщества Запада

можно и нужно выйти на его общественное мнение. В любом случае вопрос достоин обсуждения. Ведь, невозможно бесконечно игнорировать и слышать абсурдные теории о «древних украх», об освобождении польских концлагерей украинскими войсками и многое другое. Рано или поздно на основе заблуждения учёные США и Западной Европы должны войти в клинч с выдумщиками из Польши и Украины, и избавить свои институты от самодискредитации. Можно также западному экспертному сообществу предложить создать единые стандартные учебники по международным отношениям или всеобщей истории, по которым учились бы в России, на Западе или где бы то ни было.

История ни в коем случае не должна превращаться в миф, а её фундамент не должен подвергаться сомнению. Необходимо отметить, что и у нас в стране достаточно лжеучёных, распространяющих через печать различные теории о том, что Русское государство когда-то имело всемирный охват и, по подобию Золотой Орды, ассимилировалось и самоустранилось. Или, например, что чуть ли не все первобытные люди имели славянские или русские корни. Нет сомнений в том, что такие учёные – патриоты своей страны, но подобные тенденции – есть крайняя озабоченность судьбой России после распада СССР. У любителей альтернативной истории популярностью пользуются теории Н.В. Левашова и Ю.Д. Петухова. Но, ересь не должна маркироваться как документальная или научная литература. В России такие направления истории не угрожают национальной безопасности, но в Украине видны результаты подобной деятельности. Популяризация альтернативной истории может привести к росту национального самомнения, окончательной потери авторитета советской школы и российской академии наук, возрождению национализма и необоснованным территориальными претензиями к другим государствам.

Что же касается глобальных опасений США по поводу единоличного мирового доминирования, то одним из следствий холодной войны стала общеисторическая тенденция перехода международного сообщества к реформам правого толка, как к возможно более эффективному варианту управления обществом в отдельно взятом государстве. Характерные изменения, по подобию стран Запада, призваны обеспечить естественные права граждан, прагматичность во внешней политике, экономике и более многогранное использование интеллектуально потенциала, нежели это делалось ранее. Первым по исключительности США в 1979 г. ударил китайский лидер Дэн Сяопин, который дополнил социалистический строй страны элементами рыночной экономики. Второй удар спустя двадцать лет по США нанёс В.В. Путин, наконец начав насыщать путь новой России политическим и экономическим прагматизмом. Распад стран социалистического лагеря сформировал контуры многополюсного мира и поспособствовал образованию единого глобального рынка, таким образом поставив точку в исторической роли Вашингтона, как главного распространителя демократических ценностей по всему миру. Эти процессы автоматически и вступили в противоречие с национальными интересами Соединённых Штатов, поскольку в перспективе обозначили окончательное смещение Вашингтона с позиции мирового лидера. Схожее видение имеется и у

президента Чехии М. Земана: «В долгосрочной перспективе Россия станет членом Европейского Союза. Если вам это не нравится, можете считать, что ЕС вступит в РФ» [8].

Не способствовал полноценному формированию многополюсного мира и военизированный экономический уклад США, который более полувека был предопределён отношениями с СССР. Характерные признаки утери Соединёнными Штатами мирового экономического лидерства проявились в августе 2011 г., когда правительство США искусственно вернуло себе высший кредитный рейтинг национального агентства «Standard and Poors» и уволило его директора. Подобные параллели можно провести с СССР, который начал терять контроль над Венгрией в 1956 г. и Чехословакией в 1968 г. Рецидивы холодной войны сформировали модель поведения США в XXI в.

После распада СССР ещё немало лет американцам успешно удавалось реализовывать политику ослабления России, пользуясь её экономическими слабостями и политической дезориентацией российского общества. Поскольку сегодня США уже фактически потеряли рычаги влияния на сознание российских граждан, то остались у них только инструменты экономического давления. Давления очень весомого, но всё же ограниченного. За последние двадцать лет Соединённые Штаты с их концепцией мирового единоличного лидерства умудрились испортить отношения практически со всеми глобальными игроками. Отсюда вытекает стратегия создания элементов национальной противоракетной обороны. А российский фактор во внешней политике США – это очередная брешь в системе однополярного мироустройства, которая способна в среднесрочной перспективе привести США к самоизоляции. В любом случае, оптимальным развитием Соединённых Штатов видится постепенная реформа их вооружённых сил. Гигантские суммы, ежегодно выделяемые на оборонный бюджет, должны быть сокращены и перераспределены по насущным экономическим направлениям. Главным же залогом существования России среди стратегических отраслей считаю атомную промышленность. Причём не только ядерное вооружение. Чем больше Россия будет строить по миру атомные станции и другие энергетические объекты, тем меньше мотивов у мирового сообщества будет для её разложения.

Литература

1. Леонтьев. М.В. Большая игра. Астрель-Спб, Спб., 2008. – 258 с.
2. URL: <http://lenta.ru/articles/2015/04/26/president/>
3. URL: <http://lenta.ru/world/2001/02/22/rice/>
4. Савосин М.В. Эволюция концепций национальной безопасности США: внешнеполитический аспект (90-е гг. XX в.- начало XXI в.) (Диссертация канд-а ист. н-к). М., МГОУ, 2006. – 107-108 с.
5. Павловский А.С. Наследие социально-политической эволюции стран Запада и России в XXI в. Саарбюккен, LAP, 2014. – 31 с.
6. URL: <http://fas.org/irp/cia/product/globaltrends2015/>
7. Там же.
8. URL: <http://russian.rt.com/article/87393?123>

Н.В. ВОЛЬСКИЙ (Н. ВАЛЕНТИНОВ) – ПРЕДСТАВИТЕЛЬ РОССИЙСКОГО ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО СОЦИАЛИЗМА*

Протасова Ольга Львовна

кандидат ист. наук, доцент, Тамбовский государственный технический университет, г. Тамбов

Protasova Olga, Candidate of Science, assistant professor of Tambov State Technical University, Tambov

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются основные этапы жизни известного русского социал-демократа, философа-марксиста и публициста Н.В. Вольского (Валентинова); анализируются его идейные убеждения и принципы, дающие возможность причислить Вольского к представителям российского демократического социализма.

ABSTRACT

The article deals with the main stages of the life of the famous Russian Social Democrat, Marxist philosopher and essayist N.V. Volsky (Valentinov); analyze his ideological beliefs and principles that enable ranked Volsky representatives of the Russian democratic socialism.

Ключевые слова: Н.В. Вольский (Валентинов), марксизм, демократический социализм, большевики, меньшевики.

Keywords: N.V. Volsky (Valentinov), Marxism, democratic socialism, the Bolsheviks, the Mensheviks.

В советской историографии практически отсутствовал жанр политического портрета: биографические факты даже наиболее почитаемых, «разрешенных» исторических фигур излагались довольно скудно и далеко не всегда объективно. Вероятно, поэтому впоследствии таким спросом стали пользоваться именно личностно-портретные характеристики, включающие социодемографические, физические, психологические аспекты жизни и активности исторических героев, многое объясняющие в их политической ориентации, характере деятельности и – в конечном итоге – самой судьбе.

А.Ю. Суслов, обозревая современную историографию российских социалистических партий, отмечает «общую тенденцию развития отечественной историографии меньшевиков, которая, преодолевая стереотипы идеализации отдельных фигур, приближается к созданию полноценной научной истории российских социалистических партий» [5, с. 339]. Тем не менее, еще далеко не все значимые фигуры марксистов российского прошлого всесторонне изучены и по достоинству оценены. К категории таких интереснейших исторических персон относится, на наш взгляд, экономист, философ, публицист Николай Владиславович Вольский (его самый известный псевдоним – Валентинов).

Николай Владиславович Вольский (другие псевдонимы – Самсонов, Юрьевский) родился 7 (19) мая 1879 года в г. Моршанске Тамбовской губернии в семье уездного предводителя дворянства. В 1896 году он закончил местное реальное училище, затем продолжал образование в столице. 1890-е гг., как известно, ознаменовались острой борьбой между народничеством – уже привычной российской идеологией и идейной новинкой – недавно появившимся на русской сцене марксизмом. Вместе со значительной частью тогдашней молодежи Николай Владиславович примкнул к последнему. Вот как сам Вольский объяснял свой выбор: «Мы обеими руками хватали марксизм потому, что нас увлекал его социологический и экономический оптимизм, ...крепчайшая уверенность, что развивающаяся экономика, развивающийся капитализм (отсюда и внимание к нему), разлагая и стирая основу старого общества, создает новые общественные силы (среди

них и мы), которые непременно повалят самодержавный строй со всеми его гадостями... Марксизм был вестником, несущим обещание, что мы не останемся полуазиатской страной, а из Востока превратимся в Запад, с его культурой, его учреждениями и атрибутами, представляющими свободный политический строй...» [1, с.50-51].

Студентом Петербургского технологического института Вольский вошел в марксистский кружок, за что из института был исключен и выслан под гласный надзор полиции в Уфу, где прожил до 1900 года, работая в железнодорожных мастерских. Затем Николай Владиславович поступил в Киевский политехнический институт (Высшую техническую школу), и его революционная деятельность стала еще более осмысленной и активной. Страстный, волевой, азартный и физически сильный, он слыл хорошим оратором и человеком, которому можно доверить самое рискованное задание. В 1901 г. он был арестован за участие в демонстрации и провел полгода в Бутырской тюрьме. По освобождении вернулся в Киев и в 1902-03 годах работал корреспондентом в «Киевской газете». В 1903 г., в год раскола РСДРП, примкнул к большевикам. В том же году вновь последовал арест, и после 12-дневной голодовки, основательно подорвавшей его здоровье, в самый канун 1904 г. Вольский был выпущен из тюрьмы, после чего был вынужден эмигрировать. Тайно перейдя границу, он добрался до Женевы, где был представлен Ленину и, будучи тогда «стопроцентным ленинцем» и «активнейшим большевиком» [3, с. 70], стал его постоянным собеседником (по выражению самого Вольского, «лейтенантом» [там же]). Псевдоним «Самсонов» (под этой фамилией Вольский жил за границей), кстати, придумал Ленин: библейский Самсон утратил силу вместе с волосами, а Вольский – вследствие голодовки. Симпатией Ленина, впрочем, молодой марксист пользовался лишь несколько месяцев, затем обнажились различия в оттенках взглядов, несходство характеров и – что послужило мотивом разрыва – отношение к философии. Разногласия в их спорах (Н. Вольский стремился дополнить марксизм идеями Э. Маха и Р. Авенариуса) вызвали яростные нападки Ленина, вплоть до обвинений оппонента в ревизионизме и обскурантизме.

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект 15-01-00157а.

В 1904 г. Н.В. Вольский ушел из большевистской организации, так как не мог принять идейной нетерпимости и моральной неразборчивости большевиков. В этом оказалась одна из характерных его черт: духовная свобода, недопустимость поработки себя какой бы то ни было партийной «линией», если та расходится с объективной правдой в понимании самого Вольского-Валентинова. «Мы находили, – вспоминал он, – что служение революции, «общественному благу» не должно чувствоваться долгом, должно быть чувство свободного «я того хочу» [2, с. 47].

Вернувшись в том же году в Россию, Николай Владиславович примкнул к меньшевистской группе, но, по собственному признанию, меньшевиком был «плохим». Ему было неловко называться меньшевиком, словно он присваивал чужой титул. Он явно тяготел к ревизионизму, пытаясь критически пересмотреть некоторые из основных положений марксизма. Когда, после долгого сопротивления обвинениям со стороны Ленина в ревизионизме, в результате упорных размышлений о своих философских пристрастиях Вольский наконец сам признал себя ревизионистом, ему сразу стало морально легче настолько, словно он «вынул занозу из мозга» [2, с.173].

В межреволюционные годы Н.В. Валентинов занимался, главным образом, публицистикой, активно печатался в периодических изданиях, включая такие влиятельные газеты, как «Киевская мысль» (1908-1911) и «Русское слово», где он был фактическим редактором (1911-1913). В 1908 г. он опубликовал книги «Философские построения марксизма» и «Э. Мах и марксизм». Валентинов полагал, что «новая философия марксизма» может быть построена путем соединения принципов марксистского учения с «ценными сторонами» философских принципов «критического реализма» Р. Авенариуса и Э. Маха.

В сфере политики, подытоживая опыт Первой русской революции, с 1907 г. Валентинов встал на позиции меньшевиков-«ликвидаторов». Отношение Ленина к меньшевикам-легалистам было уничтожающе непримиримым – называя их «столыпинской рабочей партией», он писал: «Ликвидаторы — это мелкобуржуазные интеллигенты, посланные буржуазией нести либеральный разврат в рабочую среду» [4, с. 80].

Если политику Ленина в революцию 1905-1907 гг. Валентинов считал «вреднейшей», то захват власти в 1917 г. – «актом преступным» [3, с. 70]. В первые послереволюционные годы (1917-19) Н.В. Валентинов, внимательно следя за Лениным и его государственной деятельностью, не находил в ней ничего созидательного, считал бессмысленным «почти все, что тогда делалось» [3, с.71]. Отношение его к Ленину и историческим перспективам страны стало постепенно меняться с 1921 г., с началом новой экономической политики: давний противник Ленина уже «с радостью видел, как постепенно снимаются со страны удушающие ее обручи военного коммунизма» [3, с.29]. На взгляд Валентинова, Ленин был уже не тот, что бросал массам лозунг «Грабь награбленное!», звал «на всех парах нестись к социализму» и «поголовно всем по очереди управлять государством» [там же]. Видя, что политика НЭПа встречает ожесточенное сопротивление в партии и вождь большевиков мужественно и энергично, даже грозя отставкой, это сопротивление преодолевает, Валентинов, почувствовав к Ленину отголоски былой симпатии, «стал искренне жалеть его» [там же].

В самом начале 1920-х гг. у целого ряда представителей российской социалистической интеллигенции не-большевистского толка (меньшевиков, эсеров, народных социалистов) возникла потребность работать для нового государства, «содействовать скорейшему восстановлению хозяйства и нормальной жизни» [3, с.56]. Непривычная для них, людей знающих и деятельных, роль созерцателей перестала их удовлетворять, тем более что для планомерной, конструктивной работы в области государственного строительства, развития экономики, в социальной сфере у большевиков катастрофически не хватало собственных кадров. При всем неприятии Лениным меньшевиков, которых он «отбрасывал и преследовал как политических деятелей», он ценил их в качестве «спецов». В этом случае они «подлежали тому особому благожелательному уходу, которое к специалистам вообще проявлял Ленин три последних года своей жизни» [3, с.57].

К этой группе принадлежал и Валентинов. Обладая богатейшими знаниями в различных областях, в том числе в экономике, и недюжинной энергией, он в 1922 г. поступил на работу в ВСНХ, фактически редактируя его орган – «Торгово-Промышленную газету», и делая это с энтузиазмом.

В декабре 1922 г. в Москве сложился неформальный кружок из девяти интеллигентов-хозяйственников, главным образом меньшевиков, высоко ценившихся как специалисты в годы НЭПа. Помимо самого Валентинова, в эту группу вошли В.Г. Громан, П.Н. Малянтович, Л.Б. Каффенгауз [3, с. 33] и др. В шутку названный его участниками «Лигой объективных наблюдателей», кружок представлял собой интеллектуальную оппозицию режиму. Программным документом (если это применимо к интимному кружку единомышленников) стал меморандум «Судьба основных идей Октябрьской революции», в котором все участники «Лиги наблюдателей» признавали, что «жизнь разбила и отказалась принять» [там же] базовые тезисы Октября. Среди таковых потерпели, в частности, крушение ленинские убеждения о неизбежности мировой социалистической революции, необходимости управления государством «поголовно всем населением», замене торговли планомерным распределением продуктов и т.д.

Валентинов оказался, по-видимому, единственным из «наблюдателей», кто благополучно пережил годы сталинских «чисток», не без помощи случая. В 1928 г. он был командирован в Париж, где был редактором органа советского торгпредства «Экономическая жизнь Советов» (на французском языке). В 1930 г. он перешел на положение эмигранта – именно в это время в СССР шли аресты экс-меньшевиков и готовился открытый процесс по инспирированному ОГПУ делу «Союзного бюро меньшевиков». В эмиграции Валентинов жил в Париже и вплоть до своей смерти в 1964 г. работал на литературной ниве, публикуя статьи во многих эмигрантских и западных изданиях, а также подводя итоги своей долгой и насыщенной жизни в мемуарах. Книгу Н.В. Валентинова «Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. Годы работы в ВСНХ во время НЭП. Воспоминания» по праву считают не только историко-мемуарным произведением, но и объективным научным документом о нэпе. В книге автор достоверно воссоздал атмосферу эпохи

1922-1928 гг., которую ощущала российская интеллигенция: еще не развеялись до конца надежды на демократизацию советского строя, но уже явственно ощущались симптомы предстоящей сталинской диктатуры.

Трудно сказать, почему серьезное изучение жизни и творчества Н.В. Вольского (Валентинова) историография до сих пор обходила стороной. Возможно, дело в его недостаточно четкой партийной самоидентификации: входя сначала в большевистскую, а затем в меньшевистскую организацию, он сопротивлялся всякой идейной одномерности и догматизму, являясь, по сути дела, социал-демократом вообще, поборником умеренного, разумного, эволюционного социализма. Лучше всего, на наш взгляд, ему подходит «звание» даже не социал-демократа, а «демократического социалиста». Понятие «демократический социализм» указывает не только на идеологическую ориентацию человека, но и на его отношение к жизненно-ценностным установкам, методам деятельности, в том числе и в политической практике. Демократический социалист не мог руководствоваться принципом «цель оправдывает средства», не мог воспевать диктатуру (как это делал, например, социал-демократ Ленин); для него ценностно-рациональное действие (по М. Веберу) естественно и справедливо. Вольский, состоя в партийных группировках, не принадлежал к их организационной верхушке, к числу вождей и теоретиков-разработчиков партийных платформ; он скорее выступал как свободный философ, критик, интерпретатор марксизма. После 1921 г.

Вольский – Валентинов, формально не принадлежал ни к какой партии, весьма много и плодотворно работал на советскую власть и как специалист оценивался очень высоко, но деятельность таких «технических» кадров было не принято поэтизировать. Впоследствии написав ряд интереснейших и ценнейших мемуаров, Валентинов, на наш взгляд, переключил внимание исследователей со своей персоны на своих других героев. В умении сделать это, наверное, и заключается «высший пилотаж» мемуариста.

Литература

1. Валентинов Н.В. Встречи с Лениным. – Нью-Йорк, 1981. С. 50-51. Режим доступа к изд.: <http://www.litmir.me/br/?b=44025&p=2>.
2. Валентинов Н. Недорисованный портрет. – М.: Терра, 1993.
3. Валентинов Н. (Вольский Н.). Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина Годы работы в ВСНХ во время НЭП. Воспоминания / Сост. и авт. вступ. ст. С.С. Волк. – М., 1991. С.4-5.
4. Ленин В.И. Полн. собр. соч., 5 изд. М., 1966. Т. 23. – Режим доступа к изд.: <http://bse.sci-lib.com/article070244.html>.
5. Сулов А.Ю. Российские социалисты после октября 1917 года в отечественной историографии. – Казань: изд-во КНИТУ, 2013.

К ПРОБЛЕМЕ СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЫ

Салиева Камилла Аймуратовна

Ученица 11 класса Экономического лицея, г. Астана, Республика Казахстан

Жанатаева Улбосын Камальбековна

Доктор политических наук, Ученый секретарь АО «Центр военно-стратегических исследований» г. Астана, Республика Казахстан, «Война дает право завоевателям диктовать покоренным любые условия», Ю.Цезарь

Целью данной работы является исследование проблемы войны в современных условиях.

Научный интерес к данной теме, на наш взгляд, вполне закономерен, в связи с тем, что сегодня сложно найти на Планете Земля континент, где не происходят войны либо вооруженные конфликты. «За период с 1945 по 1990 гг. всего 3 недели на Земле не было ни одного вооруженного конфликта. Назвать годы с 1945 г. и до сегодняшнего дня «послевоенной эпохой» - значить объединить трагедию с иронией» [1].

В первую очередь, рассмотрим сущность термина «война».

«Война – это конфликт между политическими образованиями/государствами, политическими группировками - происходящий в форме вооруженного противостояния, военных, боевых действий между их вооруженными силами. В ходе войны происходит навязывание нападающей стороной собственной воли, идеологии защищающей стороне, уничтожение, захват территории, людских и других ресурсов. Один субъект политики может изменить поведение другого посредством силы, оружия» [2].

Известный прусский офицер Карл Клаузевиц внес большой вклад в изучение данной проблемы, который своим произведением «О войне» в 1832 г. произвел переворот в теории и основах военных наук.

Несмотря на его знаменитое высказывание, которое некоторыми экспертами подвергается критике: «война есть продолжение политики иными средствами», он уделяет большое внимание политическим аспектам и стремится выяснить, насколько судьба армий зависит от силы и слабости полководцев».

«Всякая эпоха – с точки зрения Клаузевица, имела собственные войны, собственные ограничивающие условия и свои затруднения. Каждая война имела также свою собственную теорию» [3]. И здесь невозможно не согласиться с точкой зрения военного офицера, потому что и Первая мировая война (1914-1918 гг.) и Вторая мировая война (1939-1945 гг.) обладали «собственной теорией», являлись закономерным процессом исторического процесса того периода, были развязаны империалистиче-

скими державами, ставившими своей целью насильственного захвата другой территории и навязывания своей воли.

«Война, по мнению Клаузевица – это акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить волю противостоящей стороны»[3].

Таким образом, по его мнению, «физическое насилие является средством, а целью будет - навязать противнику свою волю. Для вернейшего достижения этой цели мы должны обезоружить врага, лишить его возможности сопротивляться»[3].

Через исследование Карла Клаузевица «красной нитью» проходит интересная, на наш взгляд, мысль, что «война движется и развивается в противоречиях». Заслуга Клаузевица заключается в том, что он решительно отверг представление о войне, как о самостоятельном, независимом от общественного развития, явлении.

«Ни при каких условиях, - утверждает Клаузевиц, - мы не должны считать войну, как нечто самостоятельное, а как орудие политики. Вне политики война невозможна. Всегда в человеческом обществе войны вызывались политическими мотивами. Война в человеческом обществе - война целых народов и притом народов цивилизованных - всегда вытекает из политического состояния и вызывается лишь политическими мотивами», - отмечает Клаузевиц»[3].

Почти столетие прошло со дня выхода в свет работы прусского офицера теоретика, но его взгляды актуальны и сегодня.

С одной стороны, «мир переживает острый мировоззренческий и ценностный кризис, подчеркивает в ежегодном послании президент Республики Казахстан Н.А.Назарбаев. Все чаще раздаются голоса, возвещающие о противоборстве цивилизаций, конце истории, провале мультикультурализма» [4].

С другой стороны, на протяжении последнего десятилетия мы стали свидетелями серьезных потрясений, которые привели к смене власти в различных странах Восточной Европы, Ближнего Востока, Кавказа и Средней Азии.

Количество вооруженных конфликтов в новом тысячелетии не сократилось, а наоборот, они возникают в различных точках. Более того, объектом атаки практически может быть любая страна.

«Мировые войны XX и XXI веков объединяет их абсолютное подчинение Закону непрерывности войн, выведенному генералом А.Е. Снесаревым (1865-1937 гг.), крупнейшим военным теоретиком и стратегом царского и советского времени, «русским Сунь-Цзы» [5]. По мнению военного эксперта Шернева Л.И. «на протяжении целого столетия последовательно одна мировая война превращалась в другую»[5].

Известные исторические события в Косово, Грузии, Тунисе, Египте, Украине активно обсуждаются политиками, становятся объектом исследования ученых. Каковы их причины?

Часть научного сообщества объясняют причины данных событий закономерными процессами демократизации. А другая часть исследователей отмечает активное

участие внешних сил, которые преследуют свои экономические и политические интересы – иными словами, свержение действующей власти происходило с использованием нетрадиционных методов войны, можно утверждать являлись проявлением современных технологий в войнах нового поколения. Что мы подразумеваем? Главный смысл заключается в том, что в современных конфликтах так называемый боевой фронт, как таковой мы наблюдали в годы Второй мировой войны – отсутствует, но используются другие тактики. В этом случае появились и используются термины «гибридная война», либо «асимметричная война».

Если обратиться к термину «асимметрия» - это означает отсутствие либо нарушение симметрии, в отношении асимметричной войны – подразумевается война «между противниками, в военных силах которых имеется существенный дисбаланс либо которые применяют кардинально различные стратегии и тактику. Слабая сторона в этой войне использует нетрадиционные: партизанскую, психологическую войну, террористические акты, поддержка антиправительственных группировок и движений» [6].

В настоящее время в понятие асимметричного конфликта включаются концепции «войны четвертого поколения». В этом случае, примером асимметричного конфликта можно считать террористический акт 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке.

В данной работе мы лишь обозначили проблему, имеющую научно-практическое значение. Данная тема для исследователей постсоветского пространства новая и продиктована информационным вакуумом.

Понимание концепции асимметричной войны поможет обогатить знаниями ведения геополитической борьбы Республики Казахстан с целью отстаивания собственных геополитических и экономических интересов.

Список литературы

1. Цитата по: Политология. Под ре. Краснова Б. – М., 1995.
2. Война // <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%BE%D0%B9%D0%BD%D0%B0>
3. Клаузевиц Карл. О войне // http://royallib.com/read/klauzevits_karl/o_voyne.html#0
4. Назарбаев Н.А. Послание Президента Республики Казахстан Н.А.Назарбаева народу Казахстана. 14 декабря 2012 г. Стратегия «Казахстан-2050» - Новый политический курс состоявшегося государства // http://www.akorda.kz/ru/page/page_poslanie-prezidenta-respubliki-kazakhstan-n-nazarbaeva-narodu-kazakhstan-14-dekabrya-2012-g_1357813742
5. Шершев Л.И. Четвертая мировая война и ее исторические особенности // http://topwar.ru/print:page_1_6742-chetvertaya-mirovaya-voyna-i-ee-istoricheskie-osobennosti.html
6. Асимметричная война // https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D1%81%D0%B8%D0%BC%D0%BC%D0%B5%D1%82%D1%80%D0%B8%D1%87%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D0%B2%D0%BE%D0%B9%D0%BD%D0%B0

О ВЫХОДЕ ИСТОРИКОВ ИЗ ТУПИКА ИСТОРИОГРАФИИ. ВЯТСКОГО КРАЯ

Серкин Сергей Павлович,

историк-краевед. г. Слободской Кировской обл

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена критической оценке существующей историографии древнего периода Вятского края и необходимости её пересмотра.

Ключевые слова: парадигма, региональные историки, историография, игнорирование фактов, вятские (татарские князья).

В фундамент историографии Вятского края во время её становления, был заложен такой поздний источник XVIII в. как «Повесть о стране Вятской». В ней сообщалось о выходе новгородцев со своих земель в 1174 г. и затем появлении их на реке Вятке в 1181 г. Новгородцы в тот период, будто бы построили свои городки с главным городом Хлыновым, где жили 278 лет «самовластвующее правими и обладаемаи своими жители и нравы своя отеческие и законы и обычаи новгородские имяху на лета многа до обладания великих князей российских» [35, с.8-9].

История появления этой «Повести» следующая. Она была получена геодезистом Клешниным в 1739 г. в городе Хлынове, во время поиска им различных летописных материалов и хронографов и передана затем в г. Казань географу Пестрикову, который в свою очередь отправил её в Оренбург в Комиссию по географическим делам [36, с.188.] В.Н. Татищеву (1686-1750), возглавлявшему её и одновременно собиравшему древние исторические повествования и летописи.

Василий Никитович Татищев, являвшийся первым российским историком, в своём многотомном труде «История российская с самых древнейших времён» (первые две части I тома вышли в 1768-1769гг., II – в 1773 г., III – в 1774 г.) указанную «Повесть» полностью проигнорировал по той причине, что имел иную информацию о Вятке. В другой своей работе о русском населении в бассейне реки Вятки, то есть о вятчанах, он не упомянул ни слова, вероятно, не случайно с определённым намёком.

Им было указано, что в этом регионе жили «вятяки,...они были болгарам подвластны. Главный город их Хлынов, потом Слободской, Кайгород, Котельнич и Орлов... Их язык много помешан с татарским, так как долго были под властью татар» [51, с.301.].

Впервые эта «Повесть» была опубликована статским советником, Санкт-Петербургской Императорской Академии Наук корреспондентом и членом Вольного Экономического общества П.И. Рычковым в его труде «Опыт казанской истории древних и средних времён». Книга была преподнесена императрице Екатерине II-ой (1729-1796) в 1767 г. (в то время Вятская земля входила в состав Казанской губернии) [36, с.188-194.].

Екатерина II вопросом древней истории России настолько серьёзно интересовалась, что ею самой были написаны «Записки касательно российской истории» и изданы в 1783-1787 гг.

Историограф государства Российского Николай Михайлович Карамзин (1766-1826) сообщал: «Все исторические рукописи из библиотеки Троицко-Сергиева монастыря были посланы к Екатерине Великой, которая столь

ревностно занималась нашей историею; но мне сказывали, что в них нет никаких важных отмен против напечатанных летописей» [20, с.342.].

Строки Н.М. Карамзина свидетельствуют о том, что Екатерина II лично в какой-то мере принимала участие по контролю печатавшихся в то время летописных сборников. Вероятно, её могли более всего интересовать какие-то конкретные вопросы.

Такой факт позволяет понять, что информация о поселении новгородцев и их независимой жизни на Вятке, изложенной в «Повести» и опубликованной П.И. Рычковым в его труде, поднесённом императрице, также была ею одобрена.

Через три года сын П.И. Рычкова, капитан Н.П. Рычков, адъютант академика Палласа, сопровождавший его во время поездки по Казанской губернии и помогавший ему собирать различные сведения, останавливаясь в городе Хлынове, получил также один из вариантов «Повести о стране Вятской».

Он поместил её в свой «Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства в 1770 г.», изданный в Санкт-Петербурге [37, с.29-43.].

Ни П.И. Рычков, ни его сын Н.П. Рычков не являлись историками и потому считали, что это повествование являлось важным историческим документом.

В 1772 г. в Санкт-Петербурге вышел из печати «Царственный летописец», в котором появились строки о взятии в 1459 году войском великого князя Московского на р. Вятке городов Котельнича и Орлова [55, с.369.].

Примечание.

В действительности, вновь обнаруженные карты XVI в. западно-европейских картографов [29; 21; 54;] и выявленные факты, изложенные в предыдущих работах автора [39; 41; 43.], позволяют ему с большой уверенностью говорить о том, что этих городов, также как и города Хлынова, не существовало даже в начале в XVI в. Они появились на Вятке только после 1540 года.

Строки из «Царственного летописца» фактически говорят о том, что именно в этот период правления императрицы Екатерины II начала формироваться ныне существующая историография древнего периода Вятского края посредством внесения в многочисленные летописные источники краткой информации о будто бы происходивших событиях на Вятке в XIV-XV вв.

В 1776 г. профессор истории и географии, первый ректор Московского университета Х.А. Чеботарёв (1746-1815) информацию о поселении новгородцев на реке Вятке принял тоже за серьёзный летописный факт и сообщил об этом в своей работе [56, с. 240-241.].

В 1801 г. эта информация была подхвачена А. Щекотовым в его «Географическом словаре» [57, с.1290-1296.].

Ну и, наконец, о поселении на Вятке новгородцев в конце XII в. сообщил кратко в строках «Истории государства российского» историограф России Николай Михайлович Карамзин (1766-1826) [19, с.23.] в 1824 г.

Сам Н. М. Карамзин, хотя и критически относился к «Повести о стране Вятской», и утверждал, что «Умный историк должен рассуждать и сказки отличать от истины» [20, с.350.], тем не менее, из-за отсутствия иных каких-либо источников по истории Вятки, решил использовать её в своём труде.

О том, какое отношение было в то время писателей к истории, свидетельствуют слова председателя Общества истории и древностей российских при Императорском Московском университете, бывшего военачальника и участника войн с армией Наполеона Александра Александровича Писарева (1780-1848), сказанные им в 1828 г.: «Многие погрешили против Истории, писавши оную без критического наблюдения; кощунствовали они, ибо искажали истину и возмущали усопших! ... Сколько было историков-сказочников; что от них пользы науке, каковою надобно принимать Историю!» [34, с.3-4.]

Рассматривая данный вопрос, уместно привести мнение доктора философских наук Татьяна Владимировны Артемьевой, характеризующее отечественную историографию спустя 180 лет после произнесённых слов А.А. Писарева:

«Российская история переписывалась не один раз. Герои становились врагами, победы трактовались как поражения, и наоборот. Время от времени историки принимались закрасивать «белые пятна» или заполнять «черные дыры», которые «вдруг» обнаруживались в пёстрой ткани исторического процесса. Обыденное сознание, зафиксировав этот факт, видело здесь исключительно идеологическую диктатуру правящих структур. Однако анализ историографии показывает, что российская Клио неоднократно меняла свои одежды, следуя очередной идеологической «моде». Вместе с тем, несмотря на многообразие подходов и порой взаимоисключающий характер выводов, историческое сознание всегда хранило некий набор устойчивых базисных позиций, которые не обсуждались и не оспаривались.

...Эти архетипические установки были сформулированы историками эпохи Просвещения в период становления нового исторического сознания. Особенно яркую форму это приняло во второй половине XVIII в., которая стала поистине эпохой исторического фундаментализма. Это было время перехода от летописи к истории, концептуализации исторического повествования, создания архетипических конструкций и теоретического обоснования базиса социальной мифологии.

Парадигмы, сформулированные тогда, используются и в настоящее время, что может исказить адекватное понимание современных социальных и духовных процессов и исторических прогнозов. Вот почему данный этап формирования исторического знания является не просто чрезвычайно важным, но и в определённом смысле «ключевым» [3, с.178,179.].

К концу XX века д.и.н. В.П. Козловым было выявлено около 150 подделок русских письменных исторических источников XVIII- первой половины XIX вв. Он пишет:

«Невозможно дать и сегодня гарантии в том, что среди известных в настоящее время источников не бытуют искусно изготовленные в то время фальшивки» [22, с. 247.].

В прокрустовом ложе устоявшихся взглядов, в плену иллюзии вятской сказки о новгородской вольнице, возникшей на основе «Повести о стране Вятской», оказались не только региональные историки, но и научные сотрудники ИРИ РАН.

Но вернёмся к Н.М. Карамзину. Что же в действительности подвигло придворного историографа к включению в «Историю государства Российского» краткого повествования о новгородской вольнице на Вятке?

Следует сказать, что ранее ряд исследователей государства Российского (А.И. Лызлов (1655-1697) [24, с.78.], В.Н. Татищев, И.Г. Стриттер (1740-1801) [50, с.295.], И.Н. Болтин (1735-1792) [5, с.42.]) в своих изданных работах уже кратко упоминали о древних событиях на Вятке. Однако все они сообщали иную информацию, о власти булгар и татар на Вятке.

В отличие от них работа первого вятского историка А.И. Вештомова (1768-1825) «История вятчан...» была значительной по своему объёму, но противоречива. В ней он сообщал подробно как о приходе новгородцев, их вольнице на Вятской земле, так и информации о нахождении вятчан под властью татарских князей [7, с. 37, 45-47.].

Поскольку разобраться в данном вопросе Н.М. Карамзин не смог, то именно по этой причине он в своём труде повторил то, что было уже широко известно обществу.

Казалось бы, незадолго до того, как его многотомный труд начал выходить в свет он писал: «то, что принято, утверждено общим мнением, то делается некоторого рода святынею; и робкий историк, боясь заслужить имя дерзкого, без критики повторяет летописи. Таким образом, История делается иногда эхом злословия...» [20, с.351-352.]. Можно дополнить многоточия Н.М. Карамзина следующим продолжением, - и целенаправленного искажения событий в угоду патриотических настроений самого историка или государственных интересов.

Так как Н.М. Карамзин был придворным историографом и писал историю государства Российского в его постепенном развитии и величии, с приростом многих территорий, то именно по этой причине ему нужно было дать хотя бы какое-то историческое описание Вятской земли.

В результате, повествование о вятской вольнице с выходом «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина получило самое широкое распространение на всей территории Российской империи.

Заслуженный профессор Императорского университета св. Владимира академик В.С. Иконников (1841-1923) в своей работе дал подробное изложение отношения ряда историков к «Повести о стране Вятской» и её различным вариантам.

Он писал: «В последнее время «Повесть» эта делалась предметом специального исследования, причём изучение состава её, привело историков к более отрицательным выводам» [18, с.1798-1800.].

Несмотря на эти сделанные выводы, ясности и перспектив для дальнейших исследований по истории древней Вятки не появлялось.

В результате существовавшего информационного понимания Вятской историографии и региональные историки, и столичные, несмотря на критическое отношение к

«Повести», признавая её за недостоверный источник, продолжали рассматривать историю края только под одним углом зрения, раннего русского колонизационного процесса Вятской земли.

Споры вятских историков между собой продолжались как в XIX-ом, так и в XX-м веках в основном только по вопросу хронологии появления русского населения на Вятке (XII или XIV вв.). Продолжаются они и в настоящее время.

В 50-х годах прошлого века, когда у администрации области возникла идея отметить 500-летие возникновения города Кирова от даты его первого упоминания в летописях в 1457 г., было принято решение подкрепить её археологическими изысканиями.

Во время проведённых исследовательских раскопок в бассейне Средней Вятки, был выявлен ряд мест поселений более раннего периода с вещественными находками предметов древнерусского происхождения [9, л.101].

Кандидат исторических наук, профессор Анатолий Васильевич Эммаусский (1898-1987) на основании заключения, сделанного археологом, к.и.н. Л.П. Гуссаковским (1923-1977), проводившим раскопки в гг. Кирове, Халтурине и с. Никульчино пришёл к выводу: «археологические материалы и позднейшие записи вятских книжников свидетельствуют о том, что русская колонизация на территории Вятского края началась в XI-начале XIII века» [10, с. 14.].

Возникает вопрос:

«Можно ли историкам на основании вещественных археологических материалов, пусть даже массовых и позднейших письменных повествований, неподтвержденных иными фактами, при игнорировании пласта информации, противоречащего традиционным взглядам, утверждать о русской колонизации на Вятке ранее XVI в.* и о существовании городов с русскими наименованиями в тот период?»

Конечно, нет! Как можно вообще говорить о возникновении первых русских городов Вятской земли, когда историки в своих исследованиях не использовали и не рассматривали географические карты XVI века! Карты двух независимых между собой картографов Г. Меркатора и Д. Келлера свидетельствуют о том, что первые города Вятка, Котельнич и Слобода находились совершенно не в тех местах, где производились археологические раскопки. Город Хлынов появился позднее ** и не на месте города Вятки.

*Примечание**

До этого времени в течение более 150 лет с перерывами и переменным успехом за этот регион шла борьба между Москвой и Казанью. Кратковременные периоды нахождения великокняжеских войск на Вятке сменялись длительной властью местных татарских князей, которые были зависимы от казанских ханов.

*Примечание ***

У читателя может возникнуть вопрос: «Какой же тогда населённый пункт находился на месте города Хлынова до его возникновения»? Ответ следующий: «Булгарский город Колын. На удмуртском языке он назывался Кылно».

Строки А.В. Эммаусского не могли вызвать никаких сомнений в том, что вывод профессора мог быть неверным. Разница взглядов между исследователями была

только во времени начала колонизации (конец XII или конец XIV вв.).

Высказать мнение против такой позиции никто в то время из историков не мог точно также как и в настоящее время, так как серьёзно, с привлечением всесторонней информации и беспристрастного подхода к данному вопросу, историография Вятского края критически не рассматривалась.

Выводов археолога Л.П. Гуссаковского, на которые сослался профессор А.В. Эммаусский, как, оказалось, было в то время вполне достаточно в рамках существующей историографии Вятского края.

Впоследствии их мнение поддержал к.и.н., археолог Леонид Дмитриевич Макаров (г. Ижевск), ныне доктор исторических наук.

В 1995 г. он резюмировал по данному вопросу следующее: «Вещевые и керамические находки в целом убедительно подтверждают раннюю дату возникновения г. Вятки (Хлынова), известную нам лишь по местным источникам, в достоверности которых всё время сомневаются.

Археологические материалы позволяют ещё раз обратиться к этим источникам, как, к заслуживающим доверия, и сделать вывод о том, что во второй половине ...XIII века возникает сельское поселение, преобразованное в столицу Вятской земли – город Вятку (Хлынов) [25.1, с.181.].

Позднее Л.Д. Макаров пришёл ещё и к пониманию того, что на Вятке существовало «вечевое государственное образование «Вятская земля» [25.2, с.9.]

Однако, в настоящее время большое количество собранных автором различных аргументов и фактов, противоречащих традиционному пониманию древней истории Вятки, позволяет говорить о том, что мнения Л.П. Гуссаковского, А.В. Эммаусского и Л.Д. Макарова были ошибочными.

Вещевые и керамические находки древнерусского производства, обнаруженные в местах археологических раскопок, свидетельствуют всего лишь о жизни русского населения на данной территории, не более того.

О господствующей власти того периода (русской, болгарской или «вечевой») в бассейне Средней Вятки, в значительном удалении от русских земель, материальные находки, извлечённые археологами, никакой информации дать не могут.

Фактически Л.П. Гуссаковский и А.В. Эммаусский и Л.Д. Макаров сделали свои выводы о ранней русской колонизации Вятского края только лишь на основе информации, описываемой в «Повести о стране Вятской» и выданных ими желаемыми взглядами на археологические находки.

Могли ли исследователи сделать верные объективные выводы, если ими был проигнорирован огромный пласт информации о доминировании тюркского этноса на Вятке вплоть до конца XV века?

Вне всякого сомнения, можно с большой уверенностью, сказать, нет, не могли.

Л.П. Гуссаковского и А.В. Эммаусского можно понять, в то время им нужно было обосновать раннее возникновение русского независимого анклава на Вятке, для того, чтобы их выводы могли служить опорой для принятия решений администрации области по подготовке к 500-летию г. Кирова.

Исследование автора этих строк, изложенное в его очередной работе [39.], позволяет понять, что региональные историки в настоящее время находятся в тупике парадигмы, сформированной на заре становления его историографии.

Исследователи не видят выхода из создавшегося положения, так как иной взгляд на древнюю историю Вятки они отвергали, как в прошлом (А.А. Спицын (1858-1931) [47, с.37-46.] и его замечание об изучении вопроса о татарском влиянии на вятчан [46.]), так и в настоящее время.

В результате этого за бортом историографии Вятского края оказался значительный информационный пласт, из которого, как и из рудной жилы можно извлекать по крупицам ценные сведения по реальной истории древней Вятки.

Краткий перечень фактов, касающихся древней истории Вятки, проигнорированных представителями исторической науки в процессе изучения историографии Вятского края.

1. При объяснении данного вопроса и реального, а не поверхностного к нему интереса, исследователи должны были в первую очередь уделить самое серьёзное внимание к различным географическим данным. К сожалению, историками Вятского края этого не было сделано.

В данном случае здесь уместно привести строки Н.В. Гоголя (1809-1852), писавшего не только художественные произведения, но и статьи на исторические темы.

Он рекомендовал при изучении истории в первую очередь призвать на помощь географию: «География должна разгадать многое, без неё неизъяснимое в истории. Она должна показать, как положение земли имело влияние на нации; как оно дало особенный характер им..., каким образом оно имело влияние на нравы, обычаи, правление, законы. Здесь-то мы можем увидеть, как образуется правление, что его нелюди совершенно устанавливают, но не чувствительно устанавливает и развивает само положение земли...» [13, с.36.].

Авторитетный этнограф и лингвист XIX в. Н.И. Надеждин (1804-1856), также отводил первое место географии в изучении истории.

Он писал: «Первой страницей истории должна быть географическая ландкарта: должна не как только вспомогательное средство, чтобы знать, где и что случилось, но как богатый архив самих документов, источников...»

Гораздо определённой и ясней говорят следы, которые сами люди оставляют на местностях. В этих следах выражается уже действительность, то, что было. И между ними красноречивее всех географические названия, в которых звучит язык, это первое свидетельство, первый акт исторического существования народов. Вот почему с изучения ландкарты должно начинаться изучение истории» [53, с.30-31.].

2. Исследователи древней истории Вятского края до сих пор не обратили должного внимания на строки памятников письменности Вятского края XVII-XVIII вв.: «Вятский времяник» и «Летописец старых лет» и других источников [36, с.49; 37, с.195-196;] о взятии Вятки в 1489 г., а также царской грамоты [2, акт 245.], в которых фигурируют Вятские татарские

князья. В условиях того времени, при близком нахождении Казанского царства Вятские татарские князья являлись первыми лицами на Вятке. На вторых ролях, в подчинении у русских воевод татарские князья на Вятке в то время быть не могли.

Факт пленения Вятских татарских князей свидетельствует, что на Вятской земле до присоединения её к территории Московскому великому княжеству существовало опричное княжество Нукрат (Нократ, Нограт). Название оно получило, как и его центральный город, от угро-тюркского наименования реки («нукрь» - угор. река; «ат»-тюрк. имя)[39, с. 156-159.]. Русское население называло реку Вятка, от наименования на вымершем финском диалекте – «вят(ь)»-река [33, с.308.].

Термин «опричное Нукратское княжество», то есть особое по своей специфике, впервые был дан казанским историком Р.Н. Степановым в 1973 году [48, с.21.].

Здесь необходимо сказать также и об ошибке в понимании Л.Д. Макаровым этимологии гидронима Нукрат. Л.Д. Макаров в этом вопросе доверился лингвистам Ахметзянову М. и Добродомову И.Г.[25.2, с.19.]. Они пришли к выводу, что гидроним Нукрат возник от искажённого «Новгород». Такое понимание не научно и говорит о некомпетентности этих лингвистов в области этимологии гидронимов. Гидронимы возникали в глубокой древности в значениях «вода» или «река», но никак ни от этносов и ни от ойконимов.

О том, что на Вятской земле до её присоединения к великому княжеству Московскому не было никакой вольницы, а существовало княжество, кратко упоминал в «Ядре российской истории» секретарь и переводчик Посольского приказа А. Манкиев [26, с.153.], а также географ, историк и писатель

Ф.И. Страленберг [49, с.44.].

Вятский историк А.А. Спицын также интуитивно догадывался о важной роли татарских князей на Вятке. В одной из своих работ он писал: «Ясно, что арские князья (предки каринских татар) играли в истории Вятки какую-то роль, может быть, даже значительную» [38, с.28.].

3.Историки не рассматривали тот факт, что под этнонимом «вятчане» в Москве и, вероятно в других русских землях, понималось не только русское население Вятки, но и татарские князья, господствовавшие над ними. В царской грамоте XVI в. они также названы вятчанами, а это значит, что под летописными «вятчанами» XIV-XV вв. нельзя было понимать независимых русских людей [2, акт 236.].

4. Историками была проигнорирована информация, которая сообщалась в работах первого русского историка В.Н. Татищева [51, с. 300-301.] и И.Н. Болтина [5, с.42.] о том, что Вятская земля с древних времён находилась под болгарским, а затем татарским княжеским правлением,

5. Умалчивают историки и об информации исследователей XVIII века И.Г. Стриттера [50, с.295.] и А.И. Вештомова [7, с. 37,45-47.], перекликавшейся с болгарской летописью «Джагфар тарихы» [15, с.226]. Их свидетельства свидетельствуют о том, что русские поселения и русские военные отряды на Вятке были сформированы, по данным последнего источника по инициативе болгар, двух других - татар.

6. Проигнорирована была историками, и картографическая информация из сочинения Абулгачи-Баядур-Хана [1.], атласа Ивана Ахматова [3.], исторического атласа России историка Н.И. Павлицева [32], «Русской военной истории» князя Н.С. Голицына [14], свидетельствующая о том, что в древние годы Вятская земля находилась под протекторатом Камской Булгарии.

Оппоненты, считающие, что нарисовать (начертить) можно всё, что угодно и верить картам и схемам нельзя, должны понимать, что авторы подготовили их на основании каких-то данных. Следовательно, их нельзя проигнорировать, нужно наоборот, проверить их. Ищущий истину в истории должен всё исследовать и сопоставлять с другими разноплановыми известными фактами.

7. Историками не придали должного значения информации иностранных дипломатов и путешественников: итальянца Франческо Тьеполо [52.] и Александра Гваньини [10.], шведского историка и дипломата Пётра Петрея де Ерлезунда [16, с.44.], польского историка Соломона Нейгебауера [31.], а также и австрийских дипломатов Сигизмунда Герберштейна [11, с.256.] и барона Августина Мейерберга [28, с.149.] о том, что Вятская земля в прежние времена находилась под властью татар.

8. Не были рассмотрены историками три карты начала XVIII века королевского картографа Франции, члена Парижской Академии наук Гийома Делиля, которые показывают исторические, поэтапное расширение Московского государства за счёт территорий, находившихся ранее под тюркской властью, в число которых входила, и Вятская земля [12.].

9. Не обратили внимание историками и на топонимы - следы проживания тюркского этноса в бассейне Средней Вятки на правом берегу реки: Чуршинское городище, Болв(у)анская (Богатырская) гора и гидроним Бирская речка, находящаяся у её подножия. Данные топонимы находятся вблизи основной концентрации тюркского населения в селе Карино на противоположном берегу реки Вятки [39, с.108-112.].

10. Историками критически не были сопоставлены между собой «Народное предание о городище в с. Спасо-Подчуршинском» и «Повесть о стране Вятской». Эти литературные произведения были созданы для объяснения появления русского анклава в бассейне р. Вятки. Их сопоставление позволяет понять процесс возникновения и формирования существующей историографии Вятского края, происходившего с конца XVII в. по конец XVIII века [41, с.205-211.].

11. Проигнорированы были историками и карты известных западноевропейских картографов XVI – XVII в. На этих картах были зафиксированы три первых русских города, находившиеся в первой половине XVI в. в составе казанских владений. Среди них не оказалось ни г. Хлынова, ни г. Котельнича на р. Вятке, ни г. Орлова [29, 21, 4, 54.].

12. Кроме всей этой выше названной информации, известной и доступной историкам XIX-XX вв., в конце прошлого столетия был выявлен ещё один источник, касающийся истории Вятского края 30-х годов XVI в. В архиве Польши было найдено письмо казанского царя Сафа-Гирея к польскому королю Сигизмунду I [30, л.1.]. В строках этого письма сообщалось о том, что «Нократская земля была снова присоединена к казанским территориям и старшие этой земли снова платят дань, как и прежде казанским царям».

Об этой информации, современные учёные-историки, занимающиеся исследованием древней историей Вятского края, также умалчивают.

На основании приведённой выше информации можно сделать следующий вывод.

В действительности, существующая историография древнего периода Вятки представляет собой всего лишь историографию русской колонизации Вятского края, но не реальную, а мифологическую, сформированную во времена Екатерины II.

Именно по этой причине указанные выше географические факторы края исследователями не рассматривались, так как они выходили за рамки понимания существующей парадигмы вятской историографии.

Реальная историография Вятского края должна освещать все вопросы, связанные не только с событиями русской колонизации, но и более ранних периодов, когда Вятская земля находилась под протекторатом Камской Болгарии, Казанского ханства и под властью татарских князей.

В ней должны рассматриваться также и существовавшие в разные исторические эпохи межэтнические отношения и возникновение городских поселений аборигенов этих мест. Необходимо также отделить, наконец, историю Вятской епархии от истории края, так как первая возникла только лишь в XVI в., а другая - в бесконечных глубинах древности.

Учитывая то, что историки и археологи рассматривали древний период Вятского края только через призму «Повести о стране Вятской» и подобных ей источников, то есть, видели на Вятке лишь одну русскую вольницу, то, разумеется, что они и не могли ставить перед собой цель всестороннего изучения данного вопроса с привлечением широкого спектра информации.

На основании археологических находок древнерусского производства в бассейне Средней Вятки можно было бы рассматривать два варианта условий жизни русского населения: независимое существование (такое можно было представить только гипотетически) и зависимое в той или иной форме от тюркской власти, так как рядом находилась Камская Болгария, с которой по реке Вятке (Нукрат) существовало прямое водное сообщение.

О независимости русского анклава от Камской Болгарии вещественные памятники и найденные предметы свидетельствовать не могут. Для того, чтобы какое-то этническое образование могло быть независимым, оно должно было быть более развитым во всех отношениях по сравнению с ней.

Но этого не было и не могло быть!

Следовательно, мы с уверенностью можем говорить о том, что русское население на Вятке в глубокой древности находилось под властью болгарских князей. Ничего удивительного тут нет. Слова Н.В. Гоголя, приведённые выше автором, как нельзя, кстати, объясняют такое географическое положение Вятской земли и её существовавшую зависимость от более развитого соседнего региона.

Историки и в настоящее время продолжают утверждать о раннем приходе русского населения в бассейн реки Вятки и создании им своих поселений, то есть о независимом анклаве, несмотря на отсутствие подтверждений этого.

Такая доминанта была сформирована интересами духовенства и светской власти во второй половине XVIII в.

В связи со сложившейся ситуацией возникает вопрос: «Может ли устоявшееся на Вятке в исторической науке мнение превратиться в константу?»

Знаменитый британский историк, археолог и философ Р. Д. Коллингвуд (1889-1943) утверждал: «В истории, как и во всех серьезных науках, никакой результат не является окончательным» [22, с. 226-227.].

В отличие от приведённых выше строк Р.Д. Коллингвуда, в историографии Вятки за два прошедших века фактически ничего не изменилось. Историки не продвинулись в глубину истории ни на шаг. Принятое два века назад мнение обрело на Вятке «железобетонный статус», не подверженный изменениям, вопреки научному пониманию поиска истины в истории.

Академик, д.и.н. Э.А. Поздняков (р.1929) в отношении рассмотрения подобных вопросов приводит следующие строки: «Известный американский учёный философ и историк Пол Фейерабенд (1924-1994) с полным основанием утверждал, что развитие науки невозможно без выработки альтернативных теорий, идущих вразрез господствующим в науке взглядам. Именно альтернативные теории, по его мнению, только и способны обогащать науку и ускорять её развитие»

Далее Э.А. Поздняков продолжает: «Без свободы мнений и суждений происходит неминуемое окостенение и омертвление науки, поскольку её существование и процветание именно как науки зависит не от бюджетных вливаний или всяких грантов, а исключительно от этой свободы...»

В.И. Вернадский говорил: «Вся история науки на каждом шагу показывает, что отдельные личности были более правы в своих утверждениях, чем целые корпорации учёных или сотни и тысячи исследователей, придерживающихся господствующих взглядов» [35а, с.199.].

Академик В.И. Вернадский писал: «Несомненно, и в наше время наиболее истинное, наиболее правильное и глубокое научное мировоззрение кроется среди каких-нибудь учёных или небольших групп исследователей, на мнения которых не обращают нашего внимания или возбуждают наше неудовольствие или отрицание» [6, с.200.].

Обнаруженные автором многочисленные факты, противоречащие традиционным взглядам исторической науки на древнюю историю Вятского края, позволили ему изложить в своих работах иное понимание данного вопроса.

Автора поддержали доктора исторических наук: А.И. Комиссаренко

(г. Москва), К.А. Руденко (г. Казань), И.Ю. Трушкова (г. Киров) в работе

«О древней истории земли Вятской IX-XVI вв» /Киров. 2012./, а также А.М. Белов (г. Кострома), И.П. Ермолаев (г. Казань) в книге «Аргументы и факты к пониманию реальных событий древней истории Вятского края» (г. Вятка. 2013).

Положительную оценку работам автора также дали доктор исторических наук Э.А. Савельева (г. Сыктывкар) и Ю.В. Кривошеев (г. Санкт-Петербург).

Представленные материалы в его очередной работе «Аргументы и факты к пониманию реальных событий древней истории Вятского края» /издание второе. Киров.

2015./ также свидетельствуют, что в историографии Вятского края проигнорирован большой пласт информации, касающийся тюркского этноса, доминировавшего в данном регионе вплоть до 30-х годов XVI в.

Информация комплекса карт позволяет не только увидеть, какие города возникли и в каких местах они находились, но и понять, в какое время и какие события на Вятке происходили (захват вятских городов войском казанского царя Сафа-Гирея, их сожжение и строительство города Орлова).

Изложенные автором факты в этой работе оказались ещё более убедительными, чем те, что были представлены в первом издании 2013 г., с которым были ознакомлены сотрудники Института российской истории РАН, Главного научно-исследовательского и экспертного центра страны в области отечественной истории.

Главный научный сотрудник ИРИ РАН, руководитель Центра истории народов России и межнациональных отношений, доктор исторических наук Вадим Винцерович Трепавлов сообщил автору 23.11.13 г.:

«Я с интересом прочёл Вашу книгу «Аргументы и факты...» /Вятка. 2013./. Многие сюжеты трактуются в ней нетрадиционно, это побуждает историков к дальнейшим исследованиям».

Ведущий научный сотрудник ИРИ РАН, член Учёного Совета РАН, доктор исторических наук Константин Александрович Аверьянов в ноябре 2013 г. вынес следующий вердикт: «Работа С.П. Серкина «Аргументы и факты к пониманию реальных событий древней истории Вятского края» /Киров. 2013./ позволяет сделать вывод, что исторической наукой в настоящее время востребован новый серьёзный научный труд по историографии Вятки».

Во 2-ом переработанном и дополненном варианте работа стала иметь в своём составе максимальное количество аргументов для понимания реальных событий древней истории Вятки.

Вопросы, связанные с древней историей Вятского края, в частности с периодом XII –XVI вв., для сотрудников Института истории РАН не представляли сколько-нибудь значимого интереса и потому все исследования были полностью возложены на региональных историков.

В свою очередь региональные историки находились и до сих пор находятся под влиянием устоявшихся традиционных взглядов, сформированных парадигмой историографии Вятского края в исторической науке.

В настоящее время в регионе инициирована подготовка к «650-летию юбилею» г. Кирова, хотя факты, изложенные автором в его очередной работе свидетельствуют, что он, как русский город, возник только в 40-е годы XVI в. позднее других вятских городов [39, с. 94-95.]

Устоявшиеся взгляды традиционного понимания, доминирующие в Вятском крае, в жизни современного общества, не позволяет исторической науке региона встать на позиции научно-аргументированной историографии для того, чтобы действительно историкам можно было серьёзно заняться изучением древнего периода Вятского края.

Выход из этого тупика историографии есть. Для этого историкам необходимо реально взглянуть на всю имеющуюся базу историографической литературы и разнотипных источников без исключения, касающихся древней истории Вятского края.

Выявленные материалы и факты свидетельствуют о том, что древняя история Вятки совершенно иная в отличие от той, которая представителям исторической науки и обществу известна. В реальности события развивались совсем иначе и первые русские города на Вятке возникали совсем не в той хронологической последовательности и не на тех географических местах, о чём сообщает нам современная историография.

В интересах исторической науки и государственного устройства, гармоничных отношений в межнациональных вопросах исторического развития регионов сегодня востребовано то, чтобы историография Вятского края встала на научно-аргументированную основу для выравнивания подходов историков в понимании событий древнего прошлого с разных позиций.

Ссылки на источники информации

- Абулгачи-Баядур-хан. Родословная история о татарах.—СПб.—1762.
- Акты археографической экспедиции.- СПб.- 1836.- Т.-1.
- Артемьева Т.В. Идея истории в России XVIII века.// Альманах «Философский век». СПб. 1998. №4.
- Ахматов И. Атлас исторический хронологический и географический Российского государства.- СПб.- 1831.
- Блау В. Атлас (1654-1660); карта «Азия» [Электронный ресурс]- Режим доступа.-<http://history-maps.ru/>
- Болтин, И.Н. Примечания на историю древняя и нынешняя России г.Леклерка, сочиненные генерал-майором Болтиным - СПб. -1788.
- Вернадский В.И. Научное мировоззрение//На переломе. Философия и мировоззрение. Философские дискуссии 20-х годов. М., «Политиздат». 1990.
- Вештомов А.И. История вятчан. – Казань.- 1907.
- Вятский временник.- Вятка. -1905.
- ГАСПИ КО. Ф.1293.Оп.4.Д.343.
- Гваньини А. Описание Московии...- Краков, 1578. [Электронный ресурс]- Режим доступа.- <http://www.vostlit.info/Texts/rus5/Gwagnini/frameset1.htm>
- Герберштейн С. Записки о Московии. – М-Владимир.: изд-во Астрель, 2008.
- Гийом Делиль. Карты «Тартария» (два варианта). 1706.; Atlas – Monde- г. Амстердам. Карта «Европа».- 1739.
- Гоголь Н.В. Статьи (1831-1847). Т.7.- М. -1984.
- Голицын Н.С. Русская военная история.- СПб.- 1877.
- Джагфар тарихы - Оренбург.- 1993.- Т.- 1.
- Ерлезунд П.П. История о великом княжестве Московском.- М. -1867.
- Захаров С.Д. Характеристика раскопов Л.П. Гуссакского на территории Хлыновского кремля// сб.Вятская земля в прошлом и настоящем.- Киров.- 1989.
- Иконников В.С. Опыт русской историографии. - Киев.-Т.2.- Кн.2. -1908.
- Карамзин Н.М. История государства Российского.- М. Книжный сад. Т.3-4.- 1993.
- Карамзин Н.М. Сочинения. Т.8. - М. -1804.
- Келлер Даниэль. [Электронный ресурс] – Режим доступа.- [http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Daniel_Keller_Asiae_nova_descriptio_\(Antwerpen,1590\)](http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Daniel_Keller_Asiae_nova_descriptio_(Antwerpen,1590))
- Козлов В.П. Тайны фальсификации.- М. - 1996.
1. Коллингвуд Р.Д. Идея истории. Автобиография.- М.: Наука, 1980.
- Летописец старых лет.- Вятка. -1905.
- Лызлов А.И. Скифская история. - М. -1787.
- Макаров Л.Д. Город Вятка в свете археологических данных// сб.Вятская земля в прошлом и настоящем.- Киров.- 1989.
1. Макаров Л.Д. Типология и хронология древнего Хлынова//сб. Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. - Ижевск.- 1995.
2. Макаров Л.Д. Древнерусское население Прикамья в X-XV. Автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора исторических наук. - Ижевск. - 2006.
- Манкиев А. Ядро российской истории...- М.- 1770.
- Маркелов А.В. Научная дискуссия второй половины 1950-х гг. о дате основания г.Хлынова (Вятки) //Вятская земля в прошлом и настоящем.-г.Киров.- 2012.
- Мейерберг А. Путешествие в Московию...- М.-1874.
- Меркатор Герард. Atlas sive cosmographica meditationes de fabrica Mundi et fabricate Figura Duisburg. 1589. Карты: «Европа»1554г. «Азия».
- Национальный архив республики Татарстан. Ф-169. Оп. 1. Д.10. Л.1.
- Нойгебауэр С. Московия...[электронный ресурс]- Режим доступа.- <http://www.vostlit.info/Texts/us10/Neugebauer/text.phtml?id=1009>
- Павлицев Н.И. Исторический атлас России.- Варшава.- 1845.
- Паллас П.С. Сравнительные словари всех языков и наречий...Ч.1.- СПб.- 1787.
- Писарев А.А. Речь о пользе критических исследований в отечественной истории// Труды и летописи Общества истории и древностей российских, при Императорском московском университете. Часть V. Кн. I.- М. -1830.
- Повесть о стране Вятской. Свод летописных известий о Вятском крае.- Киров.-1993.
- а. Поздняков Э. А. Извечные загадки науки.- М.- 2010.
- Рычков П. И.Опыт Казанской истории древних и средних времен.- СПб.-1767.
- Рычков Н.П. Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова.- СПб-1770.
- Свод летописных известий о Вятском крае / составил А. Спицын. - Вятка- 1883.
- Серкин С.П. Аргументы и факты к пониманию реальных событий древней истории Вятского края. (второе издание).- Вятка.: Изд-во «Веси», 2015. [Электронный ресурс]-Режим доступа. –http://e-koncept.ru/teleconf/sapio_3
- Там же.
- Серкин С.П. О древней истории земли Вятской IX-XVI вв.- Киров.: Издательство «Веси», 2012.
- Там же.
- Серкин С.П. Тайны земли Вятской.- Киров. -2008.
- Смирнов П.П. Сказание о холопьем войне в древней Руси//Учёные записки Московского городского педагогического института. – М.- 1947.

43. Там же.
44. Спицын. А.А. Известие о Вятской стране Герберштейна. Вятские губернские ведомости. № 5.- Вятка.- 1881.
45. Спицын А.А. Один из источников истории Вятского края//ИОАИЭ при Казанском ун-те. Т.6. Вып.2. - Казань. -1888.
46. Степанов Р.Н. Каринское опричное княжество...//Вопросы социально-экономической и полит... периода феодализма.- Чебоксары. – 1973.
47. Страленберг Ф.И. Записки капитана...- М.-Л.- 1985.
48. Стриттер И.Г. История государства Российского...- СПб. Ч. III.- 1802.
49. Татищев В.Н. От скифов до славян история российская во всей её полноте. – М. Эксмо -Алгоритм. 2011.
50. Тьеполо Франческо. Рассуждения о делах московских// Исторический архив. Т.III, М.-Л.- 1940. Перевод С.А. Аннинского [Электронный ресурс].- Режим доступа.- <http://www.vostlit.info/Texts/rus14/Tiepolo/>
51. Филевич И. История Древней Руси. Т. 1.- Варшава.- 1896.
52. Хондиус Й. Карта «Азия». 1632. Амстердам. [Электронный ресурс]: Режим доступа.-<http://old-maps.vladcity.com/maps/old-maps-49.jpg>
53. Царственный летописец.- СПб.- 1772.
54. Чеботарёв Х.А. Географическое Методическое описание Российской Империи...- М.- 1776.
55. Щекотов А. Географический словарь Российского государства, сочинённый в настоящем онго виде. Ч.1.- М.- 1801.
56. Эммаусский А.В. Вятка в XII-XV веках./Энциклопедия земли Вятской. /Т.4. -Киров. -1995.

СВОЕОБРАЗИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Лютых Олег Юрьевич

Канд. ист наук, доцент ВАК, доцент кафедры Экономики и управления «Красноярского государственного педагогического университета им. В.П.Астафьева», г. Красноярск

Сидорова Ольга Евгеньевна

Студентка «Красноярского государственного педагогического университета им. В.П.Астафьева, Институт психолого-педагогического образования», г.Красноярск

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются вопросы своеобразия социально-экономического реформирования в современной России. Актуальность статьи обусловлена тем, что проведение реформ в первую очередь должно было способствовать существенными преобразованиями национальной экономики или ее составных частей с целью улучшения качества жизни людей. Одной из важнейших предпосылок будет являться, удвоение ВВП, что приведет к повышению качества жизни, и снизиться уровень бедности.

ABSTRACT

The article deals with the peculiarities of the socio- economic reform in Russia. Relevance of the article due to the fact that the reforms in the first place was to facilitate the significant transformation of the national economy or its constituent parts in order to improve the quality of life. One of the most important prerequisites will be a doubling of GDP, which will lead to improved quality of life and reduce poverty.

Ключевые слова: социальные законы, либерализация цен, рыночные реформы.

Keywords: social laws, price liberalization, market reforms.

Успешность осуществляемого политического курса, в т.ч. проведение социально-экономических реформ зависит во многом от способности, умения субъекта управления овладеть механизмом действия социальных законов, использовать этот механизм в интересах общества.

Законы общественного развития (социальные законы) не проявляются столь одномерно, прямолинейно, как законы природы. Социальные законы – это прежде всего законы тенденции, на результаты которых влияет множество самых разных факторов. Успешность любого социального действия, в т.ч. и реформирования социально-экономической сферы как наиболее сложного, комплексного вида социального управления, возможна лишь при учете и научном анализе механизма действия социальных законов, сложной системы их взаимовлияния и взаимообусловленности.

С января 1992 г. в России начался переход к рыночной экономике, т.е. рыночные реформы в социально-экономической сфере. Методом вхождения экономики в рынок была избрана «шоковая терапия», исходившая из веры в чудотворную, универсальную способность рынка быстро изменить положение в обществе, достичь экономические свободы. Радикально настроенные политические лидеры (Б. Ельцин, Е.Гайдар, А. Чубайс и др.) обещали быстрое общественное переустройство на рыночных началах, превращение большинства населения в «средний класс» с достойным уровнем жизни.

Первая мера правительства – введение свободных цен должна была определить рыночную стоимость товаров, ликвидировать товарный дефицит, открыть простор конкуренции между отраслями и предприятиями. Другая мера – либерализация торговли была призвана ускорить

товарооборот, создать инфраструктуру по сбыту отечественной и импортной продукции. Следующая мера – приватизация жилья, госпредприятий ставила целью превратить массы населения в собственников, привить чувство хозяина, создать мотивацию трудовой и в целом предпринимательской деятельности.

Гайдар и его сподвижники предлагали положиться на рынок как универсальное средство и орудие структурных изменений в экономике: свободные цены были призваны выделить те товары и тех товаропроизводителей, которые были в тот момент востребованы обществом, отказать от тех, которые были не нужны. В целом предложенная формула экономических реформ соответствовала классической модели экономического либерализма А. Смита.

Из проводившихся в 1990-х годах социально-экономических реформ исчезло главное, основное структурное звено, ради которого и проводятся социально-экономические преобразования, - человек труда, производитель, его социальное положение. Ведущей мотивацией труда стала исключительно ориентация на сугубо денежное выражение, а сами деньги, возведенные в абсолютную общественную ценность, оказались оторванными от содержания и результатов труда.

В обстановке ослабления тоталитарной системы в СССР сложились объективные предпосылки для крушения самой общественной системы, основанной на внеэкономических принципах организации и функционирования, что и произошло в начале 1990-х годов.

Россия вновь обозначила собственное положение в мировом цивилизационном пространстве в качестве «догоняющей» модели общественного развития (по отношению к западной цивилизации).

Само общество в абсолютном своем большинстве, включая субъекты управления – государство, хозяйственно-экономические структуры, не было готово к рыночным реформам, плохо представляло их суть не только в масштабах страны, но и на собственном предприятии.

Содержание политического курса 1990-х годов (а во многих чертах и в последующие годы) было основано сугубо на большевистских подходах, перенесенных в формирующийся рыночный механизм. Во-первых, рыночные большевики оказывались неспособными принимать эффективные меры по улучшению материального благосостояния общества.

Во-вторых, в 1990-е годы произошло тотальное разрушение прежних социальных отношений, как это сделали ортодоксальные большевики в 1917 г. Отсутствовала и до сих пор отсутствует рассчитанная на перспективу социально-экономическая стратегическая программа, основанная на началах реальной экономики, объективных экономических законов.

В-третьих, рыночные большевики продолжили начатую их предшественниками политику отчуждения трудящихся от экономической, социально-политической, духовной жизни.

В-четвертых, рыночному большевизму свойственна утонченная социальная демагогия, прикрываемая лозунгами благосостояния, демократии, свободы, своеобразная игра в демократию.

В-пятых, с 1990-х годов общество вновь оказалось в состоянии расхода на демократов и коммунистов.

В-шестых, незащищенность человека от произвола власти, государства, незаконна, переходящее в политико-правовой беспредел.

В-седьмых, уравнилительный характер отношений в обществе, начало которому положила ваучеризация страны. В результате так и не появился слой собственников – средний класс, придающий обществу социальную устойчивость, стабильность.

В-восьмых, рыночные большевики, как и их предшественники, не заинтересованы в развитии производства, а занимаются в первую очередь совершенствованием системы распределения.

В-девятых, для рыночных большевиков характерно игнорирование таких непреходящих ценностей, как культура и образование, которые всегда финансировались по остаточному принципу.

В-десятых, полная безответственность, безнаказанность за проступки, ошибки, преступления режима против народа – своеобразная вакханалия власти, обеспечившей громадные привилегии для правящей верхушки и нищету для абсолютного большинства общества.

Вышеперечисленные признаки составляют содержание современного рыночного большевизма, основанного на прежних, хорошо известных социальных и нравственных ценностях. Большевизм как радикальная идеология изменил свою форму, но не изменил базовых ценностей, продолжая оставаться господствующей идеологией социально-экономических преобразований.

С определенной степенью условности можно утверждать, что начавшиеся в 1990-е годы социально-экономические реформы с доминирующей тенденцией первоначального накопления капитала, с социальными проблемами раннего капитализма, отбросили страну к рубежу XIX-XX вв., когда подобные процессы набирали силу в России. Передовые страны Запада прошли этот этап гораздо раньше.

Однако из ведущих сторон правительственной идеологии рыночных реформ стала концепция превращения широких масс в слой собственников, в «средний класс» путем проведения приватизации.

Однако вскоре после начала ваучерной приватизации стал очевиден провал широко разрекламированной компании «народной приватизаций».

В итоге приватизации не удалось создать конкурентоспособную среду в сфере производства, содействовать демополизации экономики. Произошло резкое усиление социальной дифференциации не только по доходам, но и по имуществу.

Конкурентоспособность как феномен социально-экономического развития в условиях рынка неизбежно порождает отношения собственности. Одной из стратегических задач рыночного реформирования стало формирование частной собственности и собственника, а на этой основе обеспечение максимально благоприятных условий для конкурентоспособности как средства преодоления монополизма.

Современная Россия опирается на традиционные, исторически сложившиеся ресурсные факторы конкурентоспособности – полезные ископаемые, лес, территорию.

Необходимым условием эффективности осуществляемых преобразований является рациональное сочетание национальных социально-экономических традиций и

зарубежного опыта. Российские реформаторы при осуществлении рыночных преобразований исходили из западной модели перехода к рынку, не учитывали российской специфики.

Многие отечественные экономисты весьма критично оценивают итоги социально-экономического развития в 1990-е годы, обращая внимание на несостоятельность теоретико-методологических основ реформирования социально-экономической сферы.

В целом курс реформ к 2000 г. оказался малоэффективным, привел к ряду негативных последствий в социально-экономической сфере.

В период с 2000 г. политическое руководство России, выдвигало программы борьбы с бедностью, улучшение демографической ситуации, преодоление детской беспризорности и безнадзорности, внедрение здорового образа жизни и др. Назревшие проблемы общества оставались неразрешенными, противоречия нарастали.

Итоги социально-экономических преобразований в период с 2000-2005 гг. подводили многие ученые, политики, общественные деятели. Представители правящих кругов считали результат реформирования однозначно успешными.

Итак, состояние российской экономики в условиях отсутствия научно обоснованной стратегической цели и методологии реформирования продолжает оставаться крайне сложным.

Экономика России по-прежнему и во все возрастающей степени зависит от таких случайных, конъюнктурных факторов, как цены на мировых рынках на сырьевых экспортные товары, а эти цены не могут держаться длительное время и обеспечит стабильность экономического роста.

Переход от плановой экономики к рыночной, как подтвердил опыт российских социально-экономических реформ, не гарантирует процветания. Развитые индустриальные страны добились процветания не только вследствие изменения экономической модели рынка, но и в

силу включения в механизм социально-экономических преобразований определенных ценностей культуры.

По мнению многих объективно оценивающих сложившуюся ситуацию экономистов, специалистов других сфер, продолжение прежнего реформаторского курса губительно для страны, необходима кардинально иная стратегия и методология реформ, в которых ведущим критерием стало бы благосостояние населения, прежде всего трудовой ее части, иная система ценностей. Высокие темпы инфляции, низкая производительность и уровень жизни, высокий уровень безработицы являются свидетельством нарушения субъектом управления социально-экономических законов, механизма их действия.

Назрела крайняя необходимость восстановления механизмов государственного регулирования экономики, новой стратегии этого регулирования, исходящей из учета интересов трудящихся, сбережения, а не разбрасывания природных ресурсов и использования природной ренты и интереса общества.

Литература

1. Каменецкий В.А., Патрикеев В.П. Собственность в XXI столетии. – М.: Экономика, 2014.
2. Лайкам К.Э. Социальные модели общества в период перехода к социально-ориентированной рыночной экономике (к вопросу о разработке социальной модели России XXI века) // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. 1999. № 24(112). С. 32.
3. Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Три модели развития России. – М.: ИФРАН, 2010.
4. Чистов Л.М. Эффективное управление социально-экономическими системами: теория и практика. – СПб.: Петрополис, 2009.
5. Федотовская Т.А. Социальные аспекты проблемы бедности в современной России // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. 2013. № 20 (213).
6. Экономика переходного периода / Рук. Авт. Колл. Е. Гайдар. – М., ИЭПП, 1998.

ДИТЯЧІ ЯСЛА-ПРИТУЛКИ ЯК РЕЗУЛЬТАТ ПРИВАТНО-ГРОМАДСЬКОЇ ІНІЦІАТИВИ В УКРАЇНСЬКОМУ СЕЛІ НА ПОЧАТКУ ХХ СТ.

Силка Оксана Захирівна

кандидат історичних наук, доцент, Національний університет харчових технологій, м. Київ, Україна

ДЕТСКИЕ ЯСЛИ-ПРИЮТЫ КАК РЕЗУЛЬТАТ ЧАСТНО-ОБЩЕСТВЕННОЙ ИНИЦИАТИВЫ В УКРАИНСКОМ СЕЛЕ В НАЧАЛЕ ХХ ВЕКА.

Сылка Оксана Захаровна, кандидат исторических наук, доцент, Национальный университет пищевых технологий г. Киев, Украина

АНОТАЦИЯ

В статье рассматривается одна из форм коллективных усилий украинского крестьянства, земских властей, уставных организаций и активных общественных деятелей, как сельские летние ясли-приюты для детей дошкольного возраста. Автор датирует их возникновение на территории Украины в начале ХХ в., фиксирует их распространение во всех губерниях, отмечает успехи и отдельные проблемные стороны в деятельности новых сельских образований. Ясли-приюты рассматриваются как проявление общественной деятельности в условиях формирования гражданского общества.

Ключевые слова: сельские ясли-приюты, общественная инициатива, гражданское общество, земство, крестьянство.

CRECHE-SHELTERS AS A RESULT OF THE PRIVATE-PUBLIC INITIATIVE IN THE UKRAINIAN VILLAGE IN THE EARLY TWENTIETH CENTURY

Oksana Sylka, Candidate of historical sciences, associate professor, National University of Food Technologies (Kyiv, Ukraine)

ANNOTATION

The article deals with rural summer creche-shelters for children of the preschool age as one of the forms of the collective efforts of the Ukrainian peasantry, Zemsky authorities, statutory organizations and active public figures. The author dates their appearance on the territory of Ukraine in the early twentieth century, notes their spreading in all provinces, observes the success and individual problems of the new rural formation activities. Creche-shelters are seen as the manifestation of the social activity under the formation of civil society.

Keywords: rural creche-shelters, public initiative, civil society, district council (Zemstvo), peasantry.

Перші тимчасові або літні сільські ясла-притулки в Російській імперії були організовані у 70-х рр. XIX ст. на приватні кошти колишніх поміщиків. Зокрема, у 1876 р., у с. Большом Пронського повіту Рязанської губернії ясла були відкриті з ініціативи місцевої землевласниці Н. Ф. Ржавської і до 1901 р. існували на її особисті кошти. Російська дослідниця Т. Фруменкова зазначає, що за 10 років до цього, а саме у 1867 р. з ініціативи благодійного товариства Петербурзького виховного будинку були засновані літні сільські ясла для догляду за грудними та малолітніми дітьми, матері яких працювали у полі [11, с. 72]. З 80-х рр. ініціатива перейшла до земств. У цей період разом із фіксацією позитивних результатів, є відомості і про невдалі спроби організації ясел Шадринським земством Пермської губернії; у 1892 р. безрезультатно піднімалося питання на обговорення Пензенським земством; нарешті у 1896 р. у Пермській губернії були відкриті 3, а у 1897 р. – 11 ясел; у 1896-1897 рр. підтверджено організацію ясел у Полтавській та Воронежській губерніях.

Варто відзначити, що певна форма громадської допомоги у період літніх жнив в сільській місцевості існувала здавна. Про це відзначали наприкінці XIX ст. вже нові організатори ясел-притулків: «Помилково було б думати, що ясла у селі явище не знане. У малих розмірах ясла у селах існують уже давно, існують вони і сьогодні, паралельно зі справжніми яслами. У кожній місцевості є бабуса, яка бере під нагляд дітей 4–6 років. Матері їй приносять молоко та хліб, щоб було чим годувати дітей» [1, с. 11].

Необхідність обговорення питання на рівні земських зборів про організацію літніх ясел-притулків у сільській місцевості, і, як результат, отримання фінансової підтримки з боку окремих з них, була викликана декількома причинами:

- по перше, збереження життя дітей, покращення їхнього фізичного та духовного виховання, оскільки протягом тривалого часу у літній період вони були позбавлені догляду з боку батьків. Так, станом на кінець XIX ст. у Пермській губернії був зафіксований найбільший показник дитячої смертності – на 1000 народжених до 1 року помирало 438 дітей; у Золотоніському повіті Полтавської губернії смертність становила 50 %, зокрема «найбільша смертність припадала на липень та серпень, місяці кишкових розладів та залишення дітей на волю долі, внаслідок проведення польових робіт» [9, с. 89.];
- по-друге, забезпечення протипожежної ситуації з боку земств, а саме – улаштування ясел з метою зменшення кількості пожеж, спричинених дитячим недоглядом;

- по-третє, покращення ситуації з літньою безпритульністю, зокрема частковою компенсацією відсутності належного догляду з боку батьків за дітьми у час активного збору врожаю зернових;
- по-четверте, інформування селянок про санітарно-гігієнічні онови догляду за дітьми, тощо.
- Загальні завдання щодо розгортання мережі дитячих ясел-притулків полягали у наступному:
- збільшення кількісних та якісних показників виробництва праці дорослого сільського населення;
- покращення рівня загального благоустрою населення через відсутність затрат, які попередньо спрямовувались на заходи, пов'язані зі смертністю дітей та збитками від пожеж;
- покращення рівня загального санітарного рівня населення через організацію профілактичних заходів, які були спрямовані на боротьбу з інфекційними хворобами;
- популяризація серед сільського населення сучасного виховання та догляду за дітьми дошкільного віку.

Серед українських земств піонером у справі організації літніх сільських ясел-притулків стало зазначене вище Полтавське земство. Вперше це питання на обговорення Полтавських губернських земських зборів було підняте у 1896 р., а у 1897 р. за їхньої фінансової підтримки у сумі 1000 крб. відкриття 3 ясел-притулків: у с. Піски Лубенського повіту, у містечку Уствиця Миргородського повіту та у с. Деньги Золотоніського повіту. Зазначимо, що перший успішний досвід щодо прихистку дітей забезпечив перебування останніх 1774 днів та 333 ночей [10, с. 50]. Із асигнованої Полтавськими губернськими земськими зборами суми було освоєно 263 крб. 50 коп. У наступному 1898 р. сума була збільшена до 7000 крб. [5, с. 53].

Щодо визначення способів та форм організації сільських ясел-притулків, губернське земство надало повну свободу дій їхнім ініціаторам. На ці кошти було організовано 56 притулків у 12 повітах Полтавської губернії. Зокрема, у Гадяцькому – 3, Золотоніському – 16, Кобеляцькому – 3, Кременчуцькому – 1, Лубенському – 10, Миргородському – 2, Полтавському – 6, Прилуцькому – 2, Переяславському – 4, Пирятинському – 6, Хорольському – 1 [10, с. 50–51]. Закцентуємо увагу на тому факті, що навіть за наявності коштів (на організацію 56 ясел було витрачено близько 3600 крб.) та дозволів на орендування земських приміщень, у трьох повітах – Зеньківському, Костянтиноградському та Роменському, не знайшлося жодної приватної особи чи громадського об'єднання, які б узялися за право організації літнього прихистку дітей.

Варто відзначити ще одну особливість досліджуваного процесу: окремі земства не вели статистики і не володіли інформацією стосовно функціонування літніх ясел на їхній території. Так, у Гадяцькому повіті, відповідно до офіційних матеріалів, перші літні притулки організувалися лише у 1915 р. За висновками земства, такий досвід «спричинив благі результати» [4, с. 822–823]. Зазначений факт входить у суперечність з вище наведеними даними.

У 1899 р. питання про допомогу селянам у догляді за дітьми під час жнив поставили на обговорення і Чернігівські губернські збори. З цієї метою губернська земська управа звернулася до повітових правників з питанням про визначення сіл, на території яких необхідно було б організувати ясла, на кого можливо було б покласти реалізацію проектів та яких видатків буде потребувати вирішення цього питання. Позитивний відгук на ці ініціювання в окремих повітах, наприклад у Ніжинському, продовжувався й у 1916 р. [12, с. 9]. Зафіксовано, що у 1905 р. Глухівські повітові збори на облаштування ясел виділили 6 крб. 50 коп., а у 1913 р. Городнянське повітове земство підіймало питання про «повсюдну» організацію у повіті дитячих ясел-притулків. Але, зважаючи на той факт, що «питання про методи та засоби здійснення такого задуму не могло бути у достатній мірі розробленими, воно залишилося без обговорення [6, с. 588].

З 1900 р. до справи організації літніх ясел-притулків долучилося Харківське земство, асигнувавши 4400 крб. зі страхового капіталу для стимулювання тих повітових управ, які приймуть рішення про відкриття ясел [5, с. 7]. За даними О. Гужви та О. Кравченко, влітку 1900 р. 12 ясел-притулків відкрилися у шести з дванадцяти повітів: Богдуському – 1, Зміївському – 2, Ізюмському – 2, Куп'янському – 3, Лебединському – 3 та Старобільському – 1 [3, с. 9].

Катеринославське земство з 1900 р. призначило щорічне фінансування на сільські ясла-притулки із сум страхового капіталу у розмірі 4000 крб., із розрахунку по 500 крб. на повіт. У 1900 р. розпочали свою роботу 14 ясел: у Верхньодніпровському повіті – 6, в Олександрійському, Бахмуцькому, Катеринославському та Новомосковському – по 2 [10, с. 43]. У наступні роки кількість дитячих установ за підрахунками Е. Баздиревої помітно збільшилась: у 1901 р. – 26, у 1902 р. – 56, у 1903 р. – 46, у 1904 р. – 49 [2, с. 11].

Опрацювання джерельного та історіографічного матеріалів дозволило виявити наступні категорії громадян та громадських об'єднань, які долучилися до справи соціального захисту сільських дітей: найбільш чисельну групу представляють приватні особи – колишні землевласники, лікарі, учені, вчителі та їхні дружини; далі – місцеві сільські церковні братства; і вже потім – громадські сільськогосподарські товариства та кооперативні об'єднання.

Так, у 1904 р., родина П. В. Кочубея (повітовий предводитель дворянства, голова правління Глухівського благодійного товариства, ініціатор заснування добровільної Дубовичівської пожежної дружини), за підтримки місцевого священика о. М. Гусаковського, забезпечила функціонування літніх ясел у містечку Дубовичах, а вчитель П. Прохорова займалася дітьми у с. Чуйковці Глухівського повіту Полтавської губернії. При цьому у кошторисі Глухівської земської управи зафіксована цифра у 6 крб. 50 коп., які значаться як на початок 1905 фінансового року,

так і на його завершення [7, с. 160]. Відомо, що у с. Павлівка Маріупольського повіту Катеринославської губернії принаймні у період 1904–1906 рр. функціонували ясла на приватні кошти місцевого землевласника А. М. Трегубова [10, с. 16].

Зміст офіційних звітних матеріалів про роботу сільських літніх ясел-притулків у сільській місцевості на початку ХХ ст. свідчить лише про позитивні результати набутого досвіду – на земські кошти винаймалося приміщення, запрошувався завідувач, прислуга, купувалися книги та іграшки. Будівля, яка пропонувалася для ясел, обов'язково мала складатися з дитячої ігрової-спальні та кухні для приготування гарячої їжі. Завідувач зобов'язувався не лише слідкувати за дітьми, але й навчати їх основам грамоти, усному мовленню, молитвам та іграм. Прислуга, окрім готування їжі, теж брала участь у догляді за дітьми. Літні ясла, як правило, відкривали на 1–2 місяці. Батьки вранці залишали своїх дітей, а ввечері забирали їх додому. У тих випадках, коли батьки ночували у полі, діти теж на ніч залишалися у притулку. У ясла приймалися діти дошкільного віку, але не молодші ніж 2 роки.

Беззаперечно, головний здобуток у функціонування сільських літніх ясел-притулків полягав у майже повному безпеченні дітей від фізичного каліцтва, зменшенні динаміки захворюваності та покращенні їхнього фізичного стану.

А от завдання стимулювати зародження громадської ініціативи в селянському середовищі щодо організації такого типу ясел довго залишалося лише завданням. «Необхідно, щоб самі селяни почали організовувати свої ясла-притулки, – писав у 1902 р. проф. С. Павлов, – без цього більша частина сіл, не дивлячись на усі зусилля земств та приватних благодійників, залишаться без ясел» [8, с. 20]. Інший земський лікар Д. Жбанков теж пов'язував періодичне зменшення зацікавленості в організації літнього дитячого прихистку «відсутністю осіб, які б уміло та енергійно взяли би за справу влаштування ясел» [5, с. 53].

У селянському середовищі спостерігалась інертність щодо організації власними силами (на рівні ініціювання та організації діяльності) сезонних дитячих ясел-притулків. Фінансове стимулювання до відкриття таких установ з боку земств у кожному селі не завжди було ефективним через об'єктивні причини – сільське населення, в силу своєї психології та відсутності попереднього позитивного досвіду спочатку не сприймало сам факт організації ясел-притулків як щось корисне. Згодом, відчувши певні результати функціонування ясел, ставлення до них змінилося.

Показники у ініціюванні, організації та діяльності сільських літніх дитячих притулків, на нашу думку, залежали від двох причин: масштабів інформаційно-пропагандистської роботи та економічного рівня життя сільського населення, а фактично його бідності. І хоча сучасні українські дослідники достатньо позитивно оцінюють прояви приватно-громадського ініціювання щодо організації ясел, а також динаміку їхнього виникнення й поширення в українських губерніях, у тому числі і на сільському рівні, порівняльний аналіз основних показників між територіально та чисельно «однаковими» іншими губерніями Російської імперії свідчить не на користь українського регіону. Співставлення іншого фактору, а саме співвідношення кількості сіл до кількості ясел-притулків, засвідчує

мінімальний показник територіального охоплення і, відповідно, дає привід для оцінки ступеня розуміння українськими селянами необхідності організації громадського соціального захисту їхніх дітей.

Література

1. Арнольди А. К. Ясли. Опыт практического руководства к устройству детских яслей. – СПб., 1902. – 116 с.
2. Баздирева Е. М. Роль приватної ініціативи жіноцтва у справі суспільного виховання дітей (за матеріалами Катеринославської губернії початку ХХ ст.) // Грані. – 2010. – № 4. – С. 9–13.
3. Гужва О., Кравченко О. Ясла-притулки як форма опіки над дітьми в Україні (друга половина ХІХ – початок ХХ ст.) // Волинські історичні записки. – Луцьк, 2010. – С. 6–12.
4. Д. Деревенские ясли // Газета Гадячского земства. – 1916. - № 52. – С. 822–823.
5. Жбанков Д. Н. О деятельности санитарных бюро и общественно-санитарных учреждений в земской России. – М., 1910. – 71 с.
6. Журналы Городнянского уездного земского собрания чрезвычайного созыва 27–28 февраля и 49-й очередной сессии 1913 г. – Городня, 1914. – 775 с.
7. Отчет Глуховской уездной земской управы за 1905 год. – Глухов, 1906. – 163 с.
8. Павлов С. Ясли-приюты / С. Павлов. – СПб., 1902. – 80 с.
9. Приложение к Отчету Золотоношской уездной земской управы за 1896 г. – Золотоноша, 1897. – 255 с.
10. Русаневич А. Пособие для устройства в деревнях детских летних яслей-приютов; значение их для народа и подробное описание игр и полезных занятий в приютах. – М., 1906. – 64 с.
11. Фруменкова Т. Г. Детские сады и ясли в русской пореформенной деревне (сельские приюты и ясли Петербургского воспитательного дома во второй половине ХІХ – начала ХХ века) // Вестник Герценовского университета. – 2008. – № 5. – С. 70–74.
12. Ясли-приюты в Козелецком уезде в 1916 г. // Нежинец. – 1917. - № 7. – С. 9–11.

ЭТНОНИМЫ ОРОКОВ САХАЛИНА И ИХ ЭТИМОЛОГИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Старцев Анатолий Федорович

Доктор исторических наук, заведующий отделом этнографии, этнологии и антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток)

ETHNONYMS OF OROKS OF SAKHALIN AND THEIR ETYMOLOGY IN DOMESTIC ETHNOGRAPHIC LITERATURE

Starcev Anatolij Fedorovich, Doctor of historical sciences, head of department of ethnography, ethnology and anthropology of Institute of history, archeology and ethnography of the people of the Far East of DVO Russian Academy of Sciences (Vladivostok)

АННОТАЦИЯ

В этнографической литературе советского и постсоветского периодов считается, что этнические названия ороков Сахалина ольчи, ульчи, уильта (уйльта) и ульта по законам фонетики орокского языка сведены к непереводаемому этнониму уильта. Однако это разные названия, каждое из них этимологически связано с конкретной географической местностью, откуда предки ороков выходили в низовья Амура, а затем и на Сахалин. Эти названия отражают многовековую историю эвенов, негидальцев, орочей, ульчей и других народов южной части Дальнего Востока России, вошедших в состав субэтнических групп ороков Сахалина.

Ключевые слова: этнос; этноним; ороки; ольчи; ульчи; уильта; ульта; культура; традиция; этногенез; Нижний Амур; переселение; Сахалин

SUMMARY

According to the literature of the Soviet and Post-Soviet periods it is considered that ethnic names of Sakhalin Oroks such as Ol'cha, Ul'chi, Uil'ta (Ujl'ta) and an Ul'ta under phonetic laws of the Orok language are consolidated to an untranslatable ethnonym of an ujl'ta. However these names are different, and each of these names is connected etymologically with the particular geographic district, from where ancestors of the Oroks came to lower reaches of the Amur River, and then to Sakhalin. These names reflect centuries-old history of the Evens, Negidals, Orochs, Ul'chi and other peoples of the southern part of Russian Far East who were a part of subethnic groups of the Sakhalin Oroks.

Keywords: ethnos; ethnonym; Oroks; Ol'cha; Ul'chi; Uil'ta; Ul'ta; culture; tradition; ethnogenesis; Lower Amur; resettlement; Sakhalin

В этнографической литературе досоветского и постсоветского периодов считается, что этническую основу ороков составили удские и охотские тунгусы, нет единого мнения, откуда и когда ороки появились на Сахалине. До сих пор между исследователями не разрешен спор об этимологии этнических названий, не рассмотрена проблема,

почему вместо одного этнонима у ороков Сахалина имеется еще несколько этнических имен.

В ранее опубликованных статьях автор доказывал, что некоторые отечественные этнографы на протяжении всех лет советской власти и первого десятилетия постсоветского периода при исследовании этногенеза ороков не

учитывали концепцию Л.И. Шренка, доказывавшего, что ольчи (мангуны) низовьев Амура и ороки Сахалина в прошлом составляли один народ [25, с.297–304], что ороки переселились на Сахалин в конце XVII в. [24, с.160–165], что в их состав в XV – XVII в. влились пешие тунгусы, известные под названием ламутов северной части Охотского побережья, что этническую основу сахалинских ороков составили не эвенки, как считают многие исследователи, а охотские эвены (ламу́ты), о чем свидетельствуют антропологические исследования М.Г. Левина [26, с.174–180].

В предлагаемой статье основное внимание уделяется скрупулезному исследованию орокских этнонимов, опубликованных в отечественной этнографической литературе. Кроме этнонима ольчи, зафиксированного Л.И. Шренком у ороков Сахалина, в 1883 г. в исследовательской литературе появляется другое их самоназвание – ульча [13, с.81], в 1912 г. В.К. Арсеньев фиксирует этноним уильта [2, с.562], в 1929 г. у этих же ороков фиксируется четвертое самоназвание – ульта [3, с.5], и в 1967 г. появляется пятый этноним – ульта¹ в сочетании с двумя последними этническими именами ороков Сахалина «ульты» и «уильты» [12, с.6]. О существовании этих этнонимов Л.И. Шренк даже не подозревал, искренне считая, что ороки сами себя называли только ольчами. Он первым из российских исследователей сделал попытку перевести тунгусский термин «ороки» на русский язык, этимологию этого слова он стал выводить из созвучного с ним названия ороchon, в основе которого лежит слово оро или орон, что «на языке тунгусских инородцев Амурского края, а равно и Сибири, значит «олень» и преимущественно домашний. Поэтому, все упомянутые выше названия означают «оленный народ», или «оленеводы»» [27, с.137].

Одним из первых исследователей точку зрения Л.И. Шренка об этимологии ороков от слова «орон» поддержал С.К. Патканов, обратив внимание на появление в литературе этнонима ульча. Однако по непонятной причине между названиями ольчи и ульчи он ставит знак равенства, доказательством чего служат слова: «Сами ороки, по Полякову, называют себя ульча (т.е. «ольчами»)» [10, с.132].

Затем принцип этимологизации термина «ороки», разработанный Л.И. Шренком, заимствует Л.Я. Штернберг, который поддерживает мнение С.К. Патканова о равенстве названий «ороки = ороchonы = ольча = ульча». Л.Я. Штернберг об этом писал: «При первых встречах они (ороки Сахалина – А.С.) называли себя просто ороchonами, то есть так, как их зовут русские. Впоследствии, когда я стал допытываться, как будет ороchon на их языке, они стали называть себя ульча или ольча, то есть так, как их называют соседи и единоплеменники-тунгусы, а также и их единоплеменники на Амуре. Лучше сказать, слово «ульча» явилось буквально переводом на их язык слова «орочон», так как слово «орон», которое у других тунгусских племен означает олень, на языке ороков звучит аля, уля, а отсюда ольча, ульча» [28, с.396].

Однако после 1925 г. этнонимом ульчи или ольчи А.Н. Липский называет не ороков Сахалина, а жителей низовьев Амура – мангунов. При переводе этого термина на

русский язык Липский не соглашается с этимологией С.М. Широкогорова и П.П. Шмидта, утверждавших, что слово «ольча» имеет перевод как «человек, имеющий косу» (ол «коса» + ча – суффикс принадлежности). По этому поводу он писал: «Нельзя с этим доводом согласиться уже потому, что «человеком с косою» можно в одинаковой степени назвать и маньчжур, и ходзо[н], и гиляк, а не одних только ульча, т.к. все названные народности в силу одних и тех же религиозно-психологических причин носили длинные волосы, заплетая их в косу» [6, с. XLIV].

Отвергнув этимологию С.М. Широкогорова и П.П. Шмидта, А.Н. Липский выдвинул несколько своих этимологических гипотез, но уже вне связи с ороками Сахалина:

- ульча – это «люди нерпы или нерпичьи люди» (от «...у!» (или кэнгы) – название одного из крупных видов нерпы – тотемного животного одного из ульчских родов» + ча суф. принадлежности);
- ульча – «есть жители земляных жилищ, жители нор». Доказательством этого может служить термин ольских тунгусов, у которых имеется весьма созвучное слово ульча – нора или землянка человека + ча суф. принадлежности;
- ульча – «поречане» или речные жители. Эта этимология связывается со словом «ула» – «река» + ча суф. принадлежности [6, с.XLV].

Когда А. Липский назвал мангунов ульчами, никто из этнографов не опротестовал этого мнения, даже Л.Я. Штернберг, хотя он критиковал Л.И. Шренка лишь за то, что тот в своём исследовании назвал мангунов ольчами [28, с.400] или так называемыми ульчами.

В 1928 г. Б.А. Васильев у ороков Северного Сахалина зафиксировал этноним ульта, близкий по своему звучанию, как он считает, к названию ульча. По мнению исследователя, орокские самоназвания ульча и ульта обладают такой же идентичностью, как и известные этнонимы ольча или ульча. Зная из работ предшественников, что ольчи – это ороки (Л.Я. Штернберг), ороки – это ульчи (И.С. Поляков), ульчи – это ольчи (А.Н. Липский), Б.А. Васильев, исходя из этой аналогии, тоже считает, что в этот ряд можно вписать слова «ульча – это ульта». Однако он чувствует шаткость своего мнения и пытается дать объективное объяснение, почему вместо самоназвания ульча он у ороков зафиксировал этноним ульта?

Васильев, когда спрашивал ороков, кто они, очевидно, надеялся услышать ответ, что они ульча, как об этом когда-то сообщали Поляков и Патканов. Однако, услышав этноним ульта, он решил дать подробное объяснение этому случаю: «...звук «Т» произносится в этом слове ясно, но вообще в языке ороков звуки «Т» и «Ч» очень близки и часто переходят друг в друга. Таким образом, самоназвание ороков «ульча», приводимое Поляковым, близко к приводимому мной» [3, с.5].

К сожалению, Б.А. Васильев не поясняет, когда и в каком случае звуки «Т» и «Ч» переходят друг в друга, поэтому его вывод о близости самоназваний ульча и ульта не совсем оправдан. Хотелось бы узнать, почему в одних и тех же местах Северного Сахалина менее чем за сто лет было зафиксировано пять разных этнонимов – ольча, ульча, уильта, ульта и ульта?

¹ Последнее этническое название *ульта*, получившее наибольшее распространение среди исследователей истории и культуры

ороков Сахалина, обязано не орокам или российским исследователям, а японскому лингвисту Дз. Икэгами, изучавшему язык ороков в 1950-е гг.

На мой взгляд, Б.А. Васильев не случайно привел слова о близости разных звучаний этнонимов ульча и ульта в самоназваниях ороков Сахалина. Он столкнулся с фактом наличия в составе одного народа разных субэтнических групп, имевших разные самоназвания. Тогда в России теория этноса еще не получила распространения среди отечественных этнографов, а о наличии субэтнических групп в составе одного народа стало известно только из исследований Ю.В. Бромлея в 70-е гг. XX в. Столкнувшись с разными самоназваниями у одного и того же народа, Б.А. Васильев не смог объяснить одновременное существование двух имен у одного народа, поэтому этот факт он зафиксировал в своем выводе для будущих исследователей. К аналогичной мысли, на мой взгляд, пришла и Т.И. Петрова. Иначе, почему она противопоставляет один этноним другому: «... этимология слова ул`та ~ уjl`та (как и ульча) неясна», утверждает она [12, с.6]. По ее словам, получается, что у ороков два этнонима: один из них ул`та или уjl`та, а другой – ульча.

Ознакомившись с этимологией А. Липского, Т.И. Петрова как знаток ульчской культуры и языка однозначно заявила, что слово «ульчи» не относится к ульчскому языку, поэтому его расшифровка «... должна вестись не при помощи ульчских корней, а корней того языка, от которого пошло это слово» [12, с.6].

Вслед за Т.И. Петровой значительный интерес к традиционной культуре ульчей проявил А.М. Золотарев. Изучая культуру этноса, он, как и другие исследователи, не видел разницы между названиями ольчи и ульчи, считая, как и Липский, что термин «ольчи» в новом написании звучит как «ульчи» [6, с.XLIII]. Золотарев, ознакомившись с этимологической концепцией Липского, отнесся к ней крайне неудовлетворительно и, придерживаясь мнения Т.И. Петровой, высказал мысль, что перевод слова «ульчи» следует искать в тунгусских и ламутских языках, где имеются термины «олдо», «олло», «олра», обозначающие «рыба» [5, с.34]. Развивая эту мысль, он писал: «Можно допустить, что термин «ольча» образовался из древнего тунгусо-маньчжурского термина «оль» – «рыба» и суффикса принадлежности «ча», что означает «рыбные люди», «рыболовы» – естественное обозначение, которое олленоводы или охотники-тунгусы дали прибрежным жителям Амура» [5, с.34–35].

Невольно напрашивается вопрос, кто же такие ороки: олленоводы или рыбаки, люди, имеющие прическу, состоящую из косы, люди нерпы, люди земляных жилищ или поречане – жители бассейна какой-то реки?

А.В. Смоляк, опираясь на мнение А.М. Золотарева, выявившего у ульчей род Ольча, пришла к мысли, что Шренк этим родовым именем назвал всех мангунов, «поэтому все изыскания ученых, направленные на установление происхождения слова ольча, – отмечала она, – представляются излишними» [20, с.35].

Ю.А. Сем, как и Т.И. Петрова, обоснованно считал, что этимологию этнонима ульта, как и ульча, надо искать в тех языках, где этот термин употребляется для обозначения ороков – эвенкийском, негидальском и в других тунгусских языках [16, с.81]. Скрупулезно рассматривая проблему этногенеза ороков, он пришёл к выводу, что все высказывания предыдущих исследователей, за исключением А.Н. Липского, в вопросе этимологии названий ульча несостоятельны. По его мнению, название этих двух наро-

дов связывается с понятием «вода» – «ули», «ул» + аффикс «чан», что означает «речные люди, поречане» [19, с.8].

В советской и постсоветской этнографической науке традиционно сложилось, что при исследовании этногенеза ороков Сахалина этимологию этого этноса связывают с тунгусским словом «орон» (лингвистическое толкование Л.И. Шренка) или с орокскими словами «аля, уля» (этимологизация Л.Я. Штернберга). Во всех этнографических работах советского и постсоветского периодов, касающихся изучения проблемы этногенеза ороков Сахалина, наблюдается позитивное восприятие этих методологических подходов, потому что у Шренка и Штернберга они хорошо обоснованы и, на первый взгляд, соответствуют действительности.

Глубокий анализ материалов по этногенезу ороков показывает, что Л.И. Шренк и Л.Я. Штернберг, занимаясь определением этимологии этнонимов ороки, ольчи и ульчи, на мой взгляд, допустили методологическую ошибку, потому что надо выводить этимологию этнонимов не из тунгусского термина орон и орокских слов аля, уля и т.д., а из названий местности, где обитали предки ороков Сахалина.

Изучение этнонимов Дальнего Востока и Северной Америки показывает, что самоназвания народов в основном связываются с оронимами, гидронимами, ойконимами и другими названиями. Существующие такие этнические названия как «орочи», «орочены», «ороки», «ольчи» и др. в значении «олленоводы», свидетельствует, что эти названия привнесены другими этносами, для которых олленоводство являлось необычной хозяйственной деятельностью. Сами же олленоводы при встрече человека всегда спросят, как называется местность, откуда он пришел. В противном случае в крае были бы не только этнические названия олленоводов, но и охотников, рыболовов и др., а в Маньчжурии, откуда в Приамурье пришел экзоним со значением «олленовод», в Бурятии, Якутии и Монголии должны быть этнонимы со значением «скотоводы», «конеководы», «рыболовы» и т.д., но их там не наблюдается. Считаю, что в условиях первобытности, кочевого образа жизни, отсутствия каких-либо паспортных данных, по которым можно было бы быстро найти человека, значительную роль играло этническое название, связанное с конкретной территорией его обитания, а в ряде случаев – с именем основателя рода того или иного народа.

В этнографической науке давно доказано, что этнические имена тех или иных родовых подразделений и даже названия народов (за редким исключением) связываются с территорией обитания людей, чаще всего с местными топонимами. Например, негидальцы свое происхождение связывают с озером Нейдаль, рекой и селением Негда, родовые названия Акунка, Мулинка, Моуданка и Хутунка у орочей произошли от названия притоков Тумнина – рек Акур, Мули, Моуду и Хуту. У эвенов Магаданской области от слова нам (море) образовалось название нямънкънъл – приморские (жители побережья моря); от слова донръ – материк (глубинная часть континента) появилось слово донръткънър со значением «таежно-глубинные» или «жители глубин материка» [14, с.6–7]. Аналогичный принцип приобретения этнических имен наблюдается у удэгейцев, нанайцев и других народов Дальнего Востока. Этнические названия «ольча», «ульча», «уильта», «ульта» и др., на мой взгляд, тоже связываются

с территорией обитания народов, предки которых жили в низовьях Амура и других местах южной части Дальнего Востока.

Если знать истинную этимологию этнонима, то по нему можно определить первичную территорию обитания этноса, откуда его предки пришли в низовья Амура, а затем переселились на Сахалин. Таким образом, этимология этнонима может указать верное направление для успешного решения проблемы этногенеза, для этого, на мой взгляд, следует использовать любую информацию, которая могла бы натолкнуть на мысль, кому принадлежал тот или иной этноним (экзоним). В данном случае нас интересуют названия ольчи, ульчи, уильта, ульта, уйльта и др., звучание и этимология которых затрагивает умы исследователей более 100 лет.

Исследуя ороков Сахалина, Б.А. Васильев в своей статье приводит интересный разговор о предках сахалинских ороков: «Мы слышали, нам тунгусы говорили, что на материке, ближе к Камчатке где-то есть настоящие улта с оленями» [3, с.8]. В другой раз от ороков и тунгусов ему удалось узнать, что настоящие ульта, т.е. с оленями, живут где-то на севере Охотского побережья [3, с.5]. Известно, что на севере Охотского побережья, ближе к Камчатке, уже 300–500 лет, по определению Крейновича, обитают ольские и арманские эвены-рыболовы, которые до сих пор занимаются оленеводством.

У.Г. Попова отмечает, что жители селений Армань и Ола в исторической литературе известны под названиями арманцев и ольчан, которые с поселением на новом месте утратили свое истинное самоназвание [14, с.11], но историческая память о своих предках продолжает сохраняться в старых топонимах северо-восточной части Дальнего Востока.

И.А. Захарова под руководством Ю.А. Сема в 70-е гг. XX в., занимаясь выявлением эвенских топонимов, обнаружила гидроним Ольчан – приток р. Туманы, впадающей в Охотское море. Этот гидроним связывается с эвенским словом ол'чэн, имеющим значение, «обрывистый берег, глубокое место, корытообразное русло» [7, с.290; 18, с.78]. Следует сказать, что идентичный гидроним имеется не только в Ольском районе Магаданской области, но и Тенькинском районе, где речка Ольчан является левым притоком р. Анмангынджа. В этом же Тенькинском районе имеется и река Ульчан (Ульчен), правый приток реки Кулу, находящейся на севере Хабаровского края и Магаданской области (правый приток р. Колымы). Гидроним Ульчан обозначает «небольшой омут» [7, с.382]. Исходя из этих гидронимов, местные жители, обитавшие в бассейнах этих речек, будут обозначаться как ольча и ульча без какой-либо связи с понятиями орон, аля и уля. При этом из приведенных гидронимов видно, что Ольча(н) и Ульча(н) представляют разные названия, а это значит, что эти гидронимы, так же как и этнонимы ольча и ульча, нельзя сводить к одному слову и считать, что ульча – это новое написание слова ольча. Аналогично можно рассматривать и этнонимы уильта, ульта и уйльта, которые без каких-либо обоснований с легкой подачи Дз. Икэгами свели к одному слову уйльта.

Касаясь этнических названий уильта, ульта и уйльта, Т.П. Петрова отмечала, что «... сами ороки своего самоназвания никак не поясняют и употребляют слово ул`та ~ уйл`та как неразложимый термин для обозначения своей народности. Если бы слово ул`та ~ уйл`та разложили

предположительно на морфемы (основную ул` ~ уйл` и суффиксальную -та), то для них в языке ороков соответствующих живых значений не найти. Правда, фонетические закономерности орокского языка позволяют сопоставить суффикс -та с весьма продуктивными суффиксами -нка в нанайском языке и -нча в ульчском: -нкā ~ -нча ~ -нта > -тта > -та. Суффиксы -нкā и -нча в языках нанай и ульчей образуют от соответствующих имен существительных имена, обозначающие название жителя данной местности. Если придать такое же значение суффиксу -та в слове ул`та ~ уйл`та, следует ожидать, что основа ул` ~ уйл` будет связана с названием какой-либо местности, возможно реки, по типу: Валетта – название орокского рода, Валу ~ Вал – название реки. Суффикс -та можно также сопоставить с конечным элементом, имеющимся в родовых названиях Гетта, Муэттэ, а также Бояуса, Намисса и др., придав ему значение множественности, собирательности» [12, с.6].

Т.И. Петрова, обоснованно считая, что орокский суффикс -та, объединенный со словом, означающим какую-либо местность, в конечном итоге может означать родовое название. «Но всё это пока предположения». Вопрос о происхождении и семантике самоназвания ороков остается неразрешенным» [12, с.6], потому что для семантики орокских этнонимов, как следует из исследования Петровой, в регионе обитания аборигенов Приамурья, Приморья и Сахалина нет подходящих топонимов. Этот вывод подтолкнул некоторых исследователей к поиску таких топонимов.

Л.И. Сем в 60-х гг. XX в. отмечала, что в основе этимологии этнических имен уильтов и ульчей «... лежит корень, связанный с понятием «вода»: у илта, уилта, улта (от уил, ул + чан = «речные люди, поречане». При этом свой вывод Л.И. Сем подкрепляет эвенкийским термином уил, уул «водоворот, заводь», эвенским словом уули, улу «бурлящая вода», «водоворот» и другими словами, связанными с общим понятием «вода» [19, с.9].

Идеи Т.И. Петровой и Л.И. Сем об этимологии этнонимов ороков из эвенкийского термина уил в 2002 г. были заимствованы и продолжены С.В. Соколовским. Рассматривая проблемы этногенеза и этнонимии ороков, он считает, что «этимология самоназваний ульта, уильта восходит ... к *ул, *уил (название местности, реки) + суффикс -та (<*чан), обозначающий жителя данной местности, т.е. поречанина» [21, с.167]. И, наконец, в 2006 г. идея со словом уил конкретизируется наиболее известным ороковедом XXI в. Л.И. Миссоновой, которая со ссылкой на многих предшественников, выражает их и свое мнение об этимологии ороков такими словами: «В эвенкийском языке этимологию слова ульта можно связать с корнем уил («водоворот»), ула («река»), улами («промочить, намочить») ... Вероятно, оно было дано в противоположность оленеводам – эвенкам, орокам, как поречанам. Таким образом, в названии ороков мы видим двойственность. Северные соседи с материка их называют по признаку их жизни на берегу реки, а соседи на Сахалине – по наличию в хозяйстве оленей» [6, с.59].

Большинство исследователей думают, что этноним уильта можно сравнивать с эвенкийским нарицательным термином уил («водоворот») + суффикс принадлежности -та, имея конечное понятие «речные люди или поречане». Однако, на наш взгляд, эвенкийский термин «уил» не мо-

жет представлять какую-то конкретную местность, поэтому люди не могли использовать этот термин для своего самоназвания. Кроме этого, сами же филологи склонны считать, что этимологизировать этнонимы одного народа при помощи корней другого этноса нельзя. Отсюда следует, что надо искать другой, более подходящий термин, желателен топоним, при помощи которого можно выявить истинное значение этнонима уильта.

Наши поиски увенчались успехом. В труде Л.Я. Штернберга имеется топоним, на который никто из советских и постсоветских исследователей не обратил внимания. Это ойконим Uil (Уил) – название большой деревни на территории негидальцев, жители которой, как сообщал исследователь, «... лет двадцать назад все вымерли» [28, с.532, 548]. Если этот ойконим объединить с суффиксом принадлежности –та, то получим термин Uilta, название которого без всяких натяжек объясняет происхождение орокского самоназвания в форме Uilta (уильта). Перевод термина Uilta будет означать «житель селения Уил (Uil)». Следует особо отметить, что этноним Uilta в этом же написании использует, и японский исследователь Сиро Сасаки в работе, посвященной истории антропологического изучения ороков Сахалина в предвоенные и военные годы Второй мировой войны [29, р.151, 159–164].

Возможно, кто-нибудь станет возражать против этого объяснения, ссылаясь на то, что эта деревня находилась не на территории ороков, а в пределах негидальцев и т.д. Однако в деревне Uil жили не только негидальцы, но и люди других народов. Косвенное подтверждение этого утверждения имеется в исследовании Л.Я. Штернберга. Он признает, «что многие роды на Амуре носят прозвище ульчан даже на территории негда ...», что на территории негидальцев находилось селение Уил [28, с.400]. Мы не знаем, кто основал это селение, но факт, что вместе с негидальцами проживали и ольчи, и ульчи, хорошо известен.

Исходя из того, что у народов Приамурья, Приморья и Сахалина этническое название всегда связывалось с каким-нибудь топонимом – названием реки, озера, горы, населенного пункта и других географических объектов, что В.К. Арсеньеву среди ольчей-мангунов удалось выявить этническое название уильта [2, с.562], что это название в ХХ в. было самоназванием одной из субэтнических групп ороков Сахалина, можно представить, как в низовьях Амура в первой четверти ХХ в. появилось этническое название уильта, а затем оно перекочевало и на Сахалин. Очевидно, этот этногенетический процесс протекал, примерно так: какая-то группа жителей из селения Уил, имеющая оленей и известная у местных тунгусов под прозвищем ульчан, переселилась в низовья рек Амгуни или Амура. На новом месте эти жители назвали себя уильта, а с переселением их на Сахалин этническое самоназвание этой группы было воспринято и другими сородичами, потому что все они когда-то проживали в верховьях р. Амгуни.

Воспоминания старейших жителей острова свидетельствуют, «что предки ороков когда-то жили на Амгуни и в верховьях р. Удыль. Там они имели оленей, с которыми передвигались на Амур» [16, с.82]. Об этом же говорили и шаманы, которые «при камланиях перелетают море, по берегу материка достигают Амура и выходят на Амгунь, в верховьях которой живут их предки с большим числом оленей» [16, с.86].

Этимология этнического названия уильта связывается с орокским термином уи, имеющим значение «верхний», «верхняя сторона» [23, с.246], удэгейским термином уилэ, означающим понятие «вверху, наверх» [4, с.35], орокским словом уилэ, имеющим перевод «вверху (находиться)» [1, с.240] и нанайским понятием уилэ – «наверху» [15, с.193]. По нашему мнению, полный перевод этнонима уильта будет означать «жители верховьев реки» или «верховские». Аналогично можно сказать и об этнониме уильта, в основе этимологии которого находится не река Уй, впадающая в Хунгари, а орокское слово уилду, имеющее перевод «именно вверху» [23, с.246].

Если наши догадки верны, то замена этнонима уильта на этническое название уильта вполне возможна, потому что оба этнонима указывают на жителей верховьев р. Амгуни. Эта река у ороков Сахалина очень часто фигурирует в исторических рассказах о жизни их предков. Более того, этноним уильта (уильта) указывает на конкретную территорию, откуда предки ороков Сахалина пришли в низовья Амура, а оттуда на Сахалин.

Выше показано, что за редким исключением родовые названия или этнонимы тех или иных этносов возникают из топонимов, оронимов, ойконимов или гидронимов. Общеизвестно, что в Приамурье и Приморье этнические названия связываются только с топонимами. Исходя из этого, можно предположить, что и этноним уильта тоже связан с каким-нибудь названием той или иной территории, где ранее обитали предки ороков Сахалина.

В своем исследовании Л.И. Шренк, описывая расселение орочей по р. Хунгари, сообщает, что по течению р. Хонгар до впадения р. Ульджи, кроме деревни Ультур, имеется еще пять селений орочей – Одоме, Уй-одоме, Пир, Джигдана и Ульдья [27, с.24–25]. Гидроним Ульджа (Ульджа = Ульза = Ульда – А.С.), ойконимы Джигдана и Ульдья представляют собой сложные слова, образованные из основ – зу(г) – (жилище, дом) [22, с.267]; ули (река) [23, с.260] + дā (зā) – (Ольские и Охотские эвены); дāн (Урм. эвенки) – (родственники по свойству) [22, с.183, 239]. Таким образом, этимология гидронима Ульджа может означать «река близких родственников», а селения Джигдана и Ульда – «поселения близких родственников». Название деревни Ультур также представляет собой сложное слово, состоящее из основы ули – река большая + тур – земля, местность (Охотские эвены) [23, с.217, 260]. Сочетание слов «река» + «местность» явно указывает на перевод этого ойконима – «речная местность» или «речная долина». Исходя из аналогии формирования терминов у арманских эвенов, где зу (дом) + тур (место, местность) = зутур (домовитый) [22, с.267], ойконим Ультур (уль – река + тур – место = речной) без всяких натяжек тоже будет означать понятие «речная местность» или «речной».

Исходя из того, что в языке кур-урмийских, сахалинских и чумиканских эвенков русское слово эхо звучит как улта, а у охотских и ольских эвенов – как – улдан [23, с.263], в приведенном примере четко виден процесс замены буквы «Д» на букву «Т». Это значит, что какая-то группа эвенов, оказавшись на р. Хунгари, вступила в брачные связи с орочами и, обосновавшись на безымянной реке, назвала её Ульджа, а селение на берегу этой реки – Ульда. После этого жители из селений Ульдья (Ульда) и Ультур, оказавшись на Сахалине и вступив в контакт с эвенками, огласили, что они ранее жили на р. Ульджа в

селении Ульда. Для слуха эвенка слово Ульда было воспринято как Ульта. Отсюда, на мой взгляд, и появилось название Ульта, которое впоследствии стало этнонимом в одной из этнических групп сахалинских ороков.

Приведенные написания ороческих ойконимов и гидронимов Ультур, Ульдъи и Ульджа вполне могли явиться основой для этнонима Ульта. Аналогичный пример можно привести из этнической истории негидальцев, в прошлом местом обитания, которых было оз. Нейдадь (Орель) и река Негди, которая впадает в это озеро. В 30 верстах от устья р. Негди имелось негидальское селение Негди, которое размещалось недалеко от р. Амура [9, с.144–145, 154; 27, с.16]. «Я готов даже думать, – писал Шренк, – что «Негда» и есть имя, которым этот народ сам называет себя» [27, с.158]. Вслед за Шренком, я могу с уверенностью говорить, что гидроним Ульджа и ойконимы Ульдъи (Ульда) и Ультур явились основой для этнического имени ороков Сахалина, известно с 1928 г. в написании ульта.

Исходя из анализа этнических названий народов низовьев Амура и Сахалина, я пришел к выводу: этнические названия ольчи, ульчи, уильта (уйльта) и ульта – это не только имена ороков Сахалина, но это и комплексное отражение многовековой истории – эвенов, эвенков, негидальцев, орочей, части современных ульчей, нанайцев, удэгейцев и других народов южной части Дальнего Востока России, вошедших в разные исторические периоды в состав субэтнических групп ороков Сахалина:

- мангуны – это общее название древнего населения низовьев Амура. С включением в свой состав оленных тунгусов Охотского побережья у мангунов сформировалась группа с самоназванием в форме слова ольчи. Оленные ольчи с переселением на Сахалин стали именоваться ороками, а безоленная часть ольчей, оставшись в низовьях Амура, у русских переселенцев стала известна под названием мангунов;
- ольчи – это территориальное название одной из субэтнических групп ороков Сахалина, известных под названием орочены;
- орочены – один из древних этнонимов тунгусов Забайкалья, верховьев Амура, Удского края, северной части Охотского побережья, Приамурья, орочей Императорской Гавани и о-ва Сахалина. У ороченов (орочёнов) этих регионов свои этнокультурные и этнические особенности. Однако проведенный всесторонний анализ показал, что к появлению ороков или ороченов на Сахалине причастны только тунгусы Охотского побережья, имевшие самоназвание ороченов, и причастные к формированию территориальных названий ольчи, ульчи, ульта, уильта (уйльта). Каждый из этих этнонимов имеет свою историю и сыграл определенную роль в развитии культуры ороков Сахалина;
- ульчи – этноним одной из субэтнических групп ороков Сахалина конца XIX в., а также и экзоним, которым в конце 1920-х гг. ошибочно были названы жители низовьев Амура, называвшие себя мангунами;

- уильта2 – жители верховьев реки или верховские. Этноним сформировался на территории негидальцев, где в селении Уил обитали не только негидальцы, но и оленные ульчи-ороки;
- ульта – жители речной долины. Этноним сформировался на территории хунгарийских орочей и был перенесен на Сахалин в начале XX столетия, где и был зафиксирован Б.А. Васильевым

Заканчивая обзор и анализ этнических названий народов низовьев Амура и Сахалина, нужно сказать, что проблема этногенеза ороков Сахалина для её дальнейшего решения нуждается в комплексном подходе специалистов разных направлений – этнографов, филологов, географов, историков и других научных дисциплин.

«Список литературы»

1. Аврорин В.А., Лебедева Е.П. Ороческие тексты и словарь. – Л.: Наука, 1978. – 264 с.
2. Арсеньев В.К. Этнологические проблемы на востоке Сибири // Собр. Соч. в 6 томах. – Владивосток: Тихоокеанское издательство «Рубеж», 2012. Т. III. С.547–578.
3. Васильев Б.А. Основные черты этнографии ороков. Предварительный очерк по материалам экспедиции 1928 г. // Этнография, 1929. №1. С. 3–22.
4. Гирфанова А.Х. Учебный тематический словарь удэгейского языка. – СПб.: СПбГУ. РИО. Филологический факультет, 2012. – 96 с.
5. Золотарев А.М. Родовой строй и религия ульчей. – Хабаровск: Дальгиз, 1939. – 206 с.
6. Липский А.Н. Краткий обзор маньчжуро-тунгусских племен бассейна амура // Первый туземный съезд Д.В.О. (протоколы съезда с вводной статьей А. Липского). – Хабаровск, 1925. С. V–LI.
7. Леонтьев В.В., Новикова К.А. Топонимический словарь северо-востока СССР. – Магадан: Кн. Изд-во, 1989. – 457 с.
8. Миссонова Л.И. Уильта Сахалина: большие проблемы малочисленного народа. – М.: Наука, 2006. – 295 с.
9. Невельской Г.И. Подвиги русских морских офицеров на Крайнем Востоке России 1849–1855. – Хабаровск: Кн. изд-во, 1969. – 424 с.
10. Патканов С.К. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири на основании данных переписи населения 1897 г. и других источников // Записки ИРГО по отделению этнографии. Часть II. Прочие тунгусские племена. – СПб., 1906. Т. XXXI. – 208 с.
11. Петрова Т.И. Ульчский диалект нанайского языка. – М.-Л.: «Учпедгиз», 1936. – 123 с.
12. Петрова Т.И. Язык ороков (ульты). – Л.: Наука, 1967. – 156 с.
13. Поляков И.С. Путешествие на остров Сахалин в 1881–1882 гг. – СПб.: Типография А.С. Суворина, 1883. – 112 с.
14. Попова У.Г. Эвены Магаданской области. Очерки истории, хозяйства и культуры эвенов Охотского побережья 1917–1977 гг. – М.: Наука, 1981. – 304 с.

² К сожалению, мне не удалось выяснить, где, когда и кем на Сахалине был зафиксирован этот этноним.

15. Сем Л.И. Очерки диалектов нанайского языка: би-кинский (уссурийский) диалект. – Л.: Наука, 1976. – 212 с.
16. Сем Ю.А. Проблема происхождения ороков Сахалина // Общие закономерности и особенности исторического развития народов советского Дальнего Востока (с древнейших времен до наших дней). – Владивосток: ДВФ им. В.Л. Комарова СО АН СССР, 1965. С.79–87.
17. Сем Ю.А. Из этнической истории малых народов южной части советского Дальнего Востока в XVIII – первой половине XIX в. // Материалы по истории и культуре народов Дальнего Востока (доклады, сообщения, заметки) / Материалы симпозиума по проблеме «История и традиции отечественного востоковедения на Дальнем Востоке (Владивосток, март 1969 г.). – Владивосток: ИИАЭ ДВНЦ АН СССР, 1973. Вып.1. С.9–41.
18. Сем Ю.А., Захарова И.А. Эвенская топонимика // Филология народов Дальнего Востока (ономастика). – Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1977. С.74–85.
19. Сем Ю.А., Сем Л.И., Сем Т.Ю. Материалы по традиционной культуре, фольклору и языку ороков. Диалектический орокско-русский словарь: Этнографические исследования // Труды ИИАЭ ДВО РАН. – Владивосток: Дальнаука, 2011. Т. XIV. – 157 с.
20. Смоляк А.В. К вопросу о происхождении ороков // Краткие сообщения ИЭ им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. XXI. С.33–38.
21. Соколовский С.В. Территории традиционного природопользования Сахалина (обоснование проекта) // Расы и народы. – М.: Наука, 2002. Вып.28. С.160–187.
22. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: материалы к этимологическому языку. – Л.: Наука, 1975. Т.1. – 672 с.
23. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: материалы к этимологическому языку. – Л.: Наука, 1977. Т.2. – 992 с.
24. Старцев А.Ф. Время переселения предков уйльта на Сахалин // Традиционная культура населения Сибири и Дальнего Востока: изучение, сохранение, популяризация / Материалы 4-х Кузнецовских чтений (Чита, 11–13 апр. 2012 г.). – Чита, 2012. С.160–165.
25. Старцев А.Ф. Новый взгляд на проблему этногенеза ульта (ороков) Сахалина // Сахалин и Курильские острова в истории России: к 65-летию образования Сахалинской области. Материалы научно-практической конференции (24 января 2012 г.). – Южно-Сахалинск: ГУП «Сахалинская областная типография», 2012. С.297–304.
26. Старцев А.Ф. Этногенетические проблемы: этническая основа уйльта Сахалина // Россия и АТР. – Владивосток, 2013. № 2. С.174–180.
27. Шренк Л. И. Об инородцах Амурского края. Части географическо-историческая и антропо-этнологическая. – СПб.: Издание Императорской Академии наук, 1883. Т.1. – 323 с.
28. Штернберг Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. – Хабаровск: Дальгиз, 1933. – 740 с.
29. Shiro Sasaki. Anthropological Studies of the Indigenous Peoples in Sakhalin in Pre-Wartime and Wartime Japan // Wartime Japanese Anthropology in Asia and the Pacific / Senri Ethnological Studies 65. – Osaka: National Museum of Ethnology, 2003. P.151–168.

ОТ АЛАШ – ОРДЫ К НЕЗАВИСИМОСТИ КАЗАХСТАНА: ИДЕЯ «АЛАШ» - НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ

Сулейменова Даметкен Досмухановна

кандидат исторических наук, профессор Западно – Казахстанского инженерно – гуманитарного университета, г.Уральск, Казахстан.

FROM ALASH-ORDA TO INDEPENDENT KAZAKHSTAN: THE IDEA OF "ALASH" - THE NATIONAL IDEA

Suleimenova Dametken, Candidate of historical sciences, Professor of West – Kazakhstan University of Engineering and Humanities. Uralsk, Kazakhstan.

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается история Алаш. Только зная историю своего народа и страны, начинаешь понимать особую ценность обретенной в конце прошлого столетия Независимости. Независимость предоставила нам колоссальные, прежде невиданные возможности, сегодня казахстанцы являются хозяевами своей страны и своей судьбы. Алашская идея, рожденная в начале XX века останется в памяти поколений.

Ключевые слова: Алаш, Алаш – Орда, Независимость, Автономия, национальная идея.

ABSTRACT

This article discusses the history of Alash. Just knowing the history of their people and country, you begin to understand the special value acquired at the end of the last century of independence. Independence has provided us with enormous, unprecedented opportunities before today Kazakh people are the masters of their own destiny. Alash idea, born in the early XX century will be remembered for generations.

Keywords: Alash, Alash - Orda, Independence, Autonomy, National idea.

Сегодня идет целенаправленная работа по возрождению исторического общества. Любовь к Отечеству, чувство сопричастности к истории и судьбе страны, понимание ценностей материального и духовного наследия, созданного народом в прошлом, начинается с уважения памяти предшественников. Только зная историю своего народа и страны, начинаешь понимать особую ценность обретенной в конце прошлого столетия Независимости. Независимость предоставила нам колоссальные, прежде невиданные возможности, сегодня казахстанцы являются хозяевами своей страны и своей судьбы. Каждая земля, как известно, рождает своих великих сынов. Казахская степь также гордится славными героями, такими как Кенесары хан, батыры Срым, Исатай, Махамбет и многие другие. История казахского народа показывает, что борьба за свободу и независимость страны никогда не прекращалась. И важную роль в этой многовековой борьбе сыграли представители национальной интеллигенции рубежа XIX и XX столетий. Рождение демократического движения, первой политической партии Алаш и правительство Алаш - Орды свидетельствовало о возросшей гражданской зрелости и высоком потенциале казахской политической элиты, заявившей в условиях острых социальных коллизий в начале XX века о своем стремлении решать судьбоносные вопросы будущего развития родного народа.

Деятели Алаш и представители казахской управленческой элиты, научной и творческой интеллигенции заложили фундамент казахской государственности. Границы нашего государства очерчены в начале 1920-х годов участниками Алаш-Орды. Образование в 1920 году Киргизской (Казахской) АССР в составе РСФСР являлось результатом компромисса между Алаш-Ордой и Советской властью. Алашские лидеры приняли активное участие в процессе национально-территориального размежевания Средней Азии и воссоединения казахских земель. Представители Алашской интеллигенции А. Букейханов, А. Байтурсынов, М. Дулатов, А. Беремжанов, М. Шокай, Ж. Акпаев, М. Тынышпаев, А. Ермеков, Ж. Досмухамедов, У. Танашев, Х. Досмухамедов, а также национал-коммунисты С. Ходжанов, Т. Рыскулов, С. Мендешев, С. Садвокасов и другие прилагали все усилия для обеспечения целостности казахской территории [1, с.15]. Казахские интеллигенты того поколения были людьми высокого порыва и самопожертвования, формировавшими мировоззрение своей эпохи. Они являются для нас, современников, поистине безусловным образцом нравственности, бескорыстия и преданности национальному и гражданскому долгу.

Лидер Алаш – Орды Алихан Букейханов проникновенно писал: «Я живу, дышу, существую внутренними делами своей Родины, для меня судьба ее превыше всех благ... Я не могу спать спокойно, если не знаю, в каком положении она находится» [2, с.5]. Деятели движения Алаш стояли на пути духовного и национального пробуждения народа и боролись за обретение государственности казахов. Они мечтали видеть свой родной народ свободным и независимым. «Наша цель - предоставить возможность самому народу решать свою судьбу. Только добившись автономии, народ возьмет судьбу в свои руки, - подчеркивал Жаханша Досмухамедов. Свергнуто самодержавие. Теперь управлять народом должны те, кто знает его хозяйство и быт, язык, нравы, обычаи и традиции. Как бы то ни было, мы должны получить автономию» [3, с.9]

«Основная цель, которой руководствовались при создании партии Алаш, была судьба казахского народа, создание независимого государства наравне с другими развитыми высококультурными народами, обладающими богатством территории и государственностью» отмечал Алихан Ермеков [4, с.127].

Казахские интеллектуалы стремились поднять уровень развития народа в ряд с передовыми странами Азии, такими как Япония. Не случайно их впоследствии обвиняли в японском шпионаже, объявив «японскими агентами» Халел Досмухамедов писал своему земляку, уроженцу Гурьевского уезда, студенту Казанского ветеринарного института Губайдолле Бердиеву: «После долгой городской душной жизни степь произвела на меня чарующее впечатление. Вид знакомых кибиток, проезд в свой дорогой аул, встреча родных, почтение посторонних - все это производит неотразимое впечатление и свидетельствует о превосходстве степняков над цивилизованными. Когда подумаешь, что сотни киргизов получают высшее образование, то приходишь к заключению, что и этот народ способен к труду, к прогрессу, то и он, может быть, когда -нибудь займет в мировом господстве одно из почетных мест, что и он может сделаться второй Японией» [5, с.132].

Через газету «Казах» Ахмет Байтурсынов призывал народ к просвещению, труду, освобождению от вековой спячки, пробуждая в каждом киргизе чувство гражданства» [6].

Алашские деятели подняли национальное самосознание народа на государственный уровень. Партия Алаш стала первой политической организацией казахов, разработавшей комплекс мер для решения проблем общества того времени. Основной идеей алашординцев было единство народа, и этот лозунг актуален и по сей день. Основными целями движения Алаш являлись создания системы государственного самоуправления, отстаивание права народа на национальное самоопределение, остановка процесса переселения крестьян из внутренних губерний России на казахские земли, модернизация казахского общества с использованием передового мирового опыта.

Даже теперь, спустя многие десятки лет, поражает многоплановость повестки дня областных собраний казахов и всеказахских съездов. В постановлениях народных собраний содержались требования навечно закрепить за казахами исконные национальные земли и их недра, создать милицию и казахское земство, организовать начальный всеобщий на казахском языке [7, с.145]

В своей книге « В потоке истории » Президент Казахстана Н.А. Назарбаев так охарактеризовал заслуги деятелей Алаш – Орды: „ В начале XX века задачу выработки казахской национальной идеи взяла на себя духовно – интеллектуальная элита, выдвинувшая идею национальной консолидации... Сам факт создания национальной политической организации в нашей отечественной истории не до конца осознается. Тем более, что многие положения, в свое время выдвинутые руководителями партии Алаш, сохраняют свое значение и поныне. Это было не националистическая, а патриотическая организация, которая ставила своей целью постепенную трансформацию казахского общества и ее адаптацию к современным реалиям [8, с.279].

Как известно, история не дала партии Алаш, Алашской автономии и ее правительству Алаш – Орде возможности осуществить свою программу создания и укрепления казахской государственности на основе единства всех слоев народа. Отвергая насилие, отрицая классовую природу государства, алашские деятели выступали против диктатуры одного класса в обществе. Непросвещенность масс, оторванность от центра политической борьбы, разрозненность и отсутствие четкой программы политической борьбы явились причиной поражения Алаш в политическом противостоянии большевикам. Деятели Алаш были феноменами, рождающимися раз в столетие. Каждый из них был маяком, светочем для народа.

Алашская идея, рожденная в начале XX века продолжает служить интересам независимого Казахстана. Пройдет время и придут новые поколения, но и в последующие десятилетия и столетия достойное наследие общественной мысли и духовного опыта Алашской интеллигенции будет поддерживать казахстанский народ в потоке

истории. История Алаша и светлые образы Алашординцев на всегда останутся в памяти поколений...

Литература

1. Айдын Р. Светлый путь Алаша. – Алматы, 2014.
2. Движения Алаш: Сборник матер. 3-х том. – Алматы, 2011. газета «Казах» - 1914, 23 январь.
3. Мамраева А. Общественно – политическое развитие Казахстана начале XX века и Алихан Букейханов. – Алматы, 1997.
4. Мажитов Р. Общественно – политическая деятельность Жаһанша Досмухамедова. – Уральск, 2007.
5. Озганбаев О. Немеркнущая звезда. – Алматы, 2003.
6. Назарбаев Н. А. В потоке истории. – Алматы., 2003.
7. Сулейменова Д. Д. История западного отделения Алаш - как составная часть краеведения. Монография. – Алматы, 2007.

СИЛЬНЫЕ И СЛАБЫЕ СТОРОНЫ ОСНОВНЫХ КОНЦЕПЦИЙ ВСЕМИРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Сущенко Виктор Алексеевич,

доктор ист. наук, профессор, Южного федерального университета г. Ростов-на-Дону

STRONG AND WEAK POINTS OF THE BASIC CONCEPTS OF THE WORLD-HISTORIC PROCESS

Sushchenko Viktor, doctor of history, professor, Southern Federal University

АННОТАЦИЯ

Целью статьи является анализ сильных и слабых сторон наиболее популярных в научной среде концепций всемирно-исторического процесса. Вывод заключается в том, что универсальной концепции нет, и не может быть. Развитие исторической науки ведёт к появлению новых теорий, объясняющих этот процесс.

ABSTRACT

The aim of the article is the analysis of strong and weak points of the most popular conceptions of the world-historic process. The conclusion is that there is no universal conception and it cannot exist. Development of history leads the introduction of new theories, explaining this process.

Ключевые слова: Концепция, формация, цивилизация, всемирно-исторический процесс.

Keywords: Conception, formation, civilization, the world-historic process.

Основными концепциями всемирно-исторического процесса в настоящий момент являются пока ещё сохраняющие свои позиции у части отечественных историков формационный подход к изучению истории, и приобретший популярность в новой России цивилизационный подход. Оба в совокупности своих положительных и отрицательных сторон.

Формационный подход или, иначе, марксистско-ленинская концепция смысл исторического развития видит в достижении идеального общественного строя, без эксплуатации и угнетения, с общественной собственностью на средства производства и полным народовластием. Пружину или главную силу исторического развития историки-марксисты видели в классовой борьбе и в её высшем проявлении – социальной революции, которая способствует переходу человечества на более высокую степень развития. Процесс развития всего человечества заключался в смене одной общественно-экономической формации другой – более прогрессивной. Поэтому мате-

риалистическую концепцию истории ещё называют учением о пяти общественно-экономических формаций. Это первобытнообщинная («первобытный коммунизм»), рабовладельческая, феодальная, капиталистическая и коммунистическая, с первой её стадией - социалистического общества. Главным и определяющим в развитии человеческого общества объявлен фактор материального производства.

Данная концепция имеет свои сильные стороны. Привлекает простая и внутренне непротиворечивая картина исторического процесса. Ведь, действительно, на разных этапах развития человеческого рода были рабы и рабовладельцы, зависимые крестьяне и феодалы, рабочие и капиталисты, вместе с присущими классовому обществу социальными антагонизмами. Совершенно справедливым представляется также первостепенное внимание к роли экономического фактора в жизни человеческого общества. Ведь, довольно трудно опровергнуть слова Ф. Энгельса, сказанные им на могиле К. Маркса о том, что люди в первую очередь должны, есть, пить, иметь

жилище и одеваться, прежде чем быть в состоянии заниматься политикой, искусством и т.д. [5, с. 350-354]. Так что, среди всех сторон человеческого бытия фактору материального производства действительно принадлежит ведущая роль.

Не может вызвать возражение действительно прогрессивный характер этой теории, ибо процесс развития человечества показан здесь в постоянном изменении с восхождением к более высокой ступени развития. Вместе с тем, марксистская теория в соответствии с реальным ходом истории признаёт срывы, откаты и даже попятные движения как в развитии человеческого общества в целом, так и в истории отдельных стран.

Однако именно по причине своей простоты и однолинейности в трактовке исторического процесса, данная теория была единственно верной лишь для своего времени и то среди историков «стран победившего социализма». Причём, некоторые из них ещё в период «развитого социализма» обнаружили в этой концепции ряд изъянов. Во-первых, то, что эта теория довольно абстрактна, так как ни одна страна в мире не прошла всех пяти стадий общественно-экономического процесса. В Древнем Востоке рабовладение не вышло за рамки домашнего рабства, а всё население находилось на положении государственных рабов, и только Западная Европа при жизни основоположников марксизма достигла стадии развитого капиталистического общества. Тогда как Восток долгое время оставался в рамках традиционного общества, а некоторые афро-азиатские страны продолжают в нём пребывать и доныне. Коммунизм же не только не смог торжествовать на планете, но и потерпел историческое поражение в схватке с «мировой системой капитала». Уже одно — это обстоятельство заставляет усомниться в верности и неизменности марксистской теории познания истории.

Во-вторых, рабовладельческий уклад ни в одном человеческом сообществе не был определяющим, даже в эпоху древних цивилизаций и в античную эпоху. Хозяйство, общественный строй, армия там держались на труде крестьян-общинников. Как только рабский труд стал вытеснять труд свободных крестьян-общинников, цивилизация начинала клониться к гибели. К тому же, многие страны Востока и Запада пришли к феодальному строю, минуя рабовладельческую стадию развития.

В-третьих, социальная революция тоже не всегда является главным двигателем общественного развития. Не меньшую роль при этом играли различные сдвиги в духовной и культурной жизни общества, климатические изменения или смена религиозных символов.

Таким образом, мир исторического прошлого был более ярким, противоречивым и многообразным, чтобы его можно было втиснуть в прокрустово ложе марксистской теории исторического процесса.

В последнее время, начиная с момента крушения социализма в нашей стране и распада СССР, наибольшую популярность среди отечественных историков получил цивилизационный подход к изучению истории, имеющий много школ и направлений. Цивилизация — это совокупность или определённый уровень достижений материальной и духовной культуры, приёмов и способов контакта человека с природой, образ жизни, устоявшиеся стереотипы мышления и поведения.

Общим в теоретических построениях Тойнби [6, с. 232-235.] и других авторов является то, они рассматривают всемирно-исторический процесс как историю развития и смены отдельных человеческих сообществ, названных ими цивилизациями. Определяющим моментом в их развитии они видели изменения в культуре или вообще в духовной сфере общества. Каждая цивилизация, по их мнению, имеет уникальную судьбу, каждая вносит свой оттенок в человеческое многообразие, проходя последовательно стадии зарождения, роста, расцвета и постепенного упадка. Относительно целостности исторического процесса у этих авторов существуют разногласия. Одни из них настаивают на локальности существовавших ранее цивилизаций, т.е. их относительной независимости друг от друга. Другие считают, что всё-таки можно проследить единую линию исторического развития, допуская, что всё человечество в целом совершает растянутый во времени и пространстве переход от традиционного общества к индустриальному, а от последнего — к постиндустриальному. Переход этот стал особенно заметен после крушения коммунизма в большинстве стран т.н. «социалистического содружества».

Однако данная концепция исторического развития тоже оказалась далеко от совершенства. Ей тоже присущи сильные и слабые стороны. Сильные её стороны заключаются в следующем. Это более яркое и полное отражение истории отдельных стран и народов, особенно в эпоху Древних цивилизаций, а, значит, а стало быть, и более адекватная картина исторического общества, нежели та, которую даёт формационный подход к истории. Привлечение внимания не только к экономике, но и к другим, в первую очередь, духовно-культурным факторам исторического развития. В ряде случаев эта концепция даёт более глубокое и точное отражение исторических событий.

Слабые же стороны цивилизационного подхода проявляются в следующем.

В крайней разобщённости сторонников данной концепции. Нет единства мнений ни о количестве цивилизаций, ни о движущих силах истории, ни о направлении исторического развития. К тому же цивилизационный подход тоже не даёт адекватного отражения исторических событий, так как одна и та же страна может иметь на своей территории ряд различных цивилизаций или пройти в своём развитии несколько цивилизационных эпох, как это наблюдается на примере истории государства Российского. Получается, что всю сложность и многообразие исторического развития не по силам разрешить даже цивилизационному подходу к истории, главным образом по причине его универсальности.

Отсюда неизбежными стали попытки свести во едино достоинства формационного и цивилизационного подходов, поставив во главу угла уровень развития производительных сил и науки в обществе. Так появилась на свет теория стадий роста Уильяма Ростоу и Джона Гелбрайта [4, с. 20-21], разбившая историю человечества на три стадии: дикость, варварство и цивилизацию. Цивилизация по мере развития своих производительных сил проходила путь от традиционного общества к индустриальному, а от него — к постиндустриальному. Достоинство такого взгляда на историю заключались в том, что во главу угла исторического развития совершенно справедливо были поставлены главные факторы общественного про-

гресса – уровень развития науки и техники. При этом признавалось также значение духовно-нравственных и политико-правовых факторов на жизнь общества. Очень подвижными являются хронологические рамки исторических периодов, что позволяет лучше учитывать любые изгибы и повороты истории.

Недостатки такого подхода к истории тоже имеют место и определяются тем, что слишком упрощённым оказывается исторический процесс. Он привязан в основном к развитию производительных сил общества. Да, пока ещё окончательно не подтверждён вывод о том, что всё человечество движется от традиционного общества к постиндустриальной стадии развития. Это далеко ещё не исторический факт, а только лишь научная гипотеза. Конечно, мир реальной истории более ярок и многообразен, а потому он выходит за узкие рамки теории стадий роста.

Следовательно, несмотря на то, что все теории исторического развития имеют право на существование, более плодотворная работа над постижением исторической истины возможно только на пути разумного синтеза всех этих теорий с выделением позитивных сторон и отказом от негативных черт этих исторических теорий.

Однако предварительно следует обратить внимание на уникальные теории исторического развития, популярные не столько в научной, сколько в околонушной среде и непосредственно касающиеся судьбы российской цивилизации. Имеются в виду, прежде всего, теории этногенеза Л.Н. Гумилёва [3, с.16-18] и нравственного идеала А.С. Ахиезера [1, с.4-16], весьма популярные в 90-х годах XX века.

Суть теории Л.Н. Гумилёва состоит в том, что главной пружиной исторического развития он считает модус пассионарности, т.е. наличие в этносе достаточного количества биологически и социально активных людей, которые толкают народ к великим свершениям, выступая в роли вождей, полководцев, пророков, общественных деятелей. Вся жизнь народа (этноса) определяется его стремлением устоять и выжить в определённой природно-географической среде. Развивается этнос по законам природы и космоса: от складывания этноса, через его расцвет к постепенному угасанию и гибели. От этапа к этапу число пассионариев катастрофически уменьшается, зато растёт число малоактивных людей – простых обывателей. Здесь концепция Льва Гумилёва немногим отличается от теории локальных цивилизаций. На этом основании многие исследователи относят его концепцию к одной из разновидностей цивилизационного подхода.

А.С. Ахиезер в основу своего подхода поставил стремление русского общества на разных этапах своей истории достичь определённого нравственно-политического идеала и на основе этого духовной гармонии. В этих своих исканиях русское общество проходит семь этапов, иначе говоря, типов общественного устройства: соборный, ранний авторитарный, ранний идеал всеобщего согласия, крайний авторитаризм, поздний идеал всеобщего согласия, поздний авторитаризм и соборно-либеральный идеал. Переход от одного нравственно-этического идеала или типа общественного устройства происходит либо резко и скачкообразно путём инверсии, либо медленно и плавно путём медитации.

Уникальность, то есть непохожесть на все другие, делало эти теории любопытными для публики. Однако

для научного мира они остались довольно умозрительными, чтобы к ним относиться всерьёз. К тому же складывается впечатление, что они строятся не на исторических фактах, а напротив, факты подстраиваются под уже готовые теоретические схемы. Вместе с тем теория пассионарности Л.Н. Гумилёва незаменима при изучении истории степных кочевых народов, где многие его выводы подтверждаются историческими фактами.

Открытым остаётся вопрос: какую из концепций исторического развития следует взять за основу в процессе познания прошлого, если все они достаточно подвижны и условны? С нашей точки зрения, наиболее приемлемой теорией, объясняющей историческое прошлое, в свете нашего подхода к истории России через призму опыта мирового исторического развития, является концепция всемирно-исторического развития предложенная историком Л.С. Васильевым [2, с.2-7].

Согласно его концепции основное влияние на ход мирового исторического процесса оказывают два противоборствующих типа развития – Западный и Восточный. Западный вектор мирового развития является более динамичным, ибо характеризуется постоянным наращиванием новых качеств в экономике, политике и в духовной сфере, начиная с античных времён и заканчивая современной постиндустриальной эпохой. Он определяется наличием зрелых элементов гражданского общества в виде политических свобод и эффективной рыночной экономики. Для восточного типа развития характерна застенчатость традиционных общественных структур и отсутствие правовых гарантий личности и предпринимательской деятельности, и, главное – довлеющая роль государства во всех сферах жизни общества и подавление духовной свободы.

По мнению Л.С. Васильева весь мир через трудности, кризисы и откаты движется упорно к индустриальному, а потом к постиндустриальному обществу. Главную пружину исторического развития он видит в формировании и развитии основ рыночной экономики и закрепление правовых гарантий личности, освящённых соответствующими религиозными нормами. Выходит, что на ход исторического процесса огромное влияние в равной мере оказывают влияние как материальные, так и духовные факторы развития. Но при всех достоинствах концепция всемирно-исторического процесса по Л. Васильеву тоже достаточно абстрактна и условна. То, что весь мир через преграды и препоны идёт к постиндустриальному обществу, как уже отмечалось пока что ещё научная гипотеза, а не доказанный исторический факт.

При этом надо помнить, что кроме теорий, объясняющих с разных научных позиций проблемы исторического бытия разных народов и стран, существуют и лженаучные построения, и схемы, спекулирующие на неполноте нашего исторического знания. Некоторые современные авторы вместо сложившихся и цельных представлений об историческом прошлом предлагают свои конъюнктурные поделки. Одни в погоне за дешёвой сенсацией, другие, руководствуясь своими, отнюдь не благовидными целями. Опасность подобных около исторических манипуляций в том, что они преподносятся читателем в изящной художественной упаковке или несут на себе печать псевдонаучных рассуждений, что, конечно же, привлекает невзыскательных читателей, чьё знакомство с историей ограничено школьной программой или куцым вузовским

курсом. Встречаются, как уже было отмечено, и попытки открытых исторических фальсификаций в угоду определённой политической конъюнктуры.

Такие псевдонаучные теории тоже надо знать, чтобы понять истинный смысл заложенных в них рассуждений, призванных подорвать наше уважение к собственной истории. И путеводителем в «творческой лаборатории» подобных исследователей пусть будет наш собственный здравый смысл и накопленный веками опыт исторического исследования.

Исходя из этого, хотелось бы сформулировать пять основных правил, которыми должны руководствоваться люди, приступающие к изучению исторического прошлого.

Первое. Надо изжить в своём сознании пагубную иллюзию, что по данному факту или событию в истории всё уже досконально известно и нет никакой возможности для собственного творчества. Время постоянно вносит свои коррективы в историческое знание, то, что было верным ещё вчера, сегодня может быть подвергнуто сомнению. Требуется постоянный пересмотр отживших представлений и приращение новых знаний, позволяющих лучше понять своё недавнее и очень отдалённое прошлое. Так что всегда остаётся повод для сомнений при знакомстве с работами даже самых именитых авторов. Именно с сомнения, с постановки вопроса: «А так ли это было на самом деле?» начинается переход от начётничества, т.е. автоматического усвоения знаний к самостоятельному научному исследованию.

Второе. Также надо подавлять в себе преклонение перед авторитетом, ибо даже великим историкам были свойственны отдельные заблуждения и ошибки, или проявления тенденциозности в трактовке некоторых исторических событий. Поэтому не возбраняется усомниться в выводах и открытиях самых именитых авторов.

Третье. Требуется преодолеть склонность к эклектике, т.е. к смешению разных взглядов на историческое прошлое, проистекающее из неумения выработать собственную точку зрения, свой подход к изучению истории. Когда, кажется, что все авторы настолько глубоки в своих познаниях, что можно согласиться буквально с каждым. Большого труда требует желание разобраться в этой сумятице взглядов и выработать свой подход к изучению фактов и событий прошлого.

Не меньшим злом, в-четвертых, является попытка заняться голой эмпирикой, т.е. заняться простым изложением исторического материала без всякого его осмысления, анализа и обобщения. В подобном случае отсутствует научный поиск, а занятие историей теряет всякий смысл, превращаясь в автоматическое усвоение фактов, что не способствует формированию подлинно научного исторического сознания.

Пятое. В ходе изучения истории нет места симпатиям и антипатиям, исторические факты следует принимать такими, какими они есть, даже если они идут в разрез собственной точке зрения. Только в таком случае можно получить реальную, а не иллюзорную картину исторического прошлого. Причём, такой подход вовсе не возбраняет давать собственную оценку прошедших эпох и героев прошлых времён. Требуется только её умелая аргументация. Именно на формирование умения собственной интерпретации исторических событий и приобретении навыка в аргументации собственной сложившейся точки зрения на исторический процесс, направлен предлагаемый курс Отечественной истории, рассматривающий прошлое нашей страны в русле мирового исторического процесса.

Ибо главный смысл изучения истории заключается, прежде всего, в извлечении верных уроков из прошлого для определения оптимальных путей продвижения к лучшему будущему. В противном случае занятие историей утрачивает свой позитивный заряд, превращаясь в панегирик прошлого или в эпитафию по давно ушедшим поколениям.

Список литературы

1. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. – Ч.1.- М,1991.
2. Васильев Л.С. Всемироно-исторический процесс: концептуальный анализ.// Преподавание истории в школе. – 1993. - № 3.
3. Гумилёв Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. – М.: АСТ, 2000.
4. Загладин Н.В. Всемирная История. С древнейших времен до конца XIX века. – М.:Русское слово, 2002.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е, М. 1961, Т.19.
6. Тойнби А. Д. Цивилизация пред судом истории.- М.: Айрис-пресс, 2003.

О СУЩНОСТИ ПАЛОМНИЧЕСТВА КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ФЕНОМЕНА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ (ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ)

Тинина Зоя Павловна

кандидат исторических наук, профессор, Волгоградского государственного института искусств и культуры г. Волгоград

ON THE ESSENCE OF THE PILGRIMAGE AS A SOCIO-CULTURAL PHENOMENON AT THE PRESENT STAGE (STATEMENT OF THE PROBLEM)

Tinina Zoya Pavlovna, candidate of historical sciences, Professor of the Volgograd State Institute of Arts and culture, Volgograd

АННОТАЦИЯ

Паломничество как социокультурная составляющая общества и государства, имеет очень давнюю историю. Интерес современных авторов к этой теме постоянно растёт. Однако работ отечественных авторов по

данной проблематике недостаточно. Целью данной работы является постановка историографической проблемы, связанной с паломничеством и религиозным туризмом в современной отечественной историографии. В процессе достижения цели определён перечень задач, требующих решения, а именно, вопрос о сущностном соотношении понятий «паломничество» и «религиозный туризм», о перспективах развития паломничества в современной России.

АБСТРАКТ

The pilgrimage as a socio-cultural component of society and the State, has a very long history. Interest of contemporary authors on this subject is constantly growing. However, works of local authors on this subject is not enough. The aim of this work is staging a historiography of pilgrimage and religious tourism in the modern Ukrainian historiography. In pursuit of the goal defined a list of tasks that need to be addressed, namely, the question of identity between the concepts of "pilgrimage" and "religious tourism", on the development prospects of the pilgrimage in the modern Russia.

Ключевые слова: история, религия, туризм, паломничество, экскурсия, Россия, Нижневолжский регион.

Keywords: history, religion, tourism, pilgrimage, excursion, Russia, the lower Volga region.

С последней декады XX века интерес к паломничеству в российском обществе резко возрос в связи с изменившимся государственным отношением к некогда запретным святым местам и в целом к религии в пользу последних. В путешествии по святым местам приняли участие самые разные люди и не только затем, чтобы поклониться, исповедоваться и очиститься от брэнности земной жизни. На первом этапе постсоветского времени, возможно в чём-то неосознанно, наблюдалось возвращение граждан к вере после великого небытия духовной жизни в XX веке в нашей стране. Путешествие по святым местам сопровождалось самыми разными смешанными чувствами – это и любознательность, сопровождаемая стремлением к историко-культурному знанию отечественной религиозной жизни, ощущением свободы воли и вероисповедания, это и желание поклониться святым местам, своим духовным корням, ощутить причастность к религиозным традициям России.

Вслед за стихийным всплеском интереса граждан к паломничеству, примерно с начала XXI столетия, появилась и потребность теоретического осмысления, обоснования этого движения, умело подхваченного на практике российскими турагентствами в качестве его организаторов. Ежегодно в России принимают участие в религиозных турах около трёхсот миллионов человек [15]. С начала XXI века публично прозвучало несколько мнений о сущности понятия «паломничество». Российское духовенство традиционно воспринимает паломничество, как организованное устремление верующих к объектам духовного поклонения, а значить и формировать его должно духовенство. Работники туристского бизнеса, быстрее всех отреагировавшие на высокий спрос российского общества на путешествия по святым местам, считали понятие «паломничество» синонимом понятию «религиозный туризм» и оспаривали традиционное право духовенства на его регулирование и организацию. В 2004 году Межрелигиозный совет России к закону «Об основах туристской деятельности в РФ» внёс ряд поправок, переданных на рассмотрение Государственной Думы. В одной из них составлено требование о передаче формирования паломничества от туристских агентств религиозным организациям, способным регулировать паломническую деятельность без ущемления прав верующих. Ведущие духовные лидеры страны выразили надежду, что таким образом можно повысить качество паломничества россиян и гостей из-за границы, приезжающих на поклон святыням России [6].

Патриарх Московский и всея Руси Кирилл в свете опубликованных поправок выразил удовлетворение всё

возрастающему с каждым годом интересу россиян к святым местам, к отечественной истории. Он заверил, что Церковь не претендует на решение финансовых проблем. Она лишь ратует за качество паломнических путешествий, которые на порядок отличаются от религиозных туров, выполняющих исключительно познавательную и просветительскую функции. Паломничество, напомнил патриарх, непременно связано с поклонением религиозным святыням, постом, молитвами, своеобразным стилем жизни [1, 15]. Программы же, предлагаемые российскими турфирмами, никак с паломничеством не связаны, «что вызывает массу нареканий со стороны верующих. В частности, стиль жизни в 4-х – 5-ти звездочных гостиницах разрушает дух паломничества. Атмосфера этих заведений совершенно ему не соответствует» [6, 26].

Директор паломнической службы православного братства «Радонеж» Русской Православной Церкви Ю. Минулин уточнил мысль патриарха. Он разъединил и не без основания религиозный туризм и паломническое путешествие. Паломническое путешествие к святым местам является социальным служением, а религиозный туризм – бизнесом. Однако в современных условиях, пояснил директор, паломническая служба может успешно функционировать исключительно в рамках турбизнеса, поскольку Церковь не обладает туроператорской лицензией на организацию паломнических туров, не занимается оформлением виз при отсутствии аккредитации в консульствах и прочие «не». «Иными словами, – подытожил Ю. Минулин, – у Церкви нет системы организации групповых туров». Отделение паломнических поездок от турбизнеса «будет означать конец паломничеству» [7].

Отвечая на запрос российской общественности, за разработку проблематики взялись отечественные учёные. Одним из первых современных российских авторов конца девяностых годов прошлого столетия был среди них В.С. Сенин. Анализируя вопросы экономики и менеджмента в сфере международного туризма, он косвенно подчеркнул массовое возвращение сограждан к вере через знакомство с некогда запретными для них местами культа, реанимировал забытое понятие «паломничество», дав ему определение схожее с определениями XIX века [10]. Другой современный автор М.Б. Биржаков в сущности повторил, сказанное В.С. Сениным, относительно определения понятию «паломничества» как «совокупность поездок представителей различных конфессий с паломническими целями, стремление верующих людей поклониться своим святым местам» [2].

Тем не менее, разночтения в содержании понятий «паломничество» и «религиозный туризм» в начале XXI века оставалось и отражалось на практической деятельности светских и духовных функционеров путешествий по святым местам.

Подобному разногласию имеется историческое объяснение. Следует вспомнить некоторые аспекты исторических судеб западного и восточного христианства в области данных путешествий. Ещё в XIX веке академики А.Н. Веселовский [4], А.Н. Пыпин [10] и другие констатировали и объясняли специфику западных и восточных пилигримов в исторической ретроспективе.

Начало паломничеству положила мать Византийского императора Константина Великого Елена. Её «путешествие к святым местам привело к воздвижению Креста Господня» [14].

Католическая церковь изначально не восприняла идею инициативности и добровольности паломничества. Она налагала паломничество на своих прихожан как епитимию, т.е. наказание, врачевание духовным путешествием к святым местам с продолжительной молитвой, милостыней и усиленным постом. Даже светские суды на Западе, начиная с XIII века, приговаривали убийц к паломничеству. Позднее на Западе провинившимся знатым господам было разрешено вместо себя посылать отмаливать грехи к святым местам своих слуг или наёмников. Постепенно наёмное паломничество в Европе превратилось в выгодный и прибыльный бизнес [14].

Русь же с самого начала крещения Киевлян Владимиром Красное Солнышко, а возможно и раньше, приняла идею паломничества именно Византийской Елены. Монахи и верующие прихожане (пилигримы) во все времена шли к святым местам на поклон с молитвой по своей инициативе. Православная церковь по мере необходимости занималась лишь регулированием этого добровольного религиозного общественного движения [3, 5], которое воспринималось пилигримами как честь, дарованная Богом, приобщиться к святым местам для духовного спасения [13, 14]. Такое путешествие по святым местам никогда не вписывалось и, вероятно, не сможет быть вписано в полной мере, в бизнес-план светских организаторов туров [2].

Казалось бы, очевидное на лицо, но один из современных авторов многих научных трудов и учебников по туризму Т.Т. Христов предложил объединить все религиозные туры общим названием «религиозный туризм», определив ему статус в туристической индустрии как «самостоятельный вид туризма», экскурсионной направленности. Паломничество, по его мнению, входит в «религиозный туризм», как некое третье направление специализированных туров [2, 13].

В этой связи трудно не согласиться с журналом «Русский паломник», где сделан акцент на психологический аспект в паломничестве, связанный с определённым отношением человека к действительности. Как сказано в журнале, «в большинстве случаев паломник – это глубоко религиозный человек с уже сложившейся системой ценностей. Он для достижения своих духовных и нравственных целей готов на время поступиться привычным образом жизни, который состоит из круга общения, светских удовольствий, привычного питания» [11]. Религиозно-познавательному или культурно-историческому туризму подобные ограничения не свойственны.

На фоне теоретических поисков компромисса между российской традицией паломничества и новыми социально-экономическими условиями развития современной России, сегодня во многих случаях успешно достигается консенсус на практике между духовной и светской властью в этом вопросе. Так, с первой декады XXI века и по сегодняшний день наступает условно третий этап в развитии паломничества и религиозного туризма, озаглавленный сотрудничеством в формировании подобных туров [8, 9, 16, 17].

Итак, инициативность, вера пилигримов в особую силу духа отдалённых от общих поселений святых мест продолжают составлять сущность паломничества и в современной России. Западное предпринимательство не присуще Российскому паломничеству. Оно и сегодня основано на бескорыстии, добровольности, благотворительности и радости духовного приобщения к святым местам.

Однако, современная практика жизни вносит свои коррективы в прежнее паломническое движение России. Они вызваны, как стихийно нарастающим спросом россиян, изголодавшихся по своим духовным корням и истории, на подобные путешествия к святым местам, так рациональным отношением отечественных турагентств, формирующих подобные туры, не забывая об их духовной составляющей, не видевших разницы между религиозным туризмом и собственно паломничеством. Это вызвало нарекания верующих в их адрес. Сегодня к середине второй декады XXI века между светскими и духовными службами в сфере организации паломничества и религиозного туризма найден некий компромисс между материальной и духовной стороной этих видов путешествий. То или иное название присваивается туру в зависимости от процентной составляющей в формировании тура. В любом случае материальной стороной вопроса занимаются светские службы, которые нередко функционируют по благословению патриарха, митрополитов, епископов, а духовной стороной обоих видов тура – духовные службы.

На уровне светских научных изысканий всё гораздо сложнее. Большая часть авторов проявляет солидарность с традиционной точкой зрения на сущность паломничества, на хронологию его развития в России и не видит необходимости что-либо менять в его определении, искренне пересказывая и перефразируя известных авторов XIX века. Другая часть авторов, напротив, находится в поиске некой новой сущности паломничества, как социокультурного феномена и, пока, на наш взгляд, безуспешно.

Литература

1. Бакалова Е. Реликвии у истока культуры святых // Восточно-христианские реликвии/ Под ред. А.М. Лидова. – М., 2003. – 180 с.
2. Биржаков М.Б. Введение в туризм. – СПб: Невский фонд, 2008, - 381 с. – С. 216, 306.
3. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т.: Изд. 2-е. Т. 3: П. – М.; СПб.: Типография М.О. Вольфа, - 1882. – 555 с. – С. 13.
4. Веселовский А.Н. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе // Вестник Европы. – 1872. № 4. – С. 181-188.

5. Иллюстрированный энциклопедический словарь: Современная версия / Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. – М.: Эксмо, 2012. – 960 с.: ил. – (Российская императорская библиотека). – С. 449.
6. Кирилл, патриарх Московский и всея Руси. Выступление /Материалы Первой общецерковной конференции «Православное паломничество: традиции и современность». 27.10.2004: [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.mospat.ru/archive/7967-1.html> (Дата обращения: 15.11.2004).
7. Минулин Ю. Интервью //Паломническая служба «Радонеж»: [Электронный ресурс] // <http://www.radonezh.ru> (Дата обращения: 28.06.2013).
8. Паломнический центр Волгоградской епархии. Волгоград. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.palomnik-volgograda.ru> (Дата обращения: 05.04.2015).
9. Паломнический центр «Покров». [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.ps-pokrov.ru> (Дата обращения: 05.04.2015).
10. Пыпин А.Н. Паломничество и путешествия в старой письменности //Вестник Европы. – 1896. № 8. – С. 43, 180-187.
11. Русский паломник. Периодическое издание – М.: Московская патриархия - № 5/106, 05.03.08.
12. Сенин В.С. Организация международного туризма. – М.: Финансы и статистика, 1999. – 358 с.
13. Христианство: Энциклопедический словарь: В 3 т. Т. 1: А-К /Ред. колл.: С.С. Аверинцев (гл. ред.) и др. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1993. – 863 с. – С. 15, 462.
14. Христианство: Энциклопедический словарь: В 3 т. Т. 2: Л-С /Ред. колл.: С.С. Аверинцев (гл. ред.) и др. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1995. – 671 с. – С. 278-280.
15. Христов Т.Т. Религиозный туризм: 2-е изд. испр. – М.: Академия, 2005. – 420 с.
16. Центр международного туризма [Электронный ресурс]: //Паломничество и религиозный туризм. Режим доступа: <http://.ru/content> (Дата обращения: 20.03.2013).
17. Электронное периодическое издание «Радонеж». [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.info@radonezh.ru> (Дата обращения: 05.04.2015).

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА РАЗВИТИЕ ТИПОГРАФСКОГО И ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДЕЛА В ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ ГОРОДАХ РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Травникова Инна Владимировна,

Аспирантка, Пензенский государственный университет г. Пенза

FACTORS AFFECTING THE DEVELOPMENT OF THE TYPOGRAPHY AND PUBLISHING INDUSTRY IN THE PROVINCIAL CITIES OF RUSSIA AT THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY

Travnikova Inna Vladimirovna, postgraduate student, Penza state University, Penza

АННОТАЦИЯ

В статье представлен обзор факторов, влияющих на развитие типографского и издательского дела в провинциальных городах России в начале XX века. Описаны особенности развития типографского дела в провинциях, показаны тенденции развития отрасли в начале XX века.

ABSTRACT

The article presents an overview of factors affecting the development of the typography and publishing industry in the provincial cities of Russia at the beginning of the 20th century. It describes features of the development of the typography and publishing industry in the provinces, shows trends in the industry at the beginning of the 20th century.

Ключевые слова: типографское дело; книгоиздательство; провинциальный город

Keywords: typography; publishing industry; provincial city

На рубеже XIX – XX вв. российская промышленность вступила в стадию интенсивного развития. В этот период завершилось техническое переоснащение большинства отраслей производства, в том числе связанных с типографским делом. Преобладающим типом типографий в этот период являлись предприятия фабрично-заводского типа, где и выпускалось 97 % общего объема печатной продукции [3, с. 45].

Процессы концентрации и акционирования производства, проходившие в начале XX в., усилили приток частных капиталов, и позволили усовершенствовать технику и технологии печатания, а также повысить производительность труда и качество полиграфии. Как правило, бурный рост числа типографий и литографий был заметен, прежде всего, в столичных городах и губернских центрах,

где и осуществлялась основная работа чиновничьего аппарата, чьи интересы и обслуживали казенные типографии, и где происходила концентрация капитала. Уездные и заштатные города, как правило, не имели своих типографий и литографий, и все свои необходимые запросы население должно было решать в губернском городе. К тому же, подобная практика вполне устраивала и местных чиновников, т.к., такое положение вещей облегчало им контроль за издательской деятельностью населения и позволяло не допускать публикаций, разного рода, «крамольных» идей.

Одним из важнейших факторов, влияющим на дальнейшее развитие типографского дела в начале XX в. являлся финансовый и промышленный подъём 1890-х гг. С ростом машинного производства увеличились размеры

начальных капиталов, и масса мелких предпринимателей устремилась в отрасли, где для заведения дела требовались меньшие средства. Другой причиной повышения предпринимательской активности явилась либерализация торговопромышленного законодательства. С принятием в 1898 г. Положения о государственном промысловом налоге было покончено с сословным началом в предпринимательстве, и право на занятие торговлей и промышленностью стало независимым от приписки к купеческому состоянию. В результате 90-е гг. XIX в. стали временем усиленного притока капиталов в типографское и издательское дело. Процесс получил широкое распространение и активно обсуждался участниками Первого съезда деятелей печати [4, с. 303-323; 2, с. 44].

На рубеже XIX – XX вв. деятельность полиграфических предприятий провинциальных городов осуществлялась в условиях постоянно растущего спроса на печатную продукцию. Стабильным гарантом развития полиграфических производств являлась местная промышленность, поставившая типографиям многочисленные заказы на акцидентную печать. Это явилось одним из основных направлений деятельности, отрывшихся в 1890-е гг. в провинциях типографий и литографий. Их печатную продукцию обычно заказывали небольшими тиражами, и особое внимание уделялось рекламной и представительской полиграфии.

Кроме того, в начале XX в. типографии выполняли заказы различных бюрократических структур и общественных организаций, которым по роду своей деятельности приходилось печатать документы делопроизводства. Так, например, публиковались «Отчёты» органов суда и прокуратуры, «Сметы» городского и земского самоуправления, «Журналы» учебных заведений и многочисленных благотворительных обществ и т.п. В этот же период возросла издательская деятельность культурно-просветительских организаций.

Ещё одной особенностью, в типографском деле, стало соединение различных способов печатания: к типографскому оборудованию добавлялось литографское и наоборот.

В исследуемый нами период в стране происходит концентрация в одних руках типографского, издательского, переплётно-брошюрочного, газетного и книготоргового дела.

Одним из показателей процесса концентрации типографского производства в провинциальных городах Европейской части России явился быстрый рост количества печатных машин, который, в абсолютном и относительном соотношении, опережал рост числа самих предприятий. Так, например, в Пензенской губернии если в 1870 – 1880-е гг. увеличение печатных машин являлось свидетельством проходящего в отрасли технического переворота, то в 1890-е 1900-е гг., это являлось, главным образом, показателем концентрации производства. К началу XX в. доля механизированных предприятий повысилась до 43,3 %, а численность самих машин за период с 1880 г. возросла приблизительно в 2,5 раза (246 %) [1, Ф. 9. Оп. 1. Дд. 534, 576]. В последующее десятилетие процесс осуществлялся ещё интенсивнее.

В начале XX в. необходимо отметить и еще одну тенденцию, из сферы любительства и дополнительного заработка типографское и издательское дело оконча-

тельно превращается в профессиональное занятие и основной источник доходов. Это находит свое отражение и в социальном составе предпринимателей, подавляющее большинство которых были потомственные купцы или мещане (которые с целью экономии своих средств, не стали получать купеческое свидетельство, но по своему менталитету были близки с этой сословной группой). В этот период прослеживается стремление передать типографское дело по наследству. В губернаторских отчетах этого периода всё чаще встречаются сентенции «унаследованная типография», «типография наследников». В жизни и работе подобных «наследованных» типографиях, как правило, принимало участие не одно поколение, как владельцев, так и работников.

Однако, вместе с тем, получила широкое распространение и политика государства направленная на создание всевозможных препятствий в отношении открытия новых типографских предприятий, и ужесточение разрешительных мер, для наследников типографий, решивших продолжить издательское дело. Так, например, каждый раз при смене владельца требовалось получать новое свидетельство на продолжение дела, что существенно ограничивало наследственные права предпринимателей. Они попадали в полную зависимость от административного произвола, т.к. местные власти могли просто не выдать очередное свидетельство, усмотрев в поведении просителя что-либо предосудительное, или посчитав число действующих заведений уже достаточным. Примеры такого поведения местных чиновников можно было встретить в ряде губерний Европейской части России.

Несмотря на законодательные ограничения типографское и издательское дело продолжало развиваться и приносить своим хозяевам немалую прибыль. К тому же владельцы типографий пользовались высоким авторитетом среди влиятельных горожан. Как правило, это были люди широкого кругозора, обладающие незаурядными способностями и немалыми капиталами.

Подводя итог всему выше сказанному можно утверждать, что в начале XX в. в большинстве губерний Европейской части России сложились благоприятные условия для развития типографской отрасли. Стабильная издательская деятельность культурно-просветительских организаций, возросшее частное и ведомственное издание, увеличившийся поток публикуемых бюрократическими структурами делопроизводственных материалов, и все возрастающая потребность местных предпринимателей в акцидентной продукции все это благоприятствовало росту типографского и издательского дела. Еще одним фактором, оказавшим влияние на увеличение объема печатной продукции, явилось общее оживление экономики в ходе промышленного подъёма к концу 1880 начале 1890-х гг., что привело к притоку капиталов в ранее затронутые отрасли, например, типографскую.

В итоге, как мы видим, в начале XX в. в типографском деле наблюдается всплеск предпринимательской активности. В этот период отрасль вступила в полосу своего интенсивного развития, которое проходило под знаком укрупнения производств, расширения частного сектора, усилившихся процессов механизации. Стремительно стало расти число частных предприятий, в то время как новых казённых не появлялось.

Список литературы

1. Государственный архив Пензенской области (ГАПО) Ф. 9. Оп. 1. Дд. 534, 576.
2. Доклады Первому съезду русских деятелей по печатному делу: Бесплатное приложение к журналу «Обзор I Всероссийской выставки печатного дела». СПб., 1895.
3. Книга в России. 1861 – 1881 /Под ред. И.И. Фроловой. – М.: «Книга», 1988 –
4. 1991. – Т. 1. – 1988. – 256 с
5. Поткина И.В. Торгово-промышленное законодательство Российской империи // Экономическая история России XIX – XX вв.: Современный взгляд. – М.: РОССПЭН, 2000. – С. 303 – 323.

СТАНОВЛЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПАРЛАМЕНТСКОЙ ПРОЦЕДУРЫ В НАЧАЛЕ XX В. В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ

Ушаков Сергей Иванович

магистр 2 курса, факультета Истории и права, ТГПУ им. Л.Н. Толстого

THE FORMATION OF THE NATIONAL PARLIAMENTARY PROCEDURE AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY IN STATE DUMA

Ushakov Sergey, master course 2 the Faculty of history and law, Tula State Pedagogical University

АННОТАЦИЯ

Цель исследования заключается в изучении становления отечественной парламентской процедуры, что в последнее время вызывает большой интерес у многих исследователей. Исследование источников по данной работе сочетает в себе применение элементов различных методов. Историко-сравнительный метод используется при рассмотрении института Государственной думы. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что, не смотря на попытки власти предотвратить превращение думы в нечто схожее с европейским парламентом, она оказалась не в состоянии помешать установлению парламентской процедуры.

ABSTRACT

The purpose of the study is to explore the formation of national parliamentary procedure that is of great interest to many researchers. Research sources for this work combines the use of various methods. Historical-comparative method is used when considering the institution of the State Duma. The study suggests that, despite attempts by the authorities to prevent the transformation of the Council into something similar to the European Parliament, she has been unable to prevent the establishment of parliamentary procedure

Ключевые слова: Государственная дума, парламент, парламентская процедура.

Keywords: Parliament, the State Duma, the parliamentary procedure.

Особенностью политической жизни России в начале XX века является появление парламента. Отдельного внимания здесь заслуживает появление такого нового для России органа власти как Государственная дума. Первоначально дума имела лишь законосовещательный характер. Кроме этого, ведению думы подлежали рассмотрение предлагаемых правительством законопроектов и государственный бюджет.

Появление в Российской Империи Государственной думы сопровождалось рядом проблем. Это и революционная обстановка в стране и нежелание самодержавия сотрудничать с этим представительным органом. Но было немало и внутренних проблем.

Первое с чем столкнулся российский парламент – это организационно-процедурные вопросы. На первом же заседании встали вопросы о Председателе думы, о часе начала заседаний. Уже на втором заседании было рассмотрено положение о создании специальной комиссии для разработки проекта временного регламента работы думы.

Одним из главных источников формирования российской отечественной процедуры работы депутатов Государственной думы были традиции европейских законодательных собраний, на что неоднократно указывали современники, в то числе и, будучи председателем Государственной думы первого созыва, С.А. Муромцев. В своих

речах он неоднократно утверждал, что творчество русского законодательного собрания носит исключительно характер подражания или заимствования. Поэтому подобным западный формат работы думы необходимо было строить с учетом особенностей отечественного законодательства и психологических настроений депутатов.

Государственная дума первого созыва после избрания комиссии для выработки временных правил о порядке работы депутатов поручила этой комиссии подготовить проект наказа. Одобренные большинством голосов первые три главы думского регламента казались порядка открытия думы, проверки полномочий ее членов, выборов должностных лиц, формирования отделов и комиссий. Однако Сенат, ссылаясь на незавершенность наказа в целом, отказался публиковать эти три главы. [1. С. 747 - 794]

Депутаты Государственной думы второго созыва руководствовались до выработки полного текста наказа теми правилами, которые практиковались в первой думе большинство заседаний второй думы, как и первой, были посвящены процедурным вопросам. Созданная комиссия по наказу так и не успела закончить работу до своего преждевременного роспуска. [3. С. 113.]

Наиболее существенный вклад в составление наказа внесла Государственная дума третьего созыва. Созданная комиссия в течении первой сессии подготовила

полный текст регламента. В результате в самом последнем заседании второй сессии проект наказа был утвержден общим собранием в окончательном варианте.

Четвертая дума в своей работе руководствовалась наказом предыдущей думы, немного изменив некоторые его пункты.

Высшим органом Государственной думы являлись общие собрания, для которых был отведен зал Таврического дворца. В качестве образца внутреннего устройства была выбрана французская пала депутатов. Места для председателя и двух его заместителей находились на возвышении, у основания которого была установлена кафедра. Для остальных членов думы полукругом располагались 13 рядов кресел.[2. С. 62 - 63]

Дни общих собраний устанавливались самой думой. Изначально было принято решение проводить заседания по понедельникам, вторникам, четвергам и пятницам. Остальные дни были отведены для работы в отделах и комиссиях. Предполагалось, что заседания будут начинаться в 11 часов, но затем было решено начинать работу заседаний в 14 часов. В дальнейшем изменение дней и часов начала заседаний было, происходило в каждой из последующих дум.

Для приглашения депутатов в зал заседания использовался звонок, который раздавался незадолго для начала заседания. В назначенное время председательствовавший занимал свое место, который определял имеется ли необходимый для начала заседаний кворум. Заседание объявлялось несостоявшимся если в течении получаса от времени открытия заседания в зале не собиралось необходимое количество депутатов. Интересно то, что с каждым созывом ситуация с отсутствующими депутатами только ухудшалась.

Голосования подразделялись на открытые и закрытые. Открытое голосование осуществлялось вставанием. Хотя проект наказа и допускал голосование руками, на практике эта процедура ни разу не применялась.[1. С. 182]

Если результаты голосования вызывали сомнения, то голосование повторялось. Если сомнения появлялись и после второго голосования, то проводилось голосование разделением. Голосовавшие «за» и «против» должны были выйти из зала заседания в противоположные двери, а помощники пристава думы проводили точный подсчет.

Закрытое голосование проводилось при выборах должностных лиц, членов комиссий и т.д. подсчет голосов при такой процедуре проводился товарищами секретаря думы при участии депутатов, которых приглашал сам Председатель думы.[4. С. 181 - 182]

В целом можно сказать, что, не смотря на все попытки власти предотвратить превращение Государственной думы в нечто схожее с европейским парламентом, она оказалась не в состоянии помешать установлению парламентской процедуры. И хоть определенные успехи в ограничении полномочий палат были достигнуты, дума, тем не менее, продолжала исполнять свою работу.

Литература

1. Государственная Дума. Стенографические отчеты. Сессия первая. Ч. 1.
2. Извольский А.П. Воспоминания. М.: Международные отношения, 1989. — 192 с.
3. Маклаков В.А., Пергамент О.Я. Наказ Государственной Думы (по работам 2-й Государственной Думы) с объяснениями. Спб., 1907.
4. Наумов А. Н. Из уцелевших воспоминаний. 1868 - 1917: В 2-х кн.- Нью-Йорк: Изд. А. К. Наумовой и О. А. Кусевицкой, 1954. — 583 с.

РЫЛЬСКИЕ ГРАЖДАНСКИЕ АВИАТОРЫ – НАСЛЕДНИКИ ВОИНСКОЙ СЛАВЫ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОРОДА

Хороших Владимир Алексеевич

кандидат ист. наук, преподаватель Рылского авиационного технического колледжа – филиала Московского государственного технического университета гражданской авиации, засл. работник транспорта РФ, г. Рылск

RYLSKIJ CIVIL AVIATOR – THE HEIR OF ANCIENT CITIES OF MILITARY GLORY

Khoroshikh Vladimir Cand. ist. Sciences. Teacher Rila Aviation Technical College - a branch of the Moscow State Technical University of Civil Aviation. Honored Worker of Transport of the Russian Federation. Rylysk.

АННОТАЦИЯ

Автор ставит задачу по анализу военных событий в истории древнерусского города Рылска Курской области. Выявлена преемственность Рылского авиационного училища специальных служб от военных учебных заведений. Показаны особенности интернациональной дружбы курсантов в СССР. Также рассматриваются примеры патриотической деятельности преподавателей и выпускников.

ABSTRACT

The author sets the task to analyze the events of the war in the history of the ancient town of Rylysk Kursk region. Revealed the continuity of Rila aviation school of special services of military educational institutions. The features of international friendship of students in the USSR. It also discusses examples of patriotic activity of teachers and graduates.

Ключевые слова: Россия; Рылск; воинская слава; авиационное техническое училище; гражданская авиация; курсант; патриотизм.

Keywords: Russia; Rylysk; military glory; Aviation Technical School; civil aviation; cadet; patriotism.

В современных условиях информационного бума и искажения исторических фактов актуальным становится включение курсантов – представителей различных регионов России в уникальную культурно-историческую среду Курской области и вовлечение их в созидательно-патриотическую деятельность. Согласно научным исследованиям Рыльск входит в число 33 малых исторических городов, возникших в домонгольский период [11, с.311].

Первая сохранившаяся летописная запись о Рыльске относится к 1152 г. и связана с появлением Юрия Долгорукого на границе Черниговского и Киевского княжеств [7, с. 6-7]. Начиная с этого года в летописи и исторической литературе, ратным подвигам рылян уделено особое внимание. Существует гипотеза, что «Слово о полку Игореве» написано участником похода первым Рыльским князем Святославом Ольговичем, племянником Игоря [8].

Рыльские дружины участвовали в 1224 г. в битве с татаро-монголами на Калке. Через 100 лет после Игоревы похода в 1285 году погиб последний представитель Рыльской династии князь Олег. Вскоре после этого все Посемье сделалось достоянием литовцев, и в летописях Рыльские дружины уже показываются действующими в войсках знаменитого Витовта. Небольшая «Повесть о побоище Витовта с Темиркутлуем» встречается в летописях многократно, среди «имен избитых князей Литовских» есть упоминание Федора Патрикеевича, князя Рыльского [11, с. 67].

Самым известным Рыльским князем и воином, условно, был Василий Иванович Шемяка, сведения о котором содержатся в более чем 60 сообщениях за период с 1493 по 1529 год - год его смерти. Шемяка княжил на рыльской земле свыше 40 лет и был в 19 колена Рюриковичем, как и великий князь Московской Руси, Василий III. Оба они были праправнуками Дмитрия Донского [7, с. 18-20]

В 1571 году Иван IV ввел первый официальный устав русских пограничников – «Устав сторожевой станичной и полевой службы». В Рыльск на службу поехали служилые дворяне, вольные казаки и беглые холопы со всей Руси. В течение XVII столетия в нем постоянно бывало до 1000 человек войска. Кроме гарнизона, все население в любой час должно было быть готовым к вооруженной обороне. В начале XVII века на их долю выпали военные действия, связанные: с польской интервенцией, с походами Лжедмитрия и восстанием Ивана Болотникова, в 1613 г. город осаждали крымчаки, в 1614-1615 годах ногайцы. Многие рыляне участвовали в Полтавской битве, так как пути передвижения русских и шведских войск проходили недалеко от города. Возвращаясь после Полтавской битвы, здесь останавливался Петр I [7, с. 42].

Границы Российские все дальше отодвигались на юг. Рыльск вошел в состав Киевской Губернии, с 1732 г. в Белгородскую, а с 1779 г. он становится уездным городом Курского наместничества, затем Губернии. Во второй половине XVIII века Рыльск стал значительным центром торговли на юго-западе России. Часть современной территории колледжа принадлежала роду Г.И. Шелехова – Колумба Российского. Усадебный дом, поставленный на перекрестке улиц Димитровская и Нижне-Сеймская (25 лет Октября и Марата), представлял собой величественное здание – памятник архитектуры в стиле русского классицизма, построенный ориентировочно в конце XVIII века. К 1907 г. это здание с территорией отошло к городу, и в нем

размещался Рыльский 175 пехотный полк с артиллерийской батареей. С этих времен за домом Шелехова закрепилось второе название «16 батарея» [3].

В XVIII и XIX вв. Рыльск находился в стороне от театров боевых действий, но рыляне принимали участие в военных сражениях. В Бородинской битве Рыльский полк входил в состав 26-й пехотной дивизии, многие солдаты и офицеры были награждены орденами. На территории Бородинского музея-заповедника установлен памятник воинской доблести 26 дивизии с указанием Рыльского полка. Рыльская дружина (№ 51) под командованием гвардии полковника Савронова, входившая в Курское ополчение, отличилась в героической обороне Севастополя 27 августа 1855 г. во время Крымской войны.

Рыльский полк существовал до революционных событий в России и участвовал в 1914 г. в 1-й мировой войне. Активный участник всех исторических баталий Рыльск оказался в центре революционных событий. 18 ноября 1917 г. в городе был создан первый военно-революционный комитет. Первые заседания ревкома проходили в здании управы (административное здание авиаколледжа). В усадебном доме купца Дерюгина 1914 по 1918 гг. был размещен уездный госпиталь (на учебном корпусе авиаколледжа) 18.02 2015 г. под руководством автора статьи была открыта мемориальная доска, посвященная этому событию).

После революции здания авиаколледжа длительное время принадлежали 164-му стрелковому полку. С 1922 г. - полковой школе 158 полка 53 стрелковой дивизии, начальником которой был Лев Ефимович Маневич, связавший в 1925 г. свою жизнь с разведывательным управлением Красной Армии. Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР полковнику Л.Е. Маневичу за доблесть и мужество было присвоено звание Героя Советского Союза. В 1990 г. на административном здании авиаколледжа была открыта мемориальная доска.

Еще шла война, а Рыльск уже начал восстанавливаться и развиваться, сохраняя старый облик древнерусского города, но более благоустроенный и промышленный. И как в давние годы местным жителям во всем помогали офицеры и солдаты воинских частей. С 1945 г. обжитые места занимал 16 автомобильный полк - боевая часть, но ее постигла беда - сгорел Дом офицеров вместе с полковым знаменем. Часть расформировали, а на занимаемые ею площади из Бронниц перевели войсковую часть № 51173, известную в народе как автошкола. В 1955 году по решению руководства Воронежского военного округа Рыльская автошкола была расформирована, многие офицеры получили новые назначения, отдельные на какое-то время остались без работы, и только несколько человек вместе с комполка Шалаевым остались на службе в г. Рыльске. Из них известные нам ветераны колледжа Н.А. Мурцев - в то время зав. столовой, А.Ф. Богачев - оружейник и другие. Для охраны армейского имущества в Рыльск был направлен взвод Курской дивизии. Вскоре неопределенность закончилась, уже в сентябре 1956 г. в Рыльск была переведена воинская часть 55700 - 139 военная авиационная школа из подмосковного городка Осташево.

На новое место прибыли около 30 человек постоянного состава и два десятка человек новобранцев. Все радиооборудование разместили по существующим клас-

сам. Основные работы выполнили по строительству учебного аэродрома. В землянках разместили склады для инструмента, часть лабораторий, подготовили стоянки для самолетов и посадочную полосу в районе Секерино. Первых 3 поршневых дальних бомбардировщика Ту-4 приземлились удачно и своим ходом были установлены на место.

Осенью 1958 г. был принят первый турбовинтовой дальний бомбардировщик Ту-16, затем, весной 1959 г., приземлилась вторая крылатая машин. Школа авиационных специалистов все увереннее вливалась в социальную и общественную жизнь города. Но на этом взлете жизнь военного подразделения авиаторов в Рыльске из-за сокращения вооруженных сил страны должна была оборваться, чтобы продолжиться уже в качестве Рыльского авиационного училища специальных служб гражданской авиации гражданского воздушного флота (РАУСС ГВФ) [9, с. 198-200].

Таким образом училище Аэрофлота было организовано приказом начальника ГУГВФ Е. Логинова № 479 от 29 августа 1960 г. В период со 2-го по 16 сентября по акту была произведена передача имущества 139 Военной авиационной школы механиков радиотехнических станций ВВС в Главное Управление Гражданского Воздушного Флота при Совете Министров СССР. В первое десятилетие работу по обучению и патриотическому воспитанию курсантов проводили в основном авиарботники – участники Великой отечественной войны. Самые большие трудности начального периода выпали на долю первого начальника училища Ивана Никитовича Щелчкова [1].

В 1965 году в училище прибыл новый начальник учебного заведения – Петр Федорович Торяник. Кадровый военный, он был демобилизован в звании полковника из рядов Советской Армии и уже позже, вплоть до назначения его начальником Рыльского авиаучилища, занимал должность начальника авиационно-технической базы Ставропольского авиапредприятия Северо-Кавказского управления ГВФ. Зрелый возраст, опыт военного человека и производственника, интеллигентность и культура общения быстро снискали уважение коллег и курсантов.

Яков Израилевич Рапопорт стал защитником Родины от фашистов уже в сентябре 1941 года. А в 42-м он – комиссар эскадрильи Прибалтийской авиагруппы и в этом же году, спустя несколько месяцев, Рапопорт – начальник политотдела первого отдельного авиаполка ГВФ. Через год Якова Израилевича назначают начальником школы ГВФ в городе Сыр-Дарья. Проработав здесь более 10 лет, уже опытный, прошедший горнило войны, руководитель переезжает в город Кривой Рог и работает в Криворожском училище ГА заместителем начальника. Затем его направляют в Рыльск начальником учебного отдела РАУСС ГА, где он на деле применяет все имеющиеся знания и опыт, накопленные им за долгие годы работы на ответственных участках.

Полковник Семенов Николай Никитович – ветеран Великой Отечественной войны начал воевать на Кавказе и дошел до Берлина. Начальник военного цикла. Полковник Яцкаер Семен Аронович, также ветеран ВОВ, как опытный специалист военного дела принимал активное участие в подготовке военных кадров. Даже многие прославленные «асы» времен Великой Отечественной обучались у этого умнейшего авиационного специалиста. Это

был мозговой центр училища. Полковник Сычев Павел Степанович – участник ВОВ 1941–45 г. от курсанта Харьковского авиационного училища дослужился до командира батальона РАУССа. Подполковник Антонов Михаил Григорьевич – участник двух войн – Финской и Великой Отечественной. За мужество и героизм был удостоен орденов «Отечественной войны 1 и 2 степени», «Красной Звезды», медалей «За отвагу», «За боевые заслуги» и многих других.[2]

С особым уважением и гордостью хотелось бы отметить труд фронтовиков – командиров учебных рот: Алексея Ивановича Калайтана, Константина Михайловича Ремизова, Бориса Михайловича Тараканова, Анатолия Григорьевича Бурдылева, Григория Степановича Калайдова, Николая Петровича Бондарева, Александра Филипповича Богачева, Ивана Ивановича Семьяна, Василия Демьяновича Ефименко. Кроме вышеназванных работников колледжа, участников войны, в учебном заведении трудились более семидесяти ветеранов Великой Отечественной. Результаты их труда многократно проявлялись в подвигах и благородных поступках сотрудников и выпускников рыльского образовательного учреждения Аэрофлота. [4]

Уникальным объединением «Российского значения» в Рыльском АТК ГА долгие годы была коллективная радиостанция, позывной которой UA3KY5 впервые зазвучал в 1965 г. Бессменный руководитель коллективной радиостанции Ю. Г. Махрин – зав. лабораторией, мастер спорта СССР в статье «Эфир без границ» училищной газеты «Ваша правда» №8 от 12 мая 1997 г. сообщал: «До сих пор я вспоминаю энтузиастов коротковолнового спорта. Это Геннадий Сафонов, Виктор Зайцев, Александр Шушурин, Сергей Павленко и другие курсанты, которые внесли большой вклад в развитие радиоспорта в училище. В те времена, работая в эфире на коротких волнах, использовали в основном самолетное радиооборудование: передатчики РСБ –5, РСБ – 70 и радиоприемники РПС и УС – 9. Кроме того, было помещение, где размещался радиокласс на десять мест, где начинающие радиолюбители изучали азбуку Морзе. В начале 1969 года, участвуя в зональных соревнованиях по радио связи телеграфом за 8 часов непрерывной работы в эфире команда в составе И.П. Кайола, курсанты Николай Холодков и Ю.Г. Махрин, провели около 300 радиосвязей и заняли третье место. По итогам этих соревнований участникам команды было присвоено звание «Кандидат в мастера спорта». За первое десятилетие было установлено более 45000 связей с радиолюбителями из 170 территорий и стран.

В 1987 году коллективная радиостанция впервые приняла участие в соревнованиях по радиосвязи на УКВ «Полевой день», которые проводились один раз в год. Первый успех пришел в 1991 году когда коллектив занял третье место в Европейской части бывшего Советского Союза, а уже с 1994 по 2000 г. коллектив Рыльского АТУ ГА – Чемпион России, за что команда награждалась ценными призами и дипломами. [5]

В 2001 году заняла почетное второе место. Большую помощь в совершенствовании радиоаппаратуры и антенн оказывают инженер И.П. Кайола, И.Н. Калмыков. К 40-летию авиаколледжа по инициативе Ю.А. Будыкина – зам. директора РАТК ГА было куплено два трансивера японского производства, позволяющих устанавливать радиосвязи на всех КВ и УКВ диапазонах. Приобретение этих

радиостанций активизировало работу на коллективной радиостанции, которую ежегодно активно посещали 20 курсантов. В настоящее время ветераны продолжают обучение молодежи [9, с 208-209].

Пятьдесят пять лет учебному заведению - возраст зрелый. И если учесть, что за эти годы сначала из стен авиаучилища, затем колледжа вышло более 15 тысяч специалистов, и администрация колледжа, преподаватели стремятся проследить, как сложилась судьба каждого из них:

- Выпускник 1972 года Владимир Бадоевич Гасоян, получив диплом радиотехника, в последующем стал штурманом на пассажирских самолетах. В небе Грузии ему удалось предотвратить захват самолета террористами с применением оружия. Лишь, спустя несколько часов, прилетевшая из Москвы группа из отряда «Альфа» сумела без единого выстрела обезвредить захватчиков пассажирского самолета. Командир экипажа и штурман Гасоян Владимир Бадоевич узнали о присвоении каждому звания Героя Советского Союза, находясь в госпитале. Через год, Владимир Гасоян выступая в родном училище сообщил, что именно в стенах Рывьского авиатехнического учебного заведения ему привили такие качества, как любовь к Родине, смелость и отвагу, научили не теряться в самые трудные минуты в жизни, принимать верные решения в экстремальной обстановке. В 40-летний юбилей РАТК ГА В.Б. Гасоян принял участие в открытии в его честь памятной доски на здании учебного корпуса. [9, с. 299-300].
- Гордостью колледжа стал бывший его сотрудник Евгений Григорьевич Шереметьев, предотвративший 1 декабря 1988 года террористический акт. За мужество и отвагу, проявленные в ходе этой операции, Евгений Григорьевич Шереметьев награжден орденом Красного Знамени. [9, с. 310-312]

Многолетний пример педагогов и выпускников Рывьского авиаучилища непосредственно влиял на нравственное воспитание авиационной молодежи. В 1988 году на третьем курсе 10 роты учились в основном курсанты, вернувшиеся в Рывьский АТК ГА после службы в Советской Армии. Из воспоминаний В.З. Денефнера – ныне директора Выборгского АТК ГА, в то время старшины роты следует, что в конце 1988 года произошло землетрясение в Армении. Курсанты 10 роты, которые были родом из тех мест, стали угрюмы, молчаливы, страх и безысходность была написана у них на лице. По инициативе секретаря комсомольской организации Сергея Гаренко начальнику училища В.Б. Иванову было передано предложение - организовать спецотряд из числа курсантов - армейцев и отправиться в Армению для восстановления связи в местах, пострадавших от землетрясения.

В числе отряда были представители восьми национальностей СССР. Командир отряда В. Денефнер - украинец, комиссар З. Муллашоев – таджик, русские, белорусы, якут, татарин. Армяне - С. Мартиросян, А. Мовсесян и А. Зурабян. В январе 1989 г. автору статьи довелось побывать в братской республике. Десятки не разгруженных вагонов, горы посылок на территории складов и вокруг них. Большая нагрузка по принятию этих посылок в Ереване, их выгрузке и сопровождению в районы бедствия выпала на плечи добровольного отряда из 25 курсантов - комсомольцев Рывьского АТК ГА.

Второй отряд, в составе 30 человек, был направлен в Армению 13 января 1989 года. Командиром отряда был Шевчук С.Н., комиссаром Гудков С.А. Грамоты, памятные адреса и медную чеканку с благодарственной надписью, которые хранятся в музее «истории Рывьского авиаколледжа и наследия Г.И. Шелехова». В течение двенадцати лет первокурсники слушают рассказ, видят вещественное подтверждение благородства их старших товарищей.

В ряде публикаций была исследована ведущая роль личного состава и курсантов РАТК ГА в первых Чемпионатах СССР и России по воздухоплаванию на тепловых аэростатах в период с 06.02.1991г. по 31. 01. 1993 г [6] и создании межрегионального музейно-мемориального комплекса по увековечению памяти Г.И. Шелехова – именитого Рывьского купца и Колумба российского. Проект стартовал в ходе проведения в г. Рывьске на базе авиаколледжа учредительной конференции клубов ЮНЕСКО «Русская Америка» 28-30 мая 1991г. [9, с. 250-252]. Опыт работы коллектива Рывьского АТК ГА был обсужден на всероссийской научно-практической конференции «Патриотизм народов России: традиции и современность» [10]. Коллегией Российского государственного военного историко-культурного центра при правительстве РФ 23.04.2008 г. коллектив РАТК ГА был награжден Почетным знаком « За активную работу по патриотическому воспитанию граждан Российской Федерации. Таким образом древнерусский город Рывьск, включающий более 300 архитектурных и тысячи культурно-исторических памятников, на 55 лет стал воспитательной средой для подготовки высококвалифицированных специалистов для гражданской авиации.

Литература

1. Архив Рывьского авиационного технического колледжа ГА (АРАТК ГА). Специальная часть (Акт о передаче имущества). Л. 1-3.
2. АРАТК ГА. Личные дела авиарботников и курсантов.
3. Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. 302 (Рывьская городская управа). Оп. 3. Д. 106. Л 53.
4. Виноградов Д. Рывьскому авиационному колледжу – 40 лет. // Воздушный транспорт № 33. Август. 2000. С. 4.
5. Махрин Ю. А. Славное десятилетие. // За изобилие. 06. 05. 1976. - С. 4.
6. Отечественные соревнования воздухоплателей. // Воздухоплатель. - 1996. - №3. С. 4
7. Просецкий В.А. Рывьск. Издание третье, переработанное. Воронеж, Центр. Черноземное кн. изд., 1977. 176 с.
8. Сумароков Г. В. Затаенное имя, тайнопись в «Слове о полку Игореве». М.: МГУ. 1997. 48 с.
9. Хороших В.А. Школа гражданского воздушного флота. Рывьск: Изд-во РАТК - филиала МГТУ ГА. 2010. 380 с.
10. Хороших В.А. Воспитание патриотизма у молодежи на истории Отечества / В.А.Хороших / Патриотизм народов России: традиции и современность: сборник материалов Всероссийской научно-практической конф. 06-07 ноября 2007 г. – Москва, 2007. С. 171-175.
11. Щеголев О.Н. Хрестоматия для провинциального юношества по истории г. Рывьска, 1 часть. Курск, «Курскиформпечать». 1994. 317с.

ЧЛЕНСКИЙ СОСТАВ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Чижова Екатерина Геннадьевна

*магистрант второго года обучения, Тульский государственный педагогический университет, им. Л.Н. Толстого
г. Тула*

*THE MEMBERSHIP OF THE PUBLIC ORGANIZATIONS IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE SECOND HALF OF XIX CENTURY TO THE
BEGINNING OF XX CENTURY*

Chizhova Ekaterina, A second course of magistracy, Tula State Pedagogical University, Tula

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена рассмотрению членского состава общественных организаций в Российской империи во второй половине XIX – начале XX века. Цель работы состоит в том, чтобы дать читателю информацию о членском составе обществ на примере Тульской губернии.

ABSTRACT

This article is devoted to the study of the membership of the public organizations in the Russian Empire in the second half of XIX century to the beginning of XX century. The purpose of the article is to give the reader some information on the membership of the associations on an example of the province of Tula.

Ключевые слова: членский состав; общественная организация; общество; Российская империя; Тульская губерния; устав.

Keywords: membership; public organization; association; Russian Empire; Tula Province; charter.

В настоящее время исследователи проявляют значительный интерес к истории общественных организаций в Российской империи. К числу требующих дополнительной разработки аспектов в рамках данной темы относится вопрос о членском составе российских обществ, поскольку наличие членства является одним из основных признаков общественной организации. В статье рассматривается членский состав общественных организаций в Российской империи во второй половине XIX – начале XX века на примере Тульской губернии.

Первоначально в пореформенный период истории России в состав любой общественной организации могло входить неограниченное число лиц обоего пола, а также всех званий, состояний и вероисповеданий. В конце XIX века были введены изменения в процедуру формирования членского состава обществ. Состоявшие на действительной военной службе нижние чины, лица, ограниченные в правах по суду, а также учащиеся военного, морского и духовного ведомств членами общественных организаций являться не могли. Учащиеся других ведомств и несовершеннолетние, в учебных заведениях не обучавшиеся, допускались в благотворительные, спортивные общества, общества физического развития и усовершенствования в искусствах, однако обладали в них ограниченной правоспособностью – они не могли избираться членами правлений и участвовать в общем голосовании. Несовершеннолетним для вступления в общества требовалось согласие родителей или опекунов, учащимся высших учебных заведений – разрешение учебного начальства. Наибольшей дискриминации подвергались учащиеся начальной и средней школы, которым для вступления в общества требовалось как согласие родителей либо опекунов, так и учебного начальства, при этом они допускались в общества только под личную ответственность последнего.

Во второй половине XIX – начале XX века существовали различные категории членов обществ. В уставах объединений выделялись следующие группы: действительные, почетные, пожизненные, члены-корреспонденты, соруководители, члены-сотрудники и члены-учредители.

Каждое общество своим существованием обязано членам-учредителям. Данная категория в нормативных документах не выделялась, но тем не менее в уставах ряда обществ специально оговаривались права и полномочия группы лиц, которым принадлежала инициатива основания.

Центральную группу, активное ядро общества, составляли действительные члены. Именно они отвечали за выбор стратегии и тактики общественной работы, решая вопрос путем голосования на собраниях. Действительные члены обществ платили ежегодные членские взносы.

Процедура их избрания была следующей. Так, в уставе Общества содействия благоустройству дачной местности «Козлова засека» Тульской губернии и уезда от 1909 года оговаривалось: «Лицо, желающее быть членом, должно быть рекомендовано и представлено к баллотировке» [8, с.3]. Согласно уставу Новосильского общества охотников конского бега, его членами становились «лица всех сословий, по предложению двух лиц и по баллотировке в Общем собрании» [6, с.2]. Несмотря на это, чтобы стать действительным членом большинства местных обществ, достаточно было готовности платить членские взносы.

Почетные члены в некоторых обществах избирались только на годовом собрании; в ряде обществ это могло происходить в ходе текущей работы. Почетными членами становились «избранные лица, оказавшие обществу услуги выдающимися пожертвованиями» [10, с.4]. В большинстве местных обществ данные категории членов отсутствовали.

Члены-корреспонденты избирались в большинстве обществ так же, как и действительные члены. Участвуя в общественной жизни с правом совещательного голоса, они не платили членские взносы. Другое наименование членов этой группы – соруководители. Бюрократическую работу осуществляли члены-сотрудники: секретари, казначеи и пр., в отдельных случаях получавшие за нее вознаграждение.

Далеко не все из перечисленных категорий членов обязательно присутствовали в каждом обществе. В обществах Тульской губернии неизменно состояли две группы членов: действительные и почетные. Лишь в некоторых из них появлялась третья группа, включавшая членов-корреспондентов или соревнвателей. Так, например, в уставах Общества вспомоществования нуждающимся ученикам Тульского Коммерческого училища [7,с.3] и Попечительного общества о домах трудолюбия в г.Туле [10,с.4] значились почетные, действительные члены и соревнватели. Согласно уставу Общества тульских врачей оно состояло из почетных, действительных членов и корреспондентов [9,с.2].

Участники входили в состав органов, управляющих делами общества: правление, общее собрание членов, различные комиссии, комитеты и секции. Каждый член общественной организации имел членский билет.

Между общественной организацией и вступавшим в нее лицом неизбежно возникали взаимные обязательства. Потенциальный член общества обязан был вносить членские взносы, в случае систематической неуплаты которых на протяжении двух лет он выбывал из его состава. Право состоять членом общества не могло быть предметом уступки или наследования, а осуществлялось путем специального соглашения между общественной организацией и лицом, служа доказательством уважения к личным качествам вступавшего.

Членские взносы были частью средств, на которые существовало то или иное общество. Размер ежегодного взноса различался для действительных и почетных членов. Кроме этого существовал еще и вступительный взнос. Действительный член общества мог стать пожизненным, что требовало единовременного взноса от 30 до 100 рублей.

Размеры членских взносов, согласно уставам, в среднем имели достаточно большой разброс – от 3 до 15 рублей. У нижнего порога этой суммы держалось большинство местных обществ. Например, действительные члены Попечительного общества о домах трудолюбия в г.Туле платили 3 рубля ежегодно [10,с.5], а члены Тульского общества народных университетов - 6 рублей [11,с.2]. Тем не менее ряд губернских обществ установили выплаты значительно более существенные, ближе к верхней границе.

В некоторых обществах в отдельных случаях кандидаты принимались без уплаты членских взносов. Так, в уставе Общества тульских врачей оговаривалось, что «по особо уважительным причинам Обществу предоставляется право освобождать от взноса некоторых из своих членов» [9,с.2].

Число членов в различных обществах варьировалось от тысяч до нескольких десятков, как в крупных все-российских объединениях, так и в местных обществах и кружках. Губернские общества объединяли до нескольких сот человек. Например, в Обществе вспомоществования при Тульском патронном заводе на 1888 год насчитывалось 3 почетных, 37 действительных членов и 293 соревнвателя [3,с.1]. Согласно отчету о деятельности Тульского общества вспомоществования бедным ученикам Тульской гимназии, в 1881-1882 академическом году оно имело в своем составе 120 действительных членов, 17 почетных и 1 соревнвателя [2,с.3]. В Обществе тульских врачей в 1885 году состояло 5 почетных, 27 действительных

членов и 4 члена-корреспондента [9,с.2]. Тульское местное управление Российского общества Красного Креста в 1899 году насчитывало 68 членов [4,с.1].

В состав обществ входили представители всех основных социальных слоев, значительная роль при этом принадлежала дворянству, чиновничеству и интеллигенции. Членами ассоциаций являлись главным образом образованные и состоятельные люди, а также учащая молодежь, происходившая в значительной степени из привилегированных слоев. Даже в самых демократичных обществах взаимопомощи и хозяйственно-экономических ассоциациях крайне редко можно было встретить мещан, ремесленников, рабочих или крестьян — участие в обществах требовало средств, хотя бы для уплаты членских взносов, грамотности, досуга, что у перечисленных групп населения всегда было в дефиците.

Отдельные представители провинциальной интеллигенции, входившие в состав различных общественных организаций, пользовались среди местного населения особой любовью и уважением. Примером является известный тульский врач В.И. Смидович. Благодаря его активной деятельности, 24 февраля 1862 года в Туле появилось первое научное общество – Общество тульских врачей. Смидович был автором устава общества, одним из его учредителей и входил в состав его правления: являлся секретарем, вице-президентом и президентом общества [5,с.47]. Он нередко выступал на заседаниях общества с различными докладами и сообщениями. Среди них: «Материалы для описания г. Тулы. Санитарный и экономический очерк» и «О насильственных и случайных смертях в Тульской губернии за 1879-1884 гг.». При активном участии Смидовича в 1864 году при Обществе тульских врачей была открыта лечебница для приходящих больных. Члены общества принимали больных по два часа в день, среди дежурных врачей был и В.И. Смидович. Деятельность Общества тульских врачей и его членов способствовала развитию медицинских познаний, повлияла на улучшение народного здравоохранения и санитарной организации в Туле.

Итак, особенностью любой общественной организации является наличие членства. Во второй половине XIX – начале XX века в состав общественных организаций могло входить неограниченное число лиц, при этом существовали различные категории членов обществ. Число членов в различных обществах варьировалось от тысяч до нескольких десятков. Социальный состав общественных организаций включал представителей всех основных социальных слоев, значительная роль при этом принадлежала дворянству, чиновничеству и интеллигенции. Процедура избрания членов общества включала в себя рекомендацию и баллотировку. Потенциальный член общества обязан был вносить членские взносы. Участники общественных организаций способствовали развитию различных отраслей науки, а также передовой общественной мысли. Их деятельность была направлена на решение насущных проблем и накопление опыта в различных сферах.

Список литературы

1. Отчет о деятельности Общества тульских врачей за 1884-1885 г. Тула: Типография Н.И. Соколова, 1885. 12 с.

2. Отчет о деятельности Тульского общества вспомоществования бедным ученикам Тульской гимназии, в 1881-1882 академическом году. Тула: Типография Губернского Правления, 1882. 23 с.
3. Отчет совета Общества вспомоществования при Тульском патронном заводе за 1887 г. Тула: Типография и литография И.И. Конишева, 1888. 17 с.
4. Отчет Тульского местного управления Российского общества Красного Креста за 1899 год. Тула: Типография Губернского Правления, 1901. 19 с.
5. Рассаднев С.А. Доктор В.И. Смидович. Тула: Приок. кн. изд-во, 1988. 104 с.
6. Устав Новосильского общества охотников конского бега. Тула: Типография Месника и Римана, 1884. 20 с.
7. Устав Общества вспомоществования нуждающимся ученикам Тульского Коммерческого училища. Тула, 1903. 13 с.
8. Устав Общества содействия благоустройству дачной местности «Козлова засека» Тульской губернии и уезда. Тула: Типография Сиротского Дома, 1909. 10 с.
9. Устав Общества тульских врачей. Тула: Типография Н.И. Соколова, 1875. 23 с.
10. Устав попечительного общества о домах трудолюбия в г. Туле. Тула: Типография Губернского Правления, 1898. 15 с.
11. Устав Тульского Общества Народных Университетов. Тула: Типография М.А. Логунова, 1917. 13 с.

ФРАНЦУЗСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕНТРЫ В ПЕТЕРБУРГЕ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Эльц Елена Эдуардовна

кандидат исторических наук, Санкт-Петербургский государственный университет, доцент

FRENCH CULTURAL CENTERS IN SAINT-PETERSBURG DURING THE FIRST WORLD WAR

Первая мировая война оказала влияние на новое понимание роли культуры в международных отношениях. Трансформация деятельности французских культурных центров в России в военный период – яркий тому пример.

История французских культурных центров в России начинается с открытия в Москве организации Альянс Франсез в 1904 году. В Петербурге Альянс Франсез открывается в 1907, а вслед за ним в столице Российской империи учреждается в 1911 г. первый в России Французский институт. Отделения Альянс Франсез продолжают появляться в таких городах как Баку, Одесса, Саратов. Витебск, Омск, Пенза, Харьков. И к 1913 г. эти они осуществляют свою деятельность в более чем 20 крупных городах Российской империи.

Альянс Франсез – ассоциация, впервые созданная в Париже в 1883 году. Создание Петербургского отделения Альянса инициировал делегат парижского Альянса Б. Берстен [8, с.10]. Ее культурно-просветительская деятельность была активной: организация лекций, курсов по французскому языку и методике его преподавания, поддержка школ организация поездок во Францию. В создании местных отделений Альянса, которых к 1914 году насчитывалось 274, большую роль играли члены французских землячеств. В конце XIX века распространение французского языка стало связываться с завоеванием рынков и экономическими преимуществами. Но несмотря на попытки установить более тесные связи с торговыми кругами в предвоенные годы, дискуссии об экономической пользе уступили размышлению о пользе политической, прежде всего, в условиях интеллектуального соперничества между европейскими державами. В Административном совете Альянсов преобладали высокопоставленные чиновники и представители академических кругов, среди последних доминировали специалисты по зарубежной культуре и энтузиасты, увлеченные идеей французской

интеллектуальной экспансии. По своему характеру деятельность Альянсов напоминала процесс нациестроительства, но только обращенный за пределы государственных границ. Обычно Министерство иностранных дел делегировало сюда своих бывших сотрудников, с определенного времени организации Альянс Франсез стали оказывать помощь послы или консулы [10, с.768].

С появлением в Петербурге отделений общества Альянс Франсез и Французского института, существовавших здесь до 1919 года культурные связи города с Францией переживают новый этап. Организуемые учреждениями лекции, концерты, выступления литераторов привлекали внимание широкой публики.

Своим возникновением Французский институт в Петербурге обязан, прежде всего, французским ученым, которые осознавая себя самостоятельной профессиональной группой, с конца XIX века начинают создавать различные ассоциации, открывают новые возможности для общения с зарубежными коллегами. В конце XIX века возросшему интересу Франции к России и русскому народу соответствует деятельность первого поколения французских русистов-профессионалов. Ученые используют возможности издательской деятельности, профессорскую и академическую трибуны, профессиональную и любительскую науку для пропаганды русской культуры, литературы, языка. Русская тематика входит в программу университетского преподавания, русский язык изучается в высшей и средней школе. В начале XX века во Франции ряд инициатив приводит к появлению ряда русско-французских обществ, развивающих образовательные и научные связи [4, с. 53-80]. Учреждение Французского института в Петербурге может рассматриваться как дальнейшее развитие этих инициатив. Институт должен был стать научно-исследовательским центром для французских славистов, отправляющихся в Россию для исследований и совершенствования русского языка, а также неким центром,

где русские, желающие изучить французский язык, могли получать информацию о Франции. Так славист П. Буйе, который составил проект Французского института в Санкт-Петербурге, был лектором в Русской высшей школе общественных наук в Париже, существовавшей в 1903-1905 гг., затем возглавил открытую в 1909 г. в университете Парижа «Франко-славянскую ассоциацию». Буйе и в дальнейшем поддерживал идеи русско-французского научного сближения, развивавшиеся во Французском институте в военные годы [4, с. 52-65]. Согласно проекту П. Буйе почетными президентами института объявлялись министр народного просвещения и изящных искусств, министр иностранных дел Франции и русский посол в Париже. В комитет для Управления институтом должны были войти учебные заведения, обладающие престижем или проявляющие интерес к русской культуре и языку [8, с.68, 82]. Создание Французского института в Петербурге после создания институтов во Флоренции и Мадриде соответствовало преобладающей в умах французской интеллигенции мысли о необходимости ослабления всеобщего германского влияния, не только политического и военного, но и культурного. Не случайно основателем института в Петербурге считается не ученый Поль Буйе, а политик первой величины, бывший министр финансов и президент Палаты депутатов Франции Поль Думер (ставший впоследствии в 1927-1931 гг. президентом Французской республики). Думер с большим уважением относился к высшему образованию в целом. В «Книге моих сыновей» он пишет, что высшее образование имеет особенные права на государственную заботу и участие граждан, которые должны всеми силами содействовать созданию и распространению науки, своей личной деятельностью, посредством воспитания своих детей, внося денежные пожертвования. Так как наука - это основное орудие научного прогресса и важное условие первенства и доминирования в мире [2, с. 181,221]. Инициативу Думера широко поддержали во Франции представители научного мира.

10 июля 1914 г. в газете «Санкт-Петербургские ведомости» был опубликован текст официального выступления французского президента Пуанкаре, посетившего Петербург накануне войны: «4 года тому назад в Санкт-Петербурге был основан Французский институт, не только для лучшего изучения и понимания экономического развития и понимания материальных сил этой прекрасной могущественной России, но и для лучшего понимания и изучения ее интеллектуального и морального могущества, ее истории, языка, литературы и искусства. Я следил с большим интересом за научными работами и прекрасными печатными трудами Французского института. Мне также известно, что институт, вводя нас в более интимную близость русской мысли, в то же время стремится к более широкому распространению французской культуры в России» [9, с.5]. Пуанкаре сравнивает институт в Петербурге с Французскими институтами в Испании и Италии, представив их как инструмент влияния французских университетов, которые посредством учреждений за рубежом учат любви к французскому языку, духу французской расы, французским традициям и французскому идеалу красоты и правды.

Деятельность Института стала важной вехой научного постижения России французами. Ученики П. Буйе

(Ж.Легра, А.Лиондель, Р.Лабри, А.Мазон – второе поколение русистов) продолжили дело первых русистов по систематической разработке русской тематики. Результаты исследований публиковались в серии «Библиотека Французского института». Так, например, здесь были опубликованы исследования Андре Мазона, в том числе посвященные изменению русского языка в военные и революционные годы [13].

Таким образом, к моменту своего появления в России французские культурные центры были открыты уже во многих странах. Они распространяли французский язык и культуру, но уже в довоенные годы начали приобретать политический оттенок в условиях интеллектуального соперничества между державами. При сходстве условий создания, многих общих чертах, Французский институт в Петербурге носил более индивидуальный характер и в момент создания уже имел конкретные, рассчитанные на сложившуюся аудиторию цели.

Считается, что деятельность Альянс Франсез положила начало такому направлению деятельности государств как внешняя культурная политика.

Внешняя культурная политика отличается той двойственностью, которая нашла отражение в деятельности французских культурных центров начала XX века: с одной стороны она направлена на продвижение национальной культуры за рубежом и предполагает проведение многочисленных культурных акций, с другой – нацелена на создание условий для знакомства граждан своей страны с зарубежными культурами.

Одновременно, под внешней культурной политикой понимается, прежде всего, ряд мер, разрабатываемых и реализуемых государством, в том числе для создания благоприятной внешнеполитической конъюнктуры. Считается, что французская внешняя культурная политика рождается из пропагандистской деятельности государства во время Первой мировой войны. Так развитие французской пропаганды приводит к учреждению в первые послевоенные годы специальной Службы французской работы за границей, возникшей при Министерстве иностранных дел.

Техника пропаганды, под которой понимается распространение различной информации, предназначенной для внушения населению доктрины, идеи, политической теории, использовалась французским и немецким правительствами с самого начала войны.

Французская пропаганда утверждала несколько принципов. Первый подчеркивал нежелание Франции развязывать войну, и вступление в нее из-за немецкой агрессии. Провозглашались благородные цели войны, каковыми являлись защита отечества и его граждан, возвращение Эльзаса и Лотарингии. Вражеского немецкого солдата изображали безжалостным монстром, преступления немцев должны были оправдать войну. Французы провозглашали идеи не только защиты отечества, но и прав человека в целом. Потери врагов изображались значительно превосходящими собственные потери; свои победы гораздо более значимыми, чем победы противника. Для поддержания морального духа газеты уменьшали количество жертв. Кроме того, осуществлялись призывы к усилиям тыла и гражданам, чей вклад в дело войны был необходим. Пропаганда еще больше усилилась после битвы при Вердене и после Второго Марнского сражения,

и продолжала играть важную роль в борьбе с русской революцией. Французский интеллектуал Пьер Паскаль в своих воспоминаниях о пребывании в России в 1916-1918 гг. представляет агентами пропаганды многих своих соотечественников, с горечью отмечая ее недостатки и поверхностность [14].

Наиболее заметно французская пропаганда оказала влияние на периодическую печать. Для осуществления контроля за публикуемыми материалами и недопущением появления полезной для врагов информации и капитулянтских идей военное министерство Франции утверждает бюро прессы. Появляются многочисленные законы, ограничивающие деятельность изданий. В книге «По воюющей Франции» журналиста и писателя Н.Я. Когана, опубликованной под псевдонимом (Н. Тасин) в Петрограде в 1915 г., автор описывает впечатления от французских городов в первый год войны, которые он посетил как журналист. Автор сообщает о введении строгой цензуры, запрещении печатать иные сведения с театра военных действий, кроме сообщаемых правительством, а также о многочисленных публикуемых в газетах новых песнях. Журналист приводит слова Клемансо о благонамеренности и единстве французской печати, включая официальную социалистическую печать, при этом одновременно замечает постепенное преодоление ограничений и растущую критику государственных механизмов [6].

Воспоминания французских дипломатов, Мориса Палеолога, Жозефа Нуленса отражают понимание особой значимости общественного мнения в условиях войны и работу, проводимую дипломатами по формированию положительного образа союзников России. Морис Палеолог, например, не только внимательно следит за русским общественным сознанием, но предоставляет материалы для русской прессы, следуя французским пропагандистским принципам, и стремится улучшить образ Франции в официальных встречах. Чутко реагируя на изменения в общественном мнении (благодаря личным контактам и отслеживанию сообщений в русских газетах) Палеолог действует самостоятельно и через правительственные круги, стремясь представить Германию агрессором, тяжелое бремя Франции в войне [5]. С приездом делегации социалистов, которых французское правительство направляет в Петроград после Февральской революции, взаимодействие российских и французских газет представляется находящимся на пике активности. Кадетская газета «Речь», «Новое время», французские «l'Humanité» вовлечены в сложный диалог французских социалистических и русских буржуазных кругов [3].

В целях пропаганды стало использоваться кино, которое постепенно становится новым инструментом влияния. В 1915 г. во Франции военное министерство Франции, Министерство просвещения и Министерство иностранных дел инициировали создание Секции фотографии и кинематографическую Секцию французской армии, которые в 1917 году объединились в одну [11]. Цель секций заключалась в сборе материалов, представляющих интерес с исторической точки зрения (разрушения, руины), с точки зрения пропаганды образа за границей, а также военных операций, составления документальных архивов. Фильмы регулярно демонстрировались публике. Пропаганда не только применялась по отношению к соб-

ственному населению, но и была предназначена для союзников, и стран, в поддержке которых Франция была заинтересована.

Любопытно, что уже в 1914 – начале 1915 г. русские газеты фиксируют учреждение на территории Российской империи целого ряда музеев войны – Минске, Киеве, Пензе, Варшаве. В данном случае подчеркивается их значение в сохранении памяти о военных событиях.

Дипломаты активно использовали кино в политических целях. Французский дипломат Морис Палеолог в своем дневнике под датой 28 февраля 1916 г. сообщает о том, что для доказательства интенсивной борьбы на Западном фронте использовались газеты, доклады и кинематографические ленты. В ноябре 1914 в «Правительственном вестнике» появилось сообщение, что французское правительство опубликовало «Желтую книгу», заключающую 160 дипломатических документов, опровергающих тенденциозные утверждения германцев о причинах войны и свидетельствующих о коварстве германской дипломатии [7]. Считая одной из своих задач формирование благоприятного для Франции общественного мнения в русском обществе, Палеолог не раз замечает, что усилия Франции недооценивают.

В воспоминаниях Мориса Палеолога можно найти и описание одного из кинематографических представлений, устроенных для императора и его детей, на котором были показаны ленты, изображающие сцены на французском фронте. Посол на неофициальной встрече с императором 12 марта 1916 описывает событие следующим образом, мысленно отмечая недостаточность познаний императора в военном деле: «С глубоким чувством гляжу я на бесконечный ряд картин, вживе изображающих подлинными событиями, столь наглядно подтверждающие усилия французов. Император восхищается нашей армией, он восклицает: «Как хорошо, какая отвага, как можно выдержать такой обстрел?! Сколько заграждений перед неприятельскими окопами!» [5, с. 462]

В военное время во Франции возникают многочисленные организации патриотической пропаганды. В своем выступлении в Сорбонне в 1918 г., опубликованном в книге «Победоносная Франция» и посвященном французским ассоциациям, Поль Дешанель, избранный президентом Французской республики в 1920 году, представляет деятельность Союза Великих ассоциаций Франции в своей стране и за границей: конференции, распространение трактатов и брошюр, книг, карт, картинок, фильмов, сотрудничество с газетами, пополнение библиотек материалами о войне, передача сочинений докладчикам и лекторам. И все это, подчеркивает Дешанель, за счет частной инициативы, практически без финансовой поддержки официальных властей [11].

Таким образом, в речах ведущих политиков озвучивается идея использования культуры в качестве инструмента политического влияния.

Поль Дешанель, наряду с Эрнестом Лависсом сотрудничали в деле французской пропаганды. Одновременно с 1911 года они входили в Попечительный совет Французского института в Петербурге, а Эрнест Лависс был к тому же президентом Административного бюро Французского института в Санкт-Петербурге.

Пропаганда становится одним из направлений деятельности французских культурных центров в Петрограде. Директор Французского института Жюль Патуйе в

военный период со своей женой распространял брошюры и книги французского "Дома прессы", созданного в Петрограде для укрепления в союзниках дружеских настроений к Франции, сумел склонить более 40 газет, выходящих в Петрограде, Москве и в провинции, печатать время от времени статьи о Западном фронте, о французской армии и ее борьбе [8, с.112].

Новые преподаватели читают лекции на военную тему. Меняется тематика лекций в петербургском отделении Альянс Франсез. В ноябре 1914 г. Жюль Патуйе прочитал лекцию «Франция при встрече с войной». В 1915-1916 в Альянс Франсез выступали новый преподаватель французского института Шарль Рише с темой «Храбрость», член института Жорж Лакур-Гайе с темой «Битва на Марне и на Изере». Жорж Гавоти, председатель административного совета журнала «Revue hebdomadaire» с лекцией «Франция во время войны», Граф Фредерик де Шевийи «Французский солдат». Лекции продолжились и во время революции [8, с.32]. Выдающийся французский славист Пьер Паскаль, присутствовавший во время выступления нового преподавателя Французского института Вигье «Там. Где прошли гунны» в Альянсе описал событие в своих воспоминаниях. Во время выступления показывались фильмы (в трех фильмах демонстрировалось выступление французозов в Нуайон), на лекции присутствовали начальник французской военной миссии в России генерал Жанен и посол. Они выступили с речью, генерал Жанен напоминал о благородных причинах, с которыми Россия вступила в войну, а Франция ее поддержала; посол говорил о союзниках, мужестве французских солдат. Паскаль нелестно отзывался об их выступлениях, уличая их в пропагандистской лжи. Вигье, согласно воспоминаниям Паскаля вел пропагандистскую деятельность в Петрограде, публиковал брошюры, поддерживал широкие контакты [14].

Французский институт практически перестает играть роль центра славянских исследований и центра французской литературы. Зато активно развивает научные и образовательные связи. Любопытно, что эта деятельность в условиях войны опять же приобретает политический оттенок: научное сближение с союзниками во Франции одновременно происходила наряду с демонстративным ослаблением контактов с Германией. Инициативы русских и французских ученых, направленные на научное сближение двух стран, проект обмена научными делегациями и основы для университетских обменов повышают роль Французского института. Французский институт превращается в место встреч русских и французских ученых и академических кругов на почве научных контактов. Воспоминания Пьера Паскаля отражают стремление русских профессоров и ученых создать Русский институт в Париже. Во Французском институте обсуждается необходимость взаимных переводов и учета научных публикаций, совершенствования библиотек института. В некоторых собраниях принимает участие французский посол Нуланс. Весной 1918 г. французский дипломатический

корпус перебирается в Вологду. Ж. Нуленс продолжает работу Палеолога, вступая во взаимодействие с местными газетами и набирая утраченные политические козыри. Его считают вдохновителем контрреволюционной работы в Вологде, где в 1918 году оказался посольский корпус союзных держав. Деятельности французского посольства был посвящен один из экспозиционных залов, а его директор Александр Быков внес неоценимый вклад в изучение вологодского периода французской дипломатии [1].

Таким образом, в период Первой мировой войны, культура начинает осмысляться как действующая сила в международных отношениях и эта идея все больше утверждается в умах выдающихся политических деятелей Франции. Общественные организации в условиях активной пропагандистской деятельности начинают выстраивать новые, более прочные связи с правительством. Французский институт и Альянс Франсез не только показали возможности культуры, как инструмента политического влияния, но и, выработав в суровых условиях войны механизмы взаимодействия с правительством Франции и действуя под лозунгом культурного патриотизма, заложили основы формирования французской внешней культурной политики в России.

Список литературы

1. Быков А. В., Панов Л. С. Дипломатическая столица России. История Вологды как столицы дипломатической России. - Вологда, 1998.
2. Думер П. Книга моих сыновей. - Париж, 1931.
3. Иоффе А.Е. Русско-французские отношения в 1917 г. (февраль - октябрь). - М., 1958.
4. Любина Г.И. Россия и Франция. История научного сотрудничества (вторая половина XIX – начало XX вв.) - Москва, 1996.
5. Палеолог М. Дневник посла. - М., 2003.
6. Тасин Н. По воюющей Франции. - Петроград, 1915.
7. Правительственный вестник. № 278. 19 ноября 1914.
8. Ржеуцкий В.С. Альянс Франсез и Французский институт в Санкт-Петербурге. - СПб., 2001.
9. Санкт-Петербургские ведомости. № 154. 10 июля 1914.С.5.
10. Chaubet F. L'alliance française ou la diplomatie de la langue (1883-1914) // Revue historique. 2004, № 632 P. 768.
11. Challéat V., « Le cinéma au service de la défense, 1915-2008», Revue historique des armées, 252, 2008: <<http://rha.revues.org/2983>>
12. Deschanel P. La France Victorieuse. Paroles De Guerre. Paris, 1919.
13. Mazon A. Lexique de la guerre et de la révolution en Russie. Paris, Champion, 1920.(Bibliothèque de l'Institut français de Pétersbourg)
14. Pascal P. Mon journal de Russie. 1916-1918. Lausanne, 1975.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ФОНЕТИЧЕСКИЕ МОДИФИКАЦИИ ЯКУТСКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Алексеев Иван Егорович

д.ф.н, профессор, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск

Сорова Ирина Николаевна,

к.ф.н., доцент, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск

PHONETIC CHANGES OF YAKUT SPOKEN LANGUAGE

Alexeev Ivan, Doctor of Science, professor of North-Eastern Federal University, Yakutsk

Sorova Irina, Candidate of Science, assistant of professor of North-Eastern Federal University, Yakutsk

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются фонетические модификации якутской разговорной речи, проявляющиеся в различных ситуациях речевого поведения современных носителей якутского языка.

ABSTRACT

This article deals with phonetic changes of Yakut spoken language revealed in various situations of communicational behavior of modern Yakut speaking people.

Ключевые слова: разговорная речь, якутский язык, фонетические модификации.

Keywords: spoken language, Yakut language, phonetic changes.

Современный якутский литературный язык, как и современный русский язык, имеет две разновидности: кодифицированный литературный язык и разговорную речь. Широко распространена устная разновидность (или, как иногда называют, литературно-разговорный стиль) якутского литературного языка [6, с. 5]. Устно-разговорная разновидность якутского языка, являющаяся средством повседневного устного общения современных его носителей, обслуживает потребности устно-речевой коммуникации данного языкового коллектива, включая в настоящее время и бытовой обмен репликами, и задачи публичного общения.

Согласно тому, что «Фонетика разговорной речи отличается от фонетики кодифицированного литературного языка в парадигматическом плане большим числом звуковых репрезентаций у каждой фонемы при сохранении того же общего их набора для всех фонем, а в синтагматическом – более свободной сочетаемостью звуков, возможностью употребления большего числа звуков в сегментных позициях» [5, с. 128], фонетическими признаками якутской разговорной речи являются:

- удлинение краткого гласного, и дифтонгизация долгого гласного в обращениях. Например, ооо: Обонньор [ɔʊɔɔ:ɔ:r], тугу кэпсээтин? 'Старик, что расскажешь?'; ии~ииэ: Эдьийи [eʃi'ej], барыта этэңэ буолуо дии, тобо итинник диигин? 'Сестра, все обрывается. Почему так говоришь?'
- стяжение краткого гласного для выражения различных значений экспрессивного, модального и логического характера. Как отмечает профессор Н.Д. Дьячковский, в якутском языке «изменение гласных звуков на последнем слоге выполняет функцию передачи дополнительного оттенка высказывания, чувства говорящего» [2, с. 180]. Напри-

мер, и~ии: Үчүгэйин [yʃyʊeji:n], эрдэ бүтэр буоллахпыт дии. 'О, как хорошо, значит, мы рано закончим'. ы~ыы: Бардым [bardw:m]-бардым. 'Иду-иду'.

- дифтонгизация краткого гласного при выражении особой эмоциональной или модальной нагрузки слова. Например, өө~үө: Ээ, ону мин өйдөөбөтөхпүн [ɔjdöbötɔxpin] дии. 'Ну, я об этом не подумала';
- озвончение согласных. Во второй части первого якутского «Букваря» основоположник якутской письменности С.А. Новгородов указывает, что озвончение глухого согласного происходит только при слитном произношении слов [3, с. 29]. Экспериментальный анализ, в частности анализ осциллограмм, проведенный Н.Д. Дьячковским, подтвердил точку зрения С.А. Новгородова [2, с. 189]. Например, с~һ: Сарсын [has:ʃɪn] тугу гынабыт, туох былааннааххыты? 'Завтра что делаете, какие планы?' Таайбыт быйыл биэс уонун [biehuonun] туолар. 'В этом году нашему дяде исполнится 50 лет'; т~д: Түөрт уонча [tjörduoŋʃa] киһи мустубут этэ. 'Собралось около 40 человек';
- оглушение согласных. В якутском языке оглушение согласного наблюдается в сочетаниях сонорных с глухими: йт, йс, йх, лк, лс, лт, лч, рк, рч, рс, рх, рп, рт и др. под ассимилирующим влиянием последующих глухих согласных [2, с. 178-179]. Например, рч~чч, рс~сс: Билигин хаччым [χaʃ:ʃɪm] суох, сарсын [has:ʃɪn] биэриэм. 'У меня сейчас денег нет, завтра отдам'; рх~хх: Наһаа кытархай [kɪtɑx:aɪ] дии санаабаккын дуо? 'А ты не думаешь, что это слишком ярко-красное?'. Оглушение звонкого согласного также происходит под влиянием конечного глухого согласного предшествующего слова. Например,

д~т: Хайа сөмөлүөт барара чугааабыт дии [ti:]; б~п: Ол туох буоллай [ruol:aj]? 'А что случилось?';

- варьирование согласных. Например, н~б: Физкультурагыгар кэтэригэр манан [тауан] өңнөөх футболката ылаар эрэ. 'Купишь ему белую футболку для занятий по физкультуре'; й~нь: Кэлэр нэдиэлэбэ уолбут киниит [ki:ti:t] кыһы билиһиннэрэ аҕалыахтаах. 'В следующую неделю сын должен привести познакомиться невестку'; м~б: Мин маарыын [ba:ru:n] кэлбитим. 'Я давно пришла'; л~дь: Адьдьаххай [aɟ:aχ:aj] итии. 'Очень жарко';
- фонетическое сокращение слова. Для непринужденной речи характерно стремление к максимальной экспрессивности, что, безусловно, находится в тесной связи с тенденцией краткости речи. За минимальный отрезок времени передать максимальное количество информации, причем не просто констатировать те или иные факты и события, а выразить свое отношение к ним – такова задача собеседников, участвующих в непринужденном разговоре (4, с. 108). Значительное ускорение темпа речи приводит к тому, что в речевой цепи сокращаются слова: Биһиги [bihi] үлэбитин бүтэрбиппит ыраатта. 'Мы давно закончили свою работу'. Бэбэһээ [bɛ:ɛ:] ханна сырыттыгыт, күнү быһа эрийэ сатаабытым. 'Вчера где были, весь день звонила к вам домой'. Буолар буолбутун [buoltun] кэннэ хайдах гынааххыны? 'Ну, что поделаешь, случилось так случилось' и т.п.

Также, как указывает Н.Д. Дьячковский, в разговорном языке существует определенное стремление избегать сочетания согласных в конце слова [2, с. 148]. Например, рт~т: Бэрт [bet] эбит. 'Ну, хорошо'; мп~м: Эмин аһаабытын кэннэ инэрдээр, эмп [ɛm] бу баар. 'Как покушает, отдашь лекарство, вот оно'; лт~т: Маны онно илт [it], көмөлөнөн ис. 'Вот это унеси туда, давай, помоги'.

В спонтанной речи происходит, как отмечает филолог М.П.Алексеев, нарушение нормативных устоев. В произносительных отклонениях наблюдаются признаки системности, что противоречит узуальным канонам якутской речи. Так, при произношении кратких монофтонгов сокращаются длительность кратких вокальных компонентов слов (ийэ вм. ийэ, кеор вм. көр), длительность долгих гласных, компонентов дифтонгов (Батабай вм. Баатабай, Арылаах вм. Арылаах, болар вм. буолар), удвоенные согласные (атарыттан вм. аттарыттан, баралара вм. баралара), нарушаются речевые каноны, отмеченные еще С.А.Новгородовым (бүтүн курдук вм. бүтүн курдук, сап ылар вм. сап ылар) [1, с. 9-10].

Таким образом, фонетические модификации якутской разговорной речи, характеризующиеся в трудах С.А.Новгородова, П.А.Слепцова, М.П.Алексеева как узусное явление, имеют разнообразие фоностилемных форм, в некоторой степени носящих отклонение от устоявшихся норм произношения. Эти обстоятельства служат ориентиром в определении типовых особенностей якутской разговорной речи и выявлении основных моделей фоностилем.

Список литературы

1. Алексеев М.П. Культура народа саха: отклонение от традиционного узуса. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Якутск, 2000. – 24 с.
2. Дьячковский Н.Д. Звуковой строй якутского языка. – Ч. 2: Консонантизм. – Якутск, 1977. – 252 с.
3. Новгородов С.А. Якутский букварь. – Якутск, 1922. (на як.яз.).
4. Портнова Н.И. Фоностистика французского языка. – М.: Высш. шк., 1986. – 143 с.
5. Русская разговорная речь. – М.: Наука, 1973. – 485 с.
6. Слепцов П.А. Якутский литературный язык. Истоки, становление норм. – Новосибирск: Наука, 1986. – 262 с.

СЛОЖНОПОДЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ УСЛОЖНЕННОЙ СТРУКТУРЫ В РАССКАЗЕ С.С. ЯКОВЛЕВА – ЭРИЛИК ЭРИСТИИНА «ХАЧЫГЫР»

Афонская Анна Михайловна

Студент, Северо-Восточный Федеральный Университет, г. Якутск

COMPLEX SENTENCE COMPLICATED PATTERNS IN THE STORY OF S. S. YAKOVLEVA – ARYLIC RISTIINA "HACILAR"

Afonskaya Anna Mikhaylovna, Student, North-Eastern Federal University, Yakutsk

АННОТАЦИЯ

Целью настоящей работы является выявление и изучение сложноподчиненных предложений.

С.С. Яковлев – Эрилик Эристиин предпочитает последовательное СППУС. Для автора характерно стремление вместить в предложение всю сложность мыслей и переживаний. Данные предложения помогают вызвать жалость читателя к главному герою, используется для раскрытия внутреннего мира Хачыгыра.

ABSTRACT

The aim of this work is the identification and study of complex sentences. S. S. Yakovlev – Arylic of Aristian prefers sequential CPUS. For the author characterized by the desire to accommodate the proposal of the complexity of thoughts and experiences. These proposals help to arouse the pity of the reader to the main character, is used to solve the inner world Pachygyria.

Ключевые слова: сложноподчиненное предложение усложненной структуры.

Keywords: complex sentence complicated patterns.

При выборе автором того или иного типа сложного предложения учитываются его выразительные возможности. В статье исследуются стилистические особенности употребления многочленных сложных предложений в произведении якутского писателя С.С. Яковлева – Эрилик Эристиина. Сделаны попытки раскрыть проявления авторской индивидуальности через словесные построения.

Многочленными сложными предложениями (МСП) называются сложные предложения (СП), состоящие из трех и более предикативных частей.

МСП структурно могут быть двух видов.

I. Предложения, состоящие более чем из двух предикативных частей, образованные сочинительными свя-

зьями (союзами, интонацией) и осложненные одной и более зависимой предикативной единицей(-ами) — многочленные смешанные сложные предложения (МССП).

II. Предложения, состоящие более чем из двух зависимых частей, которые могут быть по-разному связаны между собой — сложноподчиненные предложения условной структуры (СППУС).

Всего мы разобрали 155 предложений. Исследования показывают: ПП 64 (41%), МППК 20 (12,8%), из СП преобладает ССП 40 (25,6%), а СПП 10 (6,4%), МСП в произведении использованы одинаково: МССП 11 (7,1%), МСПП 11(7,1%) (таблица 1).

Таблица 1

Использование предложений

	ПП		СП МСП				ВСЕГО
	ПП	МППК	ССП	СПП	МССП	СППУС	
ЭЭ Хачыгыр	64	20	10	40	11	10	155
%	41,3	13	6,4	25,8	7,1	6,4	

Из диаграммы мы видим, что ПП преобладает. Из СП Эрилик Эристиин больше всего использовал ССП.

Итак, рассмотрим МСП. СППУС подразделяется на четыре вида: однородное, неоднородное, последовательное и разнотипное. С.С. Яковлев – Эрилик Эристиин

использует всего 11 (7,1%) МССП. Из них преобладает последовательное МССП 9 (5,7%), потом одинокого используется однородное и разнотипное МССП по 1 предложению (0,7%). В своем рассказе автор не использует неоднородное МССП (2 таблица).

Таблица 2

Использование СППУС

СППУС				Всего
Однородное	Неоднородное	Последовательное	Разнотипное	
1	0	8	1	10
0,70%	0,00%	5%	0,70%	6,4%

Последовательное СППУС С.С. Яковлев – Эрилик Эристиин как мы отметили, использует больше: [Итинэн Хачыгыр, (тардар бурдугун анара эрэ бүппүтүнэн), (бэйэтин бүгүгүннү дьыалата кууабаан буолбутун) билиннэ.] (503) – причинная ЗПЕ + дополнительная ЗПЕ + ГПЕ - 'От того, что осталась только половина мукомольни, Хачыгыру стало известно, что сегодняшней день прошел насмарку'.

С.С. Яковлев – Эрилик Эристиин предпочитает последовательное СППУС. Для автора характерно стремление вместить в предложение всю сложность мыслей и переживаний. Данные предложения помогают вызвать жалость читателя к главному герою, используется для раскрытия внутреннего мира Хачыгыра.

Список литературы

1. Виноградов В. В. Проблемы русской стилистики. – М.: Высш.школа, 1981. – 320 с.
2. Грамматика современного якутского литературного языка. Синтаксис. Новосибирск: Наука; Сибирская издательская фирма РАН, 1995. – 336 с.
3. Калашникова Г. Ф. Синтаксис многокомпонентного сложного предложения в системе филологического образования в вузе и школе. Харьков: ХГПУ, 1998. – 297 с.

ОБУЧЕНИЕ ШКОЛЬНИКОВ РАБОТЕ С ИНФОРМАЦИЕЙ УЧЕБНО-НАУЧНОГО ТЕКСТА ПО УЧЕБНОМУ КОМПЛЕКСУ ПОД РЕДАКЦИЕЙ С.И.ЛЬВОВОЙ

*Ахмадиева Елена Федоровна,
учитель русского языка и литературы МБОУ гимназия №5, г. Екатеринбург*

STUDENT LEARNING INFORMATION LEARNING OF A SCIENTIFIC TEXT ON EDUCATIONAL COMPLEX UNDER THE EDITORSHIP OF S. I. LVOVA.

Ahmadieva Elena Fedorovna, teacher of Russian and literature Gymnasium №5, Ekaterinburg,

АННОТАЦИЯ

Рассматривается возможность формирования информационных умений у школьников 5-9 классов при работе с учебно-научным текстом на материале учебного комплекса по русскому языку под редакцией

ABSTRACT

The possibility of formation of information skills of students in grades 5-9 when working with the educational and scientific text material of an educational complex on the Russian language under the editorship of S. I. Lvova.

Ключевые слова: Федеральные стандарты, информационные умения, учебно-научные тексты, методический аппарат учебников, формирование информационных умений.

Keywords: Federal standards, information skills, training and scientific texts, the methodological apparatus of textbooks, development of information skills.

В Федеральных стандартах второго поколения для основной школы уделяется отдельное внимание работе с информацией: «При изучении учебных предметов обучающиеся совершенствуют приобретённые на первой ступени навыки работы с информацией и пополняют их. Они смогут работать с текстами, преобразовывать и интерпретировать содержащуюся в них информацию, в том числе:

- систематизировать, сопоставлять, анализировать, обобщать и интерпретировать информацию, содержащуюся в готовых информационных объектах;
- выделять главную и избыточную информацию, выполнять смысловое свёртывание выделенных фактов, мыслей; представлять информацию в сжатой словесной форме (в виде плана или тезисов) и в наглядно-символической форме (в виде таблиц, графических схем и диаграмм, карт понятий — концептуальных диаграмм, опорных конспектов)» [3, с. 25]

Формирование информационных умений обозначено как одно из требований планируемых результатов освоения учебных и междисциплинарных программ основной школы. Безусловно, ведущая роль в формировании информационных умений принадлежит предмету Русский язык.

Источником информации в школе прежде всего выступает учебно-научный текст, с которым учащиеся встречаются на всех предметах школьного курса. Для школьника данный текст выступает источником информации, объектом изучения и понимания, образцом хранения информации [1, с. 120].

Для того чтобы составить представление о современном состоянии работы с информацией при изучении учебно-научного текста на уроках русского языка необходимо проанализировать содержание программ и школьных учебников по русскому языку. Рассмотрим программу и комплекс учебников «Русский язык» для 5-9 классов под редакцией С.И. Львовой.

В пояснительной записке к программе по русскому языку под редакцией С.И. Львовой обозначены цели и особенности обучения. Главной особенностью программы является ее направленность на достижение в преподавании единства процессов познания окружающего мира через родной язык, развитие навыков самостоятельной учебной деятельности, самообразования, речевого самосовершенствования.

Данная программа реализует деятельностно-системный подход в обучении русскому языку, что предполагает синтез процесса совершенствования речевой деятельности учащихся и формирования системы лингвистических знаний и ведущих умений, и навыков.

Яркой особенностью курса является его нацеленность на успешное овладение основными видами речевой деятельности в их единстве и взаимосвязи: способностью осознанно воспринимать и понимать звучащую речь

(умение слушать) и печатное слово (умение читать); грамотно, точно, логически стройно, выразительно передавать в устной и письменной форме собственные мысли, учитывая условия общения (умения говорить и писать). Центральной единицей обучения становится текст как речевое произведение. Он становится объектом анализа и результатом речевой деятельности не только на традиционно выделяемых уроках связной речи, но и на каждом уроке, какой бы теме он ни был посвящён. В этом смысле каждый урок русского языка является уроком развития речи [4, с. 4]. В программе в соответствии с требованиями стандарта второго поколения обозначена работа с информацией, прописаны информационные умения, которыми должны овладеть учащиеся 5-9 классов.

Установим соответствие материала по работе с информацией, заявленного в программе и представленного в учебниках.

В учебниках русского языка для 5-9 классов под редакцией С.И. Львовой теоретический материал представлен в текстах различных рубрик. Тексты рубрики «Теоретические сведения» содержат основной (ключевой) теоретический материал. В текстах рубрики «Знайте и применяйте!» даётся важная информация о том, как на практике применять теоретические знания по русскому языку. Сведения этой рубрики содержат материал по культуре речи, практические примеры использования теоретических понятий. В текстах рубрики «Обратите внимание!» предлагается дополнительный теоретический материал, который акцентирует внимание на сложных теоретических сведениях, содержит сведения об образно-выразительных средствах.

Разнообразен визуальный ряд учебника: цветные схемы, плашки, рисунки, фотографии. Для того чтобы обратить внимание учащихся на важность материала, все учебно-научные тексты расположены на цветном фоне. Ключевые слова/термины выделены жирным шрифтом/курсивом.

В учебниках представлены все виды учебно-научных текстов: текст-определение, текст-описание и текст-объяснение, текст-рассуждение, текст-правило. Предъявление материала учебно-научных текстов соотносится с основными этапами методики работы над новыми языковыми явлениями: этап восприятия нового языкового явления, этап осознания существенных свойств языкового явления, этап осознание и воспроизведение явления [2, с. 139-144].

Представленные в учебниках учебно-научные тексты сопровождаются заданиями, обеспечивающими эффективную деятельность школьников при работе с учебно-научной информацией. В результате чего формируется система лингвистических знаний, умений и навыков, формируется информационные умения.

Авторы учебника предваряют чтение учебно-научных текстов постановкой вопросов, которые способствуют активизации мышления. Перед чтением учебно-научного

текста в 5-7 классах авторы предлагают ответить на такие вопросы/выполнить задания: «Вспомните, что вы знаете о...», «Как вы понимаете выражение...», «По названию определите...», «Проверьте правильность, читая текст», «Выскажите предположение о том, с какими трудностями вы будете сталкиваться при разборе деепричастия. Проверьте свои догадки, прочитав данный текст».

В 8-9 классах задания, предваряющие учебно-научные тексты, усложняются: «Как эпиграф связан с темой параграфа?», «Бегло просмотрите текст и попытайтесь определить, почему он разделен на ...части», «Внимательно изучите информацию. В чем особенность ее предъявления? Как вы полагаете, почему именно эта форма наиболее уместна? Обоснуйте свою точку зрения».

С 5 класса школьники учатся дифференцировать информацию, то есть отрабатывают умения и навыки, связанные с оценением информации: «Бегло просмотрите текст и определите, какая информация в нем оказалась новой?» Это задание встречается на протяжении всего курса русского языка с 5 по 9 класс: 5 класс – 13 раз; 6 класс – 9; 7 класс – 6; 8 класс – 19; 9 класс – 6 раз.

Вопросы и задания после теоретических сведений также способствуют формированию информационных умений, осознанному и целенаправленному процессу аналитико-синтетической деятельности:

5-7 классы: «Подберите заголовки к тексту», «Определите основную мысль», «Разделите текст на части», «Подберите примеры .../ На примерах докажите...», «Сравните правила постановки знаков препинания... Сделайте вывод», «Внимательно изучите материал и определите, почему данное правило делится на ... части», «Составьте простой/сложный/тезисный план», «Подберите свои примеры», «Перескажите текст/по частям/ по составленному плану», «Составьте контрольные вопросы по материалам параграфа», «Кратко сформулируйте основную информацию и запишите ее», «Используя записанные примеры, перескажите текст»

8-9 классы: «На основе материалов рубрики подготовьте сообщение...», «Сделайте вывод о том, как организовать изучающее чтение данного текста, чтобы лучше усвоить его содержание», «Объясните, как вы понимаете смысл ... предложения/ий», «Сжато изложите важную информацию», «Законспектируйте текст», «Прочитайте текст рубрики и сопоставьте его содержание с информацией, которая дается в схеме. На основании полученных сведений расскажите о...»

Таким образом, мы видим, что работа ведется со всеми основными группами информационных умений: умений, обеспечивающих первичное понимание информации, обеспечивающих поиск и аналитическую обработку информации, обеспечивающих применение и представление информации.

С 5 класса теоретические сведения в учебнике излагаются в виде схем и таблиц, рисунков, иллюстрирующих лингвистические явления. Работа с информацией, представленной в нетекстовом виде учит анализировать информацию, представленную в невербальном виде, производить структурно-смысловую и логический анализ текста.

Со схемами и таблицами учащиеся встречаются на протяжении всего курса обучения с 5 по 9 класс, но, к сожалению, недостаточно часто (5 класс: 6 таблиц, 4 рисунка, 24 схемы; 6 класс: 23 схемы, 11 таблиц, 1 рисунок;

7 класс: 9 таблиц, 5 рисунков, 25 схем; 8 класс: 3 таблицы, 3 рисунка, 14 схем; 9 класс: 14 схем, 14 таблиц, 1 рисунок).

При работе со схемами, таблицами и рисунками учащиеся получают следующие задания:

5-7 класс: «Рассмотрите таблицу и расскажите о...», «На основе данной схемы расскажите о...», «Внимательно изучите рисунок. Что он, по-вашему, обозначает?», «Сравните данную схему и схему... Объясните, что обозначает каждый термин», «Рассмотрите рисунок, расскажите о грамматическом явлении, которое он иллюстрирует», «Используя таблицу, установите...», «Попробуйте передать содержание текста в виде схемы или таблицы», «Преобразуйте текст в схему», «Пользуясь таблицей, докажите, что...», «Постарайтесь объяснить лингвистический смысл рисунка»

8-9 классы: «Передайте содержание в виде схемы/таблицы», «Преобразуйте схему в таблицу», «Изучите схему и передайте содержащуюся в ней информацию в виде связного текста», «Передайте содержание таблицы в виде тезисного плана», «Изучите таблицу. Озаглавьте ее», «Прочитайте текст рубрики и сопоставьте его с содержанием схемы. На основе полученных сведений расскажите о...», «Бегло просмотрите текст и определите, совпадает ли принцип деления /структура информации в этом тексте и в таблице», «Передайте содержание таблицы в виде тезисного плана».

В 8 и 9 классах увеличивается количество таблиц, представленных в учебнике. Это связано с тем, что темы становятся значительно больше по объему и информацию удобнее и компактнее излагать с помощью таблиц. Например, в виде таблиц представлены темы: «Обособление согласованных определений и приложений» (8 класс), «Функциональные разновидности языка» (8 класс), «Виды придаточных предложений» (9 класс), «Основные виды ошибок в устной и письменной речи» (9 класс).

Обучение восприятию и пониманию информации учебно-научного текста происходит при выполнении упражнений учебника, в которых школьники изучают особенности учебно-научного текста (признаки, жанры, языковые особенности), происходит обучение созданию учебно-научного текста разных жанров (сообщение, ответ, инструкция, рецензия, конспект).

В учебниках С.И.Львовой работа учащихся с учебно-научными текстами и научным стилем речи представлена в упражнениях с пометой «Устное высказывание», «Изложение – миниатюра», «Сочинение - миниатюра», «На уроке математики \ природоведения \ географии и т. д.», «Из истории лингвистики».

Формированию информационных умений при работе с учебно-научным текстом способствуют упражнения с пометой «Устное высказывание», при выполнении которых совершенствуются умения, обеспечивающие понимание и представление информации. Как правило, задания к ним предполагают устное высказывание, то есть, направлены на развитие таких видов речевой деятельности как говорение и слушание: «Перескажите текст...», «Подготовьте план выступления и примеры»; «Определите, какие высказывания верны (истинны), а какие неверны (ложны)», «Расскажите о.../ Расскажите, отвечая на следующие вопросы/ пользуясь планом-конспектом» (8 класс); «Обоснуйте свою точку зрения», «Подготовьте

материал для сообщения на тему...», «На примерах докажите, что...», «Докажите, что разделы тесно связаны между собой», «Попробуйте объяснить смысл утверждения ...»; «Используя материал упражнений, отметьте сходство и различие в...».

Работа с текстами научного стиля ведется при написании изложений и сочинений. При написании изложения – миниатюры, учащиеся обращаются к учебно-научным текстам, представленным в учебниках, выполняя задание: «Письменно изложите содержание рубрики...».

При написании сочинения-миниатюры отрабатывается умение определять тему и основную мысль создаваемого высказывания, отбирать необходимый материал, систематизировать его, создавать высказывания в научном стиле речи. В учебниках встречаются сочинения-миниатюры на лингвистическую тему: например, «Письменно объясните, для чего каждому нужно знать алфавит?», «Письменно ответьте на вопрос, почему местоимение называют словами –заменителями?»; сочинения-миниатюры по высказыванию выдающихся учёных-лингвистов (например, «Согласны ли вы с высказыванием лингвиста...Обоснуйте свою точку зрения»). При выполнении подобных заданий совершенствуются составляющие информационной компетентности, обеспечивающие целенаправленный поиск информации в источниках различного типа, развивается умение обосновывать свою позицию, приводить аргументы и т.п.

В учебниках 5-7 и 9 классов есть раздел «Текстоведение». В 8 классе он называется: «Функциональные разновидности русского языка». Работа с упражнениями этого раздела формирует умения, связанные с дифференциацией учебно-научного текста.

Пятиклассники в результате изучения данного раздела узнают понятия «текст», «план», «абзац», учатся абзацному членению, а также знакомятся с типами речи; в 6 классе – с понятиями «микротема», «краткий пересказ», «простой и сложный план», «связь предложений в тексте»; в 7 классе знакомятся с понятиями «точность и логичность речи», «ключевые слова», расширяют сведения о рассуждении как типе речи, узнают, что такое «тезис», «аргумент», «вывод»; в 9 классе знакомятся с видами рассуждения и рецензией.

В соответствии со стандартами второго поколения в учебном комплексе реализуется идея межпредметных связей при обучении русскому языку (задания с пометкой «На уроке...»). С этой целью используются тексты, затрагивающие проблемы других наук; обращается внимание на значение, строение, написание, произношение и этимологию соответствующих терминов изучаемых в школе наук; анализируется существующая связь разнообразных явлений мира, отраженная в родном языке. Это способствует развитию умения анализировать информацию, устанавливать логическую взаимосвязь между явлениями и закономерностями, которые изучаются в школе на уроках по разным предметам.

Кроме того, следует заметить, что большое внимание уделено формированию навыков работы с различными видами лингвистических словарей, что способствует формированию навыков работы со справочной литературой, способности извлекать нужную информацию, предъявленную в словаре.

Таким образом, в учебниках «Русский язык» для 5-9 классов под редакцией С.И.Львовой уделяется достаточно серьезное внимание работе по формированию умений, которые составляют основу информационной компетентности. В учебниках для 5-9 классов уделяется внимание восприятию, пониманию, переработке и созданию учебно-научного текста: учащиеся прогнозируют содержание текста, определяют тему и основную мысль, подбирают заголовок, делят текст на части, составляют план текста, пересказывают текст, строят на его основе схемы и/или таблицы, создают учебно-научный текст на заданную тему.

Обучение школьников жанрам учебно-научного текста носит практический характер: учащиеся осваивают на практике такие жанры как устный и письменный ответ, сообщение, рецензия, конспект. Практическим путем идет знакомство и с языковыми особенностями учебно-научного стиля. Авторами учебников в основу курса положен триединый подход к языковому явлению: анализ значения, формы и функции. Поэтому на уроках рассматривается роль в научном стиле следующих языковых явлений: частей речи (существительных, прилагательных, числительных, глаголов, причастий), простых и сложных предложений; конструкций, которые осложняют простое предложение. Учащимся предложено выполнить, например, такие задания: «Без имен существительных невозможно дать точное описание предметов научном стиле. Чтобы убедиться в этом, опишите...начните описание с информации о происхождении слова...»(6 класс, у.356); «Найдите в учебнике математики правила, которые сформулированы как сложноподчиненные предложения следующей модели...Найдите в этих предложениях признаки, характерные для научного стиля речи»(9 кл., у. 414)

Но, несмотря на большую работу с учебно-научным текстом, которая проводится по материалам данных учебников, хотелось бы отметить некоторые моменты, которые нуждаются в доработке и уточнении.

Количество учебно-научных текстов в 8 классе значительно меньше, чем в 7 и 9 классах и это не способствует систематической работе, которую необходимо проводить с учебно-научными текстами.

В программе авторы обозначили одно из основных умений и навыков, которым должны овладеть учащиеся к концу 5 класса: «Использовать просмотровое, ознакомительно, изучающее чтение», но систематическая, целенаправленная работа над с этими видами чтения не представлена (Например, в 5 классе 13 раз встречается задание: «Бегло просмотрите текст...»; в 6 классе – 9 раз, 1 раз: «Вдумчиво прочитайте текст», Задания: «Внимательно изучите материал»). Таким образом, поэтапного формированию таких метапредметных навыков, как чтение учебно-научного текста не происходит. Хотя такая работа на уроках необходима, так как при выполнении подобных заданий формируются навыки чтения одновременно с информационными умениями.

Заявленная в программе работа с главной/второстепенной информацией не выделена в упражнениях и не отрабатывается на практике, что влечет за собой трудности в отработке умения «Сжато пересказывать тексты» (которым, как заявлено в программе, учащиеся должны овладеть уже к концу 5 класса).

Остается неясным, как учащиеся 5-6-7 классов определяют стиль (и аргументируют свою точку зрения), если тема «Функциональные разновидности русского языка» изучается только в 8 классе.

В разделе «Текстоведение» 5 класса учащиеся знакомятся с теоретическими сведениями о том, что такое план (параграф 35, с. 203), но примеров плана (ни простого, ни сложного) в параграфе не дается. Думается, что на начальном этапе после изложения теоретического материала учащиеся должны знакомиться с образцами построения простого/сложного/тезисного планов, и после этого работать над самостоятельным написанием планов к текстам.

Умение самостоятельно формулировать вопросы по содержанию прочитанного текста (программа 6 класс, с.123) -невозможно сформировать, если с заданием: «Составьте контрольные вопросы к параграфу» учащиеся встречаются один раз в 8 классе.

Также недостаточно внимания уделяется обучению сжато пересказу, написанию конспекта. Например, работе с конспектом посвящено 2 задания (8 класс- упр.275, 9 класс- стр.256); задания «Кратко расскажите о...», «Сжато изложите информацию ...» при работе с учебно-научным текстом встречается 3 раза (6 класс упр.878, 7класс упр.582 и 9 класс стр.50).Таким образом, работа по обучению сжатию (компрессии) учебно-научного текста не прослеживается.

Таким образом, при работе с учебно - научными текстами в 5-9 классах по учебному комплексу под редакцией С.И.Львовой задания к теоретическому материалу и

упражнения с учебно-научными текстами способствуют формированию информационных умений: умений, обеспечивающих первичное понимание информации, поиск и аналитическую обработку информации, применение и представление информации, а также умений, связанных с дифференциацией учебно-научного текста,- но в представленном учебно-методическом комплексе не всегда прослеживается система и поэтапное формирование информационных умений и навыков.

Литература

1. Кусова М. Л., Учебно-научный текст как средство формирования информационных умений у младших школьников/Педагогическое образование в России. 2014. № 3.- 119-123с.
2. Методика преподавания русского языка в школе: учеб.для студ. высш. пед. учеб. заведений /М. Т. Баранов, Н. А. Ипполитова, Т. А. Ладыженская, М. Р. Львов; под ред. М. Т. Баранова. М.: Академия, 2000.-368с.
3. Примерная основная образовательная программа образовательного учреждения. Основная школа / [сост. Е. С. Савинов]. — М.: Просвещение, 2011. — 342 с. - (Стандарты второго поколения).
4. Программы по русскому языку для общеобразовательных учреждений. 5-11 классы: основной курс, элективные курсы/ авт.-сост. С.И. Львова. -3-е изд., стер., - М.: Мнемозина, 2008.-215с.

СТРУКТУРА МЕЖФРАЗОВОЙ СВЯЗИ В ОЦЕНКЕ КАЧЕСТВА ПЕРЕВОДА

Акерке Бескемер

преподаватель кафедры общего языкознания и теории перевода, Евразийский национальный университет имени Л.Н.Гумилева, Астана, Казахстан

THE STRUCTURE OF INTER SENTENCE RELATION IN EVALUATING OF A TRANSLATION ADEQUACY

Akerke Beskemer, professor of General linguistics and translation theory department, Eurasian national university Astana, Kazakhstan

АННОТАЦИЯ

Данная статья представляет собой системное исследование, посвященное актуальной переводоведческой проблеме – выявлению критерия оценки адекватности перевода, в ней впервые рассматривается и сравнивается влияние одновременно двух аспектов поэтического перевода – сохранение стилистических средств оригинала при переводе, и передача структуры межфразовой связи оригинала при переводе. Результаты вносят свой вклад в теорию переводоведения, определяя, что наиболее оптимальным критерием оценки качества перевода является сохранение при переводе структуры стилистических и выразительных средств оригинала.

ABSTRACT

This article presents a systematic study of the actual translating problem - identifying criteria for evaluating the adequacy of the translation, it was first considered and compared the effect of two simultaneous aspects of poetic translation - preserving original stylistic means in the translation and transmission of the original structure of inter sentence relation with the translation. The results contribute to the theory of translation, determining that the best criterion for evaluating the quality of the translation is to preserve the structure of the translation of stylistic and expressive means of the original.

ключевые слова: художественный перевод, межфразовая связь, повторы, отсылочные слова, субститут
key words: literary translation, inter sentence relation, repetition, reference, substitute

Цель данной статьи заключается в выявлении критерия адекватности поэтического перевода, если таковое возможно вообще. В ходе изучения материала была изу-

чена занимательная статья А.Ю.Патрикеева, переводовед из Москвы, который предлагает рассматривать сходство структуры межфразовой связи в качестве критерия

оценки адекватности перевода. Данная статья представляет собой большой интерес для данного исследования, и, ввиду того, что использование стилистических средств напрямую связано с типами межфразовых связей, присутствующих в произведении, идея А.Ю.Патрикеева была использована в работе.

За последние годы в языкознании появилось новое направление - лингвистика текста, которое исследует текст как единое целое. Многочисленные анализы, проведенные на материале английского, русского и других языков, показывают, что, несмотря на различия между этими языками, средства связи предложений в тексте имеют в этих языках много общего. [2,75]

С детства каждый человек знает, что бессвязный текст – это отклонение от нормы. Но какими средствами достигается связность? Все виды связи между предложениями – межфразовые связи – можно поделить на две большие группы: связи, устроенные по типу зацепления, и связи, устроенные по типу повтора. При зацеплении какой-либо элемент одного предложения указывает на элемент другого предложения, «зацепляется» за него: так происходит передача смысла от одного предложения к другому. Одно из самых распространенных средств зацепления – субститут (от лат. *Substitutio* – «ставлю взамен», «назначаю взамен»). Это слово, заменяющее какое-либо другое. Обычно это личные местоимения: Маша вышла погулять. В руках она несла морковку. Существуют и так называемые отсылочные слова. Чаще всего это указательные местоимения: Мы заглянули в колодец. Там было темно. Бывает, что никакого слова, осуществляющего зацепление, нет, а связь всё же есть. Например: Я пойду гулять сейчас. А ты – вечерам. Во втором предложении пропущено пойдёшь гулять. Такой пропуск называется эллипсисом. В данном примере эллипсис, указывая на словосочетание пойду гулять (это словосочетание можно при желании восстановить), является средством зацепления. Наконец, зацепление может происходить за счёт синтаксической перестройки. В предложении Человек смеётся говорится о человеке – это тема (от греч. «*thema*») предложения; о нём сообщается, что он смеётся, – это рема (от греч. «*rhema*» – «слово», «изречение», «буквально сказанное»). Если рядом поставить два предложения, то переход, например, ремы одного предложения в тему другого будет указывать на связь этих предложений: Человек смеётся. Смеётся весело и громко.

Все перечисленные выше виды зацепления можно считать грамматическими, поскольку в них используются те или иные грамматические свойства слов. Но есть зацепления, которые строятся на особенностях лексических значений слов. Их называют лексическими. Если сказано: Во-первых, ты должен сделать уроки, то непременно должно быть какое-то во-вторых... Такие элементы, как, во-первых, во-вторых и т. д., – знак того, что дальше следует продолжение, развитие мысли. В тексте можно встретить слова, отсылающие читателя к той или иной его части. Они тоже осуществляют связь, но уже не между фразами, а между целыми частями. Такие слова называют адресными отсылками. Личное местоимение почти всегда связано с одним словом: Собака бежала по полю. Она пыталась догнать бабочку. А отсылки могут быть привязаны к части или даже ко всему предыдущему тексту, как например, большинство басен заканчивается моралью (частью, в которой сформулирована основная идея

басни), и мораль начинается именно с отсылки, связывающей её со всей басней.

Повторы – второй тип межфразовых связей. Они могут быть лексическими, грамматическими, синтаксическими или семантическими. Примеры лексических, синтаксических и грамматических повторов можно найти в начале повести А. С. Пушкина «Станционный смотритель»: «Кто не проклинал станционных смотрителей, кто с ними не бранивался? Кто в минуту гнева не требовал от них роковой книги, дабы вписать в оную свою бесполезную жалобу на притеснение, грубость и не исправить? Кто не почитает их извергами человеческого рода, равными покойным подьячим, или по крайней мере муромским разбойникам?».

Из предложения в предложение повторяются те или иные слова или словосочетания; в данном случае четырежды повторяется местоимение кто – это лексический повтор. В первых двух предложениях есть грамматический повтор: повторяются прошедшее время глагола, единственное число и несовершенный вид (не проклинал, не требовал, не бранивался). Во всех трёх предложениях повторяется и отрицание. А синтаксический повтор в этом примере выражается в том, что все три предложения – вопросительные (вопросительная конструкция с местоимением кто). [1]

А.Ю.Патрикеев предполагает, что в идеальном переводе распределение показателей межфразовой связи и направления их действия должны совпадать с распределением и направлением аналогичных показателей оригинала. Различия языков оригинала и перевода могут сделать невозможным полное воспроизведение структуры межфразовой связи оригинала, но, поскольку структура текста отражает связи между его составляющими, структура перевода должна сохранять существенные черты структуры оригинала. Разумеется, стремление сохранить структуру оригинала не может служить оправданием нарушений лексических и грамматических норм языка перевода. Для проверки гипотезы о влиянии сходства структур межфразовых связей оригинала и перевода на качество перевода мы выполним анализ семи го сонетов Шекспира и трех видов их перевода. Анализ включает в себя выявление межфразовых связей между строками текста сонета и наглядное представление этих связей в виде таблицы, в которой для каждой строки указаны виды и количество связей с другими строками.

Обозначим типы межфразовых связей следующим образом:

- s – союзы и союзные слова
- e – переносы
- f – слова одного семантического ряда
- g – обобщающее слово
- p – повтор словосочетания
- s – однокоренные слова
- x – синтаксический параллелизм
- w – повтор слова.

Анализируя типы межфразовых связей в сонете У.Шекспира № 130, было выявлено следующее: слова одного семантического ряда и повтор слов присутствует практически в каждой строке (все кроме 5, 7, 10 и 14 строк); в строках 1-12 наблюдаются союзы и союзные слова, обобщающие слова; повтор слов наблюдается в строках 1, 5, 6 и 11. Сопоставляя переводы сонета № 130

С.Маршака, С.Степанова и В.Козаровецкого, можно сделать следующие выводы: структура межфразовых связей при переводе сонета на русский язык была сохранена С.Степановым. В переводе С.Маршака наблюдается большая степень отклонения от структуры межфразовой связи оригинала в сравнении с переводом С.Степанова, тогда как В.Козаровецкий в наименьшей степени сохранил эту структуру. В сонете У.Шекспира № 131 структура межфразовой связи демонстрирует такие связи, как союзы и союзные слова (строки 1, 2, 7, 8, 13), слова одного семантического ряда (строка 1), повтор слова и словосочетания (строки 1, 3, 6, 7, 12) и обобщающие слова (строка 12). Сопоставляя три перевода данного сонета, мы видим, что С.Степанов максимально сохранил структуру межфразовой связи, передав слова одного семантического ряда (строки 7, 11, 12), повтор слова (строка 1) и союзы и союзные слова (строки 8, 9, 11). Наименьшая степень сохране-

ния межфразовых связей наблюдается в переводе В.Козаровецкого. Итак, как видно из выше приведенных примеров, при переводе сонетов У.Шекспира все переводчики старались сохранить структуру межфразовой связи оригинала при переводе. Наиболее близко сохранить межфразовые связи оригинала удалось С.Степанову, тогда как наименьшая степень сохранения структуры межфразовых связей наблюдается в переводах В.Козаровецкого. [3]

Список литературы

1. Жуковский В.А. Зарубежная поэзия в переводах. М., 1985. Т.2.
2. Попович А. Проблемы художественного перевода. Учеб. пособие. - Пер. со слов.- М: Высш. шк., 1980. с. 93-98
3. Шекспир Уильям. Сонеты (перевод С.Степанова) Перевод: С.Степанов

СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ СКАНДАЛЕ

Быканов Виктор Петрович

Преподаватель, Приднестровский государственный университет, г. Тирасполь

STRATEGIES AND TACTICS OF SPEECH BEHAVIOR IN THE POLITICAL SCANDAL

Bykanov Viktor, university teacher, Pridnestrovian State University, Tiraspol

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассмотрены и проанализированы стратегии и тактики речевого поведения, применяемые в ходе политического скандала для сохранения политического имиджа.

ABSTRACT

The article considers and analyzes strategies and tactics of speech behavior in a political scandal used in order to save the political image.

Ключевые слова: политический скандал, речевые стратегии и тактики, имидж, речевое поведение.

Keywords: political scandal, speech strategies and tactics, image, speech behavior.

Одним из видов политического нарратива является политический скандал, который «представляет собой интересный объект анализа с точки зрения речевых стратегий и тактик, техник политического манипулирования, риторических фигур и стилистических приёмов» [4, с. 364].

В ходе скандала применяются различные тактики и стратегии для сохранения политического имиджа. Политический имидж играет первостепенную роль в жизни политика, целью которого является борьба за власть. Благодаря высокому имиджу и народной поддержке политический деятель может рассчитывать на успешную и продолжительную карьеру.

Как целенаправленно формируемый образ имидж какого-либо лица, явления, предмета призван оказать эмоционально-психологическое воздействие на кого-либо в целях популяризации, рекламы и т. п. [13]. А. Буркхардт о роли имиджа в политическом дискурсе пишет: «Прежде всего, публичная политическая коммуникация характеризуется попыткой сохранить или даже повысить собственный имидж» [5, с. 105].

Исследование политического дискурса предполагает анализ речевого поведения как системы осознанных и неосознанных поступков, раскрывающих характер и образ жизни человека. [1, с. 7].

Цель данной статьи - установление характерных черт речевого поведения политического деятеля в условиях политического скандала на основе анализа устных и письменных заявлений бывшего министра обороны Германии Карла-Теодора цу Гуттенберга с момента появления статьи об обнаружении плагиата 15-го февраля 2011 до публичного заявления об отставке 1-го марта 2011.

Для анализа речевого поведения были использованы классификации А. Буркхардта [5] и О.Н. Паршиной [2]. А. Буркхардт выделяет прогрессивные языковые приёмы (стратегия опережения, стратегия жертвы, отклонение не выдвинутого обвинения) и регрессивные (эвфемизм, стратегия извинения, стратегия вуалирования, стратегия «Честное слово»). Для анализа рассматриваемого скандала интерес представляют также манипулятивная стратегия, тактики критики и оправдания, которые выделяет О.Н. Паршина [2].

1. Стратегия опережения. Использование данной стратегии опережения на начальном этапе скандала может заставить оппонента отступить, позволяет сделать из обвинителей виновных и повысить свой имидж. Если же обвинения не беспочвенны, тогда есть риск потерять имидж, а вместе с ним и доверие населения. Министр обороны Гуттенберг применяет перед публикацией ста-

тии, пытаюсь убедить в своей невинности редакцию газеты «Süddeutsche Zeitung», рискованную для себя стратегию опережения:

«Dem Ergebnis der ... Prüfung sehe ich mit großer Gelassenheit entgegen. Ich habe die Arbeit nach bestem Wissen und Gewissen angefertigt.» [11].

После публикации статьи в этой газете Гуттенберг полон решимости: «Der Vorwurf, meine Doktorarbeit sei ein Plagiat, ist abstrus» [7]. Прилагательным «abstrus» он критикует их, категорично отвергая идею его противников о плагиате, и в то же время нападает на них. Министр даже сам вызывается проверить свою диссертацию, опережая их намерения «Ich bin gerne bereit» [7]. Используя тактику критики в рамках стратегии опережения, он пытается предотвратить будущий скандал и вернуть к себе доверие. Он также выражает готовность помочь после начала расследования в университете Байройта по поводу оригинальности его работы: «Ich werde aktiv mithelfen» [9].

2. Стратегия жертвы. 18-го февраля перед журналистами он временно отказывается от учёной степени. Гуттенберг говорит: «über jeden einzelnen dieser Fehler bin ich selbst am unglücklichsten» [9]. Использование тактики гиперболизации: «am unglücklichsten» позволяет усилить необходимый для Гуттенберга эффект. Вызывая жалость к себе как к жертве, он говорит о своей работе над диссертацией:

«Sie ist über etwa 7 Jahre neben meiner Berufs- und Abgeordnetentätigkeit als junger Familienvater in mühevollster Kleinarbeit entstanden, und sie enthält fraglos Fehler» [9].

Он подчеркивает в этом распространённом предложении, что совмещал сразу 4 социальные роли. Чтобы подчеркнуть свою роль жертвы, он снова использует тактику гиперболизации: «mühevollster». Безагенсный пассив, по мнению С.С. Резниковой, является «распространённым средством манипулирования сознанием реципиента» [3, с. 490]. В данном предложении он служит для того, чтобы снять с себя ответственность за плагиат в диссертации.

В своих интервью министр говорит о давлении со стороны общественности, использует при этом слова из семантического поля «стойкость»: «Wettertanne», «Stürme», «kämpfen», «fordernd», «an Deck bleiben», «durchhalten», «aushalten», «Verantwortung» [12]. Кроме того, он использует тактику оправдания с целью вызвать жалость у оппонента:

«Ich bin selbst auch ein Mensch mit Fehlern und Schwächen». [12].

А уходя в отставку, Гуттенберг применяет тактику гиперболизации: «Das ist der schmerzlichste Schritt meines Lebens» [10].

Прилагательное в превосходной степени «schmerzlichste» имеет своей целью перевести его из роли обвиняемого в роль жертвы и сохранить ему остатки имиджа.

3. Эвфемизм. Заменив слово «Plagiat» на эвфемизм «Fehler», министр признаёт ошибки в работе. В своих письменных обращениях и выступлениях перед камерами за время скандала он употребляет слово «Fehler» и однокоренные ему слова 18 раз. Е. И. Шейгал считает, что «эвфемизмы применяются для сокрытия правды об отрицательных сторонах денотата». [4, с. 241].

18-го февраля он временно отказывается от учёной степени. Слово «vorübergehend» можно рассматривать как эвфемизм к слову «навсегда», так как 21-го февраля, через два дня, в своём письме университету министр признаёт наличие плагиата и просит о лишении его учёной степени. Используя пассив состояния и эвфемизм «Fehler», он пытается смягчить свою вину:

«gravierende handwerkliche Fehler unterlaufen sind» [6].

«Bisschen gemunkelt» [12] шутит Гуттенберг о скандале, выступая в тот же день перед журналистами. Использование данного эвфемизма особенно примечательно, учитывая то, что в большинстве известных газет появились статьи о его диссертации.

А 1-го марта он противоречит сам себе и применяет тактику гиперболизации:

«In den letzten Wochen die öffentliche und mediale Betrachtung fast ausschließlich auf die Person Guttenberg» [10].

«Die enorme Wucht der medialen Betrachtung meiner Person» [10].

4. Стратегия извинения. В политическом дискурсе «извинения, в отличие от повседневной жизни, носят декларативный характер - простое произнесение извинений является достаточным» [5, с. 115].

В ходе всего скандала Гуттенберг также приносит извинения за то, что он задел чьи-либо права, забыв о сносах в диссертации, используя при этом стратегию извинения:

«Tut mir das aufrichtig Leid» [9].

«Ich sage ebenso, dass ich mich von Herzen bei all jenen entschuldige» [12].

«Entschuldigung, die von Herzen kommt» [12].

«Deswegen habe ich mich aufrichtig bei all jenen entschuldigt, die ich aufgrund meiner Fehler und Versäumnisse verletzt habe» [10].

5. Стратегия вуалирования. Во время скандала в речевом поведении многих политиков «преобладает тенденция к сокрытию фактов» [5, с. 116]. Зачастую участники скандала прибегают к псевдоаргументации.

В письме от 21-го февраля Гуттенберг применяет тактику оправдания в рамках стратегии вуалирования и использует псевдологические аргументы:

«Eine Ursache für mein Fehlverhalten ist darin zu sehen, dass ich über einen zu langen Zeitraum, über sieben Jahre hinweg mit zahlreichen Unterbrechungen an der Arbeit geschrieben und offensichtlich den Überblick über die Verwendung von Quellen teilweise verloren habe» [6].

Через 2 дня после «временного отказа» Гуттенберг публично отказывается от учёной степени. Он применяет тактику оправдания, снова используя псевдологические аргументы:

«Ich habe diese Fehler nicht bewusst gemacht. Ich habe auch nicht bewusst oder absichtlich in irgendeiner Form getäuscht und musste mich natürlich auch selbst fragen, meine Damen und Herren, wie konnte das geschehen, wie konnte das passieren?» [12].

Два риторических вопроса в конце служат для того, чтобы подчеркнуть его непричастность к плагиату. Перед журналистами, он использует те же псевдологические аргументы, что и в письме университету, говоря о том, что потерял счёт сносам.

«Ich habe diese Arbeit selber geschrieben, weil ich stehe auch zu dem Blödsinn, den ich darin geschrieben habe» [12].

Этой фразой он опровергает слухи о том, что работу написали его помощники, а не он сам. Наличие в предложении личного местоимения «Ich», а также указательного местоимения «selber» призвано подтвердить его самостоятельное написание данной работы.

Указывая причину своей отставки, политик применяет тактику оправдания и приводит очередной псевдоаргумент:

«Ein möglicherweise für manche unbefriedigender aber allzu menschlicher Grund. Wohl niemand wird leicht, geschweige denn leichtfertig, das Amt aufgeben wollen, an dem das ganze Herzblut hängt» [10].

В данном объяснении он использует устойчивое словосочетание со словом «Herz». За всё время скандала 8 раз были использованы слова с корнем «Herz», возможно, для создания впечатления об искренности.

6. Манипулятивная стратегия. В завершение своей речи 18-го февраля он пытается сместить фокус внимания с диссертации на «более важные проблемы», надеясь, что про плагиат в его работе забудут:

«Die Menschen in diesem Land erwarten, dass ich mich um das fordernde Amt des Verteidigungsministers mit voller Kraft kümmerge, ich trage die Verantwortung für die Soldaten im Einsatz» [9].

Данный приём неоднократно был использован Гуттенбергом ввиду занимаемой им на тот момент должности. Так 21-го февраля в письме он снова прибегает к переключению темы:

«Zum anderen verlangt mein Amtsverständnis, das ich mich mit ungeteilter Aufmerksamkeit den großen Herausforderungen meines Ministeriums annehme» [6].

Выступая перед журналистами в тот же вечер, он снова смещает фокус внимания аудитории со скандала на непростую ситуацию с солдатами в горячих точках:

«Verantwortung für viele, viele Menschen, die wir insbesondere in den Einsatz schicken» [12].

1-го марта, лишившись учёной степени и должности министра, он говорит:

«Mit Blick auf die größte Bundeswehrreform in der Geschichte und mit Blick auf eine gestärkte Bundeswehr, die mir engstens ans Herz gewachsen sind» [10].

Тактика гиперболизации подчёркивает важность этой работы для него. Он использует прилагательное «größte» и наречие «engstens», которое образовано от прилагательного в превосходной степени. Чтобы ещё раз показать, как ему дорога и важна его работа он использует устойчивое выражение «ans Herz gewachsen». Затем он не только смещает фокус внимания с себя на солдат:

«Betrachtung auf die Person Guttenberg, statt auf den Tot und die Verwundung von 13 Soldaten abzielt», но и сам говорит о приёме смещения фокуса, критика СМИ:

«so findet eine dramatische Verschiebung der Aufmerksamkeit zu Lasten der mir Anvertrauten statt» [10].

В данном случае речь идет о комбинации тактик смещения фокуса внимания и критики. «Несколько тактик могут выступать в сочетании друг с другом, усиливая таким образом речевое воздействие каждой из них». [2, с. 115]. Гуттенберг неоднократно смещал фокус внимания на солдат. Слово «Soldat» он использовал на протяжении скандала 7 раз.

Речевое поведение политического деятеля характеризуется не только используемыми им стратегиями и тактиками, но и отказом от использования некоторых.

Стратегия «Честное слово» [5] предполагает, что человек, дающий честное слово, как аргумент в свою защиту, может рассчитывать на прекращение или хотя бы на затухание скандала, если только не появится контраргумент. Во время скандала Гуттенбергом не была использована данная стратегия, он не употреблял выражение «Ehrenwort» или другие однокоренные «Ehre» слова.

Не была также использована стратегия «Отклонение не выдвинутого обвинения» [5]. Данная стратегия характеризуется тем, что человек, попавший в скандал, опровергает даже те обвинения, которые не были сделаны оппонентом. Таким образом, можно сказать, что он действовал довольно осторожно, реагируя на обвинения по мере их поступления.

Арсенал стратегий и тактик, которые Карл-Теодор цу Гуттенберг использовал, не помог ему сохранить свой имидж и должность в этом скоротечном скандале ввиду наличия неопровержимых доказательств его вины. Отказ от двух вышеназванных стратегий, возможно, является следствием желания, если и не сохранить имидж, то, по меньшей мере, уйти с должности, сохранив за собой образ раскаивающегося человека.

Список литературы

1. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 331 с.
2. Паршина О.Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: дис. ... д.ф.н. – Саратов, 2005. – 325 с.
3. Резникова С.С. Средства и механизмы манипулирования в политическом дискурсе СМИ // Перспективные направления современной лингвистики. – СПб., 2003.
4. Шейгал Е.И. «Семиотика политического дискурса»: дис. ... д.ф.н. – Волгоград, 2000. – 440 с.
5. Burkhardt A. Verunklärungsarbeit. Sprachliche Techniken der Schuldverschleierung im Rahmen des CDU-Parteispendenskandals // Politik, Sprache und Glaubwürdigkeit. Linguistik des politischen Skandals. – Wiesbaden: Westdeutscher Verlag, 2003. – 104-119 с.
6. Письмо Гуттенберга в университет Байройта. Режим доступа: <http://www.bild.de/politik/2011/karl-theodor-zu-guttenberg/brief-an-uni-bayreuth-16104572.bild.html>
7. Статья журнала Spiegel от 16-го февраля 2011 г. Режим доступа: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/fussnoten-streit-dr-guttenberg-nennt-plagiatsvorwuerfe-abstrus-a-745919.html>
8. Статья журнала Spiegel от 19-го февраля 2011 г. Режим доступа: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/umstrittene-doktorarbeit-guttenberg-kopierte-auch-von-bundestagsdienst-a-746518.html>
9. Видео выступления Гуттенберга перед журналистами в Берлине от 18-го февраля 2011 г. Режим доступа: <http://www.spiegel.de/video/in-sachen-titel-verteidigung-zu-guttenberg-erklaert-sich-video-1110187.html>
10. Видео выступления Гуттенберга от 1-го марта, заявляющего об отставке. Режим доступа: <http://www.>

- spiegel.de/video/ruecktrittserklaerung-habe-grenzen-meiner-kraefte-erreicht-video-1112421.html
11. Статья газеты Sueddetsche Zeitung от 16-го февраля 2011 г. Режим доступа: <http://www.sueddeutsche.de/politik/plagiatsvorwurf-gegen-verteidigungsminister-guttenberg-soll-bei-doktorarbeit-abgeschrieben-haben-1.1060774>
 12. Видео выступления Гуттенберга в Келькхайме от 21-го февраля 2011 г. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=FMikwcTQ8J0>
 13. Большой энциклопедический словарь. Режим доступа: <http://www.vedu.ru/bigencdic/23624/>

ФИТОНИМИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В ПРОИЗВЕДЕНИИ Р. БРЭДБЕРИ «ВИНО ИЗ ОДУВАНЧИКОВ»

Волкова Елена Анатольевна

кандидат филол. наук, старший преподаватель, Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону

Попова Ксения Сергеевна

Студентка, Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону

PHYTONYMIC vocabulary IN «DANDELION WINE» by RAY BRADBURY

Volkova Elena, Candidate of Philology, senior teacher of Southern Federal university, Rostov-on-Don

Popova Ksenia, student of Southern Federal University, Rostov-on-Don

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются функциональные особенности фитонимов в художественном дискурсе Р. Брэдбери, их роль в описании пейзажа, создания атмосферы и образов, приводится их классификация с учётом частотности.

ABSTRACT

The article deals with functional features of phytonyms in the discourse of R. Bradbury, their role in the scenery depiction, the creation of the atmosphere and images. The article contains the classification of R. Bradbury's phytonymic vocabulary taking into account the frequency of the constituent words.

Ключевые слова: фитонимы; фитонимическая лексика.

Keywords: phytonyms; phytonymic vocabulary.

Фитонимы составляют основную часть лексики, которая номинирует растения и растительные организмы. На данный момент не существует общепринятого толкования термина «фитоним», хотя он достаточно прочно закрепился в среде лингвистов и получил широкое распространение. Впервые термин «фитоним» был упомянут в 70-е годы в книге А.В. Суперанской «Общая теория имени собственного», где говорилось об индивидуальных названиях отдельных видов растений [1, с. 215]. Аналогичной точки зрения придерживается И.В. Подольская в «Словаре русской ономастической терминологии», где ей дано следующее толкование этого термина: фитоним — 'собственное имя любого растения' [2, с. 92].

Наряду с термином «фитоним», также имеет место быть термин «фитонимическая лексика». Если под фитонимом понимается лишь наименование растения, то под фитонимической лексикой подразумевается вся совокупность слов данного тематического пласта: названий растений, названий частей растений, деревьев, грибов, собирательных существительных, производных прилагательных и т.д. [3, с. 17].

Наблюдая сходство различных растений с частями человеческого тела или животного, можно отметить, что именно это является мощным мотиватором в наименованиях тысяч растений. Мы можем объяснить это тем, что мир людей, животных и растений неразрывно связан между собой. Именно по этой причине в лексике существует множество фитонимов, в составе которых имеются элементы, обозначающие части тела человека или тела

животного. Приведём пример: англ. blind-man's hand (дословно переводится как «руки слепого человека») - «живучка ползучая». Здесь обнаруживается сходство в том, что растение распространяет свои стебли поверх земли, как будто рука слепого человека нащупывает что-то для получения какого-либо ответа или информации; lion's mouth - дословно звучит как «львиная пасть», но в действительности это «львиный зёв».

Средства изобразительности помогают авторам создавать живые, яркие картины, искреннее выражение человеческих переживаний, чувств, эмоционально окрашенных идей и мыслей. Фитонимическая лексика также встречается в образных характеристиках физических свойств людей и животных, в наименованиях абстрактных понятий, явлений природы и неживых предметов. Исследование использованных метафор художником слова позволяет выявить особенности авторского восприятия и образный строй его мышления [4, с. 217].

Большое число фитонимов, представленных в произведении Р. Брэдбери «Вино из одуванчиков», обусловило необходимость их классификации, поскольку «любая отрасль знаний не может обойтись без упорядочения изучаемых объектов, их сортировки по тем или иным признакам» [5, с. 3]. Заметим, что базовую часть фитонимической лексики составляют имена существительные, однако в некоторых классификациях учитываются прилагательные и глаголы. Таким образом, выбор той или иной классификации напрямую зависит от материала описания и

его объёма. Нами было выявлено 44 фитонима, встречающихся в 258 словоупотреблениях. На основе существующих лингвистических групп наименований растений, и с учётом использования фитонимической лексики в данном произведении, мы предлагаем свою классификацию наименований растений и растительных организмов, выделяя:

- 1) общие наименования фитонимов;
- 2) названия деревьев, кустов, трав, цветов;
- 3) наименования плодов;
- 4) партитивные фитонимы.

Первую группу — общие наименования - представляют 12 существительных в 146 словоупотреблениях, что составляет 25% от общего числа лексем и 55% от всего количества словоупотреблений. В эту группу мы включили слова, называющие растения по общим особенностям внешнего вида, характера произрастания и по свойствам, а также имеющие базовое имя: растение, плод и т. п.

Высокая употребительность лексемы *grass* (трава), которая входит в число одного из самых частотных слов английского языка, объясняется тем, что для писателя это слово было общим для наименования основной растительности. Так, под словом *grass* (трава), Р. Брэдбери подразумевает все луговые и полевые растения: *The grass whispered under his body*. Писатель употребляет слово *grass* с многочисленными эпитетами, такими как: *sweet, fresh, new, crackling*. Но в паре с существительными оно образует живые и красочные метафоры, которые помогают донести до читателя всю полноту красок и впечатлений главного героя: *It took half an hour for the sense of the grass*.

Другое высокочастотное существительное лес, представленное английскими словами *woods* и *forest*. Характеризуя леса в своих произведениях, писатель выбирает прилагательные, которые помогают создать нужную атмосферу загадочности: *The car stopped at the very center of the quiet forest*. Что касается лексемы *trees* (деревья), то она редко определяется эпитетами. В произведениях Р. Брэдбери *trees* (деревья) обычно употребляется как общее видовое название растений, этим объясняется его высокая частотность: *Faintly, the voice chanted under the fiery green trees at noon*.

Лексема *flower* (цветок) не является высокочастотной, так как Р. Брэдбери чаще всего ссылается на конкретные названия тех или иных растений. Она чаще всего реализует своё значение 'травянистое растение, имеющее цветки': *They picked the golden flowers*.

Вторую группу - названия деревьев, кустов, трав, цветов — представляют 19 существительных в 57 словоупотреблениях, что составляет 46% от общего числа лексем и 23% от общего количества словоупотреблений. Ядро группы образуют конкретные имена существительные - наименования разных видов растений (деревьев, кустарников и цветов). Самой высокочастотной лексемой в этой группе является, конечно, существительное *dandelion* (одуванчик). Это объясняется, прежде всего, самим названием произведения - «*Dandelion wine*» («Вино из одуванчиков»). Для главного героя произведения это не напиток, а пойманное и закупоренное в бутылки лето: *A common flower, a weed that no one sees, yes. But for us, a noble thing, the dandelion*.

Употребляя конкретные видовые названия деревьев, Р. Брэдбери рисует насыщенный и красочный пейзаж, который помогает читателю полностью ощутить атмосферу того самого лета: *And then as the evening changed the hour, at house after house on the twilight streets, under the immense oaks and elms, on shady porches, people would begin to appear*.

Среди частотных наименований оказался фитоним *appleblossom* (яблоня). Это может быть обусловлено тем, что для писателя фруктовый сад был немыслим без яблони. В каждом описании сада присутствует это дерево: *And the voices chanted, drifted, in moonlit clouds of cigarette smoke while the months, like late appleblossoms come alive...*

Третью группу - наименования плодов - составляют 9 существительных в 35 словоупотреблениях, что является 20% от общего числа фитонимов и 14% от общего количества словоупотреблений. В эту группу включены такие плоды, как *apples* (яблоки), *plums* (сливы), *grapes* (виноград), *peaches* (персики), *watermelons* (дыни), *cherries* (вишня). Широкое использование таких фитонимов оправданно, так как без них невозможно описать это время года в полной мере: *Like the goddess Siva in the travel books, he saw his hands jump everywhere, pluck sour apples, peaches, and midnight plums*. Самым высокочастотной лексемой в этой группе является *apple* (яблоко): *Long before you hit the grass you will have forgotten there ever was a tree, or other apples, or a summer, or green grass below*. Этот фитоним употребляется автором чаще всего как элемент пейзажа.

Четвёртая группа - партитивные фитонимы - представлена 4 существительными, встречающимися в 20 словоупотреблениях. Это составляет 9% от общего числа лексем и 8% от общего количества словоупотреблений. В эту группу вошли слова, обозначающие части растений: *petals* (лепестки), *seed* (семя), *leaves* (листья), *roots* (корни). Высокая употребительность лексемы *leaves* (листья), объясняется тем, что это наименование одного из основных органов растения, служащего для воздушного питания: *For he heard a sound which was far more important than birds or the rustle of new leaves*. Появление других фитонимов, обозначающих части растений, чаще всего обусловлено сюжетом произведения: *Bay leaves, nasturtium petals. Dry betel nuts, lavender and crab-apple seed, said Mrs. Brown and stopped*.

Таким образом, фитонимическая лексика занимает особое место в художественном языке Рэя Брэдбери. Это свидетельствует о самобытности творческой манеры писателя, о богатстве его образного художественного мышления и о лексическом разнообразии языка произведений. Анализ лексики, номинирующей растения и растительные организмы, свидетельствует о том, что в идиллическом писателя наиболее употребительны наименования деревьев и их плодов. Благодаря широкому использованию фитонимической лексики «Вино из одуванчиков» приоткрывает нам мир гармонии между природой и человеком.

Список литературы

1. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. - 367с.
2. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978. - 199 с

3. Мирзаханова Д.Б. Фитонимическая лексика азербайджанского языка (в сравнении с другими тюркскими языками): дис. канд. филол. наук. Махачкала, 2007. - 146 с.
4. Виноградов В.В. О языке художественной литературы. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1959. - 653 с.
5. Александрова В.Д. Классификация растительности (обзор принципов классификации и классификационных систем в разных геоботанических школах). Ленинград: Наука, 1969. - 276 с.

ФУНКЦИИ ПРАГМАТОНИМОВ, СОДЕРЖАЩИХ ЦАРЬ-ПРОИЗВОДНЫЕ ЕДИНИЦЫ

Гоннова Наталья Викторовна

старший преподаватель, Самарский областной институт повышения квалификации и переподготовки работников образования, г. Самара

THE PRAGMATONIMA FUNCTIONS WITH TSAR-DERIVATIVES

Gonnova Natalya Viktorovna, Senior teacher, Samara Regional Institute of Professional Development and Educators Retraining, Samara

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются основные функции прагматонимов, содержащих царь-производные единицы: номинативная, информативная, коммуникативная, рекламная, аттрактивная, суггестивная, эстетическая.

ANNOTATION

In the article the main functions of the pragmatonima with the tsar-derivatives are revealed: nominative, informative, communicative, advertizing, attractive, suggestive, esthetic.

Ключевые слова: прагматонимы; словесные торговые знаки; бренд; функции прагматонимов; царь-производные единицы.

Keywords: pragmatonima; verbal trademarks; brand; pragmatonima functions; tsar-derivatives.

В настоящее время ономастика исследует различные, новые проблемы, такие как вопрос прецедентных имен собственных [4], онимных композитов [2], литературных онимов [1].

Особое место в ономастической подсистеме русского языка занимают прагматонимы – словесные товарные знаки, имена собственные для обозначения марки товара или вида предлагаемых услуг; искусственно сделанные слова, которые «индивидуализируют и даже субстантивируют нечто особое, необычное – право владения определенной партией товара, магазином, бюро, учреждением, предприятием или право оказывать определенные, строго регламентированные услуги и извлекать из этого прибыль <...> составляют отдельный сектор собственных имен, тесно связанный с практической деятельностью человека» [9, с. 55]. В современном русском дискурсе прагматонимы выполняют ряд особо значимых функций, среди которых следует назвать номинативную, информативную, коммуникативную, рекламную, аттрактивную, суггестивную, эстетическую. Все они тесно связаны между собой и реализуются в комплексе.

Предмет нашего исследования - функции прагматонимов. Цель статьи – охарактеризовать функции прагматонимов, содержащих царь-производные единицы. Методом сплошной выборки из специальных изданий производителей, рекламных объявлений, прайс-листов, Интернет-сайтов мы выявили свыше 60 прагматонимов с царь-производными.

В постсоветский период начали появляться новые слова, новые типы наименований - прагматонимы, содержащие компонент царь- (например, «Царь-Мебель», «Царь-Окна», «Царь-продукт», «Царь-дерево» и другие). Подобные наименования ориентируют потребителя на

русский национальный стиль, образы отечественной истории и культуры.

Как известно, прагматонимы создаются для прямой номинации торговой марки, сети магазинов, компаний, предприятий сферы услуг, того или иного товара/услуги. В этом случае проявляется их важнейшая функция – номинативная.

Предпринятый нами в интересах исследования лингвистический анализ прагматонимов, содержащих царь-производные, позволил выделить 3 группы: 1) названия торговой марки, торговых и производственных предприятий, куда относятся названия магазинов, сети магазинов, торговых домов, комплексов, компаний, холдингов; 2) названия предприятий сферы услуг; 3) названия продуктов питания и алкогольных напитков. Проиллюстрируем сказанное.

1) Названия торговой марки, торговых и производственных предприятий:

«Царь-Дверь» - ООО, изготавливающее эксклюзивные двери в г. Москве и Московской области; «Царь-дерево» - компания в г. Воронеже, предлагающая мебель из массива сосны в старорусском стиле и мебель из массива ольхи во французском стиле; «Царь Дом» - компания, осуществляющая услуги по строительству домов и бань из надёжного профилированного бруса; «Царь-Урал» - торговый дом в г. Екатеринбурге, продающий снаряжение для дайвинга, подводной охоты и водного отдыха;

«Царь-сумка» - салон в г. Чите, реализующий качественные, красивые, удобные сумки, созданные из разных материалов по последним тенденциям моды; «Царь-продукт» - торговая марка, сеть магазинов во многих городах России; «Царь-мясо» - Брянский мясоперерабатывающий комбинат, созданный в 2001 г., холдинг; «Царь-Рыба» - магазин продуктов в г. Красноярске и Интернет-

магазин рыболовных принадлежностей; «Царь-Печи» - производственное предприятие, торговая марка; «Царь-Книга» - гипермаркет в г. Екатеринбурге, торгующий канцтоварами, открытками, книгами; «Царь-Мебель» - фабрика мягкой мебели в г. Брянске; «Царь-Окна» - компания, специализирующаяся на изготовлении окон из древесины в г. Москве, Твери, Воронеже, Белгороде.

Наши исследования показывают, что именно эта группа отличается наибольшей частотностью.

2) Названия предприятий сферы услуг:

«Царь-двор» - оздоровительно-гостиничный комплекс в Калужской области; «Царь-Конь» - конный эко-клуб любителей лошадей и отдыха на природе в Костромской области; «Царь-кафе» - караоке-бар в Царицыно; «Царь-блин» - сеть кафе быстрого питания в г. Тюмени, г. Архангельске и Архангельской области; «Царь-Пышка» - кафе в г. Санкт-Петербурге; «Царь пицца» - пиццерия в г. Санкт-Петербурге, Уфе, Саратове, Сургуте;

«Царь-Доставка» - фирма в г. Люберцы; «Царь-баня» - сауны во многих российских городах.

3. Названия продуктов питания и алкогольных напитков:

«Царь-пицца» - такая пицца готовится по обычному рецепту, но ингредиентов нужно брать в 5-10 раз больше; «Царь хлеб» - сорт хлеба, выпускаемый под торговой маркой «Царь Хлеб»; «Царь-водка» - самая дорогая русская водка, эксклюзивный дизайн, уникальный слав новейших технологий и многовековых традиций российских винокуров; «Царь-пирог» - такое название есть у курника, поскольку выпекают его в виде шапки Мономаха - символа царской власти, достигает больших размеров, в нём несколько слоёв с разными начинками; «Царь-пасха» - рекордное по размерам кулинарное изделие, 500 кг, приготовили в Ростове-на-Дону для жителей Крыма к главному православному празднику в знак единения полуострова с Россией (изготавливают с 2010 года для соборов и храмов Ростова и области).

Перечисленные выше прагматонимы мотивированы лексемой царь, содержат гиперсемы 'лучший', 'выдающийся среди подобных', 'главный'. При этом, как видим, в названиях ряда продуктов питания с царь-производными актуализируются ещё и такие семы, как 'большой, больших размеров' (царь-пицца, царь-пасха, царь-пирог); 'похожий на корону - символ царской власти' (царь-пирог).

Наряду с номинативной функцией прагматонимов, реализуется и информативная. Так, по мнению М.Е. Новичихиной, главной функцией коммерческого наименования является именно информативная. Автор указывает, что «в сознании носителя языка то или иное название прочно увязывается с конкретным видом товара, услуги и т.п. Скажем, в магазине с названием «Монолит» ожидают увидеть стройматериалы, в магазине «Вояж» - товары в дорогу, в магазине «Зеленые глаза» - косметическую продукцию. Таким образом, коммерческое название формирует некоторое представление об объекте, дает характеристику предлагаемому товару или услуге, т.е. выходит за рамки единственно называния. <...> Коммерческое название служит не только целям идентификации объекта, оно формирует конкретный образ в сознании индивида» [7, с. 7-8]. Действительно, прагматонимы с компонентом царь-характеризуют предлагаемый товар/услугу, продукты питания: «Царь-Книга» - книги, «Царь-сумка» - сумки для

женщин и мужчин, «Царь-платок» - шейные изделия, «Царь-баня» - бани, сауны, «Царь-хлеб» - сорт хлеба.

Ещё одна важная функция прагматонимов, коммуникативная, проявляется, как отмечает в своих исследованиях В.Н. Домнин, в реализации основного назначения имени бренда: оно замещает представление о бренде и товар (услугу) во всех связанных с конкретной маркой видах коммуникации. Потребители чаще всего взаимодействуют с именем бренда, оно выступает самым активным коммуникатором, особенно для тех категорий товаров, которые покупаются реже одного раза в месяц [3]. Другими словами, прагматонимы, включая те, что содержат царь-производные, приписывают торговой марке, товару, услуге свойства и качества, которые номинаторы заложили в их названия. С точки зрения Т.П. Романовой, национальные российские марки обладают прозрачной внутренней формой, способной донести содержащееся в них коммерческое послание и обеспечивают коммуникативный контакт с самой широкой целевой аудиторией [8].

Реализуя рекламную функцию, прагматоним выступает как языковой репрезентатор основного элемента рекламного сообщения - товара или услуги [10, с. 10]. Как утверждает А.Г. Фомин, имя бренда является основным компонентом информационной структуры рекламного текста: существенным образом влияет на выбор лексики для текстов рекламного обращения, выступает в них в качестве ядерного компонента лексико-семантического макрополя. Заложенные в основу имени бренда мотивы определяют особенности лексико-семантической организации рекламного сообщения, а также обуславливают выбор его «ключевых» слов [10, с. 10-11]. Рекламные тексты и включённые в них прагматонимы, содержащие царь-производные единицы, способствуют созданию положительного имиджа компании, предприятия сферы услуг. Для демонстрации сказанного обратимся к примерам.

Компания «Царь-дерево» предлагает весьма разнообразный модельный ряд изделий: «В нашем ассортименте представлена мебель для гостиных комнат, кухонь, столовых, спален, кабинетов, санузлов, бань и т.д. Дополнительно к основному ассортименту мы предлагаем всем нашим клиентам изготовление мебели по индивидуальным размерам и эскизам, буквально следуя одному из наших девизов: «Ваша идея — наше воплощение». Благодаря нашим возможностям, каждый клиент сможет выбрать для себя мебель по вкусу и бюджету. А наши консультанты помогут Вам в этом!»

Изделия торгового комплекса «Царь-платок» представлены как поражающие воображение: «В шарфе от Царь-платка Челябинск вы не останетесь незамеченной и будете обладать на 100% эксклюзивной вещью».

«Царь-баня» уже своим названием даёт понять, что здесь всё на высшем уровне! В «Царь-бане» вы и здоровье поправите, и отдохнёте с комфортом! Чистота, благоприятная атмосфера и отличное настроение здесь вам гарантированы!» На наш взгляд, нет сомнения в том, что созданный рекламный образ (прагматоним и рекламный текст) вызывает доверие у потребителя товара/услуги.

Прагматонимы оказывают рекламное воздействие на адресата, реализуя свой денотативный (как маркеры свойств товара), семантический (как слово с внутренней формой), фонетический (как звуковой комплекс) и стилистический (как образное средство) потенциал [5, с. 4]. Ска-

занное верно и в отношении прагматонимов с царь-производными единицами. В свою очередь, графический образ прагматонима (в нашем случае - это корона как символ царской власти) призван привлекать внимание клиента, выполнять аттрактивную функцию и функцию воздействия на потенциального потребителя – суггестивную.

Так, корона нарисована над словом царь в названии компании «ЦарьДом; над первой буквой в слове царь названия салона «Царь-сумка» в г. Чите; корона надета на дерево, которое изображено между словами царь и дерево в названии компании «Царь-дерево» в г. Воронеже; изображение короны помещено в прагматониме «Царь-Окна» между словами названия компании; корона - над словом царь в названии пиццерии «Царь пицца», салона мягкой мебели «Царь-Мебель» и других. В ряде случаев для создания особого графического образа прагматонимов, содержащих царь-производные, применяется шрифт с элементами славянской вязи. Например, им написаны названия компании «Царь Дом», салона «Царь-сумки», ООО «Царь-Дверь».

Формированию рекламного образа, как справедливо утверждает Н.Н. Кохтев, способствуют «зрительные, цветовые, объемные, пространственные, звуковые, вкусовые и другие представления, связанные в первую очередь с активизацией сенсорных механизмов памяти» [6, с. 45].

Прагматонимы своим графическим и / или звуковым обликом способны доставить потенциальному клиенту, потребителю эстетическое удовольствие; так реализуется их эстетическая функция.

Обобщая вышесказанное, отметим: уже прочно вошедшие в речевую практику наших современников прагматонимы, содержащие царь-производные единицы, реализуют не только номинативную и информативную функции как особо значимые, но и коммуникативную, рекламную, аттрактивную, суггестивную, эстетическую. Прагматонимы и сопутствующие им рекламные тексты способны достигать прогнозируемого прагматического результата.

Список литературы

1. Васильева О. А. Ономастическая лексика как предмет изучения исследователей-лингвистов // Балтийский гуманитарный журнал. – 2015. - № 1 (10). – С. 23–26.

2. Гурова И. В. Особенности гейт-образований XXI века // Межкультурная интракультурная коммуникация: теория и практика обучения и перевода: материалы III Международной научно-практической конференции (г. Уфа, 17-18 декабря 2014 г.). - Т.1. – Уфа, 2014. - С. 137–142.
3. Домнин В. Н. Брендинг: новые технологии в России. – СПб., 2002. – 352с.
4. Иванян Е. П. Естественный и гуманитарный подходы в лингвистическом анализе художественного текста // Художественное сознание: консолидация естественнонаучного и гуманитарного подходов: Материалы всерос. научн. конф. с междунар. участием, посв. 200-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова. – Самара: ПГСГА, 2014. – С. 56-64.
5. Кирпичева О. В. Ономастикон рекламного текста: Автореф. дис.... канд. филол. наук. – Волгоград, 2007. – 21 с.
6. Кохтев Н. Н. Реклама: искусство слова. Рекомендации для составителей рекламных текстов. – М., 1997. – 96 с.
7. Новичихина М. Е. Теоретические проблемы исследования эффективности коммерческой номинации: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Воронеж, 2004. – 36 с.
8. Романова Т. П. Особенности национального нейминга в России // Язык – текст – дискурс: Проблемы интерпретации высказывания в разных коммуникативных сферах: Мат–лы междунар. науч. конф. – Самара, 2011. – С. 104-109.
9. Суперанская А. В. Товарные знаки и знаки обслуживания // В пространстве филологии. – Юго-Восток–Донецк, 2002. – С. 55–71.
10. Фомин А. Г. Прагмалингвистические условия порождения рекламного текста (на материале англоязычной рекламы): Автореф. дис.... канд. филол. наук. - Барнаул, 1999. – 20 с.

РИТОРИКА СОВЕТСКОЙ ПОЭЗИИ НА ПРИМЕРЕ СТИХОТВОРЕНИЯ «СОЛОВЬИ» М.А. ДУДИНА

Громатикополо Д.С.,

аспирант, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,

RHETORIC OF SOVET POETRY BY THE EXAMPLE OF POEM "NIGHTINGALES" BY M.A. DUDIN.

D.S. Gromatikopolo, postgraduate, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia

Статья посвящена вопросу о риторической природе советской лирической поэзии на примере стихотворения М.А. Дудина «Соловьи». Автор обосновывает связь советской лирики с риторикой. Текст стихотворения демонстрирует, как риторическими средствами может быть поставлена и решена поэтическая задача. Дудинские «Соловьи» – открыто пограничное явление между «поэтическим» как внутренним индивидуально-авторским и «риторическим» как внешне-стилевым.

Ключевые слова: риторика, этос, пафос, аргумент, пограничность, референция.

This article considers the issue about rhetoric nature of soviet lyrics in poetry by the example of poem "Nightingales" by M.A. Dudin. The author substantiates the link between soviet lyrics and rhetoric. The poem's text demonstrates how rhetoric

means can be put and solved the poetic task. "Nightingales" is a border occurrence between "poetic" as internal individuality-author and "rhetoric" as external-style.

Key words: rhetoric, ethos, pathos, argument, frontier, reference.

Дудинские «Соловьи» принадлежат к числу стихотворений, «вошедших во все антологии поэзии фронтального поколения». Трагический контраст природы и человека, несовместимость естественного состояния мира с катастрофизмом войны выливаются в нем в торжество человеческого духа во имя жизни и будущей гармонии. Этот «высокий этос» стихотворения ощутимо выделяет его из, казалось бы, родственного ряда текстов фронтовиков, воспроизводящих «грубую реальность» происходящего: «Для Дудина знаменитое гудзенковское «И выковыривал ножом из-под ногтей я кровь чужую» могло стать лишь первой инстанцией в познании правды войны». И этот же фактор в совокупности с публицистическим пафосом, развернутой композицией и строем поэтической речи явно указывает на особое свойство советской поэзии как таковой – соотнесённость с риторической традицией.

Данное свойство недостаточно исследовано уже в силу того, что сама риторика относится к числу древних дисциплин, чья историческая судьба чрезвычайно богата, сложна, изобилует поворотами, периодами забвения, переосмыслением. Распространённое представление, что риторика, развивавшаяся прежде всего как теория прозы (политической, судебной, торжественной и пр.), изначально была противопоставлена поэтике (как теории поэзии), является упрощением реальной сложности их взаимоотношений. Как указывает М.Л. Гаспаров, в борьбе и взаимодействии боговдохновенного авторства (поэзия) и рационально постижимого, выучиваемого стиля (риторика) «поэтика строилась как наука описательная, как пособие для понимания; риторика – как наука нормативная, как пособие для сочинения. Разумеется, чистота этого разделения не могла быть строго выдержана...». В результате к эпохе средневековья поэзия и проза меняются критериями литературности: «Поэзией становятся учебные стихи, которые сочиняются питомцами монастырских школ для совершенствования в чужом латинском языке: критерий литературности – стиль, жестко и пространно кодифицированный учебниками».

Объяснение самой возможности такого взаимодействия вплоть до обмена ключевыми свойствами следует уже из названия известной статьи С. Аверинцева «Риторика как подход к обобщению действительности». Художественная литература вовсе не противостоит отвлечённым схемам, «общим местам» – да, она их преобразует, облекает в плоть, но в то же время и использует: «Общее место – инструмент абстрагирования, средство упорядочить, систематизировать пестроту явлений действительности, сделать эту пестроту легко обзоримой для рассудка». Однако какое же отношение имеет «риторический рационализм», с его страстью к рубрикации, классификации, нормативности, – к советской литературе и советской поэзии в частности?

Художественная литература в России уже в 19 веке «взяла на себя и некоторые гомилетические функции: развлекая, она и проповедовала, и учила, и философствовала, и пропагандировала. Это повышало ее риторическую нагруженность...». В советскую эпоху риторика литературы не исчезает, но формируется заново на идеолого-

пропагандистском фундаменте. Особенно важен следующий факт: как показал В.В. Виноградов, образ автора зависит от образа ратора, ассимилирует риторическое, подчиняя его поэтическому – но, согласно А.П. Романенко, эта связь позволяет и увидеть, что в литературе социалистического реализма соотношение между образом автора и образом ратора изменилось на обратное. Задача советской культуры – вновь, как в средневековье, предложить человеку ценности, абсолютно истинные для всех, поэтому «советская литература – это литература, творцом и героем которой являлась не индивидуальность, а “человек риторический”».

За два последних десятилетия в науке сформировалось устойчивое представление об особой не только идеологической, но и лингвориторической модели советской литературы, рассчитанной на массового читателя, нагруженной пропагандистским и риторическим (прежде всего воспитательным) заданием, нормированной по образцам (произведения, канонизированные властью). Не углубляясь в эту огромную тему, приведем характерную цитату: «Тексты литературы социалистического реализма <...> представляют собой более риторический, чем эстетический, феномен. Это позволяет анализировать данные тексты с точки зрения и поэтики, и риторики. Языку и стилю словесности социалистического реализма в качестве доминанты присуща клишированность, выявленная на всех уровнях анализа: содержательном, композиционном, языковом и собственно стилистическом (уровень «слога»)». Лирическая же поэзия, даже если она прямо не воплощает идеологическое задание, связана с господствующей риторической системой внутренне: поэтическое произведение является одновременно и предметом риторики не только в плане «риторических фигур», но и как знания о путях воздействия на читателя (о связи образа автора с образом ратора говорилось выше).

Отдельно хотелось бы обозначить следующую особенность. Как обобщает А.А. Ворожбитова, для языковой ситуации советского времени характерна идеологическая диглоссия («тоталитарный билингвизм»): «советская языковая личность свободно переходит с ‘советского’ языка на ‘человеческий’ язык в зависимости от ситуации общения (официальная / неофициальная)». При этом членение референта и инвентивно-диспозитивный каркас текста настолько различны, что дают разную лингвориторическую картину мира. Ущербность «советского» языка очевидна в первую очередь с этосной стороны – это «дефицит референта», «невозможность официально вербализовать свой опыт восприятия действительности во всей полноте»; такая «минус-референция», побуждающая языковую личность рисовать искаженную картину действительности, дискредитирует весь риторический механизм, ибо лежит в его основе (именно в таком случае текст, несмотря на весь риторический блеск, интуитивно или осознанно может восприниматься как «пустой», «лживый», «демагогический», «риторический» в негативно-оценочном смысле, так как риторическая сторона превалирует над содержанием, маскирует его банальность или другие негативные свойства). Однако, по нашему убеждению,

именно в лирической поэзии, изначально открытой «вечным» (онтологическим) темам жизни, смерти, любви, страдания, одиночества и т.п., существует принципиальная возможность преодоления (по крайней мере, частичного) этого «дефицита референции». Конечно, это внутренне конфликтная ситуация, у подавляющего большинства советских поэтов до открытого конфликта не доходящая, но тем интересней исследовать конкретику.

Исходя из последнего соображения (установить внутреннюю, а не внешнюю связь), мы выбрали для анализа не открыто идеологизированный текст, а из лирики «вечных тем», к тому же известность, «качественность» стихотворения не позволяют оценивать его риторическую природу негативно. По нашему мнению, дудинские «Соловьи» – открыто пограничное явление между «поэтическим» как внутренним индивидуально-авторским и «риторическим» как внешне-стилевым.

Пограничность эта укоренена ещё в дотекстовой ситуации художественного замысла. Изначально это своеобразный «социальный заказ» и даже просьба на уровне приказа (автор – военный журналист): к первой годовщине войны батальонный комиссар, редактор армейской газеты «Знамя победы», попросил Дудина написать к дате стихи, причем «разрешил» лирику. «Я повернулся на каблуках и вышел из редакции. День был ясный. Все цвело и зеленело. По вечерам и на утренних зорях вовсю заливались соловьи. И мне казалось, что соловьиные перекаты заглушали глухой рокот артиллерийских дуэлей.

Накануне погиб мой дружок по взводу разведки Витя Чухнин. Накануне я получил письмо от своего ивановского друга поэта Володи Жукова. Грустное письмо. Володя сообщал мне, что наш общий товарищ и земляк, тоже поэт, Коля Майоров погиб под Москвой. И мне захотелось написать о них.

Я забрался в заросли орешника. Расстелил на зеленой траве шинель. Лег на живот. И вывел в своей тетради первую строчку:

«О мертвых мы поговорим потом...»

Заказ – как его понимает поэт и «разрешает» батальонный комиссар – абсолютно совпадает с пережитым и задуманным, более того – с общей трагедией и «пограничностью» жизни и смерти в войне, судьбой поколения и конкретно – ивановцев. В. Сердюк указывает на реминисценции из стихотворений погибших ивановских поэтов Н. Майорова и А. Лебедева, на признание самого Дудина в особом характере этой поэтической преемственности: «Я видел смерть, заглядывал в ее бездны. Я потерял очень много друзей, и все их недюжинные жизни, невоплощенные думы лежат на моих плечах, на моей душе и требуют от меня, живого, ответственности за ту самую жизнь, ради которой они шли в бой и расплачивались за нее своими жизнями».

Такое – в общем-то неувидительное на войне – совпадение личного и «заказного» (война делает возможной цельность лирического переживания и слитность его с «народным» и «государственным», т.е. объединяет их, актуализирует «хоровое» начало лирики перед лицом общего врага, страданий и гибели, которые он несет), однако, вовсе не облегчило судьбу стихотворения. Были после публикации и разбирательство с начальником политотдела армии («Зачем вам понадобилось славить смерть на войне?»), и «исправление» или снятие концовки текста... Счастливым совпадением «правды жизни», личности и

«заказа» означало в риторическом плане уход от идеологического «новояза» к Этому истинной риторики, «требующей от языковой личности этически ответственной мыслеречевой деятельности на основе соблюдения прагматической конвенции – “единства слов, убеждений и дел” (Н.Д. Арутюнова)», к доминантности не идеологической, а «реалистической» референции.

Обрамление текста («о мертвых мы поговорим потом») содержит в себе, кроме четко эксплицированного в конце пафоса (смысл его – «я славлю смерть во имя нашей жизни»), явную ораторскую (риторскую) установку и отсылку к общим для универсальной аудитории и риторы базовым ценностям, позволяющим без комментариев употреблять «мы». Можно сказать, что это «мы» «риторического человека», однако у него есть особый статус, связанный не столько с растворением индивидуального опыта в коллективном, сколько с непротиворечивым разделением общей судьбы поколения и народа. Но что выделяет стихотворение из бесконечного ряда риторически клишированных текстов с предельно упрощенной «картой реальности» (мы, советские люди, коммунисты – они, нелюди и палачи), так это сама базовая коллизия (жизнь и смерть на войне, умирающий боец и торжество природы) и ее развертывание в модуле реалистической референции и связанных с предельным драматизмом ситуации «вечных вопросов». То есть сам предмет речи, *inventio* риторики, оказывается не столько рационально исчислимым и подлежащим аргументированию и итоговому формулированию (хотя и это налицо), сколько традиционно-поэтическим и в этом качестве бесконечным, чья иррациональность, даже абсурдность не может быть окончательно «снята» риторическими формулами. Таким образом, можно сказать, что уже событийно-персональный слой реальности подвергается альтернативному, по сравнению с официально-публичным, членению и, при всей внешней простоте коллизии, ведет не к риторической пустоте, а к философской глубине.

Тем не менее риторичность данного текста проще всего увидеть уже в его объеме (98 строк) – при том, что уже десятистишная (для лирики это немало) интродукция содержит не только риторическое вступление в узком смысле слова («речь о речи» – 1-я строка), риторические предложение и разделение, ориентирующие аудиторию в ситуации и характере предстоящей аргументации, но и своеобразную «фигуру отказа!» Ведь говорится, что «сердца сгорели», «остался только пепел», «ни слова // не говорим» (да еще с анжамбманом, т.е. в сильной, выделенной позиции!). «Грубая простота» мира (где смерть «обычна и сурова» – пропозиция текста) как бы исключает дальнейшую речь – но это именно «как бы», развернутый ораторский прием «от противного», художественно убедительный риторический ход: читатель ждет, что «обычность» будет опровергнута. Можно сказать, что правильно (однозначно) оформленная риторическая пропозиция содержит потенциал неоднозначного развертывания, что является уже признаком художественности.

Эта же пропозиция задает и иную, нежели в официальной героике, пространственно-временную структуру реальности: перед нами как бы остановленный миг, но остановлен он не для совершения подвига или осуществления торжественного государственно-патриотического пафоса, но для «обычной», негероической, смерти на

фоне ликующей жизни. Масштаб картины этого ликования таков, что никакая смерть не может его нарушить – однако смерть (не сам боец!) так укрупнена, подана в такой реалистической и психологической детализации, в такой невозможной для официального языка достоверности, что и торжество жизни не может ее заслонить:

Он умирал. И, понимая это,
Смотрел на нас и молча ждал конца,
И как-то улыбался неумело.
Загар сначала отошел с лица,
Потом оно, темнея, каменело.
Ну, стой и жди. Застынь. Оцепеней.
Запри все чувства сразу на защелку.

Перед нами не фотографическая, а психологическая точность, мастерски установленное соотношение «фигуры» и «фона», при котором «фигура» не теряется, а нагнетаемые с помощью множества «элокутивных» средств детализация и расширение «фона» с новой и новой силой высвечивает вечную и неисчерпаемую антиномию. Этот тот самый случай, когда риторическое нагнетание (риторическое не только по форме, ведь сирень и ландыши не цветут одновременно) помогает осветить все выси и глубины не формальной антитезы, но онтологического конфликта – от неожиданно защелкавшего где-то рядом с умирающим соловья через цветущую на минном поле землянику (деталь), через количественное расширение («Ему в ответ // Еще – второй, еще – четвертый, пятый. // Звенят стрижи. Малиновки поют») и градацию к настолько экспрессивной и масштабной картине, что она, словно на качелях, на миг заставляет как бы «забыть» позицию (экспозицию в другом виде членения):

Весь этот лес листом и корнем каждым,
Ни капли не сочувствуя беде,
С невероятной, яростной жаждой
Тянулся к солнцу, к жизни и к воде.

Да, это жизнь. Ее живые звенья,
Ее крутой, бурлящий водоем.
Мы, кажется, забыли на мгновенье
О друге умирающем своем.

Диспозиция аргументов, как видим, здесь подчиняется главной художественной задаче, а не рациональным формулам (не сводится к «правильному» рассуждению, не лаконична – напротив), но в то же время риторически

виртуозна. Составляющие аргументов можно представить в виде общих топов (жизнь – смерть, сила жизни – нелепость смерти и т.п.), однако преобладание эпидейктической аргументации (перенос акцента с сюжетики на неизменные законы жизни, независимые от ситуации – отсюда и развитие поэтической мысли идет не логическим или квазилогическим путем) акцентирует не движение от тезиса через доказательства к выводу, а – через риторические «качели» – своего рода круговорот мысли и чувства с постоянным прирастанием не риторического, а поэтического смысла. Чрезвычайно важна здесь кольцевая композиция, наглядно демонстрирующая, что «тавтологизм» первой и последней строки – чисто внешний. В начале текста мотивировка отказа говорить о мертвых – «обычность и суровость» смерти на войне. В конце – выстрадавшая, оплаченная смертью товарища и готовностью отдать свою жизнь, жизнь защитника этой ликующей красоты, высокая и бесповоротная поэтическая истина:

Пусть даже так. Потом родятся дети
Для подвигов, для песен, для любви.
Пусть их разбудят рано на рассвете
Томительные наши соловьи.

Пусть им навстречу солнце зноем брызнет
И облака потянутся гуртом.
Я славлю смерть во имя нашей жизни.
О мертвых мы поговорим потом.

Таким образом, приверженность риторике сама по себе не означает поэтических провалов, хотя и усложняет ситуацию поэта. В этом отношении «Соловьи» противопоставлены большей части дудинских стихотворений: уже в первые послевоенные годы заметно, как начинает «ритуализовываться» его лирика, распадаться на отдельные составляющие то «преображение риторики», которое свойственно лучшим стихам, и «Соловьям» в первую очередь. Однако данное стихотворение навсегда останется замечательным свидетельством внутреннего преодоления поэтом общих изъянов «номенклатурной» советской поэзии – канонизированной традиционности, заданности риторической «инвенции» и «диспозиции» (когда по началу текста уже примерно ясно дальнейшее), строгой ограниченности смысла риторическими формулами, безликости «новояза».

АССИМИЛИРОВАННЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ ЕДИНИЦЫ, ИЛИ СОБСТВЕННО ЗАИМСТВОВАНИЯ

Гуторова Наталья Сергеевна

аспирантка 4-го курса 10.02.19 – теория языка, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

ASSIMILATED LINGUISTIC UNITS, OR PROPERLY BORROWINGS

Gutorova Natalia Sergeevna, 4th course postgraduate student 10.02.19 - linguistic theory, Southern federal university Rostov-on-Don

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается решение вопроса ассимиляции иноязычных единиц. Ведется рассуждение о пользе/вреде иностранных слов без адаптации для русского языка. Обозначаются тенденции «поведения» заимствований на примере их нахождения в определенном пласте лексики.

ABSTRACT

The article discusses the decision of the question of foreign units assimilation. It is discoursed about the benefit/harm of foreign words without adaptation for the Russian language. The tendencies of borrowings "behavior" are marked by the example of their presence in a certain layer of lexis.

Ключевые слова: ассимиляция, заимствование, иноязычие, англицизмы, сленг.

Keywords: assimilation, borrowing, foreign word, Anglicism, slang.

Традиционно заимствования классифицировались в зависимости от степени освоенности (ассимиляции), а категории заимствований приписывали полевою структуру, в основе которой – принцип интеграции (ассимиляции). Первейшим признаком интеграции справедливо считается графическая адаптация и устранение орфографической вариантности типа бизнесвумен – бизнес-вумен, баннер – банер, плейер – плеер. Однако в современных условиях толерантности к вариантам само их наличие еще не свидетельствует о чуждости иноязычия языку-рецептору.

Признаками ассимиляции служат семантические изменения в языке-рецепторе. Так, лексема хакер заимствована в русский язык лишь для номинации того, кто с помощью своего компьютера проникает в информационные сети, тогда как в английском языке оно имеет 8 значений. Очевидны семантические изменения на русской почве слова киллер, которое стало использоваться и в метафорике: политический киллер. Слово имидж, которое прежде полагали аналогом образа, сегодня имеет настолько специфическую прагматику и синтагматику (образ божий, но имидж политика), что вряд ли кто-то в наши дни выскажется столь же резко отрицательно.

Наиболее жизнеспособны те из заимствований, которые соответствуют тенденции к языковой экономии. Если одно слово аутсорсинг заменяет целую фразу (выполнение всех или части функций по управлению организацией сторонними специалистами), то оно вполне жизнеспособно. Это относится не только к терминам типа франчайзинг, но и к обыденным словам типа рейтинг, грин-кард, и даже супермаркет. Наиболее оправданны заимствования, которые заполняют прагматические лакуны, например, слово бой-френд.

Дело в том, что, как неоднократно отмечалось, в русской лексической системе чрезвычайно слабо разработана интимная сфера: есть либо медицинские термины, либо слова, которые находятся за пределами литературного языка. Поэтому обобщенные наименования бой-френд, герл-френд оказались необходимы как прагматически нейтральные (у них отсутствует как пейоративная, так и мелиоративная окраска, они не маркированы просторечностью или сленговым употреблением).

В исследованиях лексико-семантической адаптации отмечаются следующие характерные моменты: семантическое развитие иноязычного слова, словообразовательная активность заимствований в системе языка-рецептора и включенность в грамматические категории. До недавнего времени остродискуссионным был вопрос о несклоняемости как признаке неассимилированности заимствования. Действительно, не первый взгляд кажется бесспорным, что иноязычное слово в языке, имеющим развитую деклинальную систему, должно присоединиться к одной из парадигм склонения. Даже частотные и

хорошо семантически освоенные несклоняемые единицы типа кино, метро, пальто назывались «недоосвоенными» на морфологическом уровне. Но такая постановка вопроса как будто предполагает, что со временем эта «недоосвоенность» будет преодолена и слово начнет склоняться. Однако многим из несклоняемых имен уже более двухсот лет, и за это время никакого движения в сторону склоняемости не наблюдается (пóльт, пóльты и под. относятся к намеренным девиациям, служащим целям языковой игры; они осознаются как таковые именно потому, что в русском языковом сознании эти слова нормативно несклоняемые).

Как известно, устойчивость группы неизменяемых заимствований побудила авторов грамматик (в том числе и академических) выделить особый тип склонения – нулевое склонение и признать, что имеет место омонимия падежных форм: формально один звуковой комплекс передает все падежные и числовые значения.

Более того, иноязычные по происхождению несклоняемые имена стали основой новой части речи, которая растет количественно, и вообще неизменяемость усиливает свои позиции. Так, Д.В. Бондаревский пишет: «Анализ СМИ убедительно свидетельствует о проникновении огромного количества разнородных иноязычных вкраплений в современный русский язык, постепенно размывающих его грамматическую систему» [2, с. 76]. Думаем, что вряд ли можно говорить о «размывании русской грамматики», если учесть, что она всегда имела смешанный – синтетико-аналитический – характер. Точнее говорить о все большей анализации русского языка, что происходит по многим причинам, в том числе и вследствие наплыва иноязычных элементов. Все сказанное, на наш взгляд, убеждает в том, что несклоняемость никак не может служить признаком неосвоенности (неассимилированности) заимствования.

При решении вопроса об ассимиляции иноязычий нередко учитывается такой формальный признак, как лексикографическая фиксация (который, впрочем, не может иметь решающей роли, поскольку адаптация заимствований в эпоху новых информационных технологий происходит настолько стремительно, что традиционная лексикографическая практика существенно отстает). Впрочем, даже отвечающие всем этим параметрам ассимилированности заимствования иногда вызывают осуждение. Заслуживает внимание точка зрения, согласно которой иностранные слова, даже технического свойства (термины) без адаптации к русской речи, без русификации или их прямой замены не приносят пользу русскому языку, а, напротив, способствуют утрате цельности и самобытности нашего языка: зачем понятное слово училище менять на непонятное, с неясным корнем колледж?

Интересно, что новейшие заимствования претендуют на роль ключевых слов эпохи. Так, слово гламур

было словом года в 2007 году, а также вошло в перечень «слов десятилетия» (наряду с другими англицизмами – блог(ер), креатив, гаджет, междометие «Вау».

Англо-американизмы – прекрасная иллюстрация того неоднократно декларировавшегося положения, что в современных лингвокультурных условиях единицы периферии (неологизмы) очень легко и быстро «завоевывают центр», то есть приобретают все свойства «ядерной» лексики. «Ядерная» лексика выделяется при полевом понимании структуры лексики, когда существенные для нужд общего и специального общения лексемы видятся «ядром», «центром», «актуальной лексикой». «Ядро» окружено периферийной зоной, в которую оттесняются от центра единицы, недавно вошедшие в лексическую систему (неологизмы). Естественно, что понятие «ядра» и «периферии», активного и пассивного запаса применительно к языку вовсе не идентично этому понятию применительно к конкретной языковой личности. В.Д. Черняк [6, с. 296] пишет, что «при общности тех процессов, которые характеризуют современную русскую речь, объем и характер лексикона являются индивидуально обусловленными и определяются многими параметрами личности (возраст, пол, образование, специальность, круг интересов, чтения, знание иностранных языков, место жительства и др.)».

Сказанное в полной мере актуально в отношении англо-американизмов: их использование, мера и характер применения напрямую зависят от перечисленных параметров языковой личности. Ср. наблюдения Л.П. Крысина о том, что с возрастом уменьшается терпимое отношение к заимствованиям: 1. чем старше носитель языка, тем менее вероятна его толерантность в этом отношении; 2. с повышением уровня образования речевая адаптация новых заимствований происходит легче; 3. представители гуманитарных профессий в целом более терпимы к иноязычной лексике, чем люди, профессионально не связанные с языком и культурой [4, с. 201].

Тем не менее, можно указать те группы англицизмов, которые бесспорно входят в состав «лексического ядра» русской лексики: это не только давно заимствованные термины спорта типа футбол, волейбол, кросс, но и многочисленные новые заимствования, которые стремительно приобрели все свойства «ядерной» лексики: гамбургер, дайджест, имидж, киллер, ноу-хау, плеер, принтер, промоутер и сотни других слов.

Ключевыми для характеристики современной эпохи закономерно выступают аббревиатуры иноязычного происхождения. Как пишет Э.А. Китанина [3, с. 281], слово хай-тек – «яркая иллюстрация почти мгновенного освоения неологизма, моментального расширения синтагматики, поразительно быстрого включения в семантическую парадигму»:

Ромео и Джульетта в стиле хай-тек. Кировский ТЮЗ, вероятно хотел поразить зрителей декорациями в стиле «хай-тек», но железная конструкция над сценой изрядно затрудняла восприятие шекспировской драмы «Ромео и Джульетта» [Российская газета, 24 октября 2003 г.];

Без того, что миллионы людей именуют кратенькой незамысловатой аббревиатурой «хайтек» («высокие технологии»), сегодня ни одной уважающей себе стране, ни

одному уважающему себя бизнесу не прожить. Если они, конечно, хотят процветать, а не влечить жалкое существование [Аргументы и факты, 2007, № 22].

Заимствованию подвергается и разного рода «коммуникативная мелочь»: союзы, частицы, предикативные наречия, особенно междометия, которые составляют наиболее специфичную и консервативную часть каждого национального языка и с трудом пропускают в свой круг «чужаков». Одно из редких исключений – алло, видоизменённое английское – hello (а) – в этом была определённая необходимость, так как оно пришло к нам вместе с самим новым видом связи – телефоном (ср. также: театральное бис, браво). Если таких причин у междометий нет, по-видимому, и шансов закрепиться тоже нет.

Англо-американизмы пополняют не только систему литературного языка, но являются источником современного русского сленга. По свидетельству Э.М. Береговской, основным источником пополнения молодежной лексики являются иноязычные заимствования [1, с. 32].

В Словаре англицизмов М.Ю. Семеновой из 2000 единиц 450 являются сленговыми словами, причём 84% из них существительные, от которых впоследствии образуются новые единицы: хайер – волосы, обхайриться – обстричь волосы, хайральня – парикмахерская, хайратник – шнурок для волос и т.д. [5]. М.Ю. Семенова приводит 105 сленговых фразеологических оборотов с англицизмами типа Бэтмен с мячом ‘памятник Ю. Гагарину в Москве’, быть в дауне, уйти в даун ‘быть, уйти в крайнее эмоциональное состояние (подавленности, отчаяния, изумления)’, даун-клуб ‘место, где много неинтересных и скучных людей’ и под.

Таким образом, англо-американизмы активно включаются и в создание «смеховой» субкультуры, поскольку главное назначение современных сленгизмов – это языковая игра.

Список литературы

1. Береговская Э.М. Молодежный сленг: формирование и функционирование // Вопросы языкознания. – 1996. – № 3. – С. 32 - 41.
2. Бондаревский Д.В. Аналитические тенденции как определяющий фактор языковой эволюции. – Ростов н/Д.: ИПО ПИ ЮФУ, 2010. – 272 с.
3. Китанина Э.А. Прагматика иноязычного слова в русском языке. Монография. – Ростов н/Д.: РГЭУ «РИНХ», 2005. – 415 с.
4. Крысин Л.П. Русское слово, свое и чужое: исследования по современному русскому языку и социолингвистике [Текст] / Л.П. Крысин. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 883 с.
5. Семенова М.Ю. Словарь англицизмов. The Dictionary of Anglicisms. – Ростов н/Д.: Папирус, 2003. – 277 с.
6. Черняк В.Д. Агнони́мы в лексиконе языковой личности как источник коммуникативных неудач // Русский язык сегодня. Вып. 2. Активные языковые процессы конца XX века. – М.: «Азбуковник», 2003. – С. 295-304.

ЦЕНТРОБЕЖНАЯ И ЦЕНТРОСТРЕМИТЕЛЬНАЯ НАПРАВЛЕННОСТИ В ВЫРАЖЕНИИ КАТЕГОРИЙ ПРЕДЕЛЬНОСТИ И ВИДА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Дорохина Мария Николаевна

Старший преподаватель, Московский государственный энергетический институт, г. Москва

CENTRIFUGAL AND CENTRIPETAL PRINCIPLES IN FORMING THE CATEGORIES OF TERMINUS AND ASPECT IN THE ENGLISH LANGUAGE.

Dorokhina Maria Nikolaevna, Senior teacher, Moscow Power Engineering Institute, Moscow

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается вопрос формирования ограничительных отношений глагольного действия на всех языковых уровнях: семантическом, лексическом, лексико-грамматическом и грамматическом. Особое внимание уделяется категориям вида и предельности. Автор проводит сопоставительный анализ данных двух категорий не только с точки зрения их эволюционного становления в морфологической системе английского языка, но и исследует, какие отношения центробежной или центростремительной направленности лежат в основе их формирования.

Ключевые слова: ограничительные отношения, категория вида, категория предельности, предельный характер, беспредельный характер, центробежность, центростремительность.

ABSTRACT

The article touches upon the problem of the limiting relations' forming at all language levels: semantic, lexical, lexico-grammatical and grammatical. Special attention is drawn to the categories of aspect and terminus. The author compares the two categories not only in the aspect of their evolutionary development in the morphological system of the English language but also examines on what principles of grammatical integration - centrifugal or centripetal these categories are based.

Key words: limiting relations, the category of aspect, the category of terminus, terminative character, non-terminative character, centripetency, centrifugality.

Вопрос выражения аспектных отношений занимает важное место в современном языкознании. Сложность данного вопроса связана с историческим процессом становления данной категории в английском языке, а также формой выражения аспектных отношений в английском языке и со значениями, лежащими в их основе.

Как определяет проф. И. Г. Кошечкина, существуют четыре уровня ограничительных отношений глагольного

действия: семантический, лексический, лексико-грамматический и грамматический. Каждый новый уровень представляет собой более сложную ступень выражения аспектных отношений, но обязательно основанную на ограничительных отношениях предыдущих уровней [1, с. 115-123]. Так, нижшим уровнем выражения аспектуальности является семантический уровень, а высшей абстрактной формой выражения – грамматический (см. схема 1).

Схема 1. Иерархия выражения аспектных отношений

Если на семантическом уровне определяется положительный или отрицательный видовой потенциал минимальных языковых структур, т.е. семантико-фонетических комплексов (СФК), в зависимости от предельного или беспредельного характера протекания глагольного действия (например: w(a)lk (СФК-)/ t(a)k(e) (СФК+)), то на лексическом уровне формируются лексические единицы, которые подразделяются по способу действия на глаголы положительного способа действия и отрицательного способа действия. Глаголы положительного способа действия лексически предельные, так как в их значении содержится указание на конечную точку развития действия или предел (take, catch), глаголы же отрицательного спо-

соба действия лексически неопредельные, так как действия, выражаемые глаголами данной группы, не имеют конечной точки протекания действия (walk, sleep) [1, с. 117].

На лексико-грамматическом уровне появляется формант, имеющий лексико-грамматический характер, который сообщает предельный характер любому глаголу независимо от того, какой предельностью он изначально обладал. Данным формантом являются послелого, так называемые адвербиальные элементы, произошедшие от древнеанглийских лексических полнозначных префиксов.

Лексические полнозначные префиксы и послелого обладают индивидуальным лексическим значением: выражение пространственного значения и указание на конечную точку развития действия, т.е. некий абстрактный

предел. Как подтверждает проведенный анализ, функционируя в контексте, данные адвербиальные элементы обозначают движение к определенному пределу, а результативность действия: достигнутость/ недостижимость предела определяется контекстом.

Лексико-грамматические Непредельные глаголы	Лексико-грамматические Предельные глаголы
Niman(take) →	Æt-niman (take away)
Cuman (come) →	Forþ-cuman (come forward)

Образованные лексико-грамматические пары выражают следующие оппозиционные значения: отсутствие направленности к пределу/ направленность к пределу [3, с. 84]. Рассмотрим, как реализуется значение направленности к пределу в контексте в разные периоды развития языка:

O.E. 25 *Sóþlice ðá ðá men slépon, ðá com his feonda sum, and ofer-seow hit mid eoccele on middan ðám hwæte, and férde ðanon.*

M.E. 25 *But, when men slepten, his enmye came, and sew aboute dernel in the midil of whete, and wente away.*

E.M.E. 25 *Butt, whyll men shlepte, ther cam his foo, and sowed tares amonge the wheate, and went his waye (Gospels of Mathew, chapter 13) [9].*

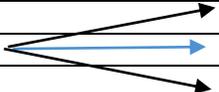
Когда же люди спали, пришел враг его и посеял между пшеницею плевы и ушел [5].

В приведенном выше предложении древнеанглийский глагол с полнозначным префиксам "ofer-seow" передает предельное действие «посеял» (sowed) и обозначает действие совершенное и результативное. Приставка "ofer-" служит пределом действия и указывает на то, что

действие, обозначенное глаголом "ofer-seow" стремится к пределу и как показывает контекст, действие достигает предела и завершается. Однако завершенность действия вытекает не из формы, а из контекста. Именно контекст, в древнеанглийском языке являлся определяющим с точки зрения выделения видовой характеристики глагола в ее завершенном или незавершенном статусе.

Как демонстрируют примеры из переводов, относящихся к среднеанглийскому периоду, лексико-значимые приставки отделяются от глагола и постепенно занимают постглагольное положение. Такие изменения явились следствием важного фонетического процесса, а именно: приобретение германским ударением фиксированного положения в начале слова [4, с. 60].

Заняв постпозиционное положение, бывшие лексико-значимые префиксы переходят в новый разряд слов: послелогов, которые, с одной стороны, сохраняют пространственные значения, на основе которых развиваются впоследствии идиоматические значения, а с другой стороны, становятся грамматическим показателем категории предельности.

Take		Take off-отнимать
		Take back-возвращать
		Take after-походить на кого-либо

Вновь образованные пары отличаются лексически от исходного глагола. Такие отношения в лингвистике, согласно теории Я. Вакернагеля, характеризуются неустойчивым характером и получили название парадигматической автономии с центробежной направленностью, так как данная модель не способна выражать видо-временную оппозицию [2, с. 80-81].

Высшей степенью грамматической абстракции является вид. Грамматическая категория вида также основана на предельных значениях: достигнутости/ недостижимости предела.

Многие языковеды (В. Штрайтберг и его последователи) отмечали, что категория вида уже существовала в языке древнеанглийского периода, и аналогично видовой системе русского языка, образовывалась префиксально с помощью морфологического форманта, десемантизированной приставки ge- [8].

Проф. А. И. Смирницкий опровергает данную точку зрения: каждый язык обладает рядом индивидуальных особенностей, поэтому одинаковые категории не обязательно должны иметь похожие формы выражения [7, с. 200].

Действительно, как показывает проведенный анализ, древнеанглийские десемантизированные приставки:

a-, ge- являлись видовыми, так как выражали значение завершенности действия и достигнутой предельности. При этом и бесприставочные глаголы могли передавать значения «достигнутой /недостигнутой предельности» в зависимости от контекстного содержания. Например: *swæp* (др.а) - *seide* (ср.а) – *sayd* (пн.а)- сказал.

O.E. 22 *Ðá hc of ðeape árás, ðá gemundon his learning-cnihtas, ðæt he hit be him sylfum cwæp; and hi gelyfdom hálgum gewrite, and ðære spræce ðe se Hælend spræc.*

M.E. 22 *Therefore whanne he hadde rysun fro deed man his disciples hadden mynde, for he seyde this thing; and thei bileueden to the scripture, and to the word that Jhesu seide.*

E.N.E. 22 *As sone therefore as he was rysen from deeth agayne, his disciples remembred, that to thus sayde vnto them; and they beleved the scripture, and the wordes which Jesus had sayde [9].*

Когда же воскрес Он из мертвых, то ученики Его вспомнили, что Он говорил это, и поверили Писанию и слову, которое сказал Иисус [5].

В данном примере древнеанглийский глагол "árás" соответствует следующему эквиваленту из ранне-новоанглийского периода: "was risen" и обозначает результативность действия, выражая действие достигшее предела.

Если мы проанализируем бесприставочный древнеанглийский глагол "swæþ", то, несмотря на отсутствие морфологического форманта, он также выражает действие достигшее предела.

Таким образом, можно сделать вывод, что категория вида в древнеанглийском языке не могла иметь грамматически оформленную оппозицию, аналогичную русской видовой категории, так как в отличие от русских видовых приставок, древнеанглийские приставки "a-", "ge-" не могли присоединяться ко всем глаголам, а видовые противопоставления «бесприставочный глагол/ приставочный глагол» носили больше контекстный характер, а не грамматический.

Однако при этом необходимо отметить, что в древнеанглийском языке нередко десемантизированные приставки в сочетании с лексически-значимыми приставками образовывали двойную префиксацию. Глаголы с двойными префиксами выражали действия достигшие предела. Данное значение не зависило от контекстного окружения, а обуславливалось морфологической формой. Например: út-ádráf (др.а) - hadde eagt out (ср. а) - was gone out (рн. а) – вышел.

Но, ни десемантизированные приставки, ни двойная префиксация не оказались морфологическими показателями категории вида в англо-саксонском языке.

Этому препятствовали следующие языковые процессы, которые, как утверждают многие лингвисты (проф. А. И. Смирницкий и др.), происходили одновременно: проникновение древнескандинавских диалектов в язык англосаксов, которое носило характер адстрата, и переход германского ударения в фиксированное начальное положение ведут к упрощению морфологической флективной системы и редукции безударных слогов [6, с. 95-98]. Таким образом, десемантизированные приставки исчезают, но с развитием языка появляются аналитические формы выражения достигнутой предельности.

Такими формами является перфект. И вспомогательному глаголу "have", который является глаголом обладания и причастиям прошедшего времени, образованным как от предельных глаголов, так и от неопредельных глаголов, свойственно значение перфективности [1, с. 147 - 149]. Сравним следующие формы: Árás (др. а.) – hadde rysun (ср. а.); út-ádráf (др.а) –hadde eagt out (ср. а).

Категория вида основывается на следующей оппозиции: достигнутая предельность/ недостигнутая предельность. Значение достигнутой предельности выражается перфектными формами, а значение недостигнутой предельности – индефинитными формами настоящего и прошедшего времени. Образуются видовые пары:

to take	→	to have	to go out	→	to have
took	→	taken	went out	→	gone out

Данные отношения построены не по принципу центробежной направленности, когда образуются лексические единицы, разные по значению, но имеющие единый корень, а по принципу парадигматической субординации с центростремительной направленностью, противопро-

ставленных не лексически, а грамматически, на основе которой можно построить разветвленную парадигму видо-временных форм [2, с. 80 - 81].

Таким образом, выводы, полученные в статье можно представить в виде следующей таблицы:

Список литературы

1. Кошечкина И. Г. Курс сравнительной типологии английского и русского языков. - М.: Высшая школа, 2008. - 134-145с.
2. Кошечкина И. Г. Проблемы языкознания и теории английского языка. Грамматический строй современного английского языка. Теоретический курс. М.: Книжный дом «Либроком», 2012. -С. 75-81.
3. Кошечкина И. Г., Свиридова Л. К. Грамматические структуры и категории английского языка: Теоретический курс. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. С. 82 – 84.
4. Свиридова Л. К. Категория тождества в процессе осознания объекта // Вестник МГГУ им. Шолохова М. А. Филологические науки. 2013. №4.

5. Святое Евангелие. М.: «МБЦ прп. Серафима Саровского», «Духовное преображение», «Омега», 2010. – 448 с.
6. Смирницкий А. И. Лекции по истории английского языка. – М.: Изд-во «КДУ», 2011. С. 95-98.
7. Смирницкий А. И. Морфология английского языка. М.: МГУ им. Ломоносова, 1959. С. 200
8. Streitberg W. Perfektive und Imperfektive Aktionsart im Germanischen. P.B.V.XV-B., 1889.
9. The Gothic and Anglo-Saxon Gospels in parallel columns with the versions of Wicliffe and Tyndale. L.: Reeves and Turner, 1874. – 585 p.

МОДЕЛИ ДИНАМИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ ЗНАЧЕНИЯ ТЕРМИНА

Ефимова Марианна Васильевна

аспирант кафедры языковой, коммуникации и психолингвистики, Уфимский государственный авиационный технический университет, г. Уфа

MODELS OF DYNAMIC CHANGES OF TERM MEANING

Efimova Marianna, Postgraduate of language communication and psycholinguistics department of Ufa State Aviation Technical University, Ufa

АННОТАЦИЯ

В статье изучается психолингвистическая специфика термина. Интерпретируются результаты ассоциативного эксперимента на материале терминов интернета и теории музыки и сольфеджио. Конструируются модели динамических изменений значения термина для групп будущих специалистов и неспециалистов.

ABSTRACT

The psycholinguistic specific character of a term is presented in the article. The results of associative experiment on terms of internet and music theory and solfeggio are studied. The dynamic models of term meaning for future specialists and laymen are constructed.

*Ключевые слова: термин; респонденты; стимулы; реакции; лексико-семантический вариант; модель.
Keywords: term; respondents; stimuli; responses; lexical-semantic variant; model.*

Языковедческая наука рассматривает термин как лексическую единицу, характеризующуюся параметрами однозначности [6, с.76; 8, с.6; 9, с. 88; 12, с.54]. В рамках настоящей работы изучение значения термина как достоинства индивида позволило рассмотреть параметры многозначности данной единицы с опорой на концепцию функционирования полисемантического слова в индивидуальном сознании, разработанную Т.М. Рогожниковой. В работах автора особо выделяются динамические закономерности функционирования значения и рассматриваются основные гипотезы семантического развития, в ходе которого наблюдаются два постоянно взаимодействующих основных пути: углубляющаяся с возрастом дифференциация значений слов вследствие более глубокого и четкого различения признаков предметов и явлений действительности и отвлечение от различительных признаков, ведущее к более высоким уровням обобщения. Исследователь построила принципиально новую интегративную спиралевидную модель развития значения слова, в которой процесс изменений представлен как постепенное восхождение по спирали с увеличивающимися диаметрами каждого следующего витка [13; 14, с.144]. Данная модель подтверждает правильность гипотезы генерализации Ж. Пиаже [11] и Л.С. Выготского [2], гипотезы дифференциации Е. Кларка [15; 16], гипотезы прототипов Д.Палермо [18], гипотезы характеризующе-определяющего сдвига в развитии значения слова у ребенка, выдвинутой Ф. Кейлом и Н. Баттерманом [17]. С учетом универсальности характера и прогностического потенциала упомянутой модели, долгосрочной и продуктивной апробации на материале разносистемных языков и в различ-

ных условиях [1; 3; 4; 7; 10] представилось возможным использовать структуру данной модели для описания динамических изменений значения термина с учетом выделенных параметров многозначности значения исследуемой единицы.

С целью изучения ассоциативной структуры значения термина был проведен ассоциативный эксперимент с испытуемыми разных профильных направлений. Респондентами выступили 100 студентов Уфимского государственного авиационного технического университета и 100 студентов Уфимской государственной академии искусств им. Загира Исмагилова и Уфимского училища искусств. Все информанты проходили тестирование дважды: 1) в качестве будущих специалистов (далее - б/с) на материале терминов изучаемой специальности, 2) в качестве неспециалистов (далее - н/с) на материале терминов непрофильной области знания [5, с. 158]. В результате общее количество проанализированных ассоциаций составило 14456 реакций.

Анализ полученных данных с распределением ассоциативных реакций по лексико-семантическим вариантам обеспечил актуализацию зафиксированных в специальных словарях значений и позволил выявить новые субъективные значения термина. Полученные данные говорят о параметрах сходства и различий в ассоциативной структуре значения исследуемой единицы в тестируемых группах испытуемых.

Для групп б/с явились характерными объективные реакции, не имеющие эмоциональной окраски, в профессиональном ключе. В 1 группе на стимул ХОСТ выявлены следующие ассоциации: сервер 10; компьютер; интернет;

адрес; сайт 4; Тср-irusm; домен; устройство «сервер-клиент»; файлообменник и т.д. В 3 группе на стимул СЕПТИМА представлены: интервал 32; октава; сольфеджио; тон; джаз; нота; кварта; септаккорд; интервал, который до-си, до-^bси и т.д.

В группах н/с реагирование характеризуется опорой на реалии из повседневной жизни тестируемых. Во 2 группе на S ХОСТ выделены: холст 8; фильм 4; муж; ранение; сигареты; сыр; мельница; устрашающее и т.д. В 4 группе на S СЕПТИМА представлены: антисептик 2; симпатия; больница; осень; чума; ресторан; болезнь; Тимофей; симптомы; не доверять; скорость и т.д.

На основе анализа всех ассоциативных реакций, предъявленных респондентами исследуемых групп, были построены модели динамических изменений значения термина, совокупные количественные показатели которых для 1 группы б/с и 2 группы н/с на термины интернета представлены на рисунках 1 и 2; для 3 группы б/с и 4 группы н/с на термины теории музыки и сольфеджио на рисунках 3 и 4, где ПК – профессиональный контекст, ОК – обыденный контекст.

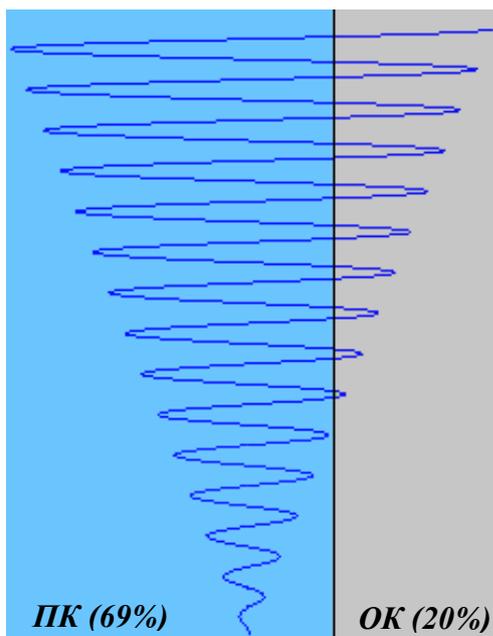

Рис. 1 – Модель динамических изменений значения термина (1 гр. – будущие специалисты)

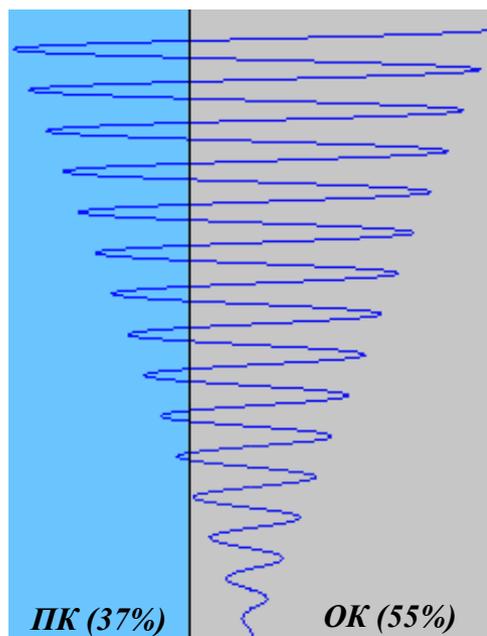

Рис. 2 – Модель динамических изменений значения термина (2 гр. – неспециалисты)

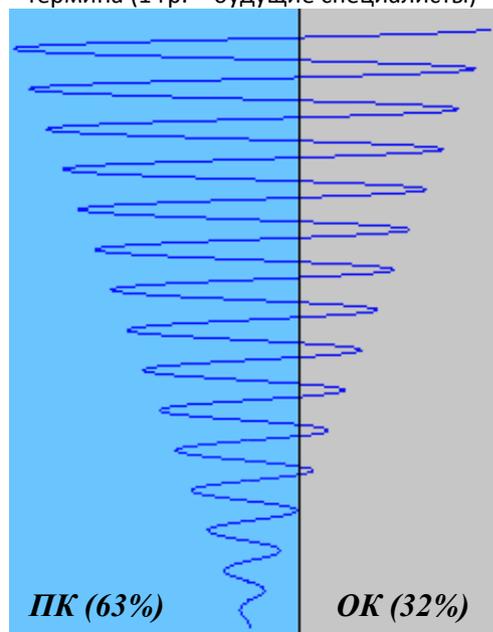

Рис. 3 – Модель динамических изменений значения термина (3 гр. – будущие специалисты)

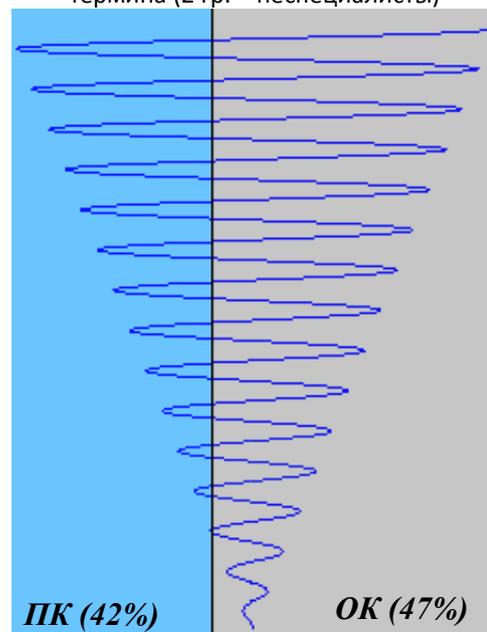

Рис. 4 – Модель динамических изменений значения термина (4 гр. – неспециалисты)

Таким образом, количественные подсчеты и качественная интерпретация репрезентативного материала показывает, что актуализация значения термина происходит с опорой на профессиональные знания и обыденные

знания человека. Основное различие сконструированных моделей динамических изменений значения термина заключается в определении контекстной зоны возникновения процесса реагирования. Ядро спирали, состоящее из

наиболее частотных реакций, трансформируется следующим образом: для групп будущих специалистов оно сосредоточено в зоне профессионального контекста, в группах неспециалистов сдвигается в зону обыденного контекста, что свидетельствует о разных способах увязывания с термином информации об окружающем мире.

Список литературы

1. Абабкова С. Г. Развитие значения слова в индивидуальном сознании в условиях разных типов одаренности: автореф. дис.... канд. филол. наук. – Уфа, 2007.
2. Выготский Л. С. Орудие и знак в развитии ребенка // Психология развития человека. – М.: Смысл; Эксмо, 2003.
3. Габдуллина В. Р. Возрастная динамика развития значения слова и пути ее формализации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ижевск, 2013.
4. Гарипова Р. Н. Специфика развития значения слова в индивидуальном сознании в условиях нормы и патологии: дис.... канд. филол. наук. – Уфа, 2007.
5. Ефимова М.В. Психолингвистическое исследование эмоциональности термина // Теория и практика языковой коммуникации. – Уфа: УГАТУ, 2013.
6. Капанадзе Л. А. О понятиях «термин» и «терминология» // Развитие лексики современного русского языка. – М.: Наука, 1965.
7. Касаткина Т. Ю. Специфика развития значения слова в геронтогенезе: дис.... канд. филол. наук. – Ижевск, 2007.
8. Комарова З. И. О сущности термина // Термин и слово. – Горький: Изд-во ГГУ им. Н.И. Лобачевского, 1979.
9. Лотте Д. С. Как работать над терминологией // Основы и методы изучения терминологии. – М.: Наука, 1968.
10. Навалихина А. И. Ассоциативная структура значения слова и модальности восприятия: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ижевск, 2013.
11. Пиаже Ж. Психология интеллекта. – СПб.: Питер, 2003.
12. Реформатский А. А. Что такое термин и терминология // Вопросы терминологии. – М.: Изд-во АН СССР, 1961.
13. Рогожникова Т. М. О спиралевидной модели развития значения слова у ребенка // Психолингвистические проблемы семантики и понимания текста: сб. науч. тр. – Калинин: Калининск. гос. ун-т, 1986.
14. Рогожникова Т.М. Психолингвистическое исследование функционирования многозначного слова: монография – Уфа: УГАТУ, 2000.
15. Clark E. V. First language acquisition // J. Morton & J.C. Marshall (Eds.). Developmental and pathological. – London: Elek Science London, 1977.
16. Clark E. V. What's in a word? On the child's acquisition of semantics in his first language // M.E. Moor (Ed.). Cognitive development and the acquisition of language. – New York; London: Academic Press, 1973.
17. Keil F.C., Batterman N.A. Characteristic-to-defining shift in the development of word meaning // Journal of Verbal Learning & Verbal Behavior. 1984.
18. Palermo D. S. Psychology of language. New York: Scott, Foreman and Company, 1978.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И СЕМАНТИКА ФРАЗОВЫХ ГЛАГОЛОВ И ГЛАГОЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Жамбылқызы Марина

Докторант Phd совместной образовательной программы Института языкознаний им. Байтурсынова и КазНУ им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан

Zhambylkyzy Marina, PhD student joint educational program of the Institute of Linguistics named after Baytursynov and KazNU, Almaty,

АННОТАЦИЯ

В данной статье подробно рассматриваются фразовые глаголы и производятся анализ теорий отечественных и иностранных ученых. Сравнительно-сопоставительный анализ фразовых глаголов производятся на английском, казахском и русском языках.

ABSTRACT

Phrasal verbs are discussed in detail, and analysis of theories of domestic and foreign scholars are made in the article. Comparative analyses of phrasal verbs are made in English, Kazakh and Russian languages.

Ключевые слова: фразовые глаголы, семантика, устная речь, письменная речь, идиоматичность
Keywords: phrasal verbs, semantics, oral speech, written speech, idiomatic

Фразовыми глаголами называются сложные (или составные) глаголы (multi-word verbs многословные глаголы), состоящие из нескольких слов, одним из которых является глагол, а другим (или другими), предлог или, совпадающее с ним по форме, наречие. Два или три слова, составляющие сложный глагол, походят на короткую

фразу, поэтому все эти глаголы часто называют фразовыми глаголами (phrasal verbs). Изучая английский, многие испытывают трудности в освоении фразовых глаголов. Дело в том, что они умеют быстро и неожиданно менять свои значения и их очень много. Как и все слова современного английского языка, большинство глаголов имеет

либо латинское (романское), либо германское происхождение. Исторически сложилось, что слова германского происхождения относятся к нейтральной либо разговорной лексике. На основе глаголов германского происхождения образовались многочисленные фразовые глаголы. Английский язык стал изобиловать иностранными словами, которые, наравне с исконными, выражали нюансы одного и того же понятия. Например, значение слова *foretell* (предсказать) можно выразить латинским словом *predict* или греческим *prophecy*. Как результат — в то время как исконные фразовые глаголы естественным образом развивались в народной речи, заимствованные слова расширяли научную и литературную лексику. Английский язык и сегодня продолжает развиваться этими двумя параллельными путями. Поэтому сотни английских фразовых глаголов имеют французские, латинские или греческие синонимы, которые обладают схожим значением, но более «научным» звучанием. Вот лишь некоторые из этих синонимов: *blow up- explode*; *find out-ascertain*; *give up- surrender*; *go against – oppose*; *hand in-submit*; *leave out- omit*; *look forward to- anticipate*; *look up to- admire, respect*; *make up- fabricate*; *point out-indicate*; *pull out- extract*; *put off- postpone*; *put out-extinguish*; *put together- assemble, compose*; *speed up-accelerate*; *stand up for-defend*.

Фразовые глаголы — один из самых сложных моментов при изучении английского языка. Впервые термин “*Phrasal Verbs*” или фразовые глаголы был введен английским лингвистом Л.П. Смитом и был зафиксирован в англо-русском словаре глагольных сочетаний, изданным в 1986 году в СССР.

Фразовые глаголы, как следует уже из самого названия, относятся к фразеологии. Фразеология — это отдел языкознания, который изучает фразы, то есть словосочетания, но не все, а только более или менее устойчивые. Другим признаком фразового глагола является идиоматичность. Идиомой считается сочетание двух или более слов, значение которого не совпадает со значением его составляющих: *give up – stop doing smth.* Но существует ряд глаголов, чье значение можно вывести из компонентов его составляющих: *fall down – упасть*. Идиоматичность подобных глаголов сложно определить, так как наряду с основным значением, глагол может обладать рядом других трактовок: *fall down – преклоняться, потерпеть неудачу*. Сам термин «идиоматика» впервые предложил российский лингвист Игорь Евгеньевич Аничков. В 1926 г. И.Е. Аничков написал на французском статью «*Idiomatique et semantique*», в которой он выдвинул и обосновал новую лингвистическую науку — «идиоматику», которая должна изучать сочетания слов (в отличие от синтаксиса, который изучает сочетания форм слов). [1] Также он выдвинул положение, что любое слово в языке на каждом определенном этапе его развития так или иначе ограничено в своем употреблении, т.е. что абсолютно свободных сочетаний слов в языке не существует; что поэтому так называемые свободные словосочетания должны изучаться в рамках идиоматики наряду с любыми другими типами словосочетаний, вплоть до самых идиоматичных. В своих работах И.Е. Аничков также разбирает феномен адвербиальных послелогов, называя их особым разрядом постпозитивных наречий (*up, out, off, и т.д.*), состоящих из единиц, которым свойственна способность присоеди-

няться к глаголам, уточнять и дополнять их значение. Адвербиальные послелогов, присоединяясь к словам или к рядам слов, составляют с ними устойчивые смысловые, синтаксические и фонетические целые и сложные единицы (при этом послелогов перестают быть самостоятельными обстоятельствами). Адвербиальный послелог является важной составляющей фразового глагола. Это можно наблюдать на примере послелога «*down*» в следующих примерах: *Write down the rule. / Put down the rule. / Get down the rule. / Take down the rule.* Все перечисленные предложения могут быть переведены как «Запишите правило». Это же значение может быть передано глаголом *write* с использованием различных послелогов, но также и другими фразовыми глаголами с одним и тем же послелогом. Именно возможность подобной замены подчеркивает значимость адвербиальных послелогов в английском языке. Среди других свойств фразовых глаголов Д. Поуви выделяет способность фразовых глаголов к образованию пассивных конструкций: *The project must be carried out in time.* [4]

По словам американского лингвиста Дуайта Болинджера, до недавнего времени английский язык не располагал большим количеством средств создания новых слов на основе уже имеющихся. Однако фразовые глаголы упрочили свое положение в глагольной лексике современного английского языка. Став явлением разговорного уровня, они представляют важное значение для коммуникативного акта и открывают перед говорящим неограниченные возможности выражения практически любых понятий. Число фразовых глаголов растет с каждым днем, и вместе с этим растет частота их употребления. Используемые чаще в разговорной речи, фразовые глаголы уже перекочевали в язык средств массовой информации, бизнеса и экономики, а некоторые сочетания даже вытеснили простые глаголы-синонимы. По мнению Джейн Поуви, автора книги «*Говорите правильно по-английский*», фразовые глаголы являются синтаксической и семантической единицей. Согласно Д. Поуви фразовый глагол может быть заменен «простым» глаголом. Это характеризует фразовый глагол как семантическое единство: *come by – obtain, call up – telephone.* Однако, многие фразовые глаголы эквивалентны лишь словосочетаниям: *break down – stop functioning.* Некоторые теоретики склонны рассматривать вторые компоненты *up, to, on, through, after, of* в качестве предлогов, другие в качестве наречий, третьи именуют их постфиксами, четвертые — частицами.

Фразовые глаголы можно встретить в английском тексте любого стиля и жанра, но все же основная сфера их употребления — это разговорная речь. В официально-деловом и научном стиле чаще принято использовать глаголы французского, латинского или греческого происхождения. Это не строгое правило, но устойчивая тенденция, и она имеет долгую историю.

Фразовые глаголы возникли в английском языке естественным образом, однако, произошло событие, которое заставило язык развиваться двумя параллельными путями. Этим событием было Нормандское завоевание Англии, произошедшее в 1066 году.

После того, как Вильгельм Завоеватель вторгся в страну и захватил власть, в высших слоях общества стал преобладать французский язык, а английский был вытеснен и стал языком простонародья. Такая ситуация сохранялась в течение полутора веков, пока в 1204 году Англия

не освободилась от французского господства. За это время французский стал языком образованных людей, и именно из него литераторы заимствовали новые слова, чтобы восполнить обедневшую лексику английского. Кроме того, многие ученые владели латынью и древнегреческим, поэтому они обратились к этим языкам, черпая из них термины для новых областей знаний.

Английский язык стал изобиловать иностранными словами, которые, наравне с исконными, выражали нюансы одного и того же понятия. Например, значение слова *foretell* (предсказать) можно выразить латинским словом *predict* или греческим *prophecy*. Как результат — в то время как исконные фразовые глаголы естественным образом развивались в народной речи, заимствованные слова расширяли научную и литературную лексику.

Происхождение фразовых глаголов можно отследить до самых ранних древнеанглийских письменных источников. Наречия и предлоги в них использовались в очень буквальном смысле и обозначали, в основном, направление, место или ориентацию объекта в пространстве. Например:

- The man walked out. — Человек вышел. (направление)
- The man stood by. — Человек стоял рядом. (место)
- The man held his hand up. — Человек поднял руку вверх. (ориентация)

Кроме того, как наречия, так и предлоги указывали на взаимоотношение глагола и объекта в предложении:

- The woman stood by the house. — Женщина стояла возле дома. (место)
- The thief climbed out the window. — Вор вылез из окна. (направление)
- He hang the coat over the fire. — Он повесил плащ над огнем. (ориентация в пространстве)

Число комбинаций глаголов с наречиями и предлогами накапливалось веками. Их значения порой менялись до неузнаваемости. Чтобы проиллюстрировать развитие значений, рассмотрим ниже нюансы, которые наречие «out» приобрело за несколько столетий. В 9 веке оно имело лишь буквальное значение — «движение наружу», например, *walk out* (выйти) и *ride out* (выехать). Около 14 века добавилось значение «исторгнуть звук», например, *cry out* (выкрикнуть) и *call out* (призвать, воззвать). В 15 веке появилось значение «прекратить существование» — *die out* (вымереть) и *burn out* (выгореть, сгореть). К 16 веку появилось значение «распределить поровну», например, *pass out* (раздать) и *parcel out* (разослать). А к 19 веку добавилось значение «освободить от содержания», например, *clean out* (вычистить) и *rinse out* (промыть). Кроме того, в современном разговорном английском глагол *pass out* означает «отключиться, потерять сознание».

Как в русском языке приставка служит мощным инструментом образования различных глаголов от одного корня (ходить, выходить, приходить, сходить, уходить и т. д.), так в английском языке эту же роль выполняют предлоги и наречия.

Значения некоторых фразовых глаголов интуитивно понятны, так как легко выводятся из составляющих его элементов: *come back* — возвращаться, *go away* — уходить, *stand up* — вставать и так далее. Другие же носят

идиоматический характер, и их значения нужно просто запоминать отдельно, например: *take after* — брать пример, походить на кого-либо.

В сочетании с различными элементами основной глагол может приобретать самые разные значения, на первый взгляд, мало связанные друг с другом по смыслу. Например:

- look — смотреть
- look for — искать
- look after — заботиться
- look up to — уважать

Значение некоторых глаголов очевидно, так как легко понимается по значению составляющих его элементов: *come back* — возвращаться, *come in* — входить, *stand up* — вставать, *sit down* — садиться и т.д. Другие фразовые глаголы идиоматические (выражения, характерные именно для данного языка), их значение не вытекает из значений составляющих элементов по отдельности, и их нужно просто запоминать как самостоятельные глаголы, например: *set up* — 1) устраивать, организовывать; 2) подставить, подвести кого-л.

Сопоставительный анализ глагольных систем казахского и английского языков показывает, что одной из основных категорий казахского глагола является категория вида, в английском же языке категории вида, как сопоставимая грамматическая категория практически отсутствует. Поэтому чтобы приблизить сопоставительный анализ к уровню восприятия обучающихся, следует проводить сопоставление данного языкового явления с идиомами:

To break up-быт шытын//күл-паршасын шығару
To break through-жаңалықтар ашу
To blow down-ұшырып түсіру, әкету
To blow in(into)-ұшып кіру, кенет келу

Их аналог в русском языке вовсе нет, но найдется нечто весьма их напоминающее — приставочные глаголы.

walk (ходить) - walk in (входить)

dry (сохнуть) - dry up (засыхать)

cut (резать) - cut off (отрезать)

give (давать) - give away (раздавать)

Фразовый глагол представляет собой устойчивую связку из глагола и предлога, наречия, частицы (в специальной литературе наиболее употребительным считается термин «послелог»), в которой глагол означает действие, а предлог, наречие или частица — его характер или направленность. Многие глаголы в зависимости от послелога полностью меняют своё значение. Представляя собой идиому, фразовый глагол не может быть переведен дословно, хотя в редких случаях дословный перевод может помочь приблизительно понять суть выражения. Значение этой семантической единицы не может быть определено исходя из значения отдельных частей данной семантической единицы, поэтому значение единицы должно рассматриваться как целостное. Другими словами, значение таких единиц сложно предугадать. Фразовые глаголы, которые включают предлог, называют предложными (Prepositional Verbs), а те, которые включают частицу, также известны как частичные (Particle Verbs). [2]

Фразовые глаголы бывают следующих видов:

- предложные глаголы (Prepositional Verbs) — состоят из глагола и предлога и всегда имеют прямое до-полнение, так как после предлога всегда следует

объект (в виде существительного или местоимения): look after smb.–заботиться о ком-либо; предлогные глаголы не могут быть разделены, т.е. прямое дополнение нельзя поместить между его частей.

- непосредственно фразовые глаголы (Phrasal Verbs) – состоящие из глагола и наречия. По виду и по значению – это те же предлоги, но, в отличие от них, фразовые глаголы не обязательно должны сопровождаться существительным или местоимением, поэтому они и называются наречиями.
- фразово-предлогные глаголы (Phrasal-prepositional Verbs) – состоящие из глагола, наречия и предлога. За фразово-предлогными глаголами всегда следует прямое дополнение: put up with smth. – мириться с чем-либо; keep up with smth. – не отставать от чего-либо; break up with smb. – расстаться с кем-то.

Фразовые глаголы делятся на переходные и непереходные:

переходные:

- непереходные (Intransitive) – без прямого дополнения – break down –ломаться;
- переходные (Transitive) – требуют прямого дополнения – turn down smth.– отвергать что-либо; shut down smth. – отключить что-либо; turn down smth. – отвергнуть что-либо.

Следует отметить, что переходность глагола может меняться. Так, например, глагол get up в значении «вставать» – непереходный: «Get up at 8 o'clock», но в значении «поднимать кого-то» становится переходным – «Get the children up».

Фразовые глаголы также делятся на неразделяемые и разделяемые:

- неразделяемые фразовые глаголы (Inseparable Phrasal Verbs) – включают в себя все непереходные и некоторые переходные фразовые глаголы: run into smth. – столкнуться с чем-либо (переходный, но неразделяемый);
- разделяемые фразовые глаголы (Separable Phrasal Verbs) – это многие переходные глаголы: turn down – отклонить, отвергнуть – Turn down the offer / Turn the offer down – оба варианта являются верными и переводятся одинаково. В случае, если дополнение выражено местоимением, фразовый глагол разделяется всегда – Turn it down.

Фразовые глаголы очень разнообразны и делятся на глаголы, выражающие:

- движение (go out, come in, stand up, etc.) и характеризующие его (get off, jump down, etc.);
- переход объекта из одного состояния в другое (move off);
- отсутствие изменения положения объекта (stay/keep behind, remain ahead);
- образ движения (walk away from – уходить, spin along – быстро ехать).

По мнению И.Е. Аничкова, существует 5 разрядов фразовых глаголов:

1. сочетания, в которых послелог имеет свое первичное конкретно–пространственное значение: go in, come out;

2. сочетания, в которых послелог имеет абстрактное производное значение, связь которого с первичным ощущается: let a person down = fail him; pick up = acquire;
3. сочетания, в которых послелог только подчеркивает или подкрепляет значение глагола: fall down, rise up;
4. сочетания, которые являются семантически не разложимыми: come about = happen; give up = abandon;
5. сочетания, в которых послелог привносит лексически видовой оттенок: перфективный (eat up – поглощать); терминативный, означающий не законченность действия, а прекращение незаконченного действия (leave off work – перестать работать); начинательный (light up – закурить); продолжительный (go on – продолжать); повторный (послелог со значением повторения действия: again, anew, afresh, etc.). Однако нет четких границ между разрядами, и поэтому принадлежность глагола к тому или иному разряду может меняться в зависимости от контекста, в котором он употреблен, и оттенка, которым наделяет его говорящий.

Говоря о семантике фразовых глаголов, следует отметить то, что для них исходными значениями являются значения перемещения в пространстве и результата действия. Поэтому одной из их составляющих являются большей частью именно глаголы со значением перемещения в пространстве: to get, to put, to fall, to go и многие другие. Полисемия фразовых глаголов объясняется семантическим переносом первоначального значения: «to pull down» – «опускать», «уничтожать»; «to put down» – «опускать», «преуменьшать значение», «плохо отзываться», «убивать (животное)». Послелог фразовых глаголов чаще всего служат для уточнения действия глагола, указывая направление, например: to come in, to go away, to go out, to step aside, to step out, to put away, to put aside, to go up, to take off, to turn over и многие другие. Послелог может также уточнять видовую окраску (значение результативности): «to sit» – «сидеть» и «to sit down» – «садиться», «to burn» – «гореть» и «to burn down» – «полностью сгореть, сгореть дотла». Фразовые глаголы являются очень распространенным явлением в английском языке и активно используются в разговорной речи.

Многие фразовые глаголы встречаются в английских пословицах. Вот некоторые из них:

He gives twice who gives in a trice. - Дважды даёт тот, кто отдаёт быстро./ Кто скоро помог, тот дважды помог.

Let every man praise the bridge he goes over. - Пусть каждый хвалит тот мост, по которому идёт.

Birds of a feather flock together. - Птицы с одинаковыми перьями собираются в стаи./ Рыбак рыбака видит изда-лека.

Never put off till tomorrow what you can do today. - Не откладывай на завтра, что можешь сделать сегодня.

It is no use crying over spilt milk. - Не стоит лить слёзы над пролитым молоком./ Слезами горю не поможешь.

Ox is taken by the horns, and a man by the tongue. - Быка берут за рога, а человека - за язык./ Болтуна язык до добра не доведет.

The dogs bark, but the caravan goes on. - Собаки лают, а караван идёт.

Согласно частотному анализу употребления фразовых глаголов английского языка, выполненному А.В.Куниним, был выделен ряд наиболее употребительных фразовых глаголов. [4] Самым часто используемым фразовым глаголом является глагол to pick up. При переводе стоит использовать глагол брать в его широком смысле: начиная от буквального – брать / поднять что-либо до выбора вида общественного транспорта. Также существуют и другие значения – подцепить, познакомиться, подхватить, уловить и т.д. Другими популярными фразовыми глаголами являются: -go on – частотность употребления этого глагола очень высока. Переводится в форме приказа, совета – продолжай!; продолжения какого-либо действия; -get out (of) – чаще употребляется с предлогом – уходить, уезжать и т.д. Может также звучать в форме совета или приказа. С этими значениями глагол является неразделяемым, но так называемые «крепкие» словечки (например «the hell») вставляются внутрь; - go back – возвращаться к чему-либо, куда-либо, к кому-либо; - come on – употребление данного глагола приходится на значения: Давай! Живее! Скорее! Брось! Да ладно! и т.д. Также употребляется в значении двигаться, проходить/проезжать, начинаться и т.д.

Подводя итог, можно сказать, что фразовые глаголы являются неотъемлемой частью лексики английского языка. Употребление подобных глаголов будет, как правило, ориентировано на разговорную речь. Использование фразовых глаголов позволит избежать стандартных выражений и поможет сделать язык более «живым». Очевидно, популярность фразовых глаголов связана с легкостью их использования. Так, например, фразовый глагол

«to put up» несет множество значений: поднимать, строить, воздвигать, ставить (пьесу), показывать, выставлять, возносить (молитву), выставлять на продажу, повышать (цены), вкладывать (деньги), паковать, организовывать, устраивать и т.д. Таким образом, используя минимальное количество исходных элементов, говорящий может выразить большое количество понятий. Однако необходимо отметить, что многие из фразовых глаголов входят в состав сленга, просторечия или вульгаризмов, поэтому следует предельно осторожно употреблять незнакомые фразовые глаголы, а в случае сомнения обращаться к толковому словарю. Фразовых глаголов в английском языке более 12 тысяч; для уверенного владения устной речью достаточно знать несколько сотен, а письменной речью – около тысячи. В любом случае не нужно перегружать свою речь излишними коллоквиализмами, ибо знание и правильное употребление единиц всех речевых стилей – залог успеха в овладении любым иностранным языком, в том числе и английским.

Литература

1. Аничков, И.Е. Труды по языкознанию [Текст] / И.Е. Аничков. – СПб.: Наука, 1997.
2. Васильев, А. Английский: правила произношения и чтения, грамматика, разговорный язык [Текст] / А. Васильев. – СПб.: Знание, 2005.
3. Поуви, Д. Говорите правильно по-английски [Текст] / Д. Поуви. – М.: Высшая школа, 1984.
4. Кунин А.В. Английская фразеология.- Москва, 1970

РУССКИЕ СКАЗКИ О ШЕМЯКИНОМ СУДЕ В ДИАХРОНИИ

Имаева Гульнара Зайнетдиновна

доктор филол. наук, профессор, Евразийский открытый институт, г. Москва

RUSSIAN TALES ABOUT SHEMYAKIN COURT IN DIACHRONIC

Imaeva Gulnara Zaynetdinovna, Doctor of Philology, Professor, Eurasian Open Institute, Moscow

АННОТАЦИЯ

В настоящее время особый интерес вызывают исследования, рассматривающие разновременные или повторные записи от одного и того же сказителя. Статья посвящена изучению изменений текста во времени на материале двух сказок сюжетного типа «Шемякин суд», записанных в 1925 и 1935 годах от А.К. Барышниковой. Затрагивается проблема воспроизведения и конструирования сказочного текста конкретным исполнителем. Изучение двух разновременных текстов показало, что передача традиционного сюжета – это всякий раз живой художественно-творческий акт.

ABSTRACT

Currently, studies of particular interest are those examining different time or re-recordings of the same narrator. The paper studies the time changes in the text of two tales of the story "Shemyakin court", recorded in 1925 and 1935 from A.K. Baryshnikova. The issue of storytelling and designing a fairy text by a concrete performer is considered. The study of two texts at different times showed that the communication of the traditional story – is a live artistic and creative performance.

Ключевые слова: диахрония, изменение текста во времени, авторские ремарки, внутренняя речь, рифма.

Key words: diachrony, change the text in time, the author remarks, inner speech, rhyme.

Особое значение для исследования стиля сказки приобрела в настоящее время работа с разновременными (повторными) записями от одного и того же сказителя. Остается неисследованной и проблема усвоения, воспроизведения и конструирования сказочного текста

каждым конкретным исполнителем. В данной статье рассматриваются два варианта сказочного сюжета «Шемякин суд» (А 1660), записанных от Анны Куприяновны Барышниковой (Куприянихи) в 1925 [1] и 1935 [2] годах. Проводится комплексное стилевое изучение сказок в диахронном аспекте.

В основе сказок лежит известная повесть XVII века о Шемякином суде, получившая бытование в фольклоре: бедный брат совершает нечаянно несколько убийств, на суде ему присуждают деньги с потерпевших. Бродячие сюжеты о мудром судье приобрели на русской почве сатирическую заостренность. В устных редакциях элемент сатиры обычно утрачивается и заменяется посрамлением богатого брата и своеобразным апофеозом бедности.

А.К. Барышникова передает содержание сказок с соблюдением всей «обрядности» и понимает рассказывание как художественную передачу известного ей сюжета. У сказочницы можно найти все особенности традиционной сказки. Прежде всего, бросается в глаза приверженность к традиции при анализе композиции данных сказок. Здесь мы найдем зачин, концовку и традиционное развертывание сюжета. Наибольшей стабильностью в сказках данного типа обладают три мотива: неумышленная, но строго наказуемая порча животного; убийство ребенка, виновный в котором должен прижить нового ребенка с женой истца; убийство человека, требующее отмщения тем же способом, каким было совершено.

Ни один жанр фольклора не представляет собой чего-то застывшего как в отношении системы художественных образов, так и в отношении языка. Повествование ведется на разных стилевых уровнях. Соотношение разных элементов общенародного языка в этих сказках не одинаково. Именно это различие в подборе выразительных средств языка и создает индивидуализированный облик отдельного произведения.

Первый вариант (1925 г.) — больше по объему. Наряду с разговорной речью, представленной в гораздо большем объеме, выявляется и говор исполнителя, не испытывавшего влияния регламентирующих норм литературного языка. Например, в тексте сказки появляются такие слова, как «заритавала», «в тяпцы», «зыграл», «титором». Вместе с традиционными сказочными аксессуарами в стиле и словаре сказок А.К. Барышниковой можно отметить кое-что, попавшее за последние годы: стаканчик, суд, повестка, мильоны, присудили [1, с. 138-145]; прошение, присутствие, опрос [2, с. 153-156].

Большое внимание Анна Куприяновна уделяет определению душевных состояний героев: весело, не весело, проплакала, привез радость, горе [1, с. 138-145]; весело кушают, грустил, приуныл, скучно, радуется [2, с. 153-156]. В позднем варианте Куприяниха образует от имени различные варианты субъективно-оценочного значения: сивенькую лошаденку, стаканчики, одежоночка, ребеночек, мужичонку. В варианте 1925 года мы нашли единственный подобный случай — старичок. Употребление большого количества суффиксов субъективной оценки делает вторую сказку более яркой в эмоциональном отношении.

В анализируемых вариантах имеются обычно несвойственные сказке авторские ремарки, с помощью которых придается психологическая насыщенность тексту. Часто герои характеризуются одной, двумя чертами. Эта характеристика имеет вид попутного замечания или уточнения рассказчика о герое: богатый брат, етот богач, бедного брата [1, с. 138-145]; богатого человека, бедный брат [2, с. 153-156]. Куприяниха с помощью авторских ремарок вносит в сказку личный элемент, зачастую поясняя отдельные эпизоды или давая им оценку: «как он духов-

ный», «как у нас вишь, едут отколе на суд», «а ведь в старину судьи были дураки» [1, с. 138-145]; «как у него одежоночка была плохая» [2, с. 153-156]. Иногда эти высказывания по объему выходят за рамки авторских ремарок: «Ну да, ведь богатых везде почитают, везде за стол сажают»; «Что делать мужику — бедняку?» [1, с. 138-145]; «А ведь богатый что с лавочниками, с попами, с разными богатыми людьми знается, а бедный — ни с кем» [2, с. 153-156].

Сказочница иногда прибегает к «внутренней речи» и прямо передает чувства, мысли и переживания героев, причем использует ее при описании одних и тех же ситуаций в обеих сказках. Чаще всего произнесение героем внутреннего монолога предваряет какой-то поступок, персонаж как бы «планирует» свои действия: 1) «Она ему лошадь и не нужна. Он думал, што он ему стаканчик назовется, — он за столик двинется. Так и думал: выпью я — попаду в пир. На стороны-то скажут, и я кумом был» [1, с. 138-145]; «Дай хоть к брату пойду, в лес лошадь попрошу, может, рюмочку поднесет» [2, с. 153-156]; 2) «Ох, дей, я прыгну в этот лог, расшибусь!» [1, с. 138-145]; «Все едут со мной судиться, лучше мне с горы убиться!» [2, с. 153-156].

В данных вариантах встречается и совершенно особый случай, когда сказочницей показывается внутренний мир собирательного образа, коллектива персонажей, мышления которых также передаются речью про себя — внутренним монологом. Ярко представлен коллективный внутренний монолог судей: «Гляди, у него денег много, всех подорит нас!» [1, с. 138-145]; «Те судьи обрадовались: они думали, что у него за пазухой деньги, что он их подарит» [2, с. 153-156]. Появление в сказках внутреннего монолога героев свидетельствует о проявлении тенденции усиления психологического начала.

Одной из характернейших черт стиля сказок Куприянихи является наличие размеренной и рифмованной речи. Эта особенность проявляется в обеих сказках. Балагурно-шутливый стиль описаний и повествования проявляется в ритмической организации фраз, в многочисленных рифмах и созвучиях. Рифма свойственна обоим сказочным текстам, т.е. рифмованные части, отрезки, есть в каждой записи. При их анализе прослеживается интересная закономерность: в сказках мало рифм повторяется, однако склонность к рифмованной речи заставляет сказочницу изобретать всё новые и новые виды рифм в обоих вариантах, причем подход к их созданию у Куприянихи — один и тот же. В рассказывании сказок проскальзывает ее любование красотами слова и напева. Первый вид рифм А.К. Барышниковой — это те, в которых рифмуются близко стоящие слова. Такую рифму еще называют смежной. Она представлена в нескольких разновидностях:

- 1) рифмуется один, два или три последних слога: не делал — не дал, взял — рассказал, зыграл — не дал, ждеть — реветь, говорить — не велить — просить [2, с. 153-156]; упал — попал, поживать — знать, пируют — гуляют — наливают [1, с. 138-145]; почитают — сажают, назовется — двинется [Там же]; не удавится — явится; одеваемся — обуваемся [Там же];
- 2) рифмуются один или два слога, к которым добавляется приставка: положил — покатыл — не запла- тил, пойду — попрошу [2, с. 153-156]; покажу — рас- скажу, не попало — пропала [Там же];

3) одновременно с конечной рифмой сказочница использует звуковой повтор или переключку гласных и согласных звуков: постановил — не сообразил; лошадь нужна — чарку вина; и на стаканчик не позвал — и пообедать ему не дал; едут со мной судиться — лучше мне с горы убититься [1, с. 138-145].

Второй вид — это рифмы, включенные в сказку ради балагурства: упала осина — убила Максима, рубил осинку — убил Максимку, Тишке — книжки, Таньке — раздуванку [Там же]. Такую рифму принято называть пословичной, так как здесь представлена игра рифмами и созвучиями к собственным именам (сравни с поговоркой: «Наш Гришка не берет лишка»). Пословичной считается также левая рифма, которая изредка встречается в анализируемых вариантах: кумовьев — кума, осина — Максима, хитро — титором [2, с. 153-156]; дети — нету [1, с. 138-145]. Для украшения речи вводятся А.К. Барышниковой и рифмованные поговорки: «Судить-то суди, а глядите суды!» [2, с. 153-156]; «Суди-то суди, да смотри-то суды!» [Там же]. Для придания сказке большей звучности сказочница заменила во втором варианте глагол «глядите» на «смотри-то», благодаря чему все слова здесь начинаются на согласный «с».

Таким образом, Куприяниха добивается того, что при помощи одних и тех же опорных точек мотивы сюжета выдерживаются в общей тональности.

Сравнивая две записи одной и той же сказки, мы на основании этих наблюдений можем сделать вывод, что Анна Куприяновна не является механическим передатчиком текста, она сохраняет один и тот же подход к использованию художественно-изобразительных средств в сказке. Исполняя два раза один и тот же текст, сказочница выбирает особую манеру повествования, достигнув художественных вершин исполнительского мастерства. Она не перечеркивает опыт предыдущего исполнения.

Изучение двух разновременных текстов показало, что передача традиционного сюжета вовсе не есть что-то механическое, а, наоборот, является всякий раз живым художественно-творческим актом. Элемент импровизации способствует у слушателей возникновению интереса к процессу исполнения сказки.

Список литературы

1. Русская сказка. Избранные мастера / Под ред. М. Азадовского. Т. 2. - М.; Л.: Academia, 1932. - 416 с.
2. Сказки Куприянихи. Запись сказок, статья и комментарий. А.М. Новиковой и И.А. Осовецкого. - Воронеж: Воронеж. обл. кн. изд-во, 1937. - 265 с.

К ВОПРОСУ О ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В РАМКАХ КУЛЬТУРНОГО ПРОЕКТА «ТРИЕДИНСТВО ЯЗЫКОВ»

Иссина Гаухар Иликешевна

доктор филологических наук, профессор, Карагандинский Государственный Университет, г. Караганда

ON THE ISSUE OF LANGUAGE COMPETENCE WITHIN THE FRAMEWORK OF CULTURAL PROJECT "TRINITY OF LANGUAGES"

Gaukhar I.Issina, Doctor of Philology, professor, Karaganda State University

АННОТАЦИЯ

Важнейшей стратегической задачей образования является, с одной стороны сохранение лучших казахстанских образовательных традиций, с другой стороны, обеспечение выпускников образовательных учреждений международными квалификационными качествами, развитие их лингвистического сознания. В этой связи понимание роли языков в современном мире с особой остротой ставит перед нами вопрос о результативности обучения языкам и повышении уровня языковой подготовки молодого поколения.

ABSTRACT

The most important strategic objective of education is, on the one hand, the preservation of the best Kazakhstani educational traditions, on the other hand, providing of institutions' graduates with international qualifications and the development of their linguistic consciousness. In this context, understanding of the role of languages in the contemporary world with particular acuteness puts before us the question concerning the impact of language teaching and improving of language training for the younger generation.

Ключевые слова: языковая политика; языковая личность; культурный проект; полиязычная культура; иноязычное образование; образовательное пространство.

Keywords: language policy; linguistic identity; cultural project; polylingual culture; foreign-language education; educational space.

Современный человек сегодня характеризуется как личность, свободно владеющая несколькими языками, понимающая свою национально-культурную принадлежность, уважающая самобытность культуры собеседника, умеющая принимать участие в межкультурном диалоге. Поэтому изучение языка как одного из главных индикаторов адаптации человека к новым социально-политическим и социально-культурным реалиям становится в

настоящее время актуальной задачей. Кроме того, объективно возникла необходимость по-новому осмыслить сложившиеся в период независимости традиционные концепции языковой политики и языковой ситуации.

Наиболее полно эта проблема, применительно к языковой ситуации современного Казахстана, отражена в Послании Президента Республики Казахстан Н.А. Назар-

баева «Новый Казахстан в новом мире», где в целях обеспечения конкурентоспособности страны и ее граждан предложена поэтапная реализация культурного проекта «Триединство языков», согласно которому необходимо развитие трех языков: казахского как государственного языка, русского как языка межнационального общения и английского как языка успешной интеграции в глобальную экономику.

Идея триединства возникла не просто как красивая концепция и новый формат языковой политики, она была выработана в связи с жизненной необходимостью. Сегодня успешно развиваются те страны, которые внедряют у себя так называемую умную экономику и открыты миру. А успехи в этих областях и новые познания даются именно через овладение доминирующими на планете языками. Владение несколькими языками всегда расширяло коммуникационные и интеграционные способности стран и народов.

Казахстан, взяв курс на овладение его гражданами тремя языками, исходит из сегодняшних реалий – триединство языков будет являться свидетельством конкурентоспособности страны. Лингвистическое богатство влечет мощный социально-психологический эффект «открытого мышления», заряженного на поиск нового знания. Сами граждане, свободно владеющие несколькими языками, будут конкурентоспособными личностями как внутри страны, так и за рубежом.

В условиях индустриально-инновационного развития страны особую актуальность приобретает необходимость развития и внедрения полиязычной культуры и полиязычного образования. Надо отметить, что инновационная и экспериментальная деятельность приобретает все большую популярность в образовательном пространстве Казахстана. Важнейшей стратегической задачей при этом является сохранение лучших педагогических традиций и подготовка выпускников высших учебных заведений в соответствии с международными квалификационными требованиями. Говоря о выпускниках ВУЗов, мы, прежде всего, говорим об интеллектуальном потенциале страны. Интеллектуальный потенциал можно назвать ключевым ресурсом современной мировой экономики. Успешная модернизация высшего образования как ключевого фактора развития страны способна обеспечить комплексное обновление всех сфер жизнедеятельности общества. Поэтому важнейшей задачей образования является, с одной стороны сохранение лучших казахстанских образовательных традиций, с другой стороны, обеспечение выпускников школ международными квалификационными качествами, развитие их лингвистического сознания, в основе которого – овладение государственным, родным, и иностранными языками [1, с.12]. В этой связи понимание роли языков в современном мире с особой остротой ставит перед нами вопрос о результативности обучения языкам и повышении уровня языковой подготовки учащихся. Для того чтобы подготовить профессиональные кадры, отвечающие этим требованиям, большое внимание уделяется полиязычному образованию, которое рассматривается как действенный инструмент подготовке молодого поколения в условиях взаимосвязанного и взаимозависимого мира.

Цель поликультурного и полиязычного образования заключается в формировании человека, способного к

активной жизнедеятельности в многонациональной и поликультурной среде, обладающего развитым чувством понимания и уважения других культур, умением жить в мире и согласии с людьми разных национальностей, рас и верований. Полиязычие при соответствующих принципах гуманизма может стимулировать гуманизацию в национальной образовательной системе. Обоснование необходимости приоритета родного языка культуры в целом, который, активно адаптируя языки других народов, укрепляется в своем богатстве и уникальности, – это тот методологический принцип, который выдвигается в качестве концептуального решения социально-философских проблем гуманизации полиязыкового образовательного пространства современного мира.

Поликультурную личность невозможно рассматривать отдельно от языка. Одни ученые полагают, что язык относится к культуре как часть к целому, а другие – что язык лишь форма выражения культуры, третьи – что язык не является ни формой, ни элементом культуры. По мнению, Э. Сепира, «культуру можно определить как то, что данное общество делает и думает, язык же есть то, как думает человек» [2].

«Отношение между культурой и языком, – пишет Н.И. Толстой, могут рассматриваться как отношения целого и его части. Язык может быть воспринят, как компонент культуры и орудие культуры (что не одно и то же), в особенности, когда речь идет о литературном языке или языке фольклора. Однако язык в то же время и автономен по отношению к культуре в целом, и его можно рассматривать отдельно от культуры (что и делается постоянно) или в сравнении с культурой как с разнозначным и равноценным феноменом» [3, с.423].

Язык – это лицо народа, в нем фиксируется и сохраняется картина мира, свойственная тому или иному культурному сообществу («языковому коллективу»). При наличии общих содержательных компонентов «концептуальные поля истины» в различных языках и культурах имеют различные очертания, отражая разные стороны и аспекты бесконечно многообразного, объективного мира [4, с.47]. Поэтому через познание народных и, в частности, иностранных языков человек может непосредственно ощутить свою принадлежность к мировой истории и одновременно глубже понять свою национальную культурно-историческую уникальность.

Язык выступает своего рода неким концентратом культуры нации, воплощенной в различных группах данного культурно-языкового общества. Он играет важнейшую роль в плане интернационализации культур, глобализации межкультурной коммуникации, диалога культур на основе лексико-семантического взаимоперевода.

Приняв все вышеперечисленное во внимание, можно определить язык, прежде всего, как средство, при помощи которого человек получает сведения о материальной и духовной культуре общества, что лежит в бытие человеке в культуре. Культура устанавливает место человека в системе общественного производства, распределения и потребления материальных ценностей.

Обучение на трёх языках, и, как следствие, владение ими практически в совершенстве, способствует общению учащихся к культуре и традициям разных народов. А это есть не что иное, как формирование полиязыковой личности. В свою очередь, полиязычное образова-

ние – это процесс, направленный на формирование полиязыковой личности, владеющей несколькими языками и культурами в них репрезентируемыми, что позволяет определенным образом воплотить данные знания в отношении к языкам и культурам.

Внедрение в учебно-воспитательный процесс обучения на трех языках – это, безусловно, значительный шаг вперед в направлении реализации Концепции развития образования Республики Казахстан, одной из базовых компетенций которой являются трехязычие, евразийская поликультурность, коммуникативность и технократичность [1, с.3]. В основных положениях Концепции говорится о необходимости качественным владением иностранным языком выпускника ВУЗа – это назревшая жизненная необходимость, поскольку интенсивные темпы и уровень развития науки и техники в мире требуют свободного владения иностранными языками для более качественного и полноценного получения необходимых теоретических и практических знаний, умений и навыков.

В целях модернизации образования и повышения качества предоставляемых услуг, Карагандинский Государственный Университет им. Е.А. Букетова в 2008 году приступил к осуществлению эксперимента по внедрению полиязычного образования в рамках реализации Республиканского проекта Министерства образования и науки «Триединство языков» [5]. Участие в эксперименте стало для студентов и преподавателей хорошей мотивацией для повышения качества изучения языков, общего уровня знаний, позволит успешно участвовать в международных

стипендиальных и обменных образовательных программах. В 2012 учебном году состоялся первый выпуск студентов, обучающихся в полиязычных группах.

Успешной реализации данного эксперимента способствовало функционирование Центра развития полиязычного образования, на базе которого были проведены научно-практические семинары по проблемам внедрения и реализации полиязычного образования для преподавателей вузов республики, руководителей и учителей средних школ, курсы повышения квалификации. Созданные организационно-методические условия позволяют выразить уверенность в успешной реализации экспериментальной программы и распространении практики полиязычного образования, поскольку перспективы полиязычного образования обусловлены социальным заказом общества на специалистов, владеющих тремя языками.

Список литературы

1. Концепция развития образования Республики Казахстан. – Астана, 2004.
2. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс Универс, 1993.
3. Толстой Н.И. Язычество и христианство древней Руси // Избранные труды: т.2: Славянская литературно-языковая ситуация. – М.: Яз. рус. культуры, 1998. – С.421-430.
4. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / Пер. с нем. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000. – 400с.
5. Справочник-путеводитель для студентов, обучающихся в экспериментальных группах полиязычного обучения. – Караганда: Изд-во КарГУ, 2008. – 15с.

СОЦИАЛЬНАЯ СЕТЬ FACEBOOK КАК ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Кожельцова Кристина Дмитриевна

Студент группы: ДГЛ-202

Харитоновна Ольга Викторовна

кандидат пед. наук, доцент, Московский государственный университета, экономики, статистики и информатики, г.Москва

The social network facebook as a source of forming intercultural competence

Kozheltsova, Kristina, Student of the group: DGL-202

Haritonova, Olga, associate professor, PhD in pedagogic sciences, Moscow State University of Economics, Statistics and Informatics. Moscow

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена рассмотрению социальных сетей как средства реализации межкультурной компетенции пользователей современного информационного пространства.

ABSTRACT

This article is devoted to the social networks review as a source of realization of intercultural competence users of modern informational space.

Ключевые слова: межкультурное взаимодействие, межкультурная компетенция, социальная сеть, Интернет

Keywords: intercultural cooperation, intercultural competence, social networks, Internet.

Межкультурная компетенция (МК) как одна из составляющих современной личности – это способность успешно общаться с представителями других культур и

умение выстраивать диалог таким образом, чтобы культурологические барьеры были максимальным образом уравнены (А.П.Садохин).¹ В теории межкультурной коммуникации (МКК) предлагается следующая структура МК:

¹ <http://www.rae.ru/forum2012/273/1605>

1. совокупность общекультурологических знаний, комплекс культурно-специфических знаний;
2. умения и навыки практического общения, умение вести диалог начиная от его «завязки» и до поддержания непосредственного контакта;
3. межкультурная психологическая восприимчивость.

С развитием Интернета МК получает новые среды для своей реализации. В первую очередь, этот процесс вызван бурным развитием так называемых социальных сетей. Определение ступени становления нашей цивилизации невозможно без обращения к краткой характеристике концепции информационного общества.

К особенностям современного глобального информационного пространства относятся, во-первых, глобальность масштаба, заключающаяся в охвате всего современного цивилизованного человечества. Во-вторых, открытость глобального информационного пространства, которое состоит в возможности оказывать конкретное воздействие, как на любого конкретного человека, так и практически все общественные группы посредством влияния на их информационные сферы. Наконец, практически безграничный комплекс возможных информационных воздействий и максимизация их силы. При этом негативный фактор заключается в трудности своевременного выявления оказываемых информационных воздействий и предотвращения их социально негативных последствий.

Современное глобальное информационное пространство определяет роль человека в нем как субъекта, владение, распоряжение и использование информацией которым является обязательным компонентом, наполняющим его жизнь. Чтобы достичь успеха в информационном обществе, необходимо быть подготовленным и способным к быстрому восприятию и обработке колоссальных по объему и наполнению объемов информации. При этом, для оптимизации процесса, нужно свободно владеть современными средствами, методами и технологиями восприятия, переработки, использования и последующей передачи информации.

В числе конкретных «проявлений» информационного общества обнаруживается феномен, получивший название «социальные сети».

Социальные сети в некоем виде впервые появились параллельно и в рамках процесса собственно формирования социума как такового; однако социологический посыл о том, что взаимодействие людей можно охарактеризовать в виде сети, возникла существенно позже. Безусловно, первоначальное понимание «социальной сети» существенно отличается от употребляемого сегодня значения.

Так, первые попытки изучения общества как сложного комплекса взаимоотношений были предприняты в социологии известным немецким ученым Георгом Зиммелем. Он, исследуя жизнь в аспекте социального взаимодействия, определил общество как некий лабиринт, внутри которого протекает взаимодействие индивидов и группы. Именно этот лабиринт и стал неким прообразом социальной сети в широком понимании. Сущностное изучение этого явления началось в 30-ых годах XX в. Собственно понятие «социальная сеть» относится к 1954 году

и ничего общего с интернетом, глобальным информационным пространством не имеет. Суть современного понимания «социальной сети» отразило понятие, введенное социологом «Манчестерской школы» Джеймсом Барнсом.

«Социальной сетью» (от англ. social networking service – `социальносетевая услуга`) стали называть социальную структуру, состоящую из группы узлов, которыми выступают социальные объекты (люди или организации), и связей между ними – социальных взаимоотношений. Фактически, «социальная сеть» есть группа связанных людей, где один человек является центром, а его знакомые ветками. Подобная трактовка предполагает наличие между всеми членами сети механизма двусторонних или односторонних связей. Лучше всего это вышесказанное иллюстрирует интерактивно организованный многопользовательский веб-сайт, специфика которого заключается в том, что его контент создается непосредственно самими участниками Сети.

С другой стороны, социальная сеть может быть охарактеризована как автоматизированная социальная среда, реализующая общение внутри некой группы пользователей, объединенных общим для них мотивирующим фактором: общим интересом, социальными, музыкальными, культурологическими пристрастиями. К категории социальных сетей относятся также тематические, образовательные, отраслевые форумы².

Социальные сети за последнее пятилетие стали привычной широко распространенной общепринятой практикой: сегодня самый обычный пользователь проводит в социальных сетях в среднем в среднем от одного до трех часов в день.

Одной из наиболее популярных в мировом информационном пространстве является сеть Facebook, основанная в 2004 году студентами Гарвардского университета (М. Цукерберг и Ко).

Сегодня Facebook – средство межкультурного диалога и источник формирования межкультурной компетенции: пользователи, живущие в разных странах, на разных континентах могут общаться в удобном для них режиме. Выделяя некоторую классификацию информации, которая будет интересна иностранному пользователю к примеру, англичанин и русскому, отметим: что в данном ключе имеет место круг «общекультурологических» тем: работа, семья, способы проведения свободного времени.

Данные темы носят некоторый «универсальный характер», здесь культурные отличия хотя и имеют место, но не носят некоторого «глобального» характера.

Говоря о повседневных темах общения между русскими и иностранцами, отметим: Facebook позволяет «сближать» тематику, уравнивать культурологические отличия.

Культура как система ценностей, идеалов и норм возникает собственно в результате общественного развития, при этом некоторые элементы культуры – к примеру, табуированные нормативы – остаются неизменными во времени, что позволяет говорить о колоссальной значимости культуры как регулятивного общественного меха-

² Черных А.И. Мир современных медиа, М.: Территория будущего, 2013, с. 98..

низма. Таким образом, понимая культуру как организованную совокупность ценностей, идеалов и норм, можно заключить, что дифференцировать категории «культурное» и «социальное» невозможно, ровно как невозможно их отождествить. На практике они существуют в неразрывной связи. Культура – это социальный феномен, образованный как совокупность смыслов и значений, которыми люди руководствуются в процессе «жизненной практики». Основываясь на всем, сказанном выше, отметим: культура – как синкретичный комплексный феномен – всегда детерминирован некоторым «национальным фактором»: всем известна фраза о том, что «то, что русскому – хорошо, то немцу – смерть».

Отметим, что подтверждение выше сформулированного тезиса – в многочисленных вариациях и примерах – можно обнаружить в работе Ю. Е. Прохорова и И. А. Стернина «Русские. Коммуникативное поведение».

Действительно, ценностно-оценочные категории, максимумы и императивы одной культуры не всегда адекватно взаимосвязаны с соответствующими феноменами другой культуры.

К примеру, в уже упоминавшейся работе «Русские. Коммуникативное поведение» имеет место рассмотрение различного отношения представителей разных культур к улыбке. «Западная традиция» понимает улыбку как способ отображения обычной приязни, но не более того: для «западного человека» улыбка в отношении «всех и каждого» – есть норма, есть действие обыденного культурологического ряда.

Для русского человека улыбка – иное: «Улыбка в русском общении не является обязательным атрибутом вежливости. На Западе чем больше улыбается человек, тем он больше проявляет вежливости. В традиционном русском общении приоритет – требованию искренности. Улыбка у русских демонстрирует личное расположение к другому человеку, которое, естественно, не распространяется на всех. Поэтому если человек улыбается не от души, это вызывает неприятие. «Дежурная улыбка» имеет негативную коннотацию. Исследователи называют это «феноменом бытовой неулыбчивости».³

В этом простом примере, с нашей точки зрения, исключительно емко отражена вся степень дифференциации в культурологических срезах: комплекс ценностей

«русской» культуры строится на определенном «душевном контакте», когда каждый жест, поступок, каждое слово, каждая улыбка – есть знак, есть сигнал собеседнику.

Также примером коммуникативного сбоя, продиктованного межкультурными различиями, является ситуация приветствия.

В «английской версии» она выглядит так:

- How are you?.. Thank you, very well.

Фактически данный диалог в английской культуре носит «ритуальный» характер и является правилом хорошего тона, нежели действительным проявлением интереса к делам собеседника.

«Русская версия» – иная: в ответ на вопрос «как дела?» собеседник (в зависимости от степени близости отношений) станет рассказывать о последних произошедших событиях, о трудностях, проблемах. В русской культуре такой ответ найдет понимание, в английской, как минимум, вызовет недоумение.

Сегодня социальные сети – и «мировая» сеть Facebook здесь является ярким примером – обнаруживаются механизмом формирования межкультурной компетенции. Социальная сеть Facebook, как собственно большинство социальных сетей, инспирирует определенную среду социальной вовлеченности пользователей в определенную среду глобального информационного пространства. Человек обнаруживает себя включенным и востребованным в рамках общения (пусть и виртуального); посредством создаваемого в социальной сети аккаунта пользователь (из любой страны мира) имеет возможность реализовать в необходимой ему степени свою потребность в общественном признании, самоутверждении, самоуважении.

Литература

1. <http://www.rae.ru/forum2012/273/1605>
2. Прохоров Ю. Е., Стернин И. А. Русские. Коммуникативное поведение. – Издательство: Флинта, Наука. 2006.
3. Черных А.И. Мир современных медиа, – М.: Территория будущего, 2013.

ОТРАЖЕНИЕ ОТНОШЕНИЯ РЕАЛЬНОСТИ СЮЖЕТА В ТИТРАХ КИНОТЕКСТА

Колчина Татьяна Федоровна

ФГБОУ ВПО «Волгоградская академия физической культуры», старший преподаватель кафедры иностранных языков, г. Волгоград

THE REFLECTION OF THE STORY REALITY ATTITUDE IN THE TITLES OF THE MOVIE TEXT

Kolchina Tatyana Fedorovna, Volgograd State Physical Education Academy the department of foreign languages, senior lecturer, Volgograd

АННОТАЦИЯ

В статье автор рассматривает лексический состав текста кинотитров с точки зрения наличия информации о связи с реальностью и месте съемок фильма.

Ключевые слова: кинотекст, кинотитры, сюжет, корреляция с реальностью, место съемок фильма.

³ Ю. Е. Прохоров, И. А. Стернин «Русские. Коммуникативное поведение». Издательство: Флинта, Наука. 2006. С. 328

ABSTRACT

In this article the author explores the lexical structure of the titles in the movie text according to the availability of information about the connection with reality and shooting location.

Keywords: movie text, movie titles, plot, connection with reality, shooting location.

В нашей статье мы рассматриваем лексический состав кинотитров, а в частности, названный нами блок «Отношение к реальности», как одну из вербальных составляющих кинотекста.

Кинотекст состоит из движущихся и статических образов, устной и письменной речи, организованных особым образом и находящихся в неразрывном единстве шумов и музыки. В кинотексте присутствуют две семиотические системы, - лингвистическая и нелингвистическая - оперирующие знаками различного рода. Лингвистическая система кинотекста обслуживается знаками-символами, нелингвистическая – знаками-индексами и знаками-иконами. Лингвистическая система в кинотексте представлена двумя составляющими: письменной (титры и надписи, являющиеся частью мира вещей фильма — плакат, название улицы или города, вход и выход, письмо или записка и т.д.) и устной (звучащая речь актеров, закадровый текст, песня и т.д.), которые выражены при помощи символических знаков — слов естественного языка [3, с. 237].

Содержание какого-либо произведения (кино- или литературного) составляет сюжет. Сюжет - ряд последовательно развивающихся событий, составляющих содержание литературного произведения, кинофильма и т.п. [1, www].

Титры – это неотъемлемая часть любого фильма. Они подразделяются на инициальные (вступительные), внутритекстовые или интертитры (чаще всего служат для обозначения хронотопа: сообщают об изменении места либо времени действия в фильме) и финальные (заключительные) [2, с. 22]. Они выполняют информативную функцию, рассказывая об актерах и создателях кинокартины. Титры создают внешнюю раму фильма, играют важную роль при формировании стратегий повествования.

Рассматривая лексический состав кинотитров, можно выделить такие характеристики, как авторский коллектив, использованные ресурсы, отношение к реальности и т.д. В данной статье мы уделяем внимание блоку «Отношение к реальности». Данная характеристика лексического состава титров кино может встречаться как в инициальных, так и в финальных титрах, однако, преобладающими являются случаи демонстрации подобного рода информации в завершающих кинотитрах (84%). К данному разделу мы относим два информационных блока:

- 1) информацию о случайности/неслучайности совпадений в различных текстовых вариациях; в данном блоке мы выделяем два типа информации:
 - полное несоответствие с реальностью;
 - наличие корреляции с реальностью.
- 2) информацию о месте съемок фильма.

Рассмотрим примеры, касающиеся первого блока, которые указывают на полное отсутствие корреляции с реальностью, взятые из американских кинотекстов. Тексты являются повторяющимися и буквально совпадают в целом ряде рассмотренных фильмов.

- The events and characters depicted in this motion picture are fictitious. Any similarity to actual events or persons, living or dead, is purely coincidental (“The

Call”, реж. Брэд Андерсон, 2013; “Fast Five”, реж. Джастин Лин, 2011, “X-Men: First Class”, реж. Мэттью Вон, 2011)

- The events, characters and firms depicted in this photoplay (motion picture) are fictitious, any similarity to actual persons, living or dead, or to actual events or firms is purely coincidental (“The Black Swan”, реж. Даррен Аронофски, 2010; “Source Code”, реж. Дункан Джонс, 2011; “The Twilight Saga: Breaking Dawn - Part 2”, реж. Билл Кондон, 2012; “Warm Bodies”, реж. Джонатан Левин, 2013; “The Gone Girl”, реж. Дэвид Финчер, 2014; “Eliza Graves”, реж. Брэд Андерсон, 2014)
- The story, all names, characters and incidents portrayed in this production is fictitious. No identification with actual persons, places, buildings and products is intended or should be inferred (“Harry Potter and the sorcerer's stone”, реж. Крис Коламбус, 2001; “Sherlock Holmes”, реж. Гай Ричи, 2009; “Sherlock Holmes: a Game of Shadows”, реж. Гай Ричи, 2011; “We’re the Miller”, реж. Роусон Маршалл Тербер, 2013)
- The persons and events in this motion picture are fictitious. Any similarity to actual persons or events is unintentional (“The Shutter Island”, реж. Мартин Скорсезе, 2010; “Thor: The Dark World”, реж. Алан Тейлор, 2013)
- This is a work of fiction. The characters, entities and incidents (locations) portrayed herein and the names used herein are fictitious, and any similarity to the name, character or history of any person, (product) or entity is entirely coincidental and unintentional (“The Ward”, реж. Джон Карпентер, 2010; “Carrie”, реж. Кимберли Пирс, 2013).

Исходя из вышеописанных примеров, мы выделяем облигаторные и опциональные наименования объектов реальности в данном типе информации. Облигаторными наименованиями в американском кинотексте являются events, incidents, characters/persons, names, motion picture/photoplay, production. Опциональные наименования следующие: firms, entities and incidents (locations), history of any person, places, buildings and products.

В российских кинотекстах эти вариации представлены следующим образом:

- Все персонажи, имена, места действий и события в этом произведении являются вымышленными. Любое сходство или совпадение (с реальными персонажами, именами, местами действий и событиями) считать случайными и непреднамеренными. («О чем говорят мужчины», реж. Дмитрий Дьяченко, 2010; «Спираль», реж. Андрей Волгин, 2014; «Елки 2», реж. Дмитрий Киселев, 2011; «Елки 3», реж. Ольга Харина, Дмитрий Киселев, Александр Котт, 2013)
- Хотя данный фильм основан на реальных событиях, многие герои и некоторые события, отображенные в фильме, являются вымышленными. Любое совпадение с реальными людьми, живыми или мертвыми, непреднамеренны и случайны.

(«Тайна перевала Дятлова», реж. Ренни Харлин, 2013).

- Все персонажи и события являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми и событиями случайны и непреднамеренны. Фильм не содержит утверждений и суждений и не высказывает мнения авторов, производителей и правообладателей фильма.

(«Ирония судьбы. Продолжение», реж. Тимур Бекмамбетов, 2007; «Елки», реж. Тимур Бекмамбетов, 2010; «Елки 2», реж. Дмитрий Киселев, 2011; «Елки 3», реж. Ольга Харина, Дмитрий Киселев, Александр Котт, 2013).

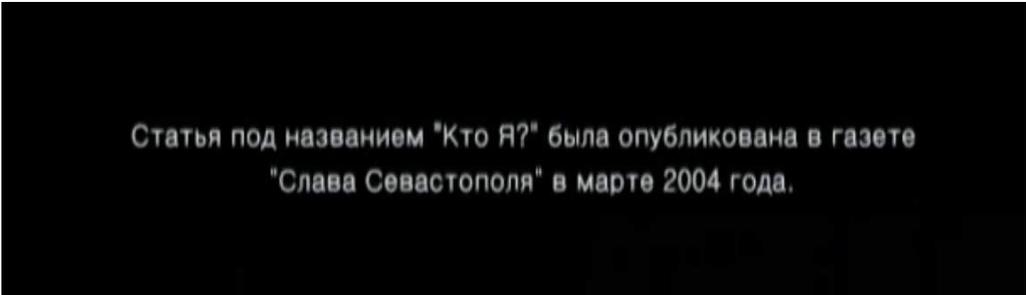
Однако следует отметить, что данный блок не является обязательным в российском кинематографическом тексте. В подавляющем большинстве фильмов подобная информация отсутствует, что составляет 80% от проанализированных фильмов.

Облигаторными элементами в российском кинотексте являются следующие: персонажи/имена, места действий, события, совпадение. Опциональными элементами мы считаем следующие: многие, некоторые, утверждения и суждения, мнение, производители и правообладатели фильма.

И в российском, и американском кинематографах информация о том, что фильм основан на реальных событиях, демонстрируется чаще всего в начале инициальных титров («Сомнамбула», реж. Алексей Смирнов, 2012 - основано на реальных событиях; «Пираммида», реж. Эльдар Салаватов, 2011 - этот фильм основан на реальных событиях, произошедших в России в 1994 году; «Стальная

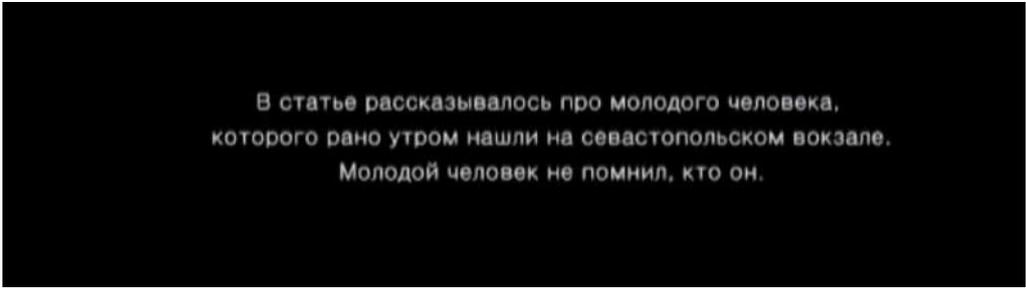
бабочка», реж. Ренат Давлетьяров, 2012 – фильм основан на реальных событиях; “Sanctum”, реж. Алистер Грирсон, 2011 - this film is inspired by a true story; “Changeling”, реж. Клинт Иствуд, 2008 – a true story; “12 Years a Slave”, реж. Стив Маккуин, 2013 - this film is based on a true story; “Eight Below”, реж. Фрэнк Маршалл, 2006 – inspired by a true story).

В российских фильмах с большой частотностью встречается информация, косвенно указывающая, что фильм снят на основе реальных событий. Как правило, она демонстрируется в интертитрах перед финальными или инициальными титрами, которые поясняют конкретные и реальные факты или ситуации («Поддубный», реж. Глеб Орлов, 2014; «Тайна перевала Дятлова», реж. Ренни Харлин, 2013; «Высоцкий. Спасибо, что живой», реж. Петр Буслов, 2011; «Кандагар», реж. Андрей Кавун, 2010; «Пушкин: последняя дуэль», реж. Наталья Бондарчук, 2006; «Кто я?», реж. Клим Шипенко, 2010). Наглядными примерами могут служить иллюстрации 1, 2, 3 к фильму «Кто я?», реж. Клим Шипенко, 2010. В фильме рассказывается о человеке без документов, потерявшего память, которого ранним дождливым утром находят на севавтопольском вокзале, на перроне рядом с поездом Москва-Севастополь. Он помнит множество фактов: исторические даты, песни любимой группы «СерьГа», но не может ни назвать своего имени, ни рассказать, откуда он и есть ли у него семья. Психиатр определяет состояние молодого человека как диссоциативную амнезию, при которой забываются факты из личной жизни, но сохраняется память на многие внешние события. Психиатр, милиционер и журналистка начинают вести расследование.

Статья под названием "Кто Я?" была опубликована в газете "Слава Севастополя" в марте 2004 года.

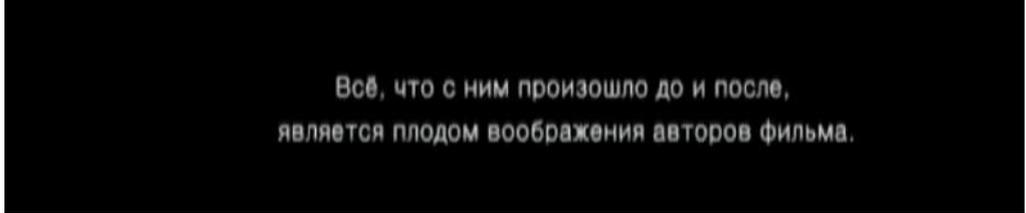
Иллюстрация 1, Фрагмент финальных титров к фильму «Кто я?», реж. Клим Шипенко, 2010 г.

В статье рассказывалось про молодого человека, которого рано утром нашли на севавтопольском вокзале. Молодой человек не помнил, кто он.

Иллюстрация 2

Фрагмент финальных титров к фильму «Кто я?», реж. Клим Шипенко, 2010 г.

Всё, что с ним произошло до и после, является плодом воображения авторов фильма.

Иллюстрация 3

Фрагмент финальных титров к фильму «Кто я?», реж. Клим Шипенко, 2010 г.

Из приведенных выше иллюстраций мы видим, что сюжет фильма «Кто я?» был создан на основе газетной статьи.

Аналогичный способ подачи информации присутствует и в американском кинематографе, однако в финальных титрах, информация о том, что «хотя фильм был основан на реальных событиях, любое совпадение с реальными людьми случайно» обязательно демонстрируется еще раз. Так, в фильме “Hachi: A Dog's Tale”, реж. Лассе Хальстрем, 2008 сразу после фильма, в интертитрах, приводится информация о том, что «настоящий Хатико родился в японском городе Одате в 1923 году. Его хозяин, доктор Эсабуро Уэно, профессор Токийского университета, умер в мае 1925. Хати вернулся на станцию

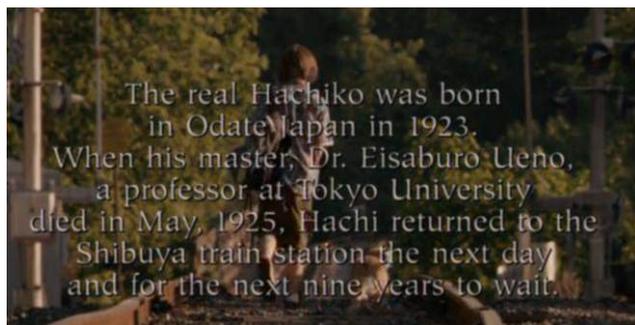

Иллюстрация 4

Фрагмент финальных титров к фильму “Hachi: A Dog's Tale”, реж. Лассе Хальстрем, 2008

Иллюстрация 5

Фрагмент финальных титров к фильму “Hachi: A Dog's Tale”, реж. Лассе Хальстрем, 2008

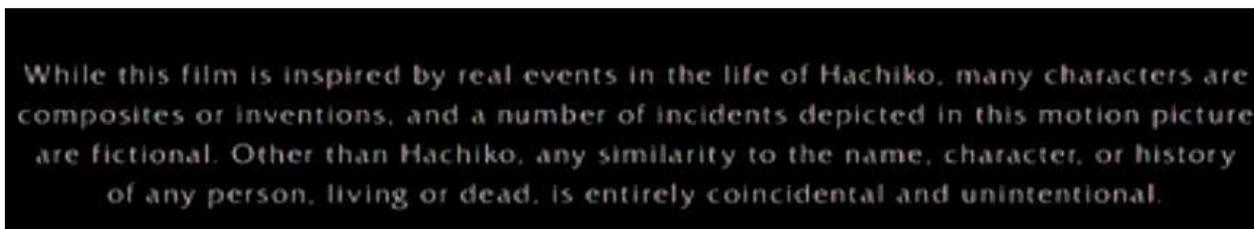

Иллюстрация 6

Фрагмент финальных титров к фильму “Hachi: A Dog's Tale”, реж. Лассе Хальстрем, 2008

Сравнивая информацию о месте съемок фильма, можно наблюдать, что в американских кинотекстах этот блок не является обязательным, однако встречается достаточно часто (30%). Примерами могут служить следующие фильмы: “Sherlock Holmes: a Game of Shadows”, реж. Гай Ричи, 2011: filmed on location in Strasbourg & Paris, France, with the assistance of the FRENCH TAX REBATTE for international productions; “Lord of War”, реж. Эндрю Никол, 2005: filmed on location in New York, South Afrika and The Czech Republic; “Pirates of the Caribbean: On Stranger Tides”, реж. Роб Маршалл, 2011: filmed in Puerto Rico. Filmed in the United Kingdom; “Now You See Me”, реж. Луи Летерье, 2013: filmed on location Louisiana. Additional footage filmed on location in Paris, France; Las Vegas, Nevada and New York City. Подобная информация презентуется сразу после слов благодарности создателей фильма.

В российском современном кинотексте данный информационный блок отсутствует.

Список литературы

1. Словарь Ефремовой Т.Ф. [Электонный ресурс]. / Т.Ф. Ефремова. – Режим доступа: <http://efremova.info/word/sjuzhet.html>
2. Слышкин Г.Г., Ефремова М.А. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа). - М.: Водолей Publishers, 2004 – С.153.
3. Цыбина Т.А. Содержательные и функциональные характеристики кинотитров как элемента кинотекста // Университетские чтения – 2011. Сб. науч. тр. – Пятигорск, ПГЛУ, 2011. – С.232- 237.

ЭТИКЕТ И СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС АДРЕСАТА

Мануйлова Инесса Владимировна

Кандидат филологических наук, Государственный институт русского языка им.А.С.Пушкина, г.Москва

ETIQUETTE AND SOCIAL STATUS OF DESTINATION

Manuylova Inessa, Candidate of Philology, State Pushkin Institute of Russian Language, Moscow

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена вопросам изучения этических аспектов делового межличностного общения в соответствии с социальным статусом. Способы обозначения социального статуса человека в языке разнообразны. Прежде всего, противопоставляется выражение и описание социального статуса человека. Выражение социального статуса представляет собой индикацию принадлежности человека к той или иной общественной группе и вытекающие отсюда права и обязанности человека. Описание социального статуса есть лингвистическая процедура выявления внешних и внутренних обстоятельств, определяющих признаки статуса человека по отношению к другим людям применительно к типовому акту поведения и ранговой позиции человека.

ABSTRACT

The article is devoted to studying the ethical aspects of the business of interpersonal communication in accordance with the social status. Ways of a designation of social status of the person in the language varied. First of all, it is opposed to the expression and description of social status. Expression of social status is an indication of man's belonging to a particular social group and the ensuing rights and duties of man. Description of the social status of a linguistic procedure to detect internal and external circumstances that determine the signs of a person's status in relation to other people in relation to the model act of behavior and position of the person's rank.

Ключевые слова: Этикет, речевое общение, деловой этикет, социальные нормы, социальный статус, этикетные формулы, коммуникативное лидерство, речевая инициатива, формульные модели поведения.

Keywords: Etiquette, verbal communication, business etiquette, social norms, social status, etiquette formulas communicative leadership, voice initiative, definable behaviors.

Речевое общение людей представляет собой многофункциональное взаимодействие, включающее: информационный обмен, установление и поддержание контакта, регулировку межличностных отношений. В частности, в деловом общении межличностные отношения представляют собой статусные и ролевые отношения: "начальник" — "подчиненный", "партнер" — "партнер", "производитель" — "получатель".

Социальный статус участников диалога в деловом общении чрезвычайно важен. Известный исследователь этой темы В. И. Карасик утверждает, что без учета социального статуса участников общение носит искусственный либо провокационный характер [3, с. 115]. Деловое общение статусно ориентировано, потому что в социально-правовые отношения вступают не абстрактные "имярек", а представители определенных организаций, структур, занимающие в них определенные должности.

Правила делового этикета являются частным видом социальных норм, включенных в систему неформального социального контроля поведения.

Соблюдение этих норм подкрепляется неформальными санкциями со стороны социального окружения, которое оценивает, как личность соотносится с совокупностью требований, норм, образцов поведения. Результатом этой оценки является общественное (групповое) мнение о данном человеке, одобряющее или порицающее его поведение.

Как составляющая системы социальных норм, нормы делового этикета выполняют следующие функции:

1. Благодаря включенности в систему социального контроля, они выполняют важнейшую функцию — регуляции поведения и совместной деятельности членов социальной группы, что делает возможной саму эту деятельность, обеспечивая стабильность и порядок.
2. По своей объективной природе они направлены на повышение эффективности делового взаимодействия, оптимизируют деятельность и выполняют деловую функцию.
3. Являясь средством выражения уважения и доброжелательности, выполняют коммуникативную функцию, помогают устанавливать и поддерживать

хорошие деловые отношения, избегать конфликтов.

4. Отражая статусные различия, закрепляют иерархию отношений, выполняя дисциплинирующую функцию.
5. В отношении группы выполняют интегративную функцию, обеспечивают сплоченность и однородность социальной группы за счет единства норм и социальных ожиданий ее членов. Именно выполнение определенных норм поведения (наряду с групповыми ценностями) определяет границы группы — в данном случае, делового сообщества или его отдельного профессионального сегмента.
6. Для индивида являются условием кооптации (включения, принятия) группой, выполняют функцию самопрезентации.
7. Помогают человеку ориентироваться в ситуации, снижают ее неопределенность, и таким образом выполняют функцию своеобразной психологической поддержки [1, с.24].

Социальный статус складывается из индексных признаков.

Индексами социального статуса являются служебное положение, материальное положение, личные заслуги и возраст. Все это учитывается при выборе обращения, именования, на интонационном и даже грамматическом уровне (вопросительная форма, сослагательное наклонение, вводные конструкции как выражение высокой степени почтительности:

Не могли бы вы составить свой план действий?

Вас не затруднит дать письменный ответ на наше предложение?).

При этом обычное вежливое обращение отличается от обращения к особо важной персоне (VIP — very important person), которой могут быть лица, занимающие высокое служебное положение или имеющие выдающиеся заслуги перед отечеством. Для обращения к таким людям (в устной и в письменной форме) используются особые этикетные формулы:

Многоуважаемый Юрий Михайлович!

Глубокоуважаемый Дмитрий Сергеевич!

Грубейшим нарушением норм русского речевого этикета является складывающаяся под влиянием западной культуры тенденция двуименного официального обозначения (имя и фамилия) первых лиц государства: Борис Ельцин, Евгений Примаков. Эта тенденция нарушает традиции трехименного обозначения лица, и представляет собой жест неуважительного отношения к особо важной персоне, так как именование является индексацией статуса человека. Только развернутые трехименные именованья — Борис Николаевич Ельцин, Евгений Максимович Примаков — являются единственно допустимыми в этом случае согласно нормам русского речевого этикета [2, с.36].

При обращении к подобным лицам принято использовать разрешительные этикетные формулы:

Позвольте обратиться к Вам с предложением...

Позвольте предложить Вам...

Разрешите позвонить Вам по вопросу о...

Формулы вежливости могут быть развернутыми и свернутыми:

В связи с... позвольте мне от имени... и по поручению... поздравить Вас с... и пожелать Вам... (развернутая формула)

Разрешите поздравить Вас с...

Поздравляем Вас с... (свернутая формула)

Развернутые речевые формулы этикета используются в основном в письменной речи, свернутые более характерны для устной ее формы (исключение составляет читаемая речь).

Представление о коммуникативном лидерстве по отношению к особо важной персоне выражается в добровольной передаче речевой инициативы лицу, чей статус намного выше статуса собеседника. Собеседник в этом случае, как правило, отвечает на вопросы и "докладывает", т.е. санкционированно подхватывает речевую инициативу.

Общение деловых партнеров, людей одного социального статуса более свободно, речевая инициатива естественно переходит во время обсуждения от одного участника диалога к другому или перехватывается им с целью закрепления лидирующей позиции. Социальный статус в деловом общении тесно связан с правомочием принятия решений от имени юридического лица. Как правило, людьми, принимающими решения по важным экономико-правовым вопросам, являются руководители первого звена: директора, председатели правления, коммерческие директора и т.п. В отличие от тех, кому это право может быть делегировано (руководители среднего звена), они обладают статусом первого лица, который учитывается при ведении деловых переговоров: это подчеркнутое внимание, учет мнения собеседника, признание его позиции.

Возраст собеседника также имеет существенное значение при выборе формы общения и этикетных фраз. Ты-общение по отношению к старшему по возрасту человеку есть грубейшее нарушение правил речевого этикета [4, с.126-128].

Правила использования этикетных формул и формы общения в связи с понятием "социальный статус" можно представить следующим образом:

Вы-общение и строгое соблюдение правил этикета	в официальной обстановке по отношению к любому адресату всегда по отношению к старшему по возрасту всегда по отношению к незнакомому человеку
Вы-общение и подчеркнутая вежливость	по отношению к лицам, занимающим высокое служебное положение по отношению к лицам, чьи заслуги признаны всеми

Этикет представляет собой систему формальных поведенческих актов, и поскольку форма в известной мере автономна по отношению к содержанию, правила этикета не эквивалентны нормам морали.

Основу этикета составляют правила хорошего тона, которые сводятся, по мнению Эмили Пост, автора одного из наиболее авторитетных в англоязычном мире руководств по этикету, к четырем качествам личности человека: инстинктивной порядочности, нравственной целостности, самоуважению и лояльности. Порядочность обозначает не только правильность речи и поведения, но честность и надежность в обязательствах. Нравственная целостность наряду с честностью включает утонченность мотивов и справедливость в оценке мотивов других людей. Самоуважение проявляется в отказе от обязательств, которые не будут выполнены. Лояльность выражается в верности не только друзьям, но и принципам [6, с.4]. В книгах по этикету постоянно делаются ссылки на понятия искренности, скромности, такта, аккуратности, пунктуальности, самообладания [5, с.11]. Иначе говоря, авторы практических руководств по этикету акцентируют необходимость внутренней потребности человека вести себя

уважительно по отношению к другим людям. Специфика этикетных приоритетов показывает определенную статусную иерархию людей в том или ином обществе.

Например, правила англоязычного этикета детально регламентируют порядок знакомства людей. Молодого человека представляют старшему, джентльмена представляют леди, даже если джентльмен значительно старше и является выдающимся человеком, а леди исполнилось только 18 лет. Женщину представляют мужчине только в трех случаях: если мужчина является монархом (членом королевской семьи), президентом страны или церковным иерархом. Если же леди не достигла 18 лет, ее представляют гостю.

Носители титулов весьма чувствительны к использованию титулов. К доктору, судье и епископу предписывается обращаться, соответственно называя их звания. К протестантским священникам обращаются со словом Mr., например, Mr. Jones. Если же священнослужители носят звания Доктора, Декана или Каноника, то этикет рекомендует обращаться к ним с указанием звания, например, Dean Jones. Католического священника следует называть

Father: Father Kelly. Обратиться к нему Mr.Kelly значит проявить невежливость. Такая невежливость имеет не только этикетную, но и политическую сторону: англиканская и католическая церковь находятся в неравном положении в англоязычном обществе, как в Великобритании, так и в США. Католики - это, в основном, ирландцы, а также выходцы из Италии, Испании и стран Латинской Америки. Проигнорировать сан католического священника в англоязычном обществе - значит презрительно отнестись к большой группе людей, занимающих, как правило, более низкую ступень в социальной иерархии.

Особое внимание в США оказывается членам Сената. К сенатору США обращаются со словом Senator независимо от того, занимает ли он этот государственный пост или уже стал бывшим сенатором. Бывший президент США в обращении - это Mister, а не Ex-President. Приставка Ex-используется в качестве "префикса вежливости" применительно к ушедшим в отставку губернаторам штатов и послам (Ex-Governor, Ex-Ambassador), хотя допустимым является и обращение к ним the Honorable - "достопочтенный", принятое в отношении конгрессменов, судей, а также некоторых других лиц, занимающих высокие посты.

Этикет предписывает проявление особой степени уважения к монарху: Her Majesty, with His Royal Highness, honoured Captain Robin Woodall (Master of Queen Elizabeth 2") with her presence at lunch and afterwards toured the liner. (The Times). В газетном сообщении говорится, что английская королева Елизавета II посетила корабль, названный ее именем: "Ее Величество... оказала честь капитану своим присутствием".

В том случае, если в официальной или полуофициальной обстановке знакомятся люди, стоящие на равных социальных позициях, третье лицо обычно называет их по фамилиям: "Mr.Brown. Mr.Jones." Допустимой формой знакомства леди с джентльменом считается вопрос к джентльмену, знаком ли он с этой леди, однако, подобный вопрос к леди считается грубым нарушением этикета [6, с.5-11].

Из приведенных правил этикета вытекают следующие обобщения: 1) приоритетными позициями в англоязычном обществе являются позиции высшего государственного лица, старшего по возрасту (на поколение) и женщины. 2) существует порядок приоритетов: высшее государственное лицо, женщина, старший по возрасту, 3) к людям, занимающим престижные в обществе должности, следует обращаться с использованием титула, 4) титулование является идиоматичным и распространяется как на людей, занимающих престижные должности, так и на людей, которые занимали такие должности в прошлом, 5) приоритетной является позиция известного члена группы, а не новичка, 6) в развернутом имени, включающем имя и фамилию, содержится дополнительная информация социального характера, 7) существуют этикетные формы представления людей на персональной и социальной дистанции, 8) имя не употребляется на социальной дистанции, фамилия и титул - на персональной.

Измерить степень национальной специфики тех качеств, которые образуют стереотип носителя культуры,

очень трудно. Велика опасность упрощений и карикатурных обобщений. Одним из надежных показателей культурного своеобразия речевого коллектива является язык.

Таким образом, этикет как стандартное официальное поведение людей является специфическим способом выражения социального статуса человека. Разворачиваясь на социальной дистанции между участниками общения, этикет включает вербальные и невербальные средства выражения и проявляется в поведенческом и нормативном аспектах.

Этикет как поведение представляет собой систему способов поддержания общения между людьми, относящимися к разным группам общества. Этикет национально специфичен. Способы этикетного общения обусловлены этикетной системой и этикетной ситуацией и вне контекста являются содержательно пустыми. Способы этикетного общения представляют собой формульные модели поведения, включающие несколько последовательных ходов и интерпретируемые в рамках культуры, присущей речевому коллективу.

Признак этикета объективно наличествует в значении слов и получает систематическое выражение в словарных дефинициях в виде индексов официальности и фиксированных актантов. Индекс официальности раскрывается как формальное, публичное и церемониальное поведение. Фиксированные актанты обозначают официальных должностных лиц. Признак этикета во многих случаях проявляется в синкретичном единстве с признаком социального статуса человека и связан с признаком стилистического регистра (высокий стиль общения). Языковые характеристики этикета отражены в словаре как тематическая отнесенность лексики (поведение: этикетное поведение: юридическое и ритуальное поведение).

Этикет как норма представляет собой преломление культурных ценностей общества в правилах хорошего тона. Выделяются поведенческие приоритеты, свойственные различным речевым коллективам. Специфика англоязычного этикета состоит в эмоционально-волевом самоконтроле, традиционализме, сублимации конфликта, сдержанно-рыцарском отношении к даме. Этикетные правила определяют этикетное пространство в виде требуемых и запрещаемых форм поведения и характеризуют степень допустимых отклонений от канонических норм. Особым видом этикета является церемониал, представляющий собой общение на суперсоциальной дистанции.

Список литературы

1. Акиншина А.А., Формановская Н.И. Русский речевой этикет. - М.:Рус.язык, 1975.
2. Гольдин В.Е. Этикет и речь. Саратов: Изд-во Саратов.ун-та, 1978.
3. Карасик В.И. Язык социального статуса. М., 1992.
4. Колтунова М.В. Язык и деловое общение. М.: Экономическая литература, 2002 г.
5. Lange W. Aspekte der Höflichkeit: Überlegungen am Beispiel der Entschuldigungen im Deutschtn. - Frankfurt (Main): Lang,1984.
6. Post E. Etiquette. The Blue Book of Social Usage. - New York: Funk and Wagnalls,1950.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ И ЕГО РЕЛИГИОЗНЫЙ КОНТЕКСТ В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Парецкая Марина Эдуардовна

старший преподаватель, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

ARTISTIC TEXT AND ITS RELIGIOUS CONTEXT IN THE TEACHING OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Paretskaya Marina, senior lecturer, Southern Federal University, Rostov-on-Don

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется проблема преподавания художественной литературы под религиозным углом зрения на занятиях по русскому языку как иностранному. Поднимается вопрос о духовных корнях русской классической словесности XIX – начала XX веков. Обосновывается положение о проведении анализа русского текста в религиозном ключе наряду с общими принципами филологического анализа литературных произведений в рамках РКИ.

ABSTRACT

The article analyzes the problem of the teaching literature under a religious point of view on employment on Russian as a foreign language. The question is raised about the spiritual roots of Russian classical literature of the XIX – early XX centuries. It is proved that the analysis of the Russian text in a religious light, along with the general principles of philological analysis of literary works in the framework of Russian as a foreign language.

Ключевые слова: русский язык как иностранный; духовность русской классики; изучение русской словесности на занятиях по РКИ в контексте христианства; христианские мотивы стихотворения А. А. Блока.

Keywords: Russian as a foreign language; Spirituality Russian classics; study of Russian literature in the classroom for Russian as a foreign language in the context of Christianity; Christian motifs poem by Alexander Blok.

Методика преподавания русского языка как иностранного, максимально полно раскрывшая коммуникативное направление в обучении инофонов, сегодня успешно развивает и другое направление – лингвокультурологическое, помогающее обновлению современной методической науки и лингводидактическому поиску. В связи с чем одной из главных задач российских преподавателей РКИ является создание условий для освоения русской культурно-языковой сферы иностранными учащимися.

Постижение чужой культуры через язык невозможно без знакомства с литературой, написанной на этом языке. Изучение художественного текста на занятиях по русскому языку как иностранному с учащимися гуманитарного профиля, в частности с будущими филологами, переводчиками и журналистами предполагает как учебные, так и профессиональные цели. В связи с чем работа над текстами русской классической литературы со студентами указанных специальностей должна быть более основательной.

Основные сведения о творчестве русских писателей и поэтов иностранные учащиеся получают в курсе истории литературы. Поэтому на практических занятиях по русскому языку как иностранному при изучении произведений отдельного автора преподаватель может ограничиться краткой вступительной беседой, помогающей инофонам активизировать полученные ранее знания.

Следующим этапом работы будет изучение лексических единиц, необходимых для дальнейшего понимания содержания текста и его интерпретации. Затем проводится комментированное чтение, в процессе которого рассматриваются особенности внутренней и внешней формы текста. В ходе такой работы студенты соотносят объём всего произведения с его отдельными частями, выявляют авторскую точку зрения и замысел всего произведения, определяют смысл названия, тематику и общую модальность текста. При этом у обучаемых формируются навыки и умения, необходимые для профессионально ориентированной устной и письменной коммуникации.

Кроме того, на занятиях по русской художественной литературе в иноязычной аудитории необходимо вводить информацию и о последних достижениях отечественного литературоведения. Например, это может быть проблема изучения русской литературы «золотого» и «серебряного» века в христианском ключе. Тем более, что иностранные учащиеся, принадлежащие к различным культурам и конфессиям, проявляют интерес и к православной религии, и к вопросам духовных истоков русской классики.

На аудиторных занятиях в группах иностранных учащихся возможен рассказ о том, что в советское время религиозная тематика русской литературы замалчивалась и по большому счёту не исследовалась. Только в конце XX века российское литературоведение обратилось к этому вопросу. Сегодня это научное направление признаётся частью этнопоэтики и нередко называется «религиозной филологией». Тем не менее следует отметить, что на сегодняшний день у российских учёных отсутствует единое мнение при интерпретации творчества русских писателей и поэтов с указанных позиций. Поэтому иностранным учащимся рекомендуется представлять материалы критической литературы, отражающие несопадающие трактовки и оценки как всего творчества русских классиков той эпохи, так и отдельных их сочинений.

Так, например, интерес для иностранных студентов-филологов представляет полемика В. С. Непомнящего и С. Г. Бочарова по поводу стихотворения А. А. Блока «Девушка пела в церковном хоре», написанного в 1905 году [2, с. 3-4]. Первый исследователь считает, что это произведение по своей сути кощунственно, поскольку в его последних строках (которые, к слову сказать, В. С. Непомнящий предлагает из текста изъять) говорится о бесполезности молитвы. Второй литературовед говорит, что стихотворение Блока – шедевр, в котором ничего нельзя изменить. Следует предположить, что современниками поэта это произведение было правильно понято и не вызвало у них никаких вопросов. И только многолетнее официальное забвение религии, как это случилось в нашей стране, может

привести к мысли об изменении первоначального авторского текста.

Тем не менее классика всегда остаётся классикой: анализ блоковского стихотворения, проведённый на основе его религиозного контекста, способен примирить всех оппонентов и раскрыть перед глазами современного человека, в том числе и представителя другой культуры и другого языка, истинные духовные механизмы, направляющие авторскую мысль и слово. Анализ изучение стихотворения А. А. Блока «Девушка пела в церковном хоре» стажёрами-европейцами служит иллюстрацией к сказанному.

Девушка пела в церковном хоре о всех усталых в чужом краю,

О всех кораблях, ушедших в море, о всех забывших радость свою.

Так пел её голос, летящий в купол, и луч сиял на белом плече,

И каждый из мрака смотрел и слушал, как белое платье пело в луче.

И всем казалось, что радость будет, что в тихой заводи все корабли,

Что на чужбине усталые люди светлую жизнь себе обрели.

И голос был сладок и луч был тонок, и только выско у царских врат,

Причастный тайнам, плакал ребёнок о том, что никто не придёт назад.

После прочтения текста стихотворения и работы над использованной в нём лексикой, студенты (под руководством преподавателя) пришли к приведённым ниже выводам.

Это стихотворение посвящено центральной идее христианства – искупительной жертве Иисуса Христа. Такая жертва стала необходимой, поскольку в определённый момент своей давней истории люди отступили от Бога, оказавшись во власти греха и смерти; вследствие чего души не только грешников, но и праведников в своём посмертии попадали в ад, а вместе с ними в рабстве оказалась и вся Вселенная.

В произведении Блока людские души манифестированы символом корабль, который используется автором в качестве субститута жизни (по дохристианским представлениям, понятие корабль символически уравнивалось с понятием человек). Однако, по словам поэта, это усталый корабль, т.е. человеческая душа, которая, забыла радость, а значит потеряла связь с Создателем. Такая душа находится в потустороннем мире, куда, согласно древним представлениям, она отправилась по воде (в тексте – по морю). Но море представляет собой и символ возрождения к новой жизни, из чего можно сделать вывод, что Создатель даёт людям надежду на спасение и духовное перерождение. Недаром в раннем христианстве корабль был тайным знаком Иисуса Христа, символизирующим безопасность среди жизненных штормов.

Чтобы освободить человечество от власти тёмных сил, Бог Отец проявляет особую силу, представленную явлением, смертью и воскресением Бога Сына. Своими мучками на кресте Иисус приобретает для всех людей Земли вечное искупление и помогает душам попадать в рай. Более того, через Иисуса Христа Бог Творец примиряет с Собой и всю Вселенную.

В последних строках стихотворения поэт иносказательно говорит о подвиге Христа. На то, что главным героем произведения является именно Иисус Христос, указывает упоминание царских врат, т.е. места, традиционно закрепленного в сакральном пространстве церкви за Богом Сыном. Только Иисус у Блока пока ещё ребёнок, но не простой ребёнок, а причастный тайнам, иными словами, знающий, какие испытания ему суждены, и поэтому плачущий. Соотнести эти строки стихотворения можно с известным евангельским сюжетом «моление о чаше», т.е. с молитвой Христа в Гефсиманском саду перед предательством Иуды: «... да минует меня чаша сия; впрочем не как Я хочу, но как Ты» [1, Евангелие от Матфея, 26:39].

Однако младенец Христос, вероятно, оплакивает не только себя, но, в первую очередь, все человеческие души, которые вынуждены мучиться в аду.

В этом стихотворении есть также указание на присутствие в сакральном церковном пространстве самой Святой Троицы. Во-первых, это Божественный мальчик-младенец, во-вторых, девушка в белом платье – Пречистая Дева, женское Божественное начало, которое поёт о несчастных душах и которое отождествляется с любовью и жизнью, тем самым противопоставляясь смерти. Неземная сущность поющей девушки кодируется словосочетаниями белое платье и белое плечо, ведь белый цвет является символом чистоты, истины и божественности. Этот безупречный христианский цвет символизирует переход в иное состояние, поэтому все смотрящие и слушающие из мрака (читай – из ада) в блоковском стихотворении получают надежду на лучшее будущее.

Песня летит под церковный купол, туда, где в православных храмах находится изображение Бога Отца – третьей ипостаси Святой Троицы. Творец отвечает на молитву Святой Девы и благословляет её просьбу, посылая солнечный луч. И у людей появляется надежда: каждая душа внимает молитве и понимает, что радость будет, что души наконец обретут покой, что уйдёт уныние, которое в христианстве считается одним из семи смертных грехов.

Таким образом, при изучении иностранными учащимися русской классической литературы возможно, а в некоторых случаях и необходимо рассмотрение её христианской составляющей. Анализ русской словесности именно под таким углом зрения даёт возможность представить её как часть народной ментальности и культуры и как часть христианского дискурса. При этом преподавателю русского языка как иностранного необходимо стремиться к тому, чтобы инофоны усваивали не только необходимые общие принципы филологического анализа русской художественной классики, но и были ознакомлены с литературоведческими изысканиями последних лет.

Список литературы

1. Библия. Русский синодальный текст. Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви. – 2011.
2. Золотухина О. Ю. «Христианство и русская литература»: обзор концептуальных подходов к теме – режим доступа к изд.: <http://russian-literature.com/ru/research/krasnoyarsk/oyu-zolotuhina-hristianstvo-i-russkaya-literatura-obzor-konceptualnyh-podhodov-k-teme>

ВЫЯВЛЕНИЕ САМООРГАНИЗАЦИИ ДИСКУРСА С ВОСХОДЯЩЕ – НИСХОДЯЩИМ ДВИЖЕНИЕМ СЕМАНТИКИ

Подгорбунская Ирина Геннадьевна

старший преподаватель кафедры иностранных языков, Сибирский государственный технологический университет, г. Красноярск

*IDENTIFICATION OF SELF – ORGANISATION OF DISCOURSE WITH ASCENDING – DESCENDING MOVEMENT OF SEMANTICS
Podgorbunskya Irina, Senior Lecturer of Department of Foreign Languages, Siberian State Technological University, Krasnoyarsk*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается дискурс с идиомой с компонентом hand как единица структурной организации и самоорганизации. Особое внимание уделяется определению точечных аттракторов и их взаимодействию со слабыми позициями дискурса.

ABSTRACT

The article discusses the discourse with the idiom with hand as a unit of the structural organization and self-organization. Particular attention is paid to the definition of point attractors and their interaction with the weak position of discourse.

Ключевые слова: гармонический центр; аттрактор; восходяще-нисходящее движение семантики; симметрия; асимметрия.

Keywords: harmonic centre; attractor; ascending-descending movement of semantics; symmetry; asymmetry.

*А для низкой жизни были числа, Как домашний
подъяремный скот, Потому что все оттенки смысла
Умное число передает.*

Н. Гумилев

Целью настоящей статьи является описание процесса структурной самоорганизации дискурса, в составе которого находится идиома.

На современном этапе развития гуманитарных и естественных наук синергетическое мировидение обладает большим междисциплинарным потенциалом. В свете новой концепции нелинейного мышления взгляд на язык как на самоорганизующийся процесс, как на нелинейную открытую среду, весьма актуален.

Определяя дискурс, как языковую единицу высшего уровня, обладающей структурной и функциональной спецификой, можно утверждать, что она наделена определенными пропорциями. Эти пропорции создают определенную гармонию, как «закона целостного единства, закона целого» [1, с.135]. Понимание гармонии целого значительно продвинулось исследователями пропорциями золотого сечения в ее приложениях к различным природным и идеальным объектам: от структуры ДНК, кристаллов, биоритмов мозга, живописи, архитектуры, музыки, поэзии до гармонии в расположении планет Солнечной системы [2, с.40].

Взяв за основу методику позиционного анализа Москальчук Г.Г., проанализируем следующий дискурс с восходяще-нисходящей семантикой, содержащий в своем составе идиому, взятый из книги Дж. Гришэма «Братва»:

The last thing Teddy wanted was a long, useless conversation about politics. They were wasting time. The sooner he finished his business, the sooner he could return to the safety of Langey.

'I'm here to ask you a favour,' he said slowly.

'Yes, I know. What can I do for you?' The President was smiling and chewing, enjoying both the chicken and the rare moment of having the upper hand.

'It's a little out of the ordinary. I'd like clemency for three federal prisoners.'

The chewing and smiling stopped, not out of shock but of confusion. Clemency was usually a simple matter, unless it

involved spies or terrorists or infamous politicians. [4, с.398-399].

Анализируемый дискурс представляет собой динамический процесс, передающий определенную информацию. При помощи метода моделирования определяются точечные аттракторы данного дискурса. К точечным аттракторам относятся гармонический центр (ГЦ), зоны начала и конца дискурса. По мнению Г.Г.Москальчук, наряду с сильными реализуются и слабые позиции дискурса на структурно-содержательном уровне.

Если дискурс принимается за единицу, то словоформы являются долями от единицы, что выражается дробными величинами. В приведенном дискурсе 114 словоформ и для определения локализации ГЦ необходимо:

$$114 \times 0,618 = 70, 452 \approx 70$$

Как показали расчеты, ГЦ согласуется с основным компонентом идиомы – лексемой hand. ГЦ является центром структурной устойчивости, «верным признаком организованности» дискурса [3, с.241]. Гармонический центр является максимальной семантической вершиной и обуславливает восходяще-нисходящее движение семантики всего дискурса.

Существуют гармонические центры начала (ГЦн) и конца (ГЦк) дискурса, которые обеспечивают его единство.

ГЦн располагается от абсолютного начала дискурса на расстоянии равном 0,236 от общей длины дискурса. Установление содержательных и формально-грамматических связей между этими позициями может дать новую информацию о внутренних процессах, проистекающих в дискурсе и обеспечивающих «семантико-структурную спаянность целого» [2, с.137]. ГЦ и ГЦн являются параметрами, определяющими целостность дискурса и представляющими собой циклические аттракторы. Именно они в состоянии преобразовать внутридискурсивные циклические взаимодействия. Определение ГЦн поможет выявить особенности самодвижения языковой материи в дискурсе, т.к. каждый дискурс обладает своей специфической распределением максимумов и минимумов плотности единиц внутри исследуемого цикла.

Как выяснилось ГЦн, также как и ГЦк находятся на расстоянии в 27 словоформ от абсолютного начала и конца дискурса:

$$114 \times 0,236 = 26, 904 \approx 27.$$

Исследуемые позиции дискурса ГЦн и ГЦк совпадают с лексемами *return* и *chewing* соответственно. Зона Н – ГЦ характеризуется возрастанием флуктуаций, проявляющихся в эмоциональной насыщенности, нетерпении шефа ЦРУ Тедди перейти к конкретному вопросу и обезопасить себя, вернувшись в штаб-квартиру (*wanted, wasting time, the sooner the sooner, return to the safety, to ask a favour*). Симметрично зона ГЦ – К характеризуется разряжением ситуации, так как главная причина, по которой Тедди пришел к президенту, уже озвучена, что привело президента в замешательство, обуславливающее перемену его состояния (*a little out of the ordinary, clemency for three federal prisoners, a simple matter, chewing and smiling stopped, shock, confusion*).

Слабые позиции дискурса или репеллеры отражают его асимметрию. Они находятся на расстоянии 27 словоформ влево и вправо от гармонического центра ($114 \times 0,236 = 26, 904 \approx 27$). Совпадение слабых позиций дискурса со словоформами *slowly* и *confusion* подчеркивают дискретность структуры дискурса, смысловую изоляцию от ГЦ. «Абсолютно слабые позиции по своим характеристикам необходимо сопоставлять с ГЦ как абсолютно сильной позицией текста [2, с.57].

В сложной открытой и сильно неравновесной системе дискурса спонтанно возникают отдельные островки упорядоченности и все траектории системы будут стремиться к этому притягивающему множеству, называемому

аттрактором, которые способствуют созданию благоприятных режимов восприятия авторского намерения, заложенного в структуру дискурса.

Таким образом, синергия системы дискурса проявляется через возникновение флуктуаций во внутренней системе дискурса и системах, непосредственно участвующих в его самоорганизации. Неравновесность, неустойчивость и нелинейность, реализующиеся посредством объективации флуктуаций семантического уровня, активно структурируют языковую среду, осуществляют «поворот» языка на образование новых структур, порождение новых смыслов.

Проведенный анализ исследуемого дискурса, а именно выявление гармонического центра, сильных и слабых его позиций, позволяют показать динамику разветвления его структуры и определить ведущую роль идиомы в организации дискурса.

Литература

1. Марутаев М.А. Гармония как закономерность природы // Шевелев И.Ш., Марутаев М.А., Шмелев И.П. Золотое сечение: Три взгляда на природу гармонии. – М.: Стройиздат, 1990. С. 130 – 232.
2. Москальчук, Г.Г. Структура текста как синергетический процесс / Г.Г. Москальчук. – М.: Едиториал УРСС, 2010. – 296 с.
3. Шмелев И.П. Третья сигнальная система // Шевелев И.Ш., Марутаев М.А., Шмелев И.П. Золотое сечение: Три взгляда на природу гармонии. – М.: Стройиздат, 1990. С.233 – 241.
4. Grisham, J. The Brethren / J. Grisham. – New York: Dell Books, 2000. – 440p.

ДНЕВНИКОВАЯ ПРОЗА: МАРГИНАЛЬНОЕ ПЕРЕСЕЧЕНИЕ С ДРУГИМИ ДОКУМЕНТАЛЬНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫМИ ФОРМАМИ

Пономарёва Екатерина Валерьевна

кандидат филол. наук, старший преподаватель, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского» в г. Ялта, г. Ялта

DIARY PROSE: MARGINAL OVERLAP WITH OTHER FORMS OF DOCUMENTARY-FICTION

Ponomaryova Yekaterina, candidate of science, lecturer of The Academy of Humanities and Education (branch) of

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Yalta

АННОТАЦИЯ

Дневниковая проза, включая в себя потенции маргинальных с ней жанров, обладает особой эстетической организацией. Целью статьи является определение доминантных черт и особенностей писательских дневников через сравнение с другими документально-художественными формами.

Ключевые слова: документально-художественная литература; биография; автобиография; мемуаристика, дневник, дневниковая проза

ABSTRACT

Diary prose, comprising potencies of marginal genres, has a special aesthetic organization. The aim of the article is to determine the dominant traits and characteristics of writers' diaries through comparison with other forms of documentary-fiction.

Keywords: documentary-fiction; biography; autobiography; memoirs; diary; diary prose.

При рассмотрении злободневных вопросов в различных сферах гуманитарного знания особое внимание уделяется индивидуально-личностному измерению куль-

туры. По мнению многих современных философов, это измерение в полной мере можно охарактеризовать только при условии исследования биографии как социокультур-

ного феномена. Д. Калугин поднимает вопрос об «относительно периферийном» положении в русской культуре предшествующих столетий, по сравнению с европейской, биографических текстов и говорит об их исключительной роли в описании человеческой истории и в оправдании личности [8, с. 84]. В. Голубович констатирует факт «...глубокой укоренённости биографии, биографического сознания, биографической практики в европейской культурной традиции, в её постоянно воспроизводящемся интересе к индивидуальной жизни» [3, с. 48].

Естественно, что эти тенденции наиболее ярко будут выражены в литературе – самом значительном по своему воздействию на сознание людей культурном феномене. Литература, в особенности документальная, всегда отражает исторические события и явления общественной жизни, поэтому интерес к письмам, дневникам, запискам и другим жанрам мемуарной литературы не угасает в течение столетий. К тому же, все эти документы переполнены догадками, ожиданиями, предчувствиями и увлекают нас не только сопереживанием настоящего момента, но и предзнаменованием будущего.

Первое, что бросается в глаза при рассмотрении дневников – соприкосновение по различным параметрам с другими формами документальной литературы. Рост индивидуально-творческого элемента в структуре целостности произведения, а также стремление к правдивому отображению реальности приводит к различным жанровым изменениям [10, с. 68]. Действительно, определить то или иное документальное произведение как собственно дневник порой очень сложно. В связи с этим достаточно упомянуть «Окаянные дни» И. Бунина или дневники М. Пришвина, жанровая принадлежность которых до сих пор вызывает споры у исследователей литературного процесса XX века. О. Боброва, например, полагает, что «Окаянные дни» И. Бунина из-за особой эстетической организованности текста следует считать не дневником, а особого рода жанровой формой [1]. А. Колядина высказывает предположение о том, что «...к записям М. Пришвина термин «дневник» может быть применён с достаточной долей условности, это – текст с чертами нового литературного жанра» [9], включающий в себя многие потенции других, смежных с дневниковым, образований. Оба автора говорят об оправданной необходимости оперирования в этой связи термином «дневниковая проза», сформировавшимся под влиянием особой постмодернистской эстетики, при этом О. Боброва заключает, что выделение специфического литературного пласта – «дневниковой прозы» стало возможным благодаря многочисленным функциональным и генетическим связям дневника с другими документальными формами [1, с. 63].

Дневник считается одной из важнейших форм творческой самореализации писателя, выявляющей различные стороны личности автора. Рядом исследователей отмечается, что желание вести дневник возникает от некоторой невысказанности внутри [7], именно поэтому дневниковые тексты так многообразны в своём проявлении. Это могут быть записи только для себя; интимно-психологические признания и откровения, обращённые к самым близким; ретроспективные характеристики исторических событий, адресованные массовому читателю.

Жанровая неоднородность дневниковой прозы и общая терминологическая неразработанность проблемы предполагает рассмотрение дневника в соотнесении с

другими смежными жанрами, имеющими с ним определённые точки соприкосновения.

И. Савкина, исследуя проблемы автобиографичности женских текстов, затрагивает проблему маргинальности различных документальных текстов; отмечает пренебрежение исследователей к «неканоническим» жанрам [12, с. 11]. Работа учёной интересна, прежде всего, попыткой выделить основные причины использования советскими исследователями понятий «документальная, невымышленная или мемуарно-автобиографическая» проза вместо принятого на западе термина «автобиография» [12, с. 27]. Основная причина такого употребления понятий, по мнению исследовательницы, кроется в самом характере русской ментальности, «...в присущей нам коллективности, долевого, разделённой идентичности» [12, с. 28], в свойственном русским людям восприятию мира через концепт «Мы», а не «Я». Всё это подкреплялось традиционализмом во взглядах и отрицанием любой ретроспекции в прошлое, ставших следствием патриархального уклада и цикличного времени. Исследовательница делает вывод о том, что перелом в сознании людей становится возможным лишь тогда, «когда на первое место выдвигается личное Я, персональность получает ценностный статус» [12, с. 55], то есть когда человек почувствовал, наконец, непреодолимое стремление к самопознанию, осознанию своей самости и исключительной индивидуальной природы.

А. Тартаковский теоретически обосновывает свою точку зрения на один из самых актуальных и спорных вопросов теории жанра дневника и мемуаристики в целом – вопросе о размежевании факта и художественного вымысла. Сейчас многие согласятся с тем, что соотношение документальной правды и художественного вымысла в дневнике достаточно условно. Тем не менее, преобладание того или иного компонента (документальности или художественности) в ткани текста послужило основанием для исследователей жанра классифицировать последние на фактографические («чистый жанр») и беллетризованные (литературные) дневники. А. Тартаковский говорит о возможном обобщении и типизации в мемуарном тексте, о субъективности как структурно-организующем принципе, однако отрицает наличие в нём художественного вымысла [14].

Подобную точку зрения касательно соотношения правды и вымысла в мемуарах высказывает Т. Симонова. Она исключает любой авторский домисел, считая, что достоверный материал не должен превращаться в «объект для произвольных построений» [13]. Анализируя процесс воссоздания фактов действительности, исследовательница отмечает, что реальность, описываемая в мемуарной литературе – «...не фотографически воспроизводимая, а трансформированная в сознании очевидца <...> организованная за счёт отбора фактов, их соотнесения друг с другом, обрамления деталями, дополняющими картину былого» [13].

Диаметрально противоположного мнения придерживается Л. Гинзбург. Ведя беседу с читателем о дневниковых записях и «Мемуарах» Сен-Симона, она подтверждает право последнего как художника «...на субъективное видение мира, даже на деформацию отдельных фактов во имя высшей правды...» [2, с. 142], допуская, таким образом, незначительные фактические отклонения. Исследовательница высказывает мысль о неканоническом

характере мемуарного жанра, который, по её мнению, может потенциально содержать разные типы прозы и отдельные повествовательные формы – дневниковые записи, портреты, размышления, максимы и т. д. Л. Гинзбург выделяет из всего многообразия французских мемуарных произведений XVII – XVIII веков два типа: мемуары хроникального типа, посвящённые важным социально-историческим событиям, и мемуары интимной придворной хроники (как, например, дневник Данжо). Таким образом, мы можем говорить о различении исследовательницей таких характерных всей мемуарной литературе свойств как субъективность, хроникальность и исповедальность изложения материала.

На сложнейшую диалектику взаимопереходов факта и вымысла в произведениях реалистической эпохи обращает внимание Д. Затонский. Автор пытается «...нащупать отношения, в которых находятся искусства образное и документальное. И не только как отдельные, самостоятельные, правомочные художественные виды, а и, так сказать, в симбиозе» [6, с. 167]. Проблема разрешается Д. Затонским с помощью утверждения своего рода аксиомы: взаимосвязь фактического с художественным осуществляется благодаря тому, что документ «...не превращается в нечто эстетически полноправное», а поддается большой «образной обработке» [6, с. 169].

Большинство учёных относят мемуары, автобиографии и дневники к так называемой «литературе факта». Полярной точки зрения придерживается польская исследовательница М. Черминска, классифицируя всю сферу нехудожественной прозы на литературу факта (к ней учёная относит репортаж и его модификации), литературу личностного документа (вся сфера автобиографического письма от автобиографий до эпистолярных форм и дневника) и эссе.

Дневники с литературой факта сближает лишь их документальность, тогда как субъективность, наличие личностного элемента в дневниковой прозе образует между ними непреодолимую пропасть. Дневник существенно отличается и от мемуаров: исследовательница проводит между ними чёткую грань в зависимости от тематического центра произведений. В мемуарах более выражена позиция автора как свидетеля (изображение «мира»), в то время как в дневнике преобладает интроспекция и исповедь (изображение «Я») [15, с. 400].

Учёная отмечает усиление конфронтации этих двух позиций в дневнике в середине столетия, а также говорит о наличии третьего, противопоставленного им элемента – читателя («ты»). По мнению автора читатель всегда присутствовал в тексте дневника, ведь любая «...словесная экспрессия <...> по сути своей означает риск попасть в чужие руки...» [15, с. 401]. В связи с этим М. Черминска предлагает схематически представить содержательный компонент дневника в виде треугольника, вершущи которого были соответственно обозначены ею как «Я» – «мир» – «ты».

Действительно, представить дневниковое повествование без читателя сложно уже хотя бы потому, что дневник представляет собой написанный текст. И даже если он не предназначен для публичной огласки, работая над записями, автор будет сам неоднократно перечитывать их, то есть, по сути, являться читателем.

Получается, авторская саморефлексия, самоопределение личности невозможны без читательской аудитории. Мысленно обращаясь к адресату, автор ступень за ступенью создает идеальную модель самого себя, выстраивает цельный, более совершенный (чем это обнаруживается в действительности) образ «Я», в конце концов, просто заявляет о своём существовании.

Учёными не раз подчёркивается свойственная дневникам открытость. Теоретик семиотики У. Эко отмечает, что, не смотря на тот факт, что в каждом произведении искусства существуют аутентичные коды коммуникации, воспроизводимые путём его контекстуальной интерпретации, понимание первичной формы произведения осуществляется с помощью индивидуального детерминирования этих кодов и значений. По мнению исследователя, произведение искусства – «...созданный автором объект, организующий поток связываемых друг с другом впечатлений таким образом, что каждый потенциальный реципиент по-своему может понять то же самое произведение, первичную форму, которую задумал автор» [5, с. 526]. Множественность точек зрения при этом будет зависеть от совокупности знаний адресата, системы его психологических ожиданий, позиции его мышления, а также приобретённого им опыта и моральных принципов. Дневниковая форма с её часто незавершённым характером изложения мыслей автора ещё в большей степени, чем другие литературные формы, способствует наполнению первичного смысла новыми значениями, т. к. адресат вынужден постоянно домысливать прочитанное силами собственного воображения и системы личностных ожиданий. Дневник способен стать самостоятельным механизмом, приобретающим собственную интенцию – создать такого «образцового читателя», который не станет выдвигать единственно верное предположение, а опробует бесконечное количество догадок [4, с. 561].

А. Новожилова говорит о том, что в начале XX века дневниковый жанр приобретает новые, характерные для современного понимания дневника черты, когда «...на задний план уходят потаённость и интимность содержания записей, появляется «доступность», которая делает дневник достоянием некоторого круга слушателей и читателей (путь от отъединённости себя – к единству с другими)» [11, с. 26].

Ощущение такого воображаемого диалога с читателем заставляет автора описывать факты осмысленно, с оглядкой на общественное мнение, объяснять и, в какой-то мере, оправдывать свои поступки, опираясь на принятые в данном социуме морально-нравственные установки и правила. К тому же, как полагает всё та же И. Савкина, уже сам акт письма подразумевает некую долю публичности. Исследовательница убеждена, что при передаче любой информации мы принадлежащее, свойственное только нам претворяем в текст, понятный другим, принося «...их точку зрения внутрь своего текста» [12, с. 46]. На примере женских дневниковых текстов учёная доказывает и тот факт, что создание «автобиографического Я», а значит, и сам текст часто определены в дневниках не только социокультурными, но и литературными конвенциями, то есть дневниковое повествование создается «...часто с оглядкой на литературные каноны, шаблоны и образцы...» [12, с. 30].

Список литературы:

1. Боброва О. Б. Дневник К. И. Чуковского в историко-литературном контексте: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. – Волгоград, 2007. – 196 с.
2. Гинзбург Л. О психологической прозе. – Л.: Сов. писатель, 1971. – 463 с.
3. Голубович В. И. Биография как социокультурный феномен: методология анализа в гуманитарном знании // Интегративна Антропологія. – 2009. – № 1 (13). – С. 47–53.
4. Еко У. Надінтерпретація текстів // Антологія світової літературно-критичної думки ХХ ст. / [ред. М. Зубрицька]. – Львів, 2002. – С. 549–563.
5. Еко У. Поетика відкритого твору // Антологія світової літературно-критичної думки ХХ ст. / [ред. М. Зубрицька]. – Львів, 2002. – С. 523–538.
6. Затонский Д. Художественные ориентиры XX века. – М.: Сов. писатель, 1988. – 416 с.
7. Зырянова Е. Г. Жанр записки в кругу смежных явлений (к вопросу о формировании жанровой компетенции) // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: материалы VIII Всерос. науч.-практ. конф. молодых ученых (Томск, 27–28 апр. 2007 г.). – Томск: Издание ТГУ, 2008. – С. 52–55.
8. Калугин Д. М. Искусство биографии: изображение личности и её оправдание в русских жизнеописаниях середины XIX века // Новое литературное обозрение. – 2008. – № 3 (91). – С. 84–113.
9. Колядина А. М. Специфика дневниковой формы повествования в прозе М. Пришвина: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. – Самара, 2006. – 215 с.
10. Мажара Н. С. Теорія метажанру в контексті літератури «non fiction» // Вісник ЛНУ ім. Т. Шевченка. – 2011. – № 19 (230). – С. 65–69.
11. Новожилова А. М. Дневниковая культура в России начала XX века // Филологические записки: материалы Герценовских чтений: сб. ст. / [ред.-сост. А. М. Новожилова]. – СПб.: Рос. гос. пед. ун-т им. А. П. Герцена, 2005. – С. 24–29.
12. Савкина И. Пишу себя...: автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. – Tampere: University of Tampere, 2001. – 360 с.
13. Симонова Т. Г. Мемуарная проза русских писателей XX века: поэтика и типология жанра: учеб. пособие. – Гродно: ГрГУ, 2002. – 119 с.
14. Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика XVIII – первой пол. XIX в. – М.: Наука, 1991. – 288 с.
15. Чермінська М. Автобіографічний трикутник. Свідчення, сповіді і виклик // Теорія літератури в Польщі. Антологія текстів. Друга половина ХХ – початок ХХІ ст. / [упоряд. Б. Бакули; за заг. ред. В. Моренця]; пер. з пол. С. Яковенка. – К.: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2008. – С. 397–428.

РОЛЬ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ЯЗЫКЕ ИДИШ

Поповская Анна Яковлевна

аспирант, Крымский Федеральный университет имени В.И. Вернадского, город Симферополь

THE ROLE OF ADOPTIONS IN YIDDISH

Popovskaya Anna, Post-graduate, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol

АННОТАЦИЯ

Исследование посвящено изучению идиш, самобытному языку германского происхождения, который занимает среди современных языков особое, присущее только ему место. Не являясь вариантом других языков, идиш заслуживает изучения не только как оригинальное средство общения и язык замечательной литературы, но и как важный объект лингвистической науки.

Ключевые слова: заимствования в идиш; семантические изменения; лингвистический анализ; идиома, словосложение.

ABSTRACT

The research focuses on Yiddish, the distinctive language of German origin which takes its special place among modern languages. Yiddish it's not a variant of any languages. Yiddish deserves being learned not only as an original means of communication and language of remarkable literature, but also as a beneficial object of linguistic science.

Key words: adoptions in Yiddish; semantic modification; linguistic analysis; idiom; composition.

подавляющее большинство исследователей подчеркивают, что одним из величайших достоинств идиш, заметно обогащающим его, является наличие значительного числа слов, заимствованных из других языков, древнееврейского, немецкого, славянских, латинского. Идиш – язык рассеяния, и говорящие на нем люди всегда жили среди других народов, как правило, владели их языком, и при постоянно возникавшей необходимости вводить новые слова и понятия, заимствовали их из языка окружаю-

щего населения. В данной статье представлен анализ заимствований в языке идиш. Среди авторов, занимающихся данной проблематикой следует отметить работы учёных М. Вайнрайха, Д. Каца, С. Ландман, П. Векслера. Однако, несмотря на значительное количество публикаций, данная тематика является актуальной и недостаточно исследованной, и требует дальнейшего изучения и лингвистического анализа. Предметом работы можно определить систему и особенности идиш в сравнении с

другими германскими языками. Целью исследования является изучение заимствований в идиш. В работе делается попытка продемонстрировать принадлежность идиш к идиому «язык», а не «диалект». Материалом данного исследования послужили Вайнрайх М. «История языка идиш» и Landmann S. «Jiddisch – Das Abenteuer einer Sprache».

Большая часть лексики идиш – верхненемецкого происхождения. Велика в ней доля древнееврейского и славянского происхождения. Изрядное количество греческих, латинских, итальянских, французских, английских, и других слов интернационального фонда и, наконец, масса слов, образованных в языке идиш. К данным лексическим особенностям относятся, главным образом, слова, образованные в идиш из морфем разных языков или из морфем одного и того же происхождения, например: אַמְהאַראַצִּים [amharacim] ‘безграмотные’ – из древнееврейских морфем; גּוּנוּט [tuung] ‘занятие’, ‘действие’ – из немецких; קלעניק [kletnik] ‘лавочник’ – из русских (клять ‘чулан’, ‘кладовая’ + -ник). Древнееврейские слова (семитизмы) характерны для самых разных пластов лексики. Семитскими по происхождению являются почти все религиозные термины, слова, связанные с религиозными праздниками. Множество терминов национально-общественной жизни, родства и семейных отношений, судопроизводства и торговли, морали и многих других абстрактных понятий, а также обозначения стран света, названия месяцев еврейского календаря, подавляющее большинство собственных имён обоего пола. Например: מִשְׁפּוּחַ [mischpohe] ‘семья’, רֵבֵב [haver] ‘друг’ и др. [10]. Семитизмы образуют (одни или в сочетании со служебными словами немецкого происхождения) значительное количество глаголов. Семитскими по происхождению являются и многие прилагательные, наречия и ряд служебных слов. Семитизмами насыщены многие поговорки, пословицы и другие формы выразительной речи. Славянизмы также встречаются в различных областях лексики – например среди обозначений родственных отношений, профессий, должностей, элементов рельефа, частей тела, орудий труда, сельскохозяйственных терминов и т.д. Например: טאַטע [tate] ‘отец’, נַחַלְנִיק [nachal'nik] ‘начальник’, קאַכקע [kachke] ‘утка’. Немало славянизмов среди служебных слов, особенно частиц и союзов: צי [chi] ‘ли’, וי [to] ‘то’ и др. Широко распространены славянские суффиксы: -nik, -ac, -nice, -ixe, -ke, -evafe, например: ברווּרנע [brovarne] ‘пивоваренный завод’, קאַכעווע [kachevate] ‘вразвалку’. Интернациональные слова и термины представлены в сфере науки, техники, политики, искусства, спорта, одежды и др. Данная лексика проникала в идиш главным образом через немецкий, польский и русский языки. Греческие и латинские термины вошли также через древнееврейский язык, где данные слова нередко претерпевали фонетические и семантические изменения. Из немецкого, славянских, древнееврейского и интернационального фонда и ныне проникают в идиш отдельные слова и выражения, однако важнейшим средством обогащения словаря служит не заимствование, а образование новых слов, главным образом при помощи аффиксации и словосложения. [6, с.65].

В идиш много омонимов, омоформ, и омофонов. Данные языковые единицы возникают: а) путём словообразования и словоизменения. В живой речи звучат одинаково אָפּל [an efel] ‘яблоко’ и אָנפּל [a nefel]

‘туман’. б) в результате фонетических процессов, например, древнееврейское слово טאַם [taim] ‘вкус’, ‘мотив’ сблизились с древнееврейским словом טאַם [taim] ‘наивный человек’, и оба произносятся в идиш одинаково טאַם [taim]; в) в связи с заимствованиями из разных языков, например: קראַך [krah] ‘треск’ (нем.) и [krah] קרעך (др.-евр.) ‘большой город’. [2, с.120]. Известно, что чем больше в языке синонимов, тем язык богаче. За счет заимствований из ряда языков слов, имеющих одинаковое или близкое значение, идиш занимает по числу синонимов одно из первых мест в мире. А это делает возможным расширить понятийное разнообразие языка. Так, например, идиш заимствовал из древнееврейского слово שׁוֹפֵר [soifer] ‘книга’ и из немецкого языка [a buh] ‘книга’. Существительное soifer получило артикль a soifer и приобрело новый смысл «священная книга», в то время как за словом a buh идиш сохранил значение «обыкновенной книги». Следует подчеркнуть, что ряд слов, усвоенных языком идиш, используется в переработанном виде. Примером может служить слово פֿאַרמישט [farmischpetn] ‘засудить’. В нем древнееврейский корень [mischpat] ‘суд’ получил идиш-префикс ‘far’ и окончание ‘n’, подчиняясь грамматической системе идиш. Вместе с этим в языке немало слов, появившихся в результате активного словотворчества, особенно для выражения явлений природы и названий ранее не известных вещей и предметов, например [widerkol] ‘эхэ’ или [unterwasserschif] ‘подводная лодка’. [11, с.86]. Проведенное исследование показало, что появление синонимов в языке идиш происходит также в результате пополнения лексики разных диалектов (разных эпох), например в результате заимствования из других языков, например: אַלמאַר [almar] ‘шкаф’ (лат. armarium) – קאַראַך [schränk] (нем.) – אַשאַף [schafe] (польск.); в) в результате сближения значений разных по звучанию слов. Древнееврейские слова גּוֹבִיר [govir] ‘господин’, ‘властелин’, נאָגִיד [nogid] ‘князь’ и רעשִׁיך [oischer] ‘богатство’ употребляются в идиш со значением ‘богач’.

Синонимы и дублеты образуют порой сложное слово (с усилением выразительности), например: פּראָסט פּראָסט [prost-poschet] ‘просто’ (из слав. яз. + др.-евр.), פּראָסט-פּראָסט [prost-poschet] ‘просто’ (из слав. яз. + др.-евр.), פּראָסט-פּראָסט [prost-poschet] ‘голый’ (из слав. яз. + нем.). В результате сложения синонимов или дублетов может сформироваться и новое понятие, например: אַלמאַר-אַלמאַר [almar-almar] (вульг.) ‘ловелас’ (др.-евр. אַלמאַר [almar] ‘осел’ + нем. אַלמאַר [almar] ‘осел’). [6, с.80]

Автор фундаментальной «Истории языка идиш» М. Вайнрайх ввел представление об идиш, как о гибридном языке (fusion language), включающем германскую, древнееврейско-арамейскую, славянскую и романскую (лоэз) компоненты. Знание древнееврейского часто позволяло говорящему выбирать, стоит ли употреблять древнееврейское слово и выражение, либо синоним германского или славянского происхождения. Фактически, любое выражение на древнееврейском, в определенной речевой ситуации, могло использоваться в идиш. Поэтому границу между двумя этими языками провести очень сложно. Вместо этого М. Вайнрайх предложил различать «цельный древнееврейский» (Whole Hebrew) и «слитный древнееврейский» (Merged Hebrew). К первому относятся цитаты на древнееврейском, употребленные на идиш, а ко второму – слова древнееврейского происхождения,

вошедшие в идиш и употребляемые как слова на идиш. Например, [scholoim], [schabos] 'мир', 'суббота' это древнееврейский, т.е. Whole Hebrew, а [scholem], [schabes] – идиш, т.е. Merged Hebrew. [11, с.180].

Характерной особенностью идиш является возможность произвольно увеличивать количество гебраизмов в речи. Документы в записных книгах общин (пинкасах) XVI - XVIII веков часто составлялись на смеси древнееврейского и идиш (Scribal Yiddish), содержащей примерно по 50% германских и семитских слов. Древнееврейский применялся иногда и при общении представителей разных общин, не имевших общего разговорного языка, например, сефардов и ашкеназов.

Специалисты считают, что германских слов в идиш не более 75%, около 15% слов проникло из иврита и примерно 10% - из восточноевропейских языков, прежде всего славянских. Каждое десятое слово в языке восточноевропейских евреев имело славянские корни. [mame], [tate] (отец), [bulbe] (картошка), [blince] (блины), [kasche] (гречневая каша), [take] (так), [zeide] (дед), [bobe] (бабка), [pripetchik] (печка), [samovar], [bublitchkes] (бублики). Это лишь некоторые слова, проникшие в идиш из славянских языков. Существует мнение, что даже знаменитое слово «цибуля», столь сходное с немецким «Zwiebel», пришло в украинский язык из идиш. Хохма - шутка, остроумная выходка (от [chochma] – 'разум'); хала – батон в форме косы; талмуд - толстая мудреная книга. Также проникло в русский язык выражение «поднять гвалт», т.е. громко кричать, образованное от слова [gewalt] 'насилие'. [2, с.73].

Можно сделать вывод о том, что взаимодействие языков не было односторонним. Ученым удалось установить, что в современных языках существует немало еврейских слов. В немецком языке как, впрочем, и в английском и французском некоторые термины Танаха вошли в употребление довольно рано.

В разное время в немецкий язык вошли слова, заимствованные из иврита в том числе [abt] ('аббат' - от арамейского [abba]), [fratze] ('морда' от פֶּרַץ [парцуф]) и [natro] ('сода' - от נֶטֶר [neter]). Употребление некоторых слов ограничивалось еврейскими кругами, например: [mischpoche] – семья, [goi] – человек нееврейской национальности, [schikse] - девушка, [nebeh] (от nicht bei euch – "не у вас", т.е. "не про вас будь сказано"). [8, с.35].

Слова довольно легко делятся на несколько групп. В первую войдут те, которые отразили специфические еврейские реалии, еврейский образ жизни и, естественно, не имели аналогий в немецком языке: Schabbes - еврейская суббота, Matze – маца, Goj – нееврей, kosher – чистый, пригодный, изготовленный по правилам. Выражение «das ist nicht ganz kosher» (дело не совсем чисто) укоренилось в немецком языке. Во вторую группу можно собрать слова, связанные с бытом, хозяйством: Vajes – дом, Bosser – мясо, Chulew – молоко, Ssus – лошадь, Vore – корова, Eigel – теленок.

Довольно многочисленны слова, отражающие финансовую деятельность: Gudel называли тысячу на одном из немецких диалектов (от ивритского gadol - большой), Mejes - сотню (от [mea] – 'сто'), Ми – полтинник (от [maot] – монеты). Выражения, означающие банкротство, обогатили не только баденский диалект, но и литературный немецкий, их можно обнаружить в любом

словаре: Pleite – банкротство, Pleite machen – обанкротиться, das ist eine grosse Pleite – это полный крах, machulle (machulle machen) - разориться, er ist machulle – он потерпел крах. Это, конечно, не случайность: евреи часто были кредиторами немецких предпринимателей.

Любопытна группа слов, которые были «приняты» в немецкий язык за особую выразительность. С помощью таких слов передавался особый оттенок значения, поэтому использовались и поныне используются параллельно с близкими по значению немецкими словами. На юге Германии можно услышать слово Kalaumis – (бессмыслица, ерунда, бредни). В идиш слово [chaloimes] употребляется в том же значении и восходит к ивритскому [chalom] 'мечта'. Берлинский диалект, благодаря ивритскому слову [dawka] (упрямство), приобрёл выражение 'aus Daffke tun' (делать что-то из упрямства). Так, слово Maloche (от ивритского [melacha] - работа, запрещенная в субботу) означает в немецком языке кропотливую, изнурительную, рутинную работу. Соответственно глагол malochen переводится как «тяжело работать». [8, с.35].

Особенно много проникло в немецкий язык еврейских слов, которые обозначают всевозможных странных личностей: Meschugge (безумец, взбалмошный), vzdornnyj человек), Golem (истукан, призрак, фантом), Kaffer (простофиля, деревенщина, от ивритского [kfar] - деревня), Schlemihl (неудачник), Schlamassel (человек, которому вечно не везет). Два последних слова прочно обосновались в немецком языке. Schlamassel – это не только невезучий человек, но и нерадивая хозяйка, неприятность, неразбериха, неловкое положение. Слово Schlemihl широко распространилось в начале XIX в., после того как писатель-романтик Шамиссо дал незадачливому герою своей повести, человеку, лишившемуся тени, фамилию Шлемиль (Adalbert von Chamisso, «Peter Schlemihls wundersame Geschichte»).

Выводы: Взаимодействие языков не было односторонним. Германская стихия дала идиш упорядоченность; древний иврит добавил восточную мудрость и темперамент; славянская стихия привнесла мягкую напевность. Из немецкого, славянских, древнееврейского и международного фонда и ныне в идиш проникают отдельные слова и выражения, однако важнейшим средством обогащения словаря служит не заимствование, а самостоятельное словообразование.

Перспективой данного исследования является анализ лингвистических особенностей языка идиш в контексте дальнейшего изучения роли заимствований в идиш.

«Список литературы».

1. Беркович М.А. Германские языки./ М.А. Беркович. – М.: Высшая школа, 2001.- 169 с.
2. Вайнрайх М. История языка идиш/ М.Вайнрайх. – Нью-Йорк, YIVO/McGraw Hill,1973. - Т. 1, 160 с.
3. Гельцер Ш. Сравнение судеб языков иврит и идиш в XX столетии / Ш. Гельцер. – М.: Высшая школа, «Форвертс» 1987. - вып. №15. С. 10-18.
4. Кац Д.А. Где родился язык идиш? / Д.А. Кац. – М.: Высшая школа, «Форвертс» 2002. – вып. №10. С. 5-9.
5. Краткая Еврейская Энциклопедия. – Иерусалим, 1982. - Т. 2., 159 с.
6. Фалькович Э. Русско-еврейский словарь для начальной школы. – М.: Дер Эмес, 1941. – 176 с.

7. Jews of Eastern Europe: [sixteenth Annual Symposium in Jewish Civilization Harris Center for Judaic Studies] editors, Ronald A. Simkins and Brian J. Horowitz. - Jewish National and University Library in Jerusalem, 1984.- P. 25-40
8. Katz D. The unfinished story of Yiddish, Jewish National and University Library in Jerusalem/ D. Katz. - London: Basic Books, 1986. - 58 p.
9. Landmann S. Jiddisch – Das Abenteuer einer Sprache/ S. Landmann. –Düsseldorf: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1960. - 80 S.
10. Stern H. Wörterbuch zum jiddischen Lehnwortschatz in den deutschen Dialekten/H. Stern.– Tübingen: Max Niemeyer: Verlag, 2000. – 46 S.
11. Weinreich M. History of the Yiddish Languages. – Chicago: The University of Chicago Press, 1980.- 236 p.
12. Wexler P. Two-tiered relexification in Yiddish: Jews, Sorbs, Hazards, and the Kiev-Polesian dialects/ P.Wexler. – Berlin: Mouton, 2002. - P. 5-16

АПЕРЦЕПЦИЯ В ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА А.А. ПОТЕБНИ

Путилина Евгения Александровна

кандидат филологических наук, доцент, Ульяновский государственный университет, г.Ульяновск

APPERCEPTION IN THE LINGUISTIC PHILOSOPHY OF A.A. POTEBNYA

Putilina Evgeniya, candidate of Philological Sciences, assistant professor, Ulyanovsk State University, Ulyanovsk

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается одно из ключевых понятий философии языка А.А. Потебни – понятие апперцепции, определяемое как создание новых восприятий на основе прежних представлений. Главным компонентом апперцепции является внутренняя форма слова, которая наполняет мысль новым содержанием, удовлетворяя, таким образом, потребность людей в общении и взаимопонимании.

ABSTRACT

The article deals with one of the crucial concepts of A.A. Potebnya's linguistic philosophy – the concept of apperception defined as creating new perceptions on the basis of former representations. The main component of apperception is inner form of the word which fills the thought with new content thus satisfying people's need in communication and mutual understanding.

Ключевые слова: апперцепция; внутренняя форма слова; суждение

Keywords: apperception; inner form of the word; proposition

Понятие апперцепции, употребленное Лейбницем для обозначения осознанного восприятия какого-либо впечатления, было переосмыслено философами и лингвистами различных направлений. Одним из первых в отечественном языкознании о понятии апперцепции говорил А.А. Потебня. Исходя из представления процесса мышления как своего рода проекции деятельности субъекта на внешний объект познания, результатом которой является образ познаваемых предметов и понятий о них, ученый исследовал механизмы создания чувственных образов и слов. Рассуждая о взаимосвязи мышления, сознания и слова, он отмечал, что «при создании слова, а равно и в процессе речи и понимания, происходящем по одним законам с созданием, полученное уже впечатление подвергается новым изменениям, как бы вторично воспринимается, т.е. одним словом, апперципируется» [3, с.105].

Апперцепция составляет основу лингвокогнитологического подхода А.А. Потебни и его философии языка. Ученый-лингвист определял апперцепцию как такое сочетание представлений, при котором вновь получаемые восприятия объясняются прежними представлениями: «она есть участие известных масс представлений в образовании новых мыслей» [3, с.109]. А.А. Потебня неоднократно подчеркивал вездесущность этого явления, которое неизменно сопровождает процесс познания человеком реалий действительности и способствует накоплению чувственного опыта. «Апперцепция – везде, где данное восприятие дополняется и объясняется наличным, хотя бы самым незначительным запасом других» [3, с.109]. Так, ребенок посредством апперцепции постигает чувство

боли, которое узнается снова и снова, дополняется, объясняется, т.е. апперципируется ощущениями осознания и зрения. Еще более выражено и характерно процесс апперцепции обнаруживает себя в создании сравнений, метафор и других языковых средств, способных подметить нечто общее между несовместимыми на первый взгляд вещами. Так, например, «быть посредником между двумя столь разнородными группами восприятий, как огонь и болезнь, слово может только потому, что его собственное содержание, его внутренняя форма, обнимает не все признаки горения, а только один из них, встречаемый и в болезни» [3, с.123].

Из этих рассуждений следует, что внутренняя форма слова является основой апперцепции, тем компонентом, который объединяет «прежний запас мысли» и «новое восприятие». Внутреннюю форму А.А. Потебня определял как «отношение содержания мысли к сознанию», а именно тем, как представляется человеку его собственная мысль. Она же выступает и «средством апперцепции», с помощью которого воспринимаемое вновь («апперципируемое», «объясняемое») соприкасается с объясняющим («апперципирующим») и благодаря которому достигается понимание. «Говоря или только чувствуя, что мы, положим, издали узнали своего знакомого по росту, по походке, по платью, мы тем самым признаем, что между новым апперципируемым образом этого знакомого и прежними апперципируемыми есть общие черты – именно: рост, походка, платье» [3, с.121].

Осуществляя процесс перехода «простейших чувственных восприятий» в акт логического мышления, внутренняя форма наполняет мысль новым содержанием и, вступая в сложные взаимоотношения с эстетической оценкой, становится основой художественного познания мира [4, с.108].

В современных лингвистических исследованиях внутренняя форма слова понимается как «(мета)смысловая матрица, которая представляет собой конвариантный аналог тех ментально-рефлективных событий в сознании человека, которые проецируются на слово в процессе речемыслительности» [2, с.37]. Субъект использует в речи либо готовые, сложившиеся матрицы, не выходя за рамки шаблонизированного, стереотипного понимания, либо конструирует их в речемыслительном континууме [2, с.38].

Таким образом, семантическая система, прообразом которой является внутренняя форма слова, может быть охарактеризована как исторически сложившаяся, объективированная картина мира, как языковое сознание, которое служит основой для дальнейшего речетворчества. «В языке человек объективирует свою мысль и благодаря этому имеет возможность задерживать перед собою и подвергать обработке эту мысль» [3, с.149]. Это языковое сознание нельзя смешивать с актуальным (концептуальным) сознанием, отражающим объективную действительность как структурированную систему логикомыслительных категорий. Субъект начинает перерабатывать объективированную мысль в процессе речевого мышления, где и происходит взаимодействие языка и актуального сознания – наложение прошлого на настоящее, их приближение, корректировка, попытка установить соответствие, т.е. приблизить языковое значение выражаемой мысли, «уравновесить» линейность языка и многомерность мысли [5, с.46].

Конкретизируя сущность апперцепции, А.А. Потемня описывает процесс образования понятия, которое трактуется как совокупность актов мысли, выражаемая в виде суждений: «всякое суждение есть акт апперцепции, толкования, познания, так что совокупность суждений, на которые разложился чувственный образ, можем назвать аналитическим познанием» [3, с.145]. В акте суждения апперцепируемое и подлежащее объяснению называется субъектом, а апперцепирующее и объясняющее – предикатом.

Значение апперцепции в том, что с ее помощью человек не только сознает свою мысль, но и вырабатывает идею необходимости, закона, уготовляя путь к научному познанию. Необходимость устанавливать отношения между субъектом и предикатом суждения отличает человеческую апперцепцию от простого отнесения нового восприятия к уже сложившейся схеме, свойственного животным. «Если собака обнаруживает радость при стуке тарелок или если отогнанная гуртовщиком скотина ревет, не встречая знакомых предметов; если птица с криком кружится над разоренным гнездом, то в первом случае произошло нечто вроде положительного суждения (новое восприятие есть сумма прежних, то есть сливается с ними), в двух других – нечто вроде суждения отрицательного (новое не есть прежнее, то есть не сливается со входящим в сознание прежним)» [3, с.151].

Очевидно, что апперцепция новых впечатлений осуществляется избирательно, сознанию не подвластно

объять необъятное: «все находящееся в душе расположено не на одном плане, но или выдвинуто вперед, или остается вдали» [3, с.111]. Сознание как совокупность актов мысли, действительно совершающихся в данное мгновение, имеет свои границы – всё, что находится за пределом сознания, не есть действительная мысль, а лишь стремление к ней [3, с.111].

Закон апперцепции, основанный на выводах ассоциативной психологии, в философии языка А.А. Потемни выступает объясняющим принципом образования человеческого слова [1, с.148]. «Слово, взятое в целом, как совокупность внутренней формы и звука, есть, прежде всего, средство понимать говорящего, апперцепировать содержание его мысли» [3, с.123]. Тем не менее, каждый человек «мыслит своей собственной мыслью», мысли не передаются, можно лишь возбудить умственную деятельность понимающего, пытаясь вызвать в нем похожие представления. Из этого следует, что «содержание, воспринимаемое посредством слова, есть только мнимозвестная величина», думать то же, что и другой означало бы потерять себя. Путь к пониманию другого человека только один – в понимании себя. «Слово есть настолько средство понимать другого, насколько оно средство понимать самого себя». [3, с.125].

Всё сказанное позволяет заключить, что апперцепция – это познание. В отличие от узнавания как восприятия без попыток переосмысления, познание предполагает привнесение чего-то нового, изменение познаваемого объекта. «Познать объект означает приобщиться к коллективной системе знаний об этом объекте, и, для начала усвоить эти знания, научиться применять их в определениях данного объекта, и далее реализовать полученные умения и навыки в анализе этого объекта. При этом анализ должен не только подтверждать известное, но и выводить познающего на нечто новое. Полученное «новое» будет в любом случае нести на себе отпечаток коллективных знаний, оно будет предопределено интеллектуальными возможностями познающего субъекта» [5, с.9].

Философские изыскания А.А. Потемни и его рассуждения о взаимоотношении мысли и слова, слова и его внутренней формы, об апперцепции как осознании нового на основе старого сыграли важнейшую роль в становлении лингвокогнитологического направления. Взгляды ученого предопределили отношение к языку как к способу закрепления всей отражающей мыслительной деятельности человека, как к одной из форм объективации понятийного содержания, добытого (и добываемого) человечеством на протяжении своего существования, к мышлению – как к силе, которая координирует язык и сознание, позволяя найти оптимальные способы для выражения мысли. «Сила человеческой мысли не в том, что слово вызывает в сознании прежние восприятия, а в том, как именно оно заставляет человека пользоваться сокровищами своего прошедшего» [3, с.127].

Список литературы

1. Безлепкина, Н. И. Философия языка в России: К истории русской лингвофилософии [Текст] / Н. И. Безлепкина. – Санкт-Петербург: «Искусство – СПб», 2002. – 272 с.
2. Карманова, З. Я. О смысловом потенциале слова (в развитие идей А. А. Потемни) [Текст] / З. Я. Карманова // Вестник Челябинского государственного

- университета. Филология. Искусствоведение. Вып. 30. – 2009. – №10. – С. 36-43.
3. Потебня, А. А. Мысль и язык [Текст] / А. А. Потебня; примеч. А. Л. Топоркова; предисл. А. К. Байбурина // Слово и миф.. – М.: Правда, 1989. – 623 с.
 4. Теняно, Ю.П. Познавательная функция и структура художественного образа в эстетической концепции А.А. Потебни [Текст] / Ю. П. Теняно // Вопросы философии. – 1965. – №8. – С. 100-111.
 5. Фефилов, А. И. Основы когнитологии [Текст] / А. И. Фефилов. – Ульяновск: УлГУ, 2004. – 216 с.

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ КОСВЕННЫХ НОМИНАЦИЙ В РОМАНЕ Д.Г. ЛОУРЕНСА «ЖЕНЩИНЫ В ЛЮБВИ»

Соловьева Александра Юрьевна

Аспирант кафедр Английской филологии, Московский Городской Педагогический Университет, Г. Москва

THE GENDER ASPECT OF INDIRECT NOMINATIONS IN THE NOVEL OF D.H. LAWRENCE «WOMEN IN LOVE»

Solovyeva Alexandra, Post-graduate student, Moscow City Pedagogical University, Moscow

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется гендерный аспект косвенных номинаций в романе Д.Г. Лоуренса «Женщины в любви» на материале метафорических аллюзий. Выделяются основные группы косвенных номинаций, выраженных аллюзиями из библейской, скандинавской и греческой мифологии, и анализируются особенности их использования в романе.

Ключевые слова: гендерные номинации; гендерная асимметрия; метафорические аллюзии; художественный дискурс.

ABSTRACT

The article examines the gender aspect of indirect nominations in the novel of D.H. Lawrence «Women in love» on the material of metaphorical allusions. The main groups of indirect nominations expressed by the allusions from biblical, Scandinavian and Greek mythology are outlined and the features of their usage in the novel are analyzed.

Key words: gender nominations; gender asymmetry; metaphorical allusions; artistic discourse.

В связи с возросшим интересом к исследованию антропоцентричности языка, получило большое развитие такая отрасль языкознания, как гендерная лингвистика. В современном языкознании гендер рассматривается как культурный и социальный феномен. Исследуются особенности построения гендера в различных видах дискурса (политическом, рекламном, художественном), а так же особенности маскулинности и фемининности. Большие исследования ведутся в области изучения гендерных стереотипов.

В данной статье рассматриваются косвенные номинации в гендерном аспекте. Косвенные номинации относятся к феномену вторичной номинации, которую в свою очередь можно охарактеризовать, как «наименование уже ранее обозначенного в данном контексте денотата: лица, предмета, действия, качества» [2, с. 123].

Вторичные наименования обладают разным характером номинативной ценности: они могут иметь самостоятельную и несамостоятельную номинативную ценность. Это позволяет говорить о двух способах вторичной номинации – непрямой и косвенной. В результате непрямой номинации появляются номинативно-производные значения слов, то есть происходит «непрямое отображение внеязыкового объекта, опосредуемое «предшествующим» значением слова, те или иные признаки которого играют роль внутренней формы, переходя в новое содержание» [7, с. 129]

Выделяются два важных отличительных признака вторичной косвенной номинации: 1) «образование новой языковой сущности в номинативном контексте, экспли-

цитно или имплицитно указывающем на косвенное соотношение ее с действительностью»; 2) «двухмерная опосредованность отнесения вторично выступающей в роли имени языковой формы к действительности» [7, с. 163].

По сути, тому или иному явлению действительности приписываются ассоциативно-смысловые признаки, внеязыковые.

Традиционно к единицам вторичной косвенной номинации относят метафоры, метонимии (как разновидность метонимии – синекдоху), фразеологические выражения. Идиомы, «являясь по своей природе несколькословными единицами косвенной (вторичной) номинации, опосредованно направлены на обозначаемые объекты действительности: денотаты в парадигматике и референты в синтагматике» [3, с. 4]. Вторичные косвенные наименования могут быть однословными – это метафоры-слова, метонимии, и несколькословными – метафоры-словосочетания, метафоры-предложения как «предикативные знаки метафорического характера вторичной косвенной номинации» [3, с. 4].

Когда традиционное отношение к метафоре как средству придания тексту большей выразительности сменилось поиском заключённых в ней значений, стало очевидно, что метафора является так же способом осознания мира и создания некоторой картины мира, основанной на уже имеющихся экстралингвистических знаниях.

По мнению современных учёных проблема языковой картины мира тесным образом связана с проблемой метафоры, как одного из способов образного представления реальности.

Разновидностью метафоры (если понимать метафору в широком смысле) можно считать аллюзию - особый прием текстообразования, заключающийся в соотношении содержания текста с прецедентным фактом, историческим или литературным.

Аллюзии реализуют стратегию когнитивного плана, цель которой состоит в создании желательных для говорящего ассоциаций, сравнений. Это позволяет перенести негативную или комическую оценку из одной когнитивной области в другую. Различают литературные, кинематографические, культурно-исторические аллюзии. Литературная аллюзия, в свою очередь, строится на ассоциативной связи с каким-либо литературным произведением, персонажем, эпизодом.

В романе Д.Г. Лоуренса «Женщины в любви» встречаются косвенные номинации - аллюзии к Греческой, Скандинавской и библейской мифологии, аллюзии к историческим персонажам, метафоры животных и неживой природы, аллюзии на литературные персонажи. Использование мифологии создает сложную структуру романа, включая аллюзии к мифам и прецедентные тексты в повествование.

«Метафоры Лоуренса преобразуют мифы, необходимые для обозначения центральных действий и значений; читатель не может в полной мере оценить стратегическую функцию используемых метафор» [8, с.14].

К основным функциям косвенных номинаций в романе относятся - аксиологическая (выражение оценки), выражение иронии, прогностическая функция (особая функция антиципации - помогает строить связную структуру романа, дает разгадку к внутренним стремлениям персонажа и предсказывает дальнейшее развитие повествования). «Символические сцены предвосхищают и соединяют между собой последующие события романа(...)» [8, с. 15].

«Когда метод Лоуренса успешен (...), фигуры речи накладываются друг на друга, пересекая границы в паутине «взаимопроницающих метафор», которые обеспечивают как структурную, так и смысловую связанность романа» [8, ст. 15].

«Текстура взаимосвязанных, «взаимопроницающих» метафор усиливает действие, что создает мощный мифический аспект книги» [8, с. 16].

Рассмотрим несколько примеров из текста романа.

The sisters were women, Ursula twenty-six, and Gudrun twenty-five. But both had the remote, virgin look of modern girls, sisters of Artemis rather than of Hebe [9, p.4]. – Сестры были женщинами, Урсуле было двадцать шесть, а Гудрун двадцать пять лет. Но у обеих был отрешенный, девственный взгляд современных девушек, сестер Артемиды нежеле Гебы.

В данном примере мы видим метафорическую аллюзию к Греческому мифу. Геба – в древнегреческой мифологии богиня юности, дочь Зевса и Геры, выдана замуж за Геракла. Артемиды – девственная, всегда юная богиня охоты. Артемиды является покровительницей амазонок. Вечная дева, давшая обет безбрачия – очень важно отметить этот факт, поскольку до и после появления этой метафоры в тексте приводится разговор девушек о замужестве, в котором обе выступают против этой перспективы. В данном примере аллюзия не только способствует созданию яркого и выразительного образа, но так же актуализирует

целиком прецедентную ситуацию, в которой проявляются особенности характера и жизненной позиции героини романа.

Интересно отметить, что аллюзии к греческой мифологии зачастую используются для номинации женских персонажей романа.

“There was a circle of people, Sir Joshua with his eighteenth-century appearance, Gerald, the amused handsome young Englishman, Alexander tall and the handsome politician, Hermione strange like a long Cassandra, (.....)” [9, с. 76]. – Был круг людей, Сэр Джошуа с его внешностью из восемнадцатого века, Джеральд, веселый красивый молодой англичанин, Александр – высокий и привлекательный политик, Гермiona – странная как высокая Кассандра (...).

Кассандра (Cassandra, др.-греч. Κασσάνδρα) - в древнегреческой мифологии дочь последнего троянского царя Приама и его второй супруги Гекубы. Кассандра получила пророческий дар от влюбленного в неё Аполлона, но, не ответив ему взаимностью, наказана - Аполлон сделал так, что предсказаниям Кассандры никто не верил. Трагическим пророчествам Кассандры не внимали, она осмеивалась и была принята за безумную. Но все предсказанное воплотилось в гибели её семьи и разрушении Трои.

Гермиона случайно выступает в образе Кассандры, обладающей даром пророчества, но не способной повлиять на развитие событий – речь идет о неминуемом разрыве ее отношений с Рупертом Биркиным, одним из героев романа. В данном примере косвенная номинация используется в функции антиципации, предвосхищая развитие сюжета.

Мифология проявляется так же в использовании имен некоторых персонажей. В частности имя главной героини Гудрун (предположительно из скандинавской мифологии) – этимологически связано со словами – gunnr, guthr – битва, gun – тайна, магический знак, руна.

Германо-скандинавский мифо-эпический образ, жена Сигурда (Зигфрида). Часто выступает в роли мстительницы, которая совершает акт родовой мести и исполняет жертвенные ритуалы, подчиняясь лишь велению коллективного этоса, который понимается как судьба.

Интересно, что в тексте романа Джеральд (в последствии любовник Гудрун, погибший в результате их бурных отношений, так же сравнивается с Нибелунгом - это произносит ее сестра, когда видит, как Джеральд плавает в озере – «(...) like a Nibelung». Таким образом, последующая связь этих двух героев предопределена внутренней мифологией романа, а так же прослеживается связь с трагической развязкой этих отношений, поскольку в самом имени Гудрун заложена сема сопротивления – т.е. конфликт, противостояние становится неизбежным.

Практически за каждым персонажем стоит прецедентный текст – аллюзия, метафора, сравнение – прогнозирующий дальнейшее развитие романа.

Аллюзии к библейской мифологии так же широко используются для описания и характеристики персонажей. Приведем пример:

«I should like him to have a friend», she said. «He has never had a friend».

Birkin looked down into her eyes, which were blue and watching heavily. He couldn't understand them. «Am I my brother's keeper?» he said to himself, almost flippantly.

Then he remembered, with a slight shock, that that was Cain's cry. And Gerald was Cain, if anybody. Not that he has Cain, either, although he had slain his brother» [9, с. 19].

– «Мне хотелось бы, чтобы у него был друг, – сказала она. – У него никогда не было друга.

Биркин посмотрел в ее голубые, пристально вглядывающиеся глаза. И не смог понять, что именно хотела она сказать этим взглядом.

«Разве я страж брату моему?» – без задней мысли спросил он себя. Внезапно с легким изумлением он вспомнил, что это был крик Каина. А уж кем-кем, а Каином Джеральд был. Хотя с другой стороны, какой из него Каин, пусть даже он и убил своего брата».

В данном отрывке представлен разговор матери Джеральда с Рупертом Биркиным, в котором она просит его стать другом своего сына. Неожиданно для себя Руперт Биркин проводит аналогию между Джеральдом, который в детстве в результате несчастного случая убил своего брата, и Каином. Использование библейской аллюзии позволяет дать более глубокую оценку персонажу, перенося на него отрицательные характеристики, присущие герою прецедентного текста.

Использование косвенных номинаций в романе, в частности метафорических аллюзий обусловлено гендерным фактором, стереотипами и представлениями о женских и мужских социальных ролях, отраженных в языковой картине мира на данный отрезок времени. Кроме того, использование косвенных номинаций, выраженных аллюзивными метафорами продиктовано стремлением автора включить прецедентные ситуации в структуру романа, сделав повествование связным и взаимообусловленным.

Список литературы

1. Гак В.Г. К типологии лингвистических номинаций / В.Г. Гак // Языковая номинация: Общие вопросы. – М., 1977.
2. Гак В. Г. Повторная номинация и ее стилистическое использование [Текст] / В. Г. Гак // Вопросы французской филологии. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1972. – С. 123-136.
3. Губарев В. П. О номинативных потенциях фразеологических единиц (на материале немецкого языка) [Текст] / В. П. Губарев // Проблемы фразеологической номинации: межвузовский сборник научных трудов. – Иркутск: Иркутский государственный педагогический институт, 1988. – С. 3-10.
4. Звегинцев В. А. Язык и лингвистическая теория [Текст] / В. А. Звегинцев. – М.: Издательство Московского ун-та, 1973. – 247 с.
5. Карасик В.И. Язык социального статуса / В.И. Карасик. – М., 2002.
6. Карасик В.И. Статус лица в значении слова / В.И. Карасик. – Волгоград, 1989.
7. Телия В.Н. Вторичная номинация и ее виды. – В. Кн.: Языковая номинация. Виды наименований. М., 1977.
8. John V. Humma. Metaphor and Meaning in D. H. Lawrence's Later Novels. University of Missouri Press, 1990. 116 p.
9. Lawrence D.H. Women in love. London: Wordsworth Editions Ltd, 2013. 433 p.

СОПРЯЖЕНИЕ ИЗБЫТОЧНОСТИ И НЕДОСТАТОЧНОСТИ КАК СУБСТАНЦИОНАЛЬНАЯ И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ОСОБЕННОСТЬ НЕКОТОРЫХ ТИПОВ ТЕКСТА

Филиппова Ирина Николаевна

кандидат филол.наук, доцент, Московский государственный областной университет, г. Москва

REDUNDANCY AND SHORTAGE COMPLEMENTARITY AS A SUBSTANTIAL AND FUNCTIONAL FEATURE OF THE CERTAIN TYPES OF TEXT

Filippova Irina, Candidate of Philology, associated professor of Moscow State Regional University, Moscow

АННОТАЦИЯ

В статье представлены результаты анализа взаимосвязи избыточности и недостаточности в поэтических, научных и детских художественных текстах. Выявлены коммуникативные задачи этих текстов, дискурсивные особенности, показана взаимосвязь с лингвокультурной стереотипией избыточности и недостаточности, определены их уникальность и универсальность в немецком и русском языках.

ABSTRACT

The paper presents the analysis of a relationship between redundancy and shortage in a poetic, scientific, and children's fiction. There is identified communicative tasks these texts, discursive features. The paper shows the relationship with the linguocultural stereotype of redundancy and shortage were defined by their uniqueness and versatility in German and Russian languages.

Ключевые слова: избыточность; коммуникативные задачи; лингвостереотипия; недостаточность; тип текста.

Keywords: communicative tasks; linguostereotypy; redundancy; shortage; type of text.

Многочисленные работы, посвященные изучению текстов разных жанров, стилистической организации и функциональной принадлежности, оставили среди малоисследованных вопросов взаимосвязь избыточности [17]

и недостаточности [16] в таких типах текста, где она является неотъемлемой субстанциональной и функциональной особенностью и имеет особое коммуникативное задание автора [13; 14].

В качестве фактического материала к анализу привлекаются такие типы текста, где взаимосвязь избыточности и недостаточности представлена различными формами и проявляется наиболее отчетливо: 1) поэтические тексты; 2) тексты, реализуемые в функциональном стиле науки и техники (в жанре научной статьи, монографии); 3) тексты детской художественной литературы.

Анализ каждой группы текстов осуществляется в двух направлениях: одновременно ведется изучение корпуса примеров в одноязычном режиме и в сопоставительном плане (на материале русского и немецкого языков). В одноязычном режиме выявляются коммуникативные задачи (далее КЗ) и дискурсивные особенности типа текста. В сопоставительном плане анализу подвергаются универсальность или уникальность выявленных особенностей текста в рамках двух языков. Этот аспект представляется важным, т.к. в разных языках (как средствах отражения менталитета определенной нации [2; 8]) имеются нетождественные представления о необходимости и степени прецизирования информации [4; 9; 10] (на внутриязыковом и экстралингвистическом уровнях [15]).

Тексты группы №1. Это поэтические тексты со сложной композицией [3; 5], обусловленной наличием размера и рифмы [7]. Характерными особенностями текстов данного типа являются не только композиционная сложность и структурно-прагматическая организация текста, но и наличие сложного информационного комплекса, включающего фактуальную, концептуальную и эстетическую информацию, (катартическую, аксиологическую, суггестивно-гипнотическую), которая реализует КЗ: передать информацию, создать эстетическое чувство, выделить некоторые детали из общей картины изображаемой действительности. Для соблюдения размера и рифмы взаимосвязь избыточности (повторов, редупликации, параллелизма, сравнения) и недостаточности (эллипсиса, парцелляции) является субстанциональной характеристикой особой поэтической коммуникации, детерминирующей недостаточность языковых средств и прагматический коммуникативный эффект:

Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи еще хоть четверть века –
Все будет так. Исхода нет.
Умрешь – начнешь опять сначала,
И повторится все, как встарь:
Ночь, ледяная рябь канала,
Аптека, улица, фонарь [1].

Примечательным является универсальный характер такой коммуникации, т.е. ее представленность в равной мере в русском и немецком языках.

Тексты группы №2. Это первичные научные тексты, композиционная организация и лексико-синтаксические средства которых служат научно-исследовательским целям: статьи и монографии. Именно в этих жанрах максимально представлены такие универсальные для всех текстов научного стиля свойства как избыточность (в форме скрытого повтора, тавтологии, синтаксического параллелизма) в неразрывной связи с компрессией по различным моделям и на различных языковых уровнях: на лексическом уровне – инициальные сокращения (аббревиатуры), сиглы (альфабетизмы, акронимы), усеченные слова (апокопа, афереза), на синтаксическом уровне – синтаксиче-

ская компрессия. При этом изоморфные повторы терминологии и строя предложений подвергаются компрессии, облегчая осмысление и передачу фактуальной исследовательской информации, а подвергнутые аббревиации и иным формам компрессии частотные терминологические единицы кратно представлены в текстовом масштабе. КЗ: объяснить адресату фактуальную информацию, успешно реализовать исследовательскую функцию, обеспечить связность текста, создать благоприятные условия для получения и присвоения информации, – детерминируют и избыточность и недостаточность языковых средств: Автоматизированная многоязычная база данных (АМБД) КАСКАД была предназначена для обеспечения зарубежных пользователей информацией об отечественных программных продуктах. Информационное и лингвистическое обеспечение АМБД формирует базу данных по программным средствам (ПС) на русском языке, осуществляет поиск данных по запросу на естественном языке (ЕЯ) (русском или иностранном, в существующем варианте – английском) и производит перевод русскоязычной БД на иностранные (английский) языки [6, с. 73]. Texttypabhängige Äquivalenz: Äquivalenz ist nicht absolut, sie ist relativ zum Texttyp des jeweiligen AT/ZT, informative Texte (Darstellung) – denotative Äquivalenz; expressive Texte (Ausdruck) – formalästhetische Äquivalenz; operative Texte (Appell) – pragmatischkommunikative Äquivalenz (Identität des textimmanenten Appells) [19].

Такая коммуникация в области научной литературы носит универсальный характер, представлена в русском и немецком языках, однако, различается по степени языковой манифестации недостаточности в конфронтруемых языковых культурах.

Тексты группы №3. Это тексты детской художественной литературы, проза для детей дошкольного возраста (от 3 до 7 лет), композиционная организация и лексико-синтаксические средства которых обеспечивают прагматическую коммуникацию по передаче опыта старших поколений детям и развития их познавательного интереса. В них представлен авторский прагматический сплав краткости и избыточности, где краткость реализуется главным образом как синтаксическая неполнота (а также как отсутствие детализации описываемой картины), а избыточность – как лексический и синтаксический повтор. Такая структурно-прагматическая организация текста служит базой для реализации его КЗ: предоставить адресату фактуальную информацию, успешно реализовать императивную функцию сообщения (привить моральные ценности), обеспечить однозначность информации, создать благоприятные условия для получения и присвоения информации (за счет образных изобразительных средств языка), создать юмористический эффект. Определяемая функциональными признаками коммуникация является субстанционально детерминированной: Повернулся – и из сада. Львы за ним. Добежали все до Туруханских островов, выскочили за город. Видит Слип – стоит около дороги палатка. Брезентовая, по углам четыре веревки. Спрятался в палатку [11, с. 49].

В подвергнутых анализу произведениях детской литературы выявлены также примеры избыточности (архитектонический повтор), содержащие языковые факты синтаксической недостаточности:

Три котенка – черный, серый и белый – увидели мышь ... и бросились за ней! Мышь прыгнула в банку с мукой. Котят – за ней! Мышь убежала. А из банки вылезли три белых котенка.

Три белых котенка увидели на дворе лягушку и бросились за ней! Лягушка прыгнула в старую самоварную трубу. Котят – за ней! Лягушка ускакала ... а из трубы вылезли три черных котенка.

Три черных котенка увидели в пруду рыбу ... и бросились за ней! Рыба уплыла, а из воды вынырнули три мокрых котенка.

Три мокрых котенка пошли домой. По дороге они обсохли и стали как были: черный, серый и белый [12, с. 7–18].

В данном тексте представлены кратко повторяемые факты синтаксической недостаточности в форме безглагольности (зевгмы) Котят – за ней, кратко повторяемые зоонимы три котенка, кратко повторяемые цветообозначения (черный, серый и белый), и кратко повторяемые действия, раскрывающие сюжетную линию (увидели – прыгнули/бросились – вылезли/вынырнули) и создающие замкнутую структуру текста.

Аналогично в следующем примере детской литературы архитектурный повтор распространяется на лексический уровень (тавтология онима Grabowski, тавтология в описании крота *weiches samtenes Fell, seine großen Grabekrallen seine Nase* и места событий *Wiese*), синтаксический уровень (повторы фраз *Wie behaglich, wie geruchsam*), где избыточность сопряжена с недостаточностью (эллиптической конструкцией предложения). Замкнутость и целостность текста также создаются средствами архитектурного повтора:

Grabowski lebte unter der großen bunten Wiese am Stadtrand. An seinem weichen samtenen Fell, an seinen großen Grabekrallen und an seiner rosa Nase erkannte man, dass Grabowski ein Maulwurf war.

Am Abend, wenn die Lichter in der nahen Stadt aufleuchteten, kroch Grabowski aus der Erde heraus, säuberte seine Krallen und genoss den Frieden auf seiner Wiese. „Wie behaglich, wie geruchsam“, dachte er dann.

<...> Er wanderte mehrere Tage und Nächte, überquerte Eisenbahnschienen und gefährliche Straßen, bis er an eine riesengroße Wiese kam, mit leichter, duftender Erde darunter. Glücklich fing er an zu graben und warf übermütig mehrere Hügel auf, ganz knapp hintereinander. Dann grub er sich eine neue Schlafhöhle, schleppte etwas trockenes Moos hinein und steckte seine Nase zwischen die Grabekrallen ins weiche Fell. „Wie behaglich, wie geruchsam“, seufzte er noch zufrieden und fiel augenblicklich in einen tiefen, wonnigen Schlaf [18, с. 3–31].

Анализ материала исследования позволяет заключить, что в русском и немецком языках такая коммуникация носит универсальный характер, но в русском языке выражена ярче и в большем объеме.

Представленные результаты проведенного анализа позволяют сформулировать следующие выводы:

1. Субстанционально детерминированная коммуникация, т.е. обусловленная самими функциональными признаками речевого акта (субъективного порядка, такими как пропозиция автора, К3), воплощена в текстах групп № 1, 2, 3. Ситуативно детерминированная коммуникация, обусловленная

факторами объективного характера не представлена.

2. При сопоставительном анализе избыточности в параллельных текстах на конфронтруемых национальных языках выявлено преобладание универсального наднационального характера коммуникации типов текста с различными проявлениями взаимосвязи избыточности и недостаточности во всех исследованных типах текста, отмечены расхождения в объеме и частотности взаимодействующих фактов избыточности и недостаточности в текстах детской прозы.

Список литературы

1. Александр Блок – стихи – режим доступа: <http://www.stihi-rus.ru/1/Blok/92.htm>
2. Астафурова Т.Н., Олянич А.В. Лингвосомиотика нейтрализации социальных фобий // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание, 2012. – № 1. – С. 86–92.
3. Ершова Е.А., Музыченко Е.Я., Чайковский Р.Р. Художественный перевод и межъязыковая диверсификация смысла // Вестник Северо-Восточного государственного университета, 2011. – Т. 15. – № 15. – С. 8–10.
4. Кузьменко Е.Л. Вербальная презентация отрицательных чувств и эмоций этносемантической личности (на материале фразеологических единиц) // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика, 2011. – № 6. – Т. 2. – С. 57–62.
5. Лысенкова Е.Л., Чайковский Р.Р. Художественный перевод в контексте пространства и времени // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета, 2012. – № 2с (18). – С. 147–156.
6. Максименко О.И. Формализованная лингвистика: учеб. пособие для студентов высших учебных заведений. – М.: Изд-во МГОУ, 2013. – 190 с.
7. Мирианшвили М. Г. Значение звучащего и незвучащего времени для ритмической организации синтагмы // Лингвистическая полифония. – М.: Языки славянских культур, 2007. – С. 473–487.
8. Олянич А.В. Лингвосомиотика этической интеракции: знак, слово, текст (дискурс) // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики, 2014. – № 16. – С. 218–238.
9. Олянич А.В. Презентационные стратегии в межкультурной коммуникации (лингвопрагматический и когнитивный аспекты) // Известия Нижневолжского агроуниверситетского комплекса, 2007. – № 1. – С. 125–138.
10. Ощепкова В.В. Вариативная англоязычная картина мира в лексикографических источниках // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика, 2010. – № 6. – С. 28–36.
11. Сахарнов С. Сказки из дорожного чемодана. – М.: Детская литература, 1979. – 143 с.
12. Сутеев В.В. Сказки и рассказы. – М.: Астрель, АСТ, 2011. – 269 с.
13. Телегин Л.А. О степенях морфологической мотивированности номинативных знаков // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. – М.: Изд-во МГОУ, 2013. – № 1. – С. 14–18.

14. Хухуни Г.Т., Анурова О.А. Лексические модернизмы в оригинале и переводе // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика, 2010. – № 6. – С. 94–99.
15. Чайковский Р.Р. Поэтический перевод как способ межкультурной художественной коммуникации // Вестник Северо-Восточного государственного университета, 2013. – № 19. – С. 137–145.
16. Шатилова Л.М. ИмPLICITные способы выражения благожеланий в немецком и русском языках // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета, 2009. – № 1. – С. 80–83.
17. Шатилова Л.М. Эксплицитные пожелания «успеха в деятельности» в немецком и русском языках // Альманах современной науки и образования, 2009. – № 2 (21): в 3-х ч. – Ч. III. – С. 184–185.
18. Murschetz I. Der Maulwurf Grabowski. – Zürich: Diogenes-Verlag, 1989. – 32 S.
19. Vorlesungsreihe - режим доступа: <http://egitim.erciyes.edu.tr/~arak/5.AlmancaAlanDocNotWEB2014/VI.Ubersetzung/1.Uebersetzungstheorien.pdf>

ОСОБЕННОСТИ ТИПОЛОГИИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ОБЩЕРУССКИХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В КАМЧАТСКИХ ГОВОРАХ

Хаданович Алина Евгеньевна

кандидат филолог. наук, доцент. Камчатский Государственный Университет. г. Петропавловск-Камчатский

TYPOLOGY OF SEMANTIC DISTINCTIONS OF THE COMMON RUSSIAN NOUN FUNCTIONING IN THE LITERARY LANGUAGE AND KAMCHADALS DIALECTS

Hadanovich Alina Evgenyevna, candidate of science, dosent of Kamchatcriy State Univirsity. Petropavlovsk-Kamchatskiy

АННОТАЦИЯ

В статье представлены результаты исследования автора по теме «Общерусское имя существительное в камчатских говорах». Статья посвящена проблеме типологии семантических различий общерусских существительных, функционирующих в говорах и в литературном языке.

ABSTRACT

The results of the authors researches on the theme “The Common Russian Noun In Kamchatsky Dialects” are presented in the article. The article is devoted to the problem of the typology of semantic distinctions of common Russian nouns functioning in dialects and the literary language.

Ключевые слова: имя существительное, говоры, диалектный язык, литературный язык, общерусские существительные, семантика

Key words: noun, Kamchatsky dialects, literary language, common Russian word, semantics

Цель статьи: представить результаты многолетнего исследования по теме «Общерусское имя существительное, функционирующее в камчатских говорах». В данной работе отражены выводы по проблеме типологии различий семантики общерусских существительных в камчатских говорах и литературном языке (далее ЛЯ).

Сопоставление семантического объема общерусского слова в ЛЯ и диалекте позволяет выделить три типа слов. Что касается самого соотношения диалектных значений не совпадающих с ЛЯ, то в диалекте могут быть представлены: а) все значения, известные в ЛЯ, плюс собственно диалектные; б) часть значений, известных в ЛЯ, плюс собственно диалектные. [2, с. 43]

К первому типу относятся существительные, имеющие в говорах большее количество значений.

1.1. Семантическая структура которых включает все значения, свойственные ЛЯ, плюс собственно диалектные значения: аут (1 значение в ЛЯ; 2 значения в говорах), бабочка (2;3), баклан (1;2), банка (банка1 (1[ЛЯ]): банка1(1[в говорах]); банка 2(1): банка2(1); банка3 (1): банка3(1); банка4 (0): банка4(1), барабан (3;5), баранина (1;2), бачок (1;2), безбожник (2: 3), бок (2;3), больница (1;2), борона (1;2), брусоч (3;4), брюхо (1;2), бык (бык1 (2): бык1(2); бык 2(1): бык2(1), бык3 (0): бык3(1); бык 4(0): бык4(1), ванна (3;4), верхушка (2;3), ветерок (1;2), ветка (2;3), висок (2;3),

вихрь (3;4), воз (2;3), вонючка (1;3), воровка (1;2), воспитание (2;4), второгодник (1;1), выскочка (2;4), выпороток (1;4), вытяжка (2;4), гавань (1;2), газон (1;2), гарнир (1;2), гвоздик (1;2), глаз (3;5), гора (3;4), горбушка (1;2), горелка (горелка1 (1): горелка1(1); горелка 2(1): горелка2(1); горелка3 (0): горелка3(2); горшок (1;2), графин (1;2), гребенка (2;3), гребок (3;4), деканат (1;2), дикарь (3;4), дневник (2;3), долблёнка (1;3), дочка (2;3), дрель (1;2), дурень (1;2), дробь (3;4), дорога (5;6), живность (1;2), женщина (1;2), запор (2;3), заправка (2;3), зеленка (2;3), зимник (1;6), икряник (1;2), кабель (1;2), канава (1;2), капустаник (4;5), караулка (1;3), карман (3;4), карча (1;2), кастрат (1;2), качка (1;2), кедровник (2;3), киска (1;2), клин (5;6), книга (3;4), кожанка (1;2), колода (2;4), колобок (1;3), колпачок (1;2), комната (2;3), компьютер (1;3), конфета (1;2), копейка (2;3), кораблик (2;3), корень (5;6), коробочка (2;4), корова (2;3), коса (3;4), костянка (1;2), кот (1;3), кряква (1;2), кручина (1;2), кукан (1;2), кукла (3;8), куница (1;2), купальник (1;2), лавка (2;4), ларь (3;5), лес (2;4), ложка (2;3), лопата (1;2), лопатка (2;4), лошадь (1;2), лунка (1;2), лысина (2;3), люлька (люлька1 (2): горелка1(3); люлька2(1): люлька2(1)), мамка (2;4), мартын (1;2), массажистка (1;2), медведь (2;3), моряк (2;5), мотор (1;2), мул (1;2), навозник (1;3), начальник (1;2), нерка (1;2), нерпа (1;3), нетель (1;2), нога (2;4), огневица (1;4), однодневка (2;4), орешник (1;2), остряк (1;3), отворот (1;2), паром (1;2), палатка (2;4), пень

(2:3), пеночка (пеночка1(1): пеночка1(1); пеночка2(1): пеночка2(1); пеночка3(0): пеночка3(1)), первотёлка (1:2), передовик (1:3), перепёлочка (1:2), песок (3:4), пирожок (1:2), плавки (1:3), пластина (1:3), пленка (4:5), поводок (3:4), пол (пол1 (1): пол1(2); пол2(1): пол2(1)), полог (1:4), помойка (1:2), постель (2:3), притон (1:2), прут (2:3), пупок (2:4), пугало (3:4), пушнина (1:2), пшёнка (1:2), пыжик (1:2), пятиминутка (1:2), пятка (2:4), радист (1:2), развод (3:5), расческа (2:3), ребенок (2:4), речник (1:3), родник (1:2), родня (2:3), рыбнадзор (1:3), сено (1:3), сивуч (1:2), сигара (1:2), скотник (2:3), солонина (1:2), спина (1:3), сталь (1:2), старик (2:5), суконка (1:3), сундук (1:2), стайка (стайка1(1):стайка 1(1:2)), (стайка2(1):стайка 2(1:1)), стекляшка (1:3), сын (5:6). сырник (1:2), таган (1:3), телевизор (1:3), тёлка (1:2), теплица (1:2), топляк (1:2), трёхлинейка (1:2), туловище (1:2), туша (2:3), ус (4:5), утопленник (1:2), ушкан (1:2), хлам (1:6), холостяк (1:2), хохотун (1:2), чаша (3:4), чага (1:2), черновик (1:2), чесалка (1:3), четвертак (1:2), чижик (2:6), чурка (1:5), шайба (2:4), шкура (4:8), щека (3:4), юбка (2:4), ярмарка (2:4).

Например, существительное *огневица* в ЛЯ имеет одно значение: *Лихорадка, горячка* [МАС, 3, 585]. Семантическая структура слова в говорах включает большее количество значений, в число которых входит значение ЛЯ (См. Приложение 4), а также собственно диалектные значения:

1. Оспа. Чёрнују óспу огневица звáли, красныјэ пятна такіјэ наподвіт кóри. Млк.
2. Костер. Огневицу в лесу разводили, конешно. Костёр – ёто јэсть огневица. Млк.
3. Сумка или небольшая коробка, в которой хранили спички или угольки. Огневица – сумочка или коробочка, ф котóрой дёржат принадлежности для добывáнија огня. Млк. Огневица – ого́нь, котóрый куда́-нибудь склáдывать, вот такóй железя́ка, туда налóжат, јуколы понавéшјаут, спички не нáдо, уголькí. И вот онí налóжат и таскáјут, вот такáја бес кры́шки, с рúчкой, как кóфш, но по крајáм, штоп не рассыпáлась огневица. Анв.

1.2 Семантическая структура существительного в говорах включает все значения, свойственные ЛЯ, плюс собственно диалектные значения, плюс собственно диалектный оттенок значения: баран (2:7), березник (1:2), горница (2:3), заяц (3:4), кишка (2:3), отопок (1:2), пацан (1:3), подруга (1:2), рот (1:5), стая (стая1(1):стайка 1(1)), (стая2(1):стайка 2(2)), табун (2:3), чулок (2:3).

1.3 Семантическая структура которых включает часть значений, свойственных ЛЯ, плюс собственно диалектные значения: вода (6:8), камера (4:6), колпак (3:5), плаха (2:4), плоть (2:3), подволока (2:3) подушка (2:3), собака (3:4).

1.4 Семантическая структура существительного в говорах включает часть значений, свойственных ЛЯ, плюс собственно диалектный оттенок значения, плюс собственно диалектные значения: живот(живот1(1): живот 1(3)), (живот2(1): живот2(0)).

1.5 Семантическая структура которых включает только собственно диалектные значения: западник (1:2), иглица (1:2), тысячник (2:3).

II тип Семантическая структура существительного в говорах и в ЛЯ имеет равное количество значений.

Ко второму типу относятся существительные, имеющие равное количество значений.

II.1 семантическая структура которых включает все значения, свойственные существительному в ЛЯ: балаган (2:2), батя (1:1), башка (2:2), берлога (1:1), болтун (болтун1(1:1): болтун2(1:1)), вата (1:1), веник (1:1), веревка (1:1), весло (1:1), винтовка (1:1), гоголь (1:1), голландка (голландка1 (1): голландка1(1); голландка 2(3): голландка2(3)), горбуша (горбуша1 (1): горбуша1(1); горбуша2(1): горбуша2(1)), гриб (1:1), дерево (2:2), дойка (1:1), жаворонок (2:2), журавль (2:2), завалинка (1:1), зимовье (2:2), капкан (1:1), карточка (3:3), кирпич (3:3), колючка (3:3), кролик (1:1), крышка (2:2), леска (1:1), лисичка (2:2), лыжница (2:2), морда (морда1 (2): морда1(2); морда2(1): морда2(1)), мука (2:2), нарты (1:1), нация (2:2), нож (2:2), нос (6:6), озеро (1:1), пальто (1:1), панты (1:1), пенсия (1:1), пест (1:1), печка (1:1), племянница (1:1), плуг (1:1), позвоночник (1:1), повесть (1:1), пойло (1:1), посёлок (1:1), пурга (1:1), растение (1:1), росомаха (1:1), рукавицы (1:1), самоделка (1:1), подошва (3:3), самолет (1:1), сера (3:3), сквозняк (1:1), сковородка (1:1), скотник (2:2), скрипка (1:1), сметана (1:1), снег (1:1), спиннинг (1:1), тополь (1:1), трава (1:1), хорда (2:2), удочка (1:1), фельдшер (1:1), цыплёнок (1:1), чайник (1:1), чердак (1:1), шаман (1:2), шиповник (1:1), шишка (5:5), юкола (1:1), юрта (1:1).

II.2 семантическая структура которых включает часть значений, свойственных ЛЯ, плюс собственно диалектные значения: бабка (бабка1 (2): бабка1(2); бабка 2(1): бабка2(1); бабка3 (1): бабка3(1); бабка4 (1): бабка4(1), вольница (2:2), гнездо (6:6), гнёт (2:2), головка (5:5), грядка (2:2), диктатор (2:2), дом (6:6), душа (6:6), жена (2:2), занавеска (2:2), капелла (2:2), кокора (2:2), коренник (2:2), книжка (4:4), кухня (3:3), лапка (3:3), лапша (2:2), латка (латка1 (1): латка1(1); латка 2(1): латка2(0); латка3 (0): латка3(1)), лист (4:4), ложечник (2:2), люк (2:2), мартышка (мартышка1(1):мартышка1(1); мартышка 2(1): мартышка 2(0); мартышка3(0): мартышка 3(1)), мат (мат1 (2): мат 1(2); мат2(2): мат2(3); мат3(2): мат3(0); мат4(1): мат4(1); мат5(1): мат5(1)), мах (мах1 (2): мах 1(2); мах2(1): мах2(1)), ночёвка (2:2), палец (3:3), порог (4:4), табор (3:3), тачка (2:2), тройник (2:2), хлебница (2:2), ягодник (3:3),

II.3 семантическая структура существительного в говорах включает часть значений, свойственных ЛЯ, плюс собственно диалектные значения, плюс собственно диалектный оттенок значения: голова (6:6), мешок (6:6).

II.4 семантическая структура которых включает только собственно диалектные значения: атолл (1:1), голец (1:1), куркуль (1:1), плёс (3:3), сороковка (1:1), сушняк (1:1), сырца (1:1), таска (1:1), тоня (2:2), четверик (2:2).

К третьему типу относятся существительные, имеющие в говорах меньшее количество значений.

III.1 семантическая структура которых включает часть значений, свойственных ЛЯ: балка (балка1 (1): балка1(1); балка2(1): балка2(0)), выдра (2:1), дым (2:1), залом (залом1 (2): залом1(2); залом2(1): залом2(0)), земля (7:4), лента (6:4), материк (материк1(0): материк2(1)), мозг (5:2), потолок (3:2), сетка (7:5), стан (стан1 (1): стан1(1); стан 2(3): стан2(1); стан3 (3): стан3(1)), тесто (2:1), шатун (3:1).

III.2 семантическая структура существительного в говорах включает часть значений, свойственных ЛЯ, плюс собственно диалектный оттенок значения: сердце (5:4).

III.3 семантическая структура которых включает часть значений, свойственных ЛЯ, плюс собственно диа-

лектные значения: медведка (медветка1 (1): медветка1(1); медветка2 (3): медветка2(1); медветка3 (0): медветка3(1)); околоток (4:2), середняк (3:2), спуск (5:3).

III.4 семантическая структура которых включает только собственно диалектные значения: вылазка (3:1), прижим (2:1), слань (2:1), теплушка (2:1).

Например, существительное прижим в ЛЯ имеет два значения: 1. Разг. Действие по знач. глаг. прижимать. // перен. Прост. Притеснение. 2. Тех. То, чем что-л. прижимают [МАС, 4, 409]. Собственно диалектное значение: Морской лед. На прижыме, на льду, промышляют бобрóf, нерп и лахтакоф. Млк.

Существительное третьяк в ЛЯ имеет два значения. 1. С.-х. Жеребенок или теленок на третьем году. 2. Спец. Бревно, отрезанное от ствола большого дерева третьим, считая от комля [МАС, 4, 408]. Собственно диалектное значение таково: Медведь на третьем году жизни. Третьяк – трёхлётний медвётъ. Третьяк бывáют трёхлётка (о медведе). Третьякá как-то убíл, по зубáм определя́ют. Млк.

Таким образом, в диалектных системах Камчатской области семантическая структура общерусских существительных в подавляющем большинстве случаев не равна семантической структуре слов ЛЯ. Результаты исследования показали, что из 357 214 слов имеют в говорах больше значений, чем в ЛЯ, 120 слов имеет равное количество значений с ЛЯ, 23 слова имеют меньше значений, чем в ЛЯ (1 тип - 60%, 2 тип – 34%, 3 тип – 6%). К тому же, в семантической структуре изученных слов, функционирующих в говорах, могут сочетаться все значения, имеющиеся у него в ЛЯ, плюс собственно диалектные, либо часть значений, известных ЛЯ, плюс собственно диалектные, а в

редких случаях – собственно диалектные. Большинство общерусских существительных, функционирующих в говорах камчадалов, имеют различия в семантической структуре по сравнению с существительными ЛЯ (слова, полностью совпадающие по семантическому объему, составляют 21 % от всего числа; имеют различия в семантическом объеме 74% слов, из них не имеют никакого совпадения в значении со словами ЛЯ – 5 %). В значении общерусского существительного, функционирующего в говорах, могут не актуализироваться семы, свойственные этому значению существительного в ЛЯ, а развиваться собственно диалектные оттенки значений.

Список литературы

1. Щепина, Е.Н. Общепородное слово в диалектной лексической системе (на материале имен существительных в брянских говорах): автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук по спец. 10.02.01 русский язык / Е.Н. Щепина; Изд-во Российского гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. – СПб., 1992.
2. Ильинская, Н.Г. Общепородное слово в лексикологическом аспекте / Н.Г. Ильинская. – Петропавловск-Камчатский: Изд-во КГПУ, 2001. – 303 с.
3. Словарь русского языка: В 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1981-1984. – 2978 с.
4. Ильинская, Н.Г., Хаданович А.Е. Лексика камчатских говоров: общепородное имя существительное: монография / Н.Г. Ильинская, А.Е. Хаданович; КамГУ им. Витуса Беринга. – Петропавловск-Камчатский: КамГУ им. Витуса Беринга, 2012. – 293 с.

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ НАУКИ

ФИЗИКО-ХИМИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И СОХРАННОСТЬ НОВОГО МОРОЖЕНОГО С 1%-М СОДЕРЖАНИЕМ SPIRULINA PLATENSIS

Болкунов Павел Сергеевич

Студент ФГБОУ ВПО «Орловский государственный аграрный университет»,

Мамаев Андрей Валентинович

Д. биол. наук, профессор ФГБОУ ВПО «Орловский государственный аграрный университет», г. Орел

Родина Наталья Дмитриевна

К. биол. наук, доцент ФГБОУ ВПО «Орловский государственный аграрный университет», г. Орел

Куприна Анна Олеговна

Ст. преподаватель ФГБОУ ВПО ОрелГАУ, г. Орел

PHYSICOCHEMICAL PROPERTIES AND PRESERVATION OF A NEW ICE CREAM WITH SPIRULINA PLATENSIS 1% CONTENT.

Andrey Mamaev, Doctor of biological Sciences, Professor of Orel State Agrarian University, Orel

Pavel Bolkunov, Student of Orel State Agrarian University

Natalia Rodina, Candidate of Biological Sciences, associate professor of Orel State Agrarian University, Orel

Anna. Kuprina, Senior lecturer of Orel State Agrarian University, Orel

АННОТАЦИЯ

Изучение физико-химических показателей и сохранности нового мороженого с содержанием *Spirulina platensis*. Использовались общепринятые физико-химические и микробиологические методы изучения состава и свойств нового мороженого с *Spirulina platensis* при оценке опытных и контрольных образца. В результате разработана технология нового мороженого функциональной направленности, диетическими свойствами и хорошими органолептическими качествами. При внесении в мороженое 1% по массе основных ингредиентов сухого концентрата спирулины отмечено следующее:

- Физико-химические и микробиологические показатели нового мороженого соответствовали существующим техническим требованиям к подобным продуктам, а по массовой доле жира, сахарозы, белка, сухих веществ, размерам кристаллов льда, превосходили аналоговое мороженое соответственно на 0,5%; 2%; 1,7%; 1,9%; 2 мкм, но уступало по размерам воздушных пузырьков в смеси на 2 мкм.
- При изучении динамики нарастания кислотности в опытном мороженом при хранении в течение 60 суток установлено, что в образцах со спирулиной кислотность нарастала быстрее относительно аналога. Это, определило срок годности нового мороженого - 45 суток

Ключевые слова: мороженое, *Spirulina platensis*

ABSTRACT

The study of physicochemical properties and preservation of a new ice cream with *Spirulina platensis* content. Conventional physicochemical and microbiological methods of study of a new ice cream with *Spirulina platensis* composition and properties in the evaluation of experimental and control samples were used. As a result, the technology of a new functional ice cream with dietary properties and good organoleptic qualities was developed. Adding in the ice cream 1% by weight of the main ingredients of a dry spirulina concentrate the following is noted:

- Physicochemical and microbiological parameters of the new ice cream comply with the existing technical requirements to the similar products, as for a mass fraction of fat, sucrose, protein, solids, the size of ice crystals, these values exceed the analog ice cream by 0.5%; 2%; 1.7%, 1.9%; 2 microns, but rank below in the size of air bubbles in the mixture up to 2 microns.
- When studying dynamics of acidity increase in the experimental ice cream upon storage within 60 days, it is established that in samples with spirulina the acidity increased quicker concerning the analogue. This fact defined an expiration date of new ice cream - 45 days.

Keywords: ice cream, *Spirulina platensis*

Потребности рынка в естественных, традиционных продуктах питания с природными компонентами, обеспечивающими высокую функциональную активность с каждым годом становятся все больше. [1] Отечественные продукты питания отличаются высоким качеством и натуральностью, всё больше в массовых пищевых производствах используются компоненты искусственного происхожде-

ния, в то время как природных компонентов с высокой пищевой и биологической ценностью имеется в достаточном количестве. Использование традиционных компонентов морского происхождения в современных технологиях пищевых продуктов – это резерв в создании функциональной пищи. Таким объектом является сине-зеленая микроводоросль спирулина плантенсис (*Spirulina*

platensis), с древности используемая как пищевой и лечебный продукт природы. [3]

Спирулина - это сине-зеленая водоросль, богатая высококачественными питательными веществами, особенно белками (65-72%) и β -каротином. Спирулина содержит растительные пигменты, включая хлорофилл и фикоцианин, витамины группы В, Е, железо, магний, селен, редкоземельные минералы, ферменты, нуклеотиды, линолевую и линоленовую кислоты. Целью нашего исследования явилось изучение физико-химических характеристик и сохранности нового мороженого с различным содержанием *Spirulina platensis*.

При выборе количества спирулины вводимой в мороженое учитывали рекомендациям НИИ питания, согласно которым, потребление обогащенного продукта должно покрывать с общепринятой порцией 10-50% суточной физиологической потребности организма в том или ином микронутриенте.[2] Количество вносимой спирулины составило 1% от исходной массы мороженого в пересчете на сухое вещество. Физико-химические показатели мороженого представлены в таблице 1.

Таблица 1

Физико-химические показатели опытных образцов мороженого

Показатели	Сливочное со спирулиной	Аналоговое мороженое
Массовая доля жира, %	9,5±0,002	9,0±0,001
Массовая доля сахарозы, %	17,0±0,001	15,0±0,002
Массовая доля белка, %	8,7±0,001	7,0±0,001
Массовая доля сухих веществ, %	36,94±0,001	35,0±0,001
Кислотность, Т 0	50±0,001	50±0,001
Взбитость мороженого, %	75	75
Размер кристаллов льда, мкм	62±0,001	60±0,001
Размер воздушных пузырьков, мкм	175±0,01	177±0,01

Как видно из таблицы 1, исследуемый продукт отличается от аналогового повышенным содержанием белка, сахарозы и сухих веществ.

Кислотность и взбитость опытных образцов мороженого находилась на одном уровне. Кристаллы льда в мороженом со спирулиной были несколько больше чем в аналоговом, т.к. внесенный сухой концентрат дополнительно создал условия для роста кристаллов на частицах водоросли, однако данный показатель находился в пределах нормы.

Размеры воздушных пузырьков наоборот были незначительно меньше в новом мороженом по сравнению с аналоговым.

По микробиологическим показателям новый вид мороженого не уступал традиционному мороженому с яйцом и сливками, что соответствует техническим условиям на выработанное мороженое.

В процессе хранения опытных образцов мороженого, установлена специфическая динамика нарастания кислотности в образцах продукта, содержащего спирулину. Данные предоставлены в таблице 2

Таблица 2

Изменение кислотности мороженого в процессе хранения

Виды мороженого	Изменение кислотности в процессе хранения, Т0			
	Свежее	Через 30 суток	Через 45 суток	Через 60 суток
Аналоговое	50	51	52	52
Мороженое со спирулиной	50	52	53	55

Так, на протяжении 60 суток производились измерения кислотности в опытных образцах мороженого. В образцах со спирулиной наблюдалось более быстрое нарастание кислотности по сравнению с аналогом, что отрицательно повлияло на срок годности продукта. Срок годности нового мороженого не может превышать 45 суток.

При внесении в мороженое 1% по массе основных ингредиентов сухого концентрата спирулины отмечено следующее:

1. Физико-химические и микробиологические показатели нового мороженого соответствовали существующим техническим требованиям к подобным продуктам, а по массовой доле жира, сахарозы, белка, сухих веществ, размерам кристаллов льда, превосходили аналоговое мороженое соответственно на 0,5%; 2%; 1,7%; 1,9%; 2 мкм, но уступало по размерам воздушных пузырьков в смеси на 2 мкм.

2. При изучении динамики нарастания кислотности в опытном мороженом при хранении в течение 60 суток установлено, что в образцах со спирулиной кислотность нарастала быстрее относительно аналога. Это, определило срок годности нового мороженого - 45 суток

Список литературы

1. Донская Г.А., Ишмаматьева М.В. «Пищевые волокна – стимуляторы роста полезной микрофлоры организма человека / Пищевые ингредиенты, сырье и добавки» 2004. № 1.
2. Степанова Л.И. «Справочник технолога молочного производства. Технология и рецептуры.» Т.2: СПб.: ГИОРД, 2003.
3. Технология молочных продуктов: Учебное пособие для вузов./ Крузь Г.Н., Шкупаева Л.В., Шалыгина Г.А.-М.: Агропромиздат, 2003.-364с.

ИЗУЧЕНИЕ ВЛИЯНИЯ РАЗЛИЧНЫХ ВИДОВ СРЕДЫ НА ХИМИЧЕСКИЙ СОСТАВ ПЕРЕПЕЛИНЫХ ЯИЦ

Горькавенко А.Г.
магистр,
Алексеева В.А.
студент,
Оботурова Н.П.

к.т.н., доцент, кафедра технологии мяса и консервирования института живых систем, ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь

В настоящее время производство перепелиных яиц еще не достигло насыщения и является особенно актуальным и высоко rentabelным.

С каждым годом количество желающих купить удивительно полезные яйца только растет. Перепелиное мясо считается деликатесным и в ресторане оно стоит недешево. В отличие от куриных яиц, перепелиные не только не вызывают аллергии, но наоборот подавляют её проявления. [3]

Яйцо – это сложный биологический комплекс, весьма совершенный по строению и составу, являющийся уникальным, максимально приспособленным для сохранения и развития живого организма. При хранении в перепелином яйце происходит ряд изменений. По мере старения яйца могут приобретать характерный затхлый и другие неприятные запахи, появляющиеся в результате химического распада содержимого яйца, возникающего под действием микроорганизмов или под влиянием изменений окружающей среды. [1, с. 68-70; 2, с. 45-47; 4]

Старение яйца сопровождается и изменением его физических свойств, связанных с перемещением воды и потерей углекислого газа, а также химического состава.. [1, с. 68-70]

Для правильного ведения технологического процесса производства высококачественных яйцепродуктов необходимо знать особенности строения яйца и его химический состав.

Любое яйцо состоит из скорлупы, подскорлупной и белковой оболочек, белка и желтка. Соотношение белка, желтка и скорлупы является постоянным для каждого вида яиц. [5]

В основной химический состав целого яйца, включая скорлупу, входят: вода, жир, белок, углеводы, неорганические и минеральные вещества, витамины и пигменты.

Белки входят в состав всех частей яйца и представляют собой коллоидное слабоокрашенное вещество. Строение и свойства белков определяются той функцией, которую несут эти части белка. Плотность яичного белка возрастает в направлении от внутреннего слоя к внешнему. Аминокислотный состав яиц является стабильным, сбалансированным и не подвергается значительным изменениям в процессе хранения. [6,7]

Липиды перепелиного яйца сосредоточены только в желтке. 2/3 всех липидов, входящих в состав желтка, составляют простые липиды или жиры, а 1/3 – фосфолипиды и стеролы, представляющие сложные липиды и жироподобные соединения. Более 60% жирных кислот, входящих в состав липидов яйца являются ненасыщенными, что определяет низкую температуру плавления жира. При этом жир находится в тонкоэмульгированном состоянии, что способствует высокой степени усвоения. [4]

В яйцах содержится большое количество витаминов, особенно жирорастворимых, в связи с чем они являются одним из важнейших источников этих крайне необходимых компонентов в питании человека. [5]

Желток перепелиного яйца богат ферментами. При этом, помимо протеолитических ферментов, в нем содержатся диастаза, лецитиназа, фосфатаза. Наличие в яйцах самых разных ферментных обуславливает развитие автолитических процессов. В жирах непрерывно протекает процесс гидролиза, в результате чего через 12 месяцев хранения кислотное число увеличивается более чем на 70%.

В процессе хранения яиц также происходит усушка их содержимого за счет испарения влаги, находящейся в прямой зависимости от факторов окружающей среды.

Во время хранения яиц происходит процесс их старения, сопровождающийся различными физико-химическими реакциями, в результате которых возникают глубокие качественные изменения яиц. [5]

Основным физическим изменением яиц является усушка их содержимого за счет испарения влаги.

Целое перепелиное яйцо содержит большое количество воды. Вследствие испарения воды при хранении масса яйца постепенно уменьшается, это влечет за собой изменение удельного веса яйца и увеличение воздушной камеры. Относительное содержание в компонентах яйца сухих веществ изменяется, в результате чего значительно ухудшается качество яиц (цвет, запах и т.д.) Эти изменения зависят от условий хранения перепелиного продукта. [8, с. 86-89]

Консервирование перепелиных яиц позволяет значительно увеличить срок их хранения. Однако, следует учитывать, что как консервирующее вещество, так и условия хранения яиц в консерванте могут оказывать значительное влияние на физико-химические свойства продукта. В связи с этим особый интерес представляет изучения влияния консервированной среды на химический состав перепелиных яиц.

Для организации экспериментальных работ были получены перепелиные яйца с фермы, принадлежащие ООО «НПП «Колос»», село Донское, Ставропольский край. Объекты исследования были подвергнуты термической обработке и очищены от скорлупы. В качестве консервирующих сред были использованы растворы уксусной кислоты (8%), поваренной соли (10%) и составной раствор сахара (5%) и горчицы (5%), а также консервация CO₂. В процессе исследований были изучены основные химические свойства перепелиных яиц с учетом продолжительности выдержки. Результаты исследований приведены в таблице 1.

В таблицу внесены усредненные значения, полученные при исследовании 10 образцов в каждом измерении, допустимая норма погрешности – 5%.

Таблица 1

Результаты исследования химического состава перепелиных яиц при выдержке в консервирующих средах.

п/п	Консервирующая среда	Содержание в зависимости от сроков хранения, %												Концентрация водородных ионов, pH		
		Сухого вещества			Жиры			Белка			Свободных жирных кислот					
		Сроки выдержки, дней														
		21	42	63	21	42	63	21	42	63	21	42	63	21	42	63
1	Уксусная кислота 8%	26	27	29	14	14	16	11	12	12	3	4	4	6,5	6,5	6,6
2	Поваренная соль 10%	26	25	25	13	13	16	11	11	10	6	7	8	7,7	7,8	7,9
3	Сахар + горчица 5%	29	31	33	16	18	22	11	12	11	4	4	5	7,0	7,1	7,3
4	CO ₂	30	32	33	18	20	24	10	9	8	4	5	6	7,2	7,3	7,2

По выше представленным данным, можно сделать вывод, что использование различных консервирующих сред дает различный эффект при определении конечного результата.

Так, использование раствора поваренной соли обеспечивает сохранность яиц на протяжении 2 месяцев, оказывая при этом эффект на белковую составляющую, постепенно экстрагируя ее в раствор, а также изменяя качество жира, что обусловлено повышенным содержанием свободных жирных кислот. Ухудшение качества жира в большей степени происходит при консервировании яиц в среде CO₂, что объясняется интенсификацией липолитических процессов в процессе хранения в инертной газовой среде. Купажированный раствор сахара и горчицы в свою очередь не обеспечивает стабильности содержания влаги в продукте, что сказывается на ухудшении функциональных свойств продукта. Наиболее удачной средой для консервирования, согласно результатам эксперимента, является уксусная кислота, в процессе хранения в которой химический состав перепелиных яиц характеризовался максимальной стабильностью.

Таким образом, для организации технологического процесса производства высококачественных яйцепродуктов, в частности перепелиных яиц, наиболее перспективным из изученных способов консервации является выдержка в уксусной кислоте.

В дальнейшем актуально изучение возможности совмещения консервации уксусной кислотой и различных электрофизических воздействий для увеличения сроков годности перепелиных яиц.

Список литературы

1. Царенко П.П., Васильева Л.Т., Сафиулова Ю.Р. Динамика старения яиц//Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. — 2008. — № 6. — С. 68—70.
2. Царенко П.П., Васильева Л.Т., Сафиулова Ю.Р. Способ определения свежести яиц//Птицеводство. — 2010. — № 4. — С. 45—47.
3. Международной научно-практической конференции 28-29 марта 2014 года «Новые технологии как инструмент реализации стратегии развития и модернизации в экономике, управлении проектами, педагогике, праве, культурологии, языкознании, природопользовании, биологии, зоологии, химии, политологии, психологии, медицине, филологии, философии, социологии, математике, технике, физике, информатике, градостроительстве» г. Санкт-Петербург на тему: «Инновационная технология маринованных перепелиных яиц» Алексеева В.А., студент; Колосов А.И., магистр; Оботурова Н.П., к.т.н., доцент
4. Адрес в интернете: <http://otveti-examen.ru/pisheprom/52-otvety-k-ekzamenu-teoreticheskie-osnovy-pishchevykh-tehnologij.html?start=7>
5. Адрес в интернете: <http://www.pelkindom.ru/o%20polze%20perepelinih%20yaic.html>
6. Адрес в интернете: <http://notefood.ru/pishhevyevshhestva/belki/sodershanie-belka-v-belkeyajtsa.html>
7. Адрес в интернете: <http://www.intelmeal.ru/nutrition/foodinfo-egg-quail-whole-ru.php>
8. Таранов, П.М. Развитие глубокой переработки яйца в России / Таранов П.М., Гадаева В.Ю. // Вестник Саратовского госагроуниверситета им. Н.И. Вавилова. — 2010. — №8 — С. 86-89

ПЕРЕВАРИМОСТЬ ПИТАТЕЛЬНЫХ ВЕЩЕСТВ ПРИ ВКЛЮЧЕНИИ В РАЦИОН БЫЧКОВ «БИОДАРИНА»

Долженкова Галина Михайловна,

кандидат сельскохозяйственных наук, доцент кафедры технологии мяса и молока ФГБОУ ВПО Башкирский ГАУ;

Губайдуллин Наиль Мирзаханович,

доктор сельскохозяйственных наук, профессор, декан факультета пищевых тех. ФГБОУ ВПО Башкирский ГАУ;

Вагапов Ильнур Фаргатович,

аспирант ФГБОУ ВПО Башкирский ГАУ;

Тагиров Хамит Харисович,

Док. сельскохозяйственных наук, проф., заведующий кафедрой тех. мяса и молока ФГБОУ ВПО Башкирский ГАУ

*DIGESTIBILITY OF NUTRIENTS IN THE DIET WHEN THE BULLS 'BIODARINA "**Dolzhenkova GalinaMihaylovna, candidate of agricultural sciences, associate professor of technology of meat and milk Bashkir State Agrarian University;**Gubaidullin Nail Mirzahanovich, doctor of agricultural sciences, professor, dean of the faculty of food technology Bashkir State Agrarian University;**Vagapov Ilnur Fargatovich, postgraduate Bashkir State Agrarian University;**Tahirov Hamit Harisovich, doctor of agricultural sciences, professor, head of department of technology of meat and milk Bashkir State Agrarian University***АННОТАЦИЯ**

Изучено влияние скармливания разных доз белково-витаминно-минерально кормовой добавки «Биодарин» на переваримость питательных веществ. Установлено, что скармливание бычкам кормовой добавки «Биодарин» в составе комбикорма заметно повышает переваримость основных питательных веществ рационов.

ABSTRACT

The effect of feeding different doses of protein-vitamin-mineral feed additive "Biodarin" on digestibility of the main nutrients of rations. It was found that feeding steers feed additive "Biodarin" as part of feed significantly increases the digestibility of the main nutrients of rations.

Ключевые слова: бычки, кормление, рацион, переваримость, добавка.

Keywords: bulls, feeding, diet digestibility, addition.

Одной из важнейших проблем, которую предстоит решать агропромышленному комплексу страны, является устойчивое наращивание производства высококачественных, экологически чистых продуктов животноводства. При этом важное место отводится производству говядины, одному из основных источников белка.

Среди важнейших приемов, позволяющих увеличить производство и улучшить качество говядины, наиболее существенная роль отводится интенсификации кормовой базы и организации полноценного, сбалансированного кормления животных, а также использованию рационов с применением биологически активных веществ. Скармливание молодняку крупного рогатого скота биологически активных веществ повышает интенсивность их роста при более рациональном расходовании кормов, материальных и трудовых ресурсов на единицу продукции, улучшает качество говядины [].

В последние годы в животноводстве стали широко использовать и применять пробиотики – живые микроорганизмы и вещества микробного происхождения (микробные метаболиты), оказывающие при естественном способе введения благоприятное воздействие на физиологические, биохимические и иммунные реакции организма хозяина путем стабилизации и оптимизации функций нормальной микрофлоры [].

В связи с этим изучение новой белково-витаминно-минеральной пробиотической кормовой добавки «Биодарин», включая ее влияние на физиологическое состояние и продуктивность животных, а также целесообразность ее использования при выращивании и откорме молодняка крупного рогатого скота актуально и имеет большое научное и практическое значение.

Основной целью исследования являлось изучение влияния скармливания разных доз белково-витаминно-минерально кормовой добавки «Биодарин» на переваримость питательных веществ и обмен энергии в организме.

Для достижения поставленной цели в СПК-колхозе «Герой» Чекмагушевского района Республики Башкортостан был проведен научно-хозяйственный опыт. Для проведения исследований по принципу аналогов с учетом породы, пола, возраста и живой массы было сформировано 4 группы 6-месячных бычков черно-пестрой породы – контрольная (I) и 3 опытные (II, III и IV) по 15 голов в каждой. Различие состояло в том, что в рационы молодняка II,

III и IV групп дополнительно к основному рациону вводили 3,5 г; 7,0 и 10,0 г пробиотической кормовой добавки «Биодарин» на 1 кг концентрированного корма.

Рационы подопытных животных были сбалансированы согласно детализированным нормам скармливания (А.П. Калашников и др., 2003).

Поедаемость кормов подопытными бычками определялась ежемесячно в течение двух смежных дней, а в период балансового опыта ежедневно, который проводился в возрасте 13 мес согласно общепринятой методике (А.И. Овсянников, 1976).

Корма, их остатки, кал и моча подвергались химическому анализу в испытательном центре ГНУ ВНИИМС г. Оренбурга по общепринятым методикам зоотехнического анализа (П.Т. Лебедев, А.Т. Усович, 1976).

По полученным данным рассчитывали коэффициенты переваримости питательных веществ рационов, а также обмен азота, кальция, фосфора и энергии в организме бычков. При этом расчет показателей обмена энергии осуществляли с использованием функций предложенных ARC (1984); А.П. Калашниковым и др. (1985); Н.Г. Григорьевым и др. (1989).

При проведении исследования условия содержания и кормления для бычков всех групп были одинаковыми. С 6-месячного возраста до сдачи на мясокомбинат животные всех групп содержали на откормочной площадке, на глубокой несменяемой подстилке.

Рацион подопытного молодняка состояли из кормов, производимых в хозяйстве. В их состав входили: сено злаковое – разнотравное, силос кукурузный, сенаж злаково-бобовый, концентраты и зеленая масса сеяных трав.

При одинаковом наборе и количестве кормов, задаваемых подопытным животным, поедаемость их в разрезе групп была неодинакова.

Сено, силос, сенаж и зеленую массу несколько больше потребляли бычки II, III и IV групп, чем I (контрольной) группы.

Разница составляла по сену 0,96-2,64%, по силосу 1,70-5,46%, по сенажу 1,21-4,19% и по зеленой массе 1,74-4,38%. Концентрированные корма и патоку кормовую бычки всех групп съедали полностью

В связи с различной поедаемостью сена, силоса, сенажа и зеленой массы животные в неодинаковом количестве потребляли и питательные вещества. Наибольшее количество питательных веществ потребляли бычки III группы. Они превосходили своих сверстников из I, II и IV групп по потреблению сухого вещества на 2,50%; 1,58 и 0,24%, кормовых единиц – на 2,02; 1,29 и 0,18%, обменной энергии – на 2,16; 1,38 и 0,20%, переваримого протеина – на 1,89; 1,25 и 0,12% соответственно. При этом необходимо подчеркнуть, что между бычками III и IV групп по потреблению питательных веществ существенных различий не отмечалось.

Изучение переваримости питательности веществ рационов включающие концентрированные корма с различным содержанием кормовой добавки «Биодарин», бычками черно-пестрой породы имело, в нашем опыте большое значение, поскольку давало характеристику кормовой ценности различных доз испытываемой кормовой добавки.

Полученные нами данные свидетельствуют о том, что за период физиологического опыта животные разных групп потребляли неодинаковое количество питательных веществ (табл. 1).

Таблица 1

Количество питательных веществ, принятых подопытными бычками, г (в среднем на 1 животное)

Показатель	Г р у п п а			
	I	II	III	IV
Сухое вещество	8112,6±35,30	8347,2±28,46	8535,2±33,01	8460,0±32,92
Органическое вещество	7548,8±23,54	7772,1±25,65	7976,1±30,32	7897,4±31,20
Сырой протеин	936,1±13,45	1010,4±10,11	1036,1±6,82	1038,5±7,12
Сырой жир	221,9±3,82	230,8±2,63	236,1±4,11	235,3±3,18
Сырая клетчатка	1620,7±27,75	1667,9±19,28	1734,0±18,26	1702,7±13,91
БЭВ	4770,1±48,65	4863,0±13,18	4969,9±16,81	4920,9±20,64

Скармливание подопытному молодняку изучаемой кормовой добавки положительно сказалось на поедаемость кормов и потреблении основных питательных веществ рационов.

Наибольшее количество питательных веществ потребляли бычки, получавшие испытываемую добавку. В частности, по количеству потребленных питательных веществ преимущество было на стороне II, III и IV групп. По сравнению с аналогами контрольной (I группа) они больше потребляли сухого вещества соответственно на 2,9-5,2% (P<0,05); органического – на 3,0-5,7% (P<0,01); сырого протеина – на 7,9-10,9% (P<0,01); сырого жира – на 4,0-6,4% (P<0,05); сырой клетчатки – на 2,9-7,0% (P<0,05); безазотистых экстрактивных веществ – на 1,9-4,2% (P<0,05) с большей разницей в пользу III группы. Так, бычки III группы

превосходили животных II и IV групп по потреблению сухого вещества на 2,3 и 0,9%, органического – на 2,6 и 1,0%; сырого протеина – на 2,5 и 0,2%; сырого жира – на 2,3 и 0,8%, сырой клетчатки – на 3,9 и 1,8% и БЭВ – на 2,2 и 1,0%.

Известно, что питательные вещества, поступившие с суточным рационом в организм животного, усваиваются не полностью, часть их выделяется с калом. Доля этого балласта различная и представляет важную с хозяйственной точки зрения степень усвоения отдельных питательных веществ рациона.

Данные, полученные в результате вычета питательных веществ, выделенных из организма с калом, от количества, принятого с калом, характеризуют количество питательных веществ, переваренных в организме животного (табл. 2).

Таблица 2

Количество питательных веществ переваренных подопытными бычками в течение суток, г

Показатель	Г р у п п а			
	I	II	III	IV
Сухое вещество	5380,3±58,47	5574,3±25,17	5800,5±28,03	5713,9±24,20
Органическое вещество	5109,0±40,44	5286,6±32,12	5497,9±29,18	5420,8±31,64
Сырой протеин	568,9±12,07	626,8±8,11	660,4±4,12	656,6±6,45
Сырой жир	144,8±4,05	153,1±3,14	160,6±3,44	159,4±5,45
Сырая клетчатка	898,2±13,76	936,4±8,75	987,5±10,63	960,8±3,46
БЭВ	3425,8±38,19	3576,7±20,81	3700,6±16,61	3667,1±9,31

Как показали результаты исследований, бычки III и IV групп переваривали примерно одинаковое количество питательных веществ и заметно превосходили по этому показателю сверстников из I (контрольной) и II групп. Так, они больше переваривали сухого вещества на 7,8 и 4,0% (P<0,05), органического – на 7,6 и 3,9% (P<0,05); сырого протеина – на 16,1 и 5,4% (P<0,01); сырой клетчатки – на 10,0 и 5,5% (P<0,01) и БЭВ – на 8,0 и 3,5% (P<0,05) соответственно

Среди животных, получавших с рационом кормовую добавку «Биодарин» преимущество по количеству переваренных питательных веществ было на стороне III группы.

Так как, переваримость признается за обобщенную характеристику корма, который может скармливаться в различных количествах, ее выражают не в абсолютных, а в относительных величинах, в процентах от количества питательных веществ, поступивших с потребленным кормом. Это процентное выражение называют коэффициентом переваримости того или иного вещества (табл. 3).

Оценивая способность сравниваемых групп к перевариванию основных питательных веществ, следует отметить, что включение в рационы кормовой добавки «Биодарин» положительно сказалось на коэффициентах переваримости питательных веществ рационов.

Таблица 3

Коэффициенты переваримости питательных веществ рационов, %

Показатель	Г р у п п а			
	I	II	III	IV
Сухое вещество	66,32±0,08	66,78±0,14	67,96±0,22	67,54±0,08
Органическое вещество	67,68±0,23	68,02±0,12	68,93±0,16	68,64±0,24
Сырой протеин	60,77±0,47	62,03±0,43	63,74±0,48	63,23±0,15
Сырой жир	65,27±1,25	66,32±1,45	68,01±1,04	67,74±1,76
Сырая клетчатка	55,42±0,36	56,14±0,11	56,95±0,34	56,43±0,36
БЭВ	71,82±0,21	73,55±0,27	74,46±0,35	74,52±0,20

Так, бычки I(контрольной) группы уступали сверстникам II, III и IV групп по переваримости сухого вещества на 0,5-1,6% ($P<0,05$ - $P<0,001$); органического – на 0,3-1,3% ($P>0,05$ - $P<0,05$); сырого протеина – на 1,3-3,0% ($P<0,05$ - $P<0,01$); сырого жира – на 1,1-2,7% ($P>0,05$ - $P>0,05$); сырой клетчатки – на 0,7-1,5% ($P>0,05$ - $P<0,05$) и БЭВ – на 1,7-2,6% ($P<0,01$ - $P<0,01$).

Среди групп бычков, получавших с рационом кормовую добавку, преимущество по переваримости питательных веществ рациона было на стороне животных III группы. Они превосходили бычков II и IV групп по сухому веществу на 1,2% ($P<0,05$) и 0,4% ($P>0,05$); по органическому – на 1,0% ($P<0,01$) и 0,4% ($P>0,05$); по сырому протеину – на 1,7% ($P<0,05$) и 0,5% ($P>0,05$); по сырому жиру – на 1,7% ($P<0,05$) и 0,3 ($P>0,05$); по сырой клетчатке – на 0,8% ($P>0,05$) и 0,5% ($P>0,05$) и по БЭВ – на 0,9% ($P<0,05$).

Следовательно, скармливание бычкам кормовой добавки «Биодарин» в составе комбикорма заметно повышает переваримость основных питательных веществ рационов. Причем лучшая переваримость питательных веществ рационов отмечалась у бычков, получавших испытываемую добавку в количестве 7 г на 1 кг корма.

Литература

1. Ибатова Г.Г., Вагапов Ф.Ф. Мясная продуктивность

бычков при интенсивном выращивании с применением стимулятора роста Нуклеопептид // Известия Самарской государственной сельскохозяйственной академии. 2015. №1.С.119-121

2. Ибатова Г.Г., Тагиров Х.Х. Оценка химического состава мяса бычков черно-пестрой породы, выращенных с использованием натурального биостимулятора «Нуклеопептид» // Вестник Башкирского государственного аграрного университета. 2014. №3. С. 47-50
3. Мамаев И.И., Тагиров Х.Х., Юсупов Р.С., Миронова И.В. Рост, развитие и гематологические показатели бычков черно-пестрой породы и ее двух-, трехпородных помесей // Молочное и мясное скотоводство. 2014. №2. С.2-4
4. Миронова И.В., Тагиров Х.Х. Рациональное использование биоресурсного потенциала бестужевского и черно-пестрого скота при чистопородном разведении и скрещивании. - М.: Лань, 2013. - 330 с.
5. Юсупов Р.С., Ибатова Г.Г. Гематологические показатели бычков черно-пестрой породы при применении биостимулятора Нуклеопептид // Известия Самарской государственной сельскохозяйственной академии. 2015. №1.С.122-125

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОПТИМАЛЬНЫХ СРОКОВ И НОРМ ВНЕСЕНИЯ ПУМА СУПЕР 100 НА ПОСЕВАХ ТВЕРДОЙ ПШЕНИЦЫ

Домченко Людмила Николаевна

Аспирант, Омский государственный аграрный университет им. П.А. Столыпина, г. Омск

Рендов Николай Александрович

доктор с.-х. наук, профессор, Омский государственный аграрный университет им. П.А. Столыпина, г. Омск

Горбачева Татьяна Васильевна

кандидат с.-х. наук, доцент, Омский государственный аграрный университет им. П.А. Столыпина, г. Омск

A DETERMINATION OF OPTIMAL TERMS AND NORMS OF BRINGING OF PUMA SUPER 100 ON SOWING OF HARD WHEAT

Domchenko Lyudmila, aspirant, Stolypin Omsk State Agrarian University, Omsk,

Rendov Nikolay, Doctor of agricultural science, the professor, Stolypin Omsk State Agrarian University, Omsk,

Gorbacheva Tatyana, Candidate of agricultural sciences, associate professor, Stolypin Omsk State Agrarian University, Omsk

АННОТАЦИЯ

Представлены двухлетние данные полевого опыта по определению оптимальных сроков и норм внесения противомятликового гербицида Пума Супер 100 на посевах твердой пшеницы. Удержание засорения посевов в пределах слабой степени возможно при обработке гербицидом в период от двух - трех листьев до одного - двух узлов у пшеницы нормой 0,6 – 0,7 л/га. Прибавки урожайности зерна были 0,44-0,51 т/га.

Ключевые слова: твердая пшеница; Пума Супер 100; доля сорняков в агрофитоценозе; урожайность зерна.

ABSTRACT

In the article are presented data of the field experience on determination of optimal terms and norms of bringing of an antibluegrass herbicide Puma Super 100 on sowing of hard wheat. Keeping of contamination of sowing within the limits of weak degree is possible at treatment herbicide in a period from two-three leaves to the one-two knots on the stem of wheat a norm in 0, 6 - 0, 7 l/hectare. Increases of productivity of grain were 0, 44 - 0, 51 t/hectare.

Keywords: hard wheat; Puma Super 100; share of weeds in an agrophytocenosis; productivity of grain. Singular phytocenosis Plural

Основные площади посевов твердой пшеницы в Омской области сосредоточены в южной лесостепи, так как почвенно-климатические условия зоны благоприятны для возделывания этой культуры [3, с.19].

Защита посевов твердой пшеницы от сорных растений является одним из важных элементов повышения урожайности и качества зерна. Сорная растительность причиняет существенный ущерб посевам сельскохозяйственных культур. Они заглушают культурные растения, поглощая из почвы большее количество воды и питательных веществ. Коэффициент использования питательных веществ сорняками выше, чем культурными растениями: в среднем 50-70%, против 30-40% [1, с.32]. Поэтому чаще предшественником этой культуры остается чистый пар.

Из изучаемых в Западной Сибири граминицидов в посевах зерновых культур (Дрозанекс, Иллоксан, Топик, Пума Супер 7,5, Пума Супер 100) самым эффективным оказался Пума Супер 100, обеспечивающий подавление мятликовых сорняков до 98% [2, с.24].

Полевые опыты проводили в 2013-2014 гг. на опытном поле Омского ГАУ им. П.А. Столыпина. Почва опытного участка лугово-черноземная среднесуглинистая с содержанием гумуса в пахотном слое 3,92%. Сорты твердой пшеницы Омский изумруд. Площадь делянки 20 м². Повторность в опыте четырехкратная. Предшественник – пар чистый ранний.

Засоренность в опытах определялась прежде всего мятликовыми видами. Из позднеровых преимущество за просом сорным (*Panicum miliaceum ruderales* (Kitag.) Tzvel.) и просом куриным (*Panicum crus galli* Z.), из раннеровых – овсюгом (*Avena fatua* Z.). Среди двудольных видов – основной сорняк – щирица запрокинутая (*Amaranthus retroflexus* Z.).

На контрольных делянках доля всех сорняков в агрофитоценозе достигла 25,4% в 2013 году и 17,2% в 2014г. При этом основу сорного компонента составляли мятликовые виды (таблица 1).

Таблица 1

Доля сорняков в агрофитоценозе в зависимости от срока и нормы внесения Пума Супер100, %

Срок обработки	Норма внесения, л/га	Всего сорняков			В т.ч. мятликовых		
		2013г.	2014г.	среднее	2013г.	2014г.	среднее
Контроль	0	25,4	17,2	21,3	19,4	9,6	14,5
2-3 листа пшеницы	0,5	14,3	2,6	8,5	11,3	1,4	6,4
	0,6	9,8	2,0	5,9	8,3	1,4	4,9
	0,7	8,3	1,5	4,9	7,5	0,9	4,2
	среднее	10,8	2,0	6,4	9,0	1,2	5,1
Кущение пшеницы	0,5	9,9	3,5	6,7	8,7	1,5	5,1
	0,6	6,8	2,5	4,7	6,6	1,5	4,1
	0,7	6,6	1,6	4,1	6,3	1,0	3,7
	среднее	7,8	2,5	5,2	7,2	1,3	4,3
1-2 узла пшеницы	0,5	8,8	3,6	6,2	7,5	1,9	4,7
	0,6	8,1	3,1	5,6	6,3	1,3	3,8
	0,7	6,4	2,0	4,2	6,3	1,1	3,7
	среднее	7,8	2,9	5,4	6,7	1,4	4,1

Наиболее эффективно подавление мятликовых сорняков отмечалось в 2014 году. На средней из рекомендуемых норм внесения Пума Супер 100 (0,6 л/га) снижение доли мятликовых сорняков превышало 80%, без видимых преимуществ сроков обработки гербицидом.

В условиях 2013 года отмечается более высокий уровень засорения мятликовыми сорняками – 19,4%. Это связываем с острозасушливыми условиями в год парования предшествующего года. При поверхностных обработках почвы в пару семена сорняков большую часть времени находились в сухой почве, что способствовало сохранению их всхожести. Кроме этого, первая половина вегетационного периода 2013 года была также засушливой. Только после завершения всех сроков опрыскивания гербицидом прошли обильные дожди, что вызвало вторую волну массовых всходов мятликовых сорняков. Отсюда их

доля снижалась только на 57,2-67,5%. В большей степени страдали первые сроки применения Пума Супер 100.

Уровень слабой степени засорения мятликовыми и всеми сорняками в 2013 году удавалось достичь при опрыскивании в фазу кущения и образовании одного-двух узлов на стебле пшеницы при всех испытываемых нормах внесения Пума Супер 100. При более ранней обработке требовалось ее увеличивать до 0,6 л/га.

Уровень урожайности зерна твердой пшеницы на контрольных участках колебался по годам от 1,92 до 2,18 т/га (таблица 2).

Различия между вариантами с разными нормами внесения Пума Супер 100 чаще всего были в пределах наименьшей существенной разницы. Можно говорить лишь о тенденциях. Так увеличение нормы с 0,5 до 0,6 л/га способствовало росту урожайности зерна на 0,06-0,12

т/га. Дальнейшее увеличение нормы внесения гербицида чаще не приводило к росту этого показателя.

В целом же применение Пума Супер 100 обеспечивало увеличению сборов зерна в среднем на 0,44-0,51 т/га.

Опрыскивание посевов твердой пшеницы с преимущественным засорением мятликовыми сорняками,

гербицидом Пума Супер 100 в фазу кушения культуры способствовало снижению доли сорняков в агрофитоценозе на 88,9%, что обеспечивало прибавку урожайности зерна на 0,46 т/га. Близкие показатели были и на более ранних и поздних сроках применения гербицида.

Таблица 2

Урожайность зерна твердой пшеницы в зависимости от срока и нормы внесения Пума Супер100, т/га

Срок обработки	Норма внесения, л/га	Год		
		2013г.	2014г.	среднее
Контроль	0	25,4	17,2	21,3
2-3 листа пшеницы	0,5	14,3	2,6	8,5
	0,6	9,8	2,0	5,9
	0,7	8,3	1,5	4,9
	среднее	10,8	2,0	6,4
Кушение пшеницы	0,5	9,9	3,5	6,7
	0,6	6,8	2,5	4,7
	0,7	6,6	1,6	4,1
	среднее	7,8	2,5	5,2
1-2 узла пшеницы	0,5	8,8	3,6	6,2
	0,6	8,1	3,1	5,6
	0,7	6,4	2,0	4,2
	среднее	7,8	2,9	5,4
НСР05		0,14	0,33	-

Список литературы

1. Ионин П.Ф. Борьба с сорняками при интенсификации земледелия Западной Сибири / П.Ф. Ионин. – Омск: ОмСХИ, 1992. – 256 с.
2. Сорные растения и борьба с ними при возделывании зерновых культур в Сибири: метод. пособие /

Н.Г. Власенко [и др.] // РАСХН. Сиб. отд-ние, СибНИИСЗХим. – Новосибирск, 2007. – 128 с.

3. Технологические системы возделывания зерновых и зернобобовых культур: рекомендации – Омск: ЛИТЕРА, 2014. – 108 с.

ОЧЕРК СОСТОЯНИЯ ЗАЩИТНЫХ ЛЕСНЫХ НАСАЖДЕНИЙ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Здорнов Игорь Александрович,

Магистрант, Уральский государственный лесотехнический университет;

Капралов Анатолий Витальевич,

к.с.-х.н., доцент, Уральский государственный лесотехнический университет, г. Екатеринбург

REPORT ON THE HEALTH OF SHELTERBELT FORESTS IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN
Zdornov Igor Aleksandrovich, Master's Student, Ural State Forest Engineering University;
Kapralov Anatoly Vitalyevich, Candidate of Agricultural Sciences, Associate Professor
Ural State Forest Engineering University, Ekaterinburg

АННОТАЦИЯ

В приведенной работе дан общий обзор состояния защитных лесных насаждений в Республике Казахстан, выполняемых ими защитных функций, намечены задачи по дальнейшей оценке их состояния и обоснования назначения необходимых мероприятий.

ABSTRACT

The following paper provides an overview of the health of shelterbelt forests in the Republic of Kazakhstan, it describes their protective functions, outlines the objectives to further assess their health and gives rationale of the activities required.

Ключевые слова: Республика Казахстан, защитные лесные насаждения, защитное лесоразведение в степных районах, лесовосстановление и лесоразведение в Казахстане

Keywords: The Republic of Kazakhstan, shelterbelt forests, protective afforestation in steppe areas, reforestation and afforestation in Kazakhstan

Казахстан (каз. Қазақстан), официально Республика Казахстан, (каз. Қазақстан Республикасы) - государство, располагающееся в центре Евразии, большая часть которого относится к Азии, а меньшая - к Европе.

По площади территории Казахстан занимает 9-е место среди государств мира (2 млн 724,9 тыс. км²), 2-е место среди стран СНГ (после России). Расположение: от восточной окраины дельты Волги на западе до Алтайских

гор на востоке, от Западно-Сибирской равнины и южной оконечности Урала на севере до Тянь-Шаньской горной системы и пустыни Кызылкум на юге страны [1].

Граничит на севере и западе с Россией, на востоке - с Китаем, на юге - с Киргизией, Узбекистаном и Туркменией. Общая протяженность сухопутных границ - 13392,6 км. Омывается водами внутриконтинентальных Каспийского и Аральского морей. Казахстан - крупнейшая страна, не имеющая выхода в Мировой океан.

Большую часть территории страны (167 млн га) составляют пустыни (36%) и полупустыни (18%). 35% территории Казахстана занимают степи. В центральных районах страны расположен Казахский мелкосопочник, или по-казахски Сары-Арка - «жёлтая степь». Более подробно районирование территории республики представлено на рисунке 1.

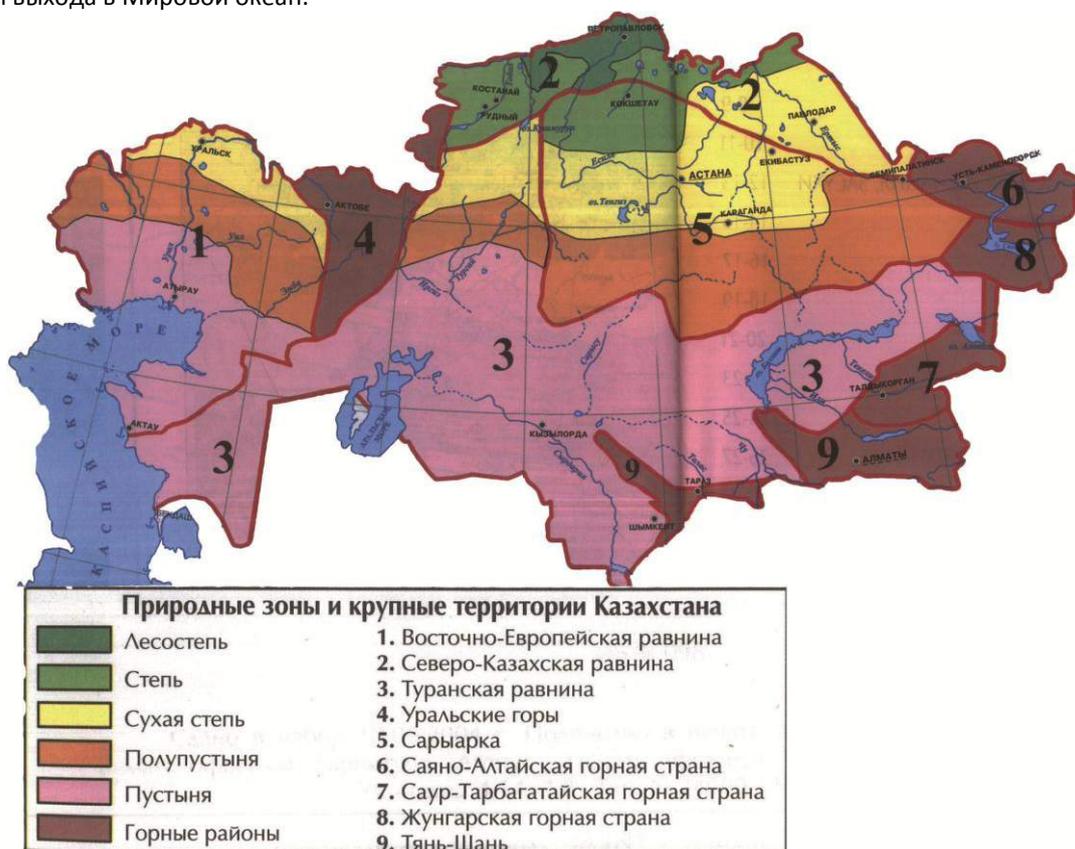

Рисунок 1 - Физико-географическое районирование Казахстана

Климат в республике в основном резко континентальный. Средняя температура января - от -19°C на севере до -5°C на юге, средняя температура июля - от $+17^{\circ}\text{C}$ на севере и до $+31^{\circ}\text{C}$ на юге. Лето в стране повсеместно жаркое и засушливое. Температура может достигать $+50^{\circ}\text{C}$ (г. Туркестан). Зима в стране малоснежная и холодная, температура может достигать -58°C (г. Атбасар и г. Павлодар) [1]. Преобладающие почвы республики - чернозёмные, каштановые, бурые, серозёмные, коричневые.

Общая площадь государственного лесного фонда (ГЛФ) составляет 29285,4 тыс. га. Леса занимают около 10,7% площади Казахстана и находятся в северных лесостепных и в южных горных частях страны. Покрытые лесом угодья занимают 12593,9 тыс. га, или 43% общей площади земель лесного фонда. Лесистость республики составляет 4,6%.

К полезным свойствам лесов, произрастающих на территории Казахстана в первую очередь относятся их экологические и социально значимые функции, характерные для лесов в растущем состоянии (выделение кислорода, поглощение углекислого газа, предохранение почв от водной и ветровой эрозии, перевод поверхностного стока вод в внутрипочвенный, бальнеологические и климаторегулирующие свойства) [2].

Континентальность климата на территории республики обуславливает силу таких неблагоприятных климатических явлений для сельского хозяйства как засуха, суховеи, пыльные бури, холодные и метелевые ветры.

В связи с этим на территории республики, начиная с 1938 года, активно создавались защитные лесные насаждения (далее ЗЛН). История возникновения защитного лесоразведения в Казахстане началась с прошлого столетия, когда Казахстан входил в состав СССР (России) [3].

В постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 26 октября 1938 «О мерах обеспечения устойчивого урожая в засушливых районах юго-востока СССР» была дана новая программа по выращиванию леса, в т. ч. полезащитных лесных полос в Казахстане.

В октябре 1948 Совет Министров СССР и ЦК ВКП (б) приняли постановление по созданию системы крупных государственных защитных лесных полос и другим вопросам защитного лесоразведения.

С 1949 по 1965 г. планировалось заложить на площади 5,7 млн га (в т.ч. и на территории Казахстана) системы защитных лесных насаждений.

Программа работ по защитному лесоразведению была утверждена Постановлением ЦК КПСС и СМ СССР от

20 марта 1967 г. «О срочных мерах по защите почв от ветровой и водной эрозии».

В 1974 в СССР площади полезащитных (и садо-защитных) лесных полос составили около 1,3 млн. га (0,07 в Казахстане).

В период с 1971-74 года в колхозах и совхозах в т.ч. на территории Казахстана проведены работы по полезащитному лесоразведению на площади 414 тыс. га [4].

К 1991 г. на территории СССР в т.ч. и на территории Казахстана числилось 5,6 млн га защитных лесных насаждений (без государственных защитных лесных полос и защитных лесонасаждений несельскохозяйственного назначения).

Этот период можно считать стартовой вехой к началу полномасштабного развития защитного лесоразведения в степных районах. Важным фактором для защитного лесоразведения послужили пыльные бури в Казахстане и Сибири, которые начались после освоения целинных и залежных земель.

Создание агроэкосистем лесов в республике обусловлено необходимостью увеличения лесистости, особенно в малолесных районах, и развития садово-парковой инфраструктуры.

В настоящее время в Казахстане более 9,7% общей площади покрытых лесом земель представлены искусственными насаждениями - 1076,4 тыс. га. Каждый десятый гектар лесов в республике является рукотворным.

По своему целевому назначению ЗЛН в Казахстане подразделены на несколько видов:

*государственные защитные лесные полосы: (53,3 тыс. га ширина 100-300 м): вдоль реки Урал в Западно-Казахстанской области, вдоль реки Иртыш в Павлодарской области, на южной границе песчаного массива Моинкумы Жамбылской области, на Базойском массиве пахотных земель в Алматинской области. В возрасте 15-20 лет в них были проведены мероприятия по реконструкции, повысившие их защитную роль и ландшафтную привлекательность;

*полезащитные лесные полосы на пахотных орошаемых и на неорошаемых землях, в питомниках, садах, виноградниках и на плантациях: предназначены для защиты от ветра, уменьшения дефляции и улучшения гидрологического режима почв, способствуют повышению урожаев сельскохозяйственных культур. Общая площадь этих насаждений составляет более 95 тыс. га. Но в связи с происходящими структурными изменениями в сельском хозяйстве ухудшились охрана и уход за ними, практически свернуты работы по их развитию.

*водорегулирующие лесные полосы на склонах; прибалочные, приовражные и овражно-балочные насаждения: лесные насаждения вокруг водоемов, по берегам и поймам рек; противозерозионные и противоселевые насаждения на горных склонах, способствующие регулированию поверхностного стока, укреплению берегов, уменьшению смыва и размыва почвы, защите водоемов от заиления и испарения, образования селевых потоков. Площадь этих видов лесополос составляет около 93 тыс. га.

*лесные насаждения для нужд животноводства: предназначены для защиты животных и животноводческих строений от неблагоприятных природных явлений, повышения продуктивности скота. Всего их

создано в республике на площади более 42 тыс. га, они также требуют восстановительных мер.

*придорожные лесные полосы: обеспечивают от заноса песком и снегом полотна автомобильных магистралей (59,7 тыс. га), железных дорог (66,8 тыс. га). Существующие лесополосы защищают 30% всех дорог. В последние годы работы по созданию придорожных лесополос практически не ведутся, а существующие насаждения из-за недостаточного ухода, самовольных рубок населением требуют реконструкции и восстановления.

*санитарно-защитные насаждения: выполняют неоценимую роль в защите городов и промышленных центров от сильных ветров (212,0 тыс. га), в создании благоприятного микроклимата и здоровой санитарно-гигиенической обстановки, в облагораживании ландшафта, улучшении условий для отдыха населения. Они представлены естественными лесами и лишь в некоторых областных центрах были созданы искусственным путем [5]. Структура защитных лесных насаждений представлена на рисунке 2.

Основные породы, используемые для лесовосстановления и лесоразведения в Казахстане: сосна обыкновенная, береза повислая, тополь - в Северном Казахстане; ель сибирская, пихта сибирская, лиственница сибирская, сосна обыкновенная, береза повислая - в восточных районах; ель Шренка, яблоня Сиверса, абрикос обыкновенный и др. - в горах юга республики; саксаул черный - в пустынной зоне. Основные породы для полезащитного лесоразведения - вяз перистоветвистый, береза повислая, тополь бальзамический, белый и лавролистный, лох илийский и др. [6].

В полезащитном лесоразведении применяют ветропроницаемые 3-5-рядные полосы из высокоствольных быстрорастущих деревьев, которые способствуют равномерному распределению снега на полях, снижают скорость ветра на 40-50%, испарение влаги с поверхности почвы на 20-30%, повышают влажность воздуха, по сравнению с открытой степью, на 5-10%. Полосы ажурной конструкции (рисунок 3) - узкие, с равномерными небольшими просветами по всему профилю, продуваемой конструкции (рисунок 4) - с крупными просветами между деревьями в нижней части, ажурно-продуваемой - с крупными просветами внизу и небольшими сверху.

В Северном и Западном Казахстане создают полезащитные лесные полосы ажурно-продуваемой и продуваемой конструкции [7].

В 1997 г. объемы лесовосстановления были снижены по сравнению с 1991 г. в 8 раз. Практически были прекращены работы по защитному лесоразведению. Лесопитомническая база находилась на стадии развала.

С 1998 по 1999 г. на территории лесного фонда были произведены посадка и посев лесных культур всего лишь на площади 11,4 тыс. га, в т.ч.: в 1998 г. - 5,7 тыс. га; в 1999 г. - 5,7 тыс. га.

Спад показателей по лесовосстановительным мероприятиям с 1992 г. был связан с уменьшением финансирования из республиканского бюджета лесной отрасли, в частности работ на лесовосстановление (посадка, посев леса). Однако, несмотря на отсутствие бюджетного финансирования, лесохозяйственными предприятиями отрасли, до 1997 г., посадки леса проводились (до закрытия спец. счетов) за счет собственных средств.

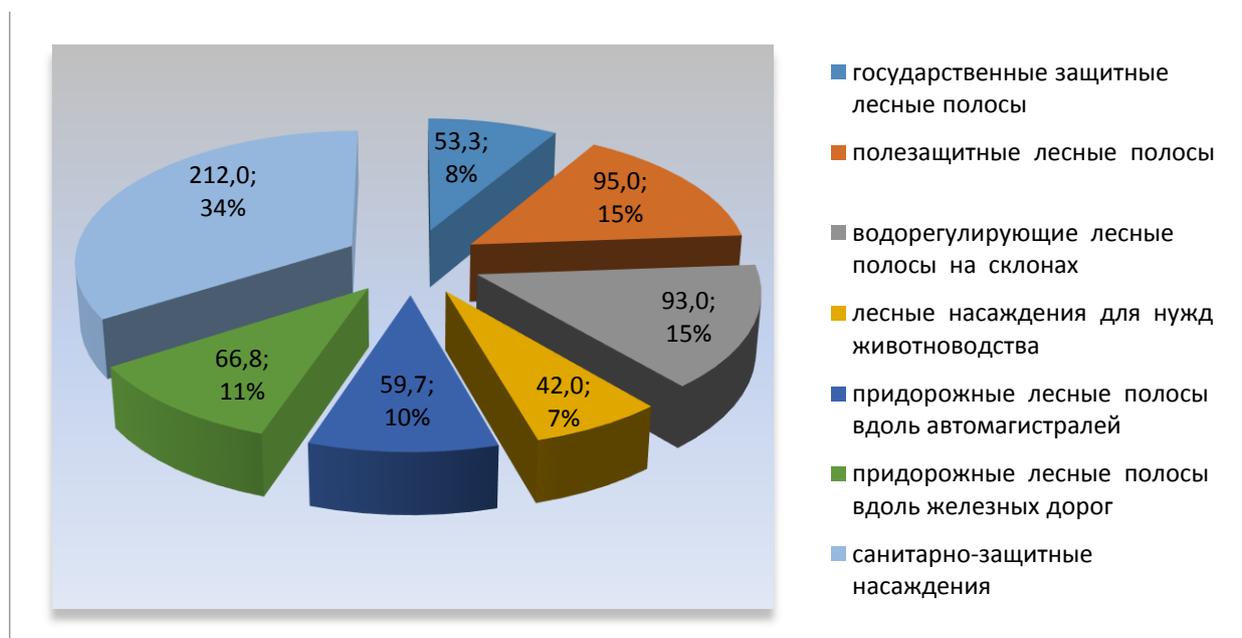

Рисунок 2 - Структура защитных лесных насаждений республики Казахстан тыс. га.

Рисунок 3 - Продольный профиль лесной полосы ажурной конструкции.

Рисунок 4 - Продольный профиль лесной полосы продуваемой конструкции.

В 2000 г. лесовосстановительные мероприятия проведены на площади в 10,4 тыс. га, в т.ч. лесовосстановление и защитное лесоразведение выполнено на площади 4,6 тыс. га, из которых мероприятия по лесовосстановлению составили 2,1 тыс. га и по лесоразведению - 2,5 тыс. га.

До 1993 г. выращивалось в питомниках в год до 140 млн. штук семян и саженцев. Имелось 252 лесных питомника на площади 4,6 тыс. га. В связи с уменьшением финансирования объемы по посеву и посадке леса уменьшились до 4,2 тыс. га (2000 г.). Хотя основную часть лесосеменной базы удается сохранять и продолжать природоохранные работы по сохранению генофонда ценных древесно-кустарниковых пород.

Продолжаются работы по созданию зеленой зоны г. Астана, объем которых в 2011-2014 годах составил 20 тыс. га. Всего с 1997 года создано 70 тыс. га зеленых насаждений.

Особым объектом лесомелиорации является зона казахстанской части Приаралья, где в результате нерационального природопользования, повлекшего усыхание Аральского моря, наступил жесточайший экологический кризис. Для сокращения эрозионных выносов соли и

песка с обнажившегося дна моря намечено проведение фитомелиоративных мероприятий на площади свыше 650 тыс. га. Для научного обеспечения проблемы облесения на базе КазНИИЛХА [8] создана проблемная лаборатория «Арал», которой на основе исследований и опытных работ подготовлены «Временные рекомендации по ассортименту пород и технологии создания мелиоративных насаждений» для этой зоны, совместно с проектно-изыскательским институтом «Казгипролесхоз» - «Концепция лесомелиоративного освоения обнажившегося дна моря». На этой территории были заложены лесные культуры на площади 56,5 тыс. га (в том числе методом посадки 47,1 и методом посева 9,4 тыс. га) фитолесомелиоративных насаждений из засухоустойчивых и солевыносливых видов местной флоры.

На сегодняшний день работы по созданию защитных лесных полос на территории республики проводятся в недостаточной степени, что приводит к деградации почв и опустыниванию больших территорий. Все ранее созданные полосы и ЗЛН находятся в запущенном состоянии, работы по уходу за ними не проводятся, а это одно из главных мероприятий по выращиванию устойчивых долговеч-

ных насаждений. Не осуществляются и другие необходимые лесохозяйственные мероприятия, что незамедлительно сказывается на состоянии насаждений. Если сегодня допустить гибель этих насаждений, то на их восстановление потребуется больше средств, чем на содержание.

В настоящее время площадь искусственно созданных защитных лесных насаждений разного назначения составляет лишь менее 1% аграрной территории, что, по крайней мере в 5-7 раз меньше научно обоснованных норм облесения [8].

Кроме того, открытым вопросом остается неопределенность с собственностью многих уже ранее созданных насаждений на землях сельскохозяйственного назначения, отсутствием законодательства об ответственности земледельцев за сохранность данных посадок.

Ввиду того что ЗЛН в Казахстане выполняют очень важную защитную и экологическую функции, поэтому необходимо проведение детальной оценки существующих защитных лесных насаждений и на её основании проведение следующих мероприятий:

- разработка научно-обоснованных рекомендаций по реконструкции, уходу и сохранению ранее созданных насаждений;
- разработка проектов по созданию новых насаждений для разных природно-климатических зон и районов Казахстана, там, где это действительно необходимо с точки зрения санитарного и мелиоративного значения ЗЛН;
- в перспективе разработать, а там, где уже существуют - улучшить систему защитных лесных насаждений - «зеленое кольцо», для каждого крупнонаселенного и промышленного города республики

с целью улучшения условий проживания людей и улучшения экологической обстановки.

Литература

1. Википедия. Свободная энциклопедия. [Электронный ресурс] Wikipedia. The Free Encyclopedia.: Республика Казахстан. Послед. Изм.: 17:27, 3 мая 2015. Интернет-энциклопедия. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Казахстан>, свободный. - Загл. с экрана. - Яз. рус.
2. Демидовская Л.Ф. Березовые колочные леса Северного Казахстана и их типы // Труды по лесному хозяйству Сибири. - Новосибирск, 1958. - Вып.4. - С. 171-179.
3. Каргов В. А. Лесные полосы и увлажнение полей / В. А. Каргов, Москва.: Лесная промышленность, 1971. - 96 с.
4. Захаров П.С., Слюсарев М.Г. Лесные насаждения против суховея и пыльных бурь / П.С. Захаров., М.Г. Слюсарев, М.: Лесная промышленность, 1980. 62 с.
5. Бозриков В.В., Муканов Б.М. Лесомелиоративное районирование лесостепной, степной и полупустынной зон Казахстана / КазНИИЛХА. - Алматы: РИИ «Бастау» НАЦАИ РК, 1997. - 200 с.
6. Макаренко А.А. Система ведения лесного хозяйства. Северный Казахстан. - Алма-Ата: Кайнар, 1986. - 218 с.
7. Ершов Г.Л. Агрономическая эффективность ползащитных лесных полос различных конструкций. Автореф. дис. канд. с.-х. наук., Волгоград, 1982.- 16 с.
8. Муканов Б.М. Научные основы формирования агролесоландшафтов в равнинных условиях Казахстана. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. д.с.-х.н., Алматы, 2002. - 48 с.

ОЦЕНКА СНЕГОНАКОПЛЕНИЯ И ФИТОТОКСИЧНОСТИ ТАЛОЙ СНЕГОВОЙ ВОДЫ В ЗАЩИТНЫХ ЛЕСНЫХ ПОЛОСАХ ВБЛИЗИ АВТОДОРОГ

Здорнов Игорь Александрович,

Магистрант, Уральский государственный лесотехнический университет;

Марина Наталья Валентиновна,

к.х.н., доцент, Уральский государственный лесотехнический университет, Уральский федеральный университет г. Екатеринбург

EVALUATION OF SNOW ACCUMULATION AND PHYTOTOXICITY OF SNOWMELT WATER IN HIGHWAY SHELTERBELTS

Zdornov Igor Aleksandrovich, Master's Student, Ural State Forest Engineering University;

Marina Natalia Valentinovna, Candidate of Chemical Sciences, Associate Professor, Ural State Forest Engineering University, Ural Federal University, Ekaterinburg

АННОТАЦИЯ

В представленной работе приведены материалы по изучению снегонакопления и фитотоксичности талой снеговой воды в защитных лесополосах

ABSTRACT

The article analyses data from the study of snow accumulation and phytotoxicity of snowmelt water in shelterbelts

*Ключевые слова: Лесозащитные полосы, степень снегонакопления, талая снеговая вода, биотестирование, *Chlorella vulgaris* Beijer, фитотоксичность*

*Keywords: Shelterbelts, degree of snow accumulation, snowmelt water, bioassay, *Chlorella vulgaris* Beijer, phytotoxicity*

В перспективе развития народного хозяйства Казахстана огромную роль играет эффективное использование автомобильных дорог в любое время года. Однако в северных районах республики нормальное функционирование дорог в зимних условиях значительно затрудняется из-за высокой снеговязности, вызванной резко выраженной равнинностью и продолжительным зимним периодом. Это причиняет огромный ущерб.

К основным убыткам, связанным в первую очередь со степенью снеговязности дорожного полотна следует отнести следующее: расходы от транспортных потерь из-за снижения скорости движения, задержки грузов и увеличения в связи с этим действующего количества автотранспорта. Из известных способов предупреждения снежных заносов наиболее перспективны ветро- и снегозащитные насаждения [1].

Темпы создания снегозащитных насаждений в Казахстане значительно отстают от темпов дорожного строительства. Многие автомобильные дороги до сих пор на значительном протяжении лишены такой защиты или ограждены лесными полосами, которые обладают конструктивными недостатками и не спасают от заносов. Поэтому в свое время возникла необходимость разработки применительно к различным региональным условиям отдельных территорий республики рациональных конструкций снегозащитных насаждений, обладающих повышенной снегоёмкостью.

Основными источниками загрязнения защитных лесных полос около автодорог являются выхлопные газы автотранспорта, продукты истирания автошин и дорожного полотна, противогололедные материалы. Траектория перемещения загрязняющих веществ определяется метеорологическими условиями, структурой ландшафта и

организацией движения автотранспорта [2,3]. Механические барьеры (сооружения, здания, защитные лесные полосы) препятствуют переносу аэрозолей, способствуют накоплению токсикантов вблизи проезжей части дороги. Интенсивность движения автотранспорта также влияет на степень загрязнения придорожных территорий [4].

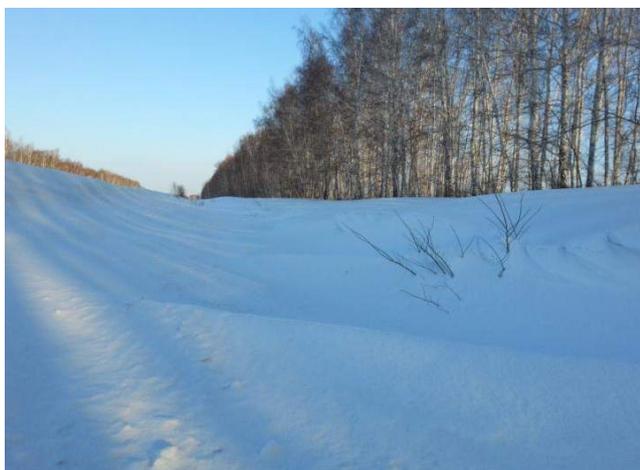
Следует отметить, что накопившиеся в снеге за зимний период загрязняющие вещества в процессе таяния снега попадают в почву, что в свою очередь оказывает негативное воздействие на санитарное состояние прилегающих в пределах полосы отвода автодорог защитных лесных полос.

В связи с вышеизложенным, нами было проведено изучение снегонакопления и проведена оценка степени фитотоксичности талой снеговой воды в придорожных защитных лесных полосах (далее ЗЛП).

Исследования проводились на территории Мамлютского района Северо-Казахстанской области, Республики Казахстан.

В качестве объекта исследования были выбраны 5 участков на автодорогах: «Трасса М51 Новосибирск-Челябинск»1 и «Трасса А21 Мамлютка-Костанай»2.

В зимний период времени, на данных участках ежегодно фиксируются случаи снежных заносов дорожного полотна, что ограничивает и затрудняет движение транспорта. Величина снежных заносов и их повторяемость зависят от количества выпадающего снега и ветрового режима территории, рисунок 1. Защитные лесные полосы на территории Мамлютского района расположены на расстоянии от 20 до 25 м от дорог, в зависимости от элементов рельефа и назначения прилегающих к ним территорий [5].

А. Берёза пушистая

Б. Вяз мелколистный

Рисунок 1 - Снегонакопление вдоль автодорог (А - участок 1, Б - участок 5)

В исследуемых защитных лесных полосах были проведены замеры высоты снежного покрова в следующих точках: 1* - У дороги (бровка кювета); 2* - Перед полосой, на равноудаленном расстоянии от дороги и ЗЛП; 3* - В полосе (замеры проводились в центре, независимо от количества рядов и конструкции ЗЛП); 4* - За полосой на расстоянии 10 м; 5* - 50 м за полосой, а также отбор проб снега для определения фитотоксичности талой снеговой воды в точках: 2*, 3* и 4*.

Определение высоты снежного покрова проводилось при помощи снегомерной рейки. Замеры проводились на всю глубину снежного покрова. План-схема точек замеров снежного покрова и отбора проб снега представлена на рисунке 2.

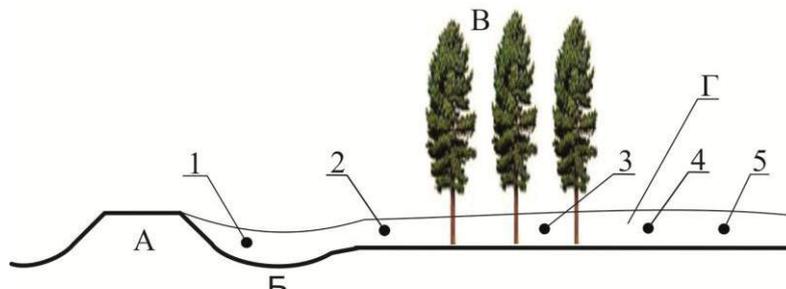
Перед взятием проб, на каждом участке выкапывался шурф на глубину снежного покрова. Взятие проб снега проводилось при помощи снегомера. Взятая проба взвешивалась и на основании полученных результатов была рассчитана плотность снежного покрова по формуле:

$$P = G / (S * H) * 1000 \quad (1)$$

где: P - плотность пробы снега, г/см³; G - вес пробы, в граммах; S - приёмная площадь цилиндра, см²; H - высота пробы снега, см. 1000 - коэффициент пересчета в кг/м³.

Было взято по 3 пробы снега на каждом участке обследования. Полученные результаты по характеристике снежного покрова приведены в таблице 1.

По данным таблицы 1 видно, что отложение снежного покрова на разных участках исследования неравномерное. Снегонакопление графически представлено на рисунках 3,4.

А - полотно автодороги Б - кювет
В - защитная лесополоса Г - снежный покров

Рисунок 2 - План-схема точек замеров снежного покрова и отбора проб снега

Таблица 1

Характеристика снежного покрова

Точки замеров / проб	Участок 1	Участок 2	Участок 3	Участок 4	Участок 5
Высота снежного покрова, см					
1*	83	71	62	61	62
2*	125	60	96	91	90
3*	52	55	45	54	65
4*	30	57	113	58	84
5*	50	54	54	51	48
Плотность снежного покрова, кг/м ³					
2*	252,5	212,5	250,5	332,6	120,9
3*	258,0	225,8	235,2	184,5	217,9
4*	275,2	211,7	238,5	191,1	228,5
Запас снега, кг/м ²					
2*	315,6	127,5	240,5	302,7	108,8
3*	134,2	124,2	105,8	99,6	141,6
4*	82,6	120,7	269,5	110,8	191,9

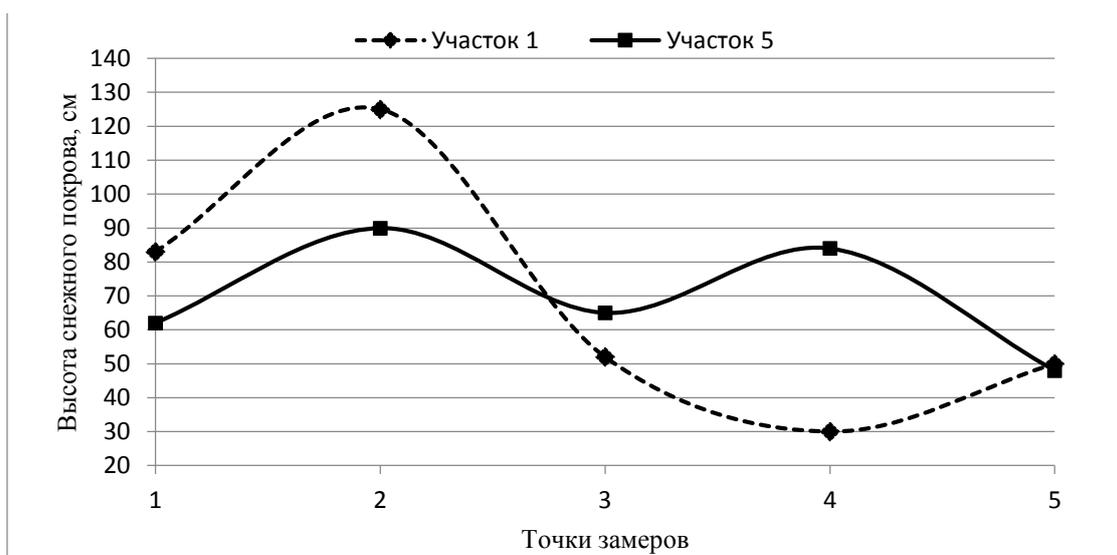

Рисунок 3 - Снегонакопление в лесополосах на участках 1,5

Примечание к рисунку 3: Преобладающее направление ветров в зимний период (по данным gismeteo.kz) юго-западное (↙ Ю-З). Точка «3» проходит по центру

ЗЛП, слева от точки «1» находится автодорога. Движение ветрового потока и снежных масс осуществляется по направлению от точки «5» к точке «1» ←.

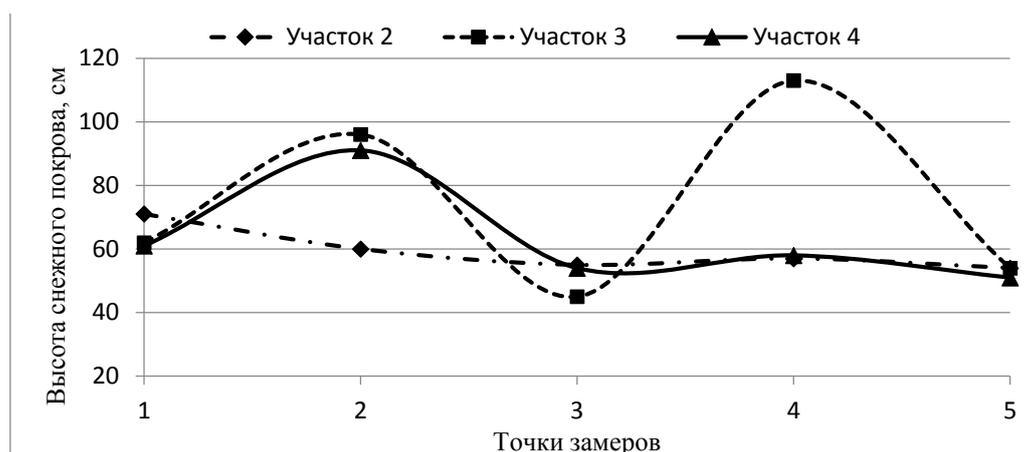

Рисунок 4 - Снегонакопление в лесополосах на участках 2,3,4

Примечание к рисунку 4: точка «3» проходит по центру ЗЛП, слева от точки «1» находится автодорога. Движение ветрового потока и снежных масс осуществляется по направлению от точки «1» к точке «5» →.

По графикам снегонакопления (рисунок 3,4) видно, что наибольшая величина снегоотложений наблюдается за полосой (точка 4*) и перед полосой (точка 2*). Полосы продуваемой конструкции накапливали снег только перед полосой, а полосы ажурной конструкции накапливали снег перед полосой и за ней. Следует также отметить, что точка 2 проходит по кювету автодороги, где накапливается большее количество снега, ввиду того, что это искусственно созданное сооружение, предназначенное для отвода поверхностных вод с полотна и откосов выемки и осушения полотна на небольшую глубину в летний период, и накопления и задержки снежных масс.

Для определения фитотоксичности различных сред, Ю.С. Григорьевым с сотрудниками разработана методика, основанная на сравнении суточного прироста численности клеток хлореллы в контрольном и опытном вариантах [6]. Изменение численности клеток определяется посредством измерения оптической плотности суспензии водоросли при длине волны 670 нм. Прямо пропорциональная зависимость между величиной оптической плотности и количеством клеток в суспензии водоросли сохраняется в диапазоне значений оптической плотности 0,000-0,350.

Расчет показателя токсичности КТр проводится по формуле:

$$КТр = (Ак - Ат)/Ак \quad (2)$$

где Ак и Ат - величины оптической плотности контрольного и тестируемого образца, соответственно, после 24 часов биотестирования.

Критерием токсичности тестируемого раствора по данной методике является снижение на 20% (подавление роста) или увеличение на 30% (стимуляция роста) оптической плотности тестируемого образца по сравнению с оптической плотностью контрольного (КТр > 0,2 и КТр < - 0,3).

Стимуляция ростовых процессов, по-видимому, может являться следствием активации неспецифических защитных реакций клеток в ответ на присутствие токсиантов в растворе. В этом проявляется фазность реакции водорослей на действие токсических веществ, когда при их низких концентрациях наблюдается стимулирование физиологических процессов, а при высоких - угнетение [7,8].

Степень токсичности устанавливается на основе её токсикологических характеристик через величину биологически безопасного разбавления согласно таблицы 2. Для этого из результатов биотестирования разведений пробы воды, кратных трем выбирают то разбавление, для которого рассчитанный индекс отклонений (I) превысил критерий токсичности воды. При этом процент отклонения в величине оптической плотности по сравнению с контролем, проявляющийся в виде подавления роста приводится со знаком (+), а его стимуляции со знаком (-).

Таблица 2

Токсикологические характеристики качества испытуемой воды

Величина разбавления тестируемой воды, при которой превышен критерий токсичности	Качество воды
1	слаботоксичная
3	среднетоксичная
9	токсичная
27	сильнотоксичная
81	гипертоксичная

Если в ряду разбавлений имеются отклонения в оптической плотности как в ту, так и в другую сторону, то качество воды устанавливается по наибольшей величине разбавления, для которой превышен критерий токсичности. Если критерий токсичности не превышен ни при одном разбавлении воды, то проба считается нетоксичной.

Биотестирование проводили на Фитотестере-03 в течение 24 часов при температуре 34-36оС, интенсивно-

сти света - 80 Вт/м² и скорости вращения кассеты с реакторами 30 об./мин. Результаты определения фитотоксичности представлены в таблице 3.

Для выявления возможных причин слабой фитотоксичности талой снеговой воды были определены значения рН. Известно, что оптимальная для жизнедеятельности хлореллы кислотность среды находится в пределах 6 - 8 единиц рН [9]. Анализ полученных данных показал, что рН практически всех образцов талой снеговой воды не выходит за эти величины.

Таблица 3

Точки отбора проб	Фитотоксичность снеговой воды		
	рН	Коэффициент токсичности	Степень токсичности
Участок 1 (Берёза)			
2*	6,75	-0,29	нетоксична
3*	6,08	0,24	слаботоксична
4*	6,40	-0,06	нетоксична
Участок 2 (Тополь)			
2*	6,37	0,24	слаботоксична
3*	6,24	-0,06	нетоксична
4*	6,57	0,11	нетоксична
Участок 3 (Сосна)			
2*	6,71	-0,16	нетоксична
3*	6,41	0,26	слаботоксична
4*	6,19	-0,11	нетоксична
Участок 4 (Тополь+вяз)			
2*	6,12	0,26	слаботоксична
3*	5,42	-0,33	слаботоксична
4*	5,94	0,11	нетоксична
Участок 5 (Вяз)			
2*	6,92	-0,27	нетоксична
3*	6,32	-0,11	нетоксична
4*	6,24	-0,11	нетоксична

Полосы продуваемой и ажурной конструкции оказали существенное влияние на накопление снежного покрова. Основная масса снега была задержана перед полосами и за ними. Надувания снежного покрова на полотно автодорог отмечено не было, защитные лесные полосы выполняют свои снегозащитные функции.

Таким образом, накопленное за зимний период в снежном покрове количество экотоксикантов, не оказывают заметного токсического влияния на ростовые функции тест-объекта. Однако, следует учитывать длительный период воздействия негативных факторов на состояние почв и насаждений лесных защитных полос.

Литература

1. Экологическая и экономическая роль защитных лесных насаждений в лесоаграрном степном ландшафте / под ред. Е. С.Павловского и др. Сборник научных трудов. Волгоград: ВНИАЛМИ, 1985. - 168 с.
2. Куров Б.А. Как уменьшить загрязнение окружающей среды автотранспортом // Россия в окружающем мире: 2000 (Аналитический ежегодник) / Отв. ред. Н.Н. Марфенин / Под общ. ред.: Н.Н. Моисеева, С.А. Степанова.- М.: Изд-во МНЭПУ, 2000.- 328 с.
3. Луканин В. Н., Трофименко Ю. В. Промышленно-транспортная экология. - М.: Высш. шк., 2001.- 273 с.
4. Быстрых В.В., Боев В.М. Загрязнение воздуха в районе автомагистрали как фактор риска // Экология большого города: Тез. докл. науч.- практ. конф.- Пермь, 1996. С. 14 -15.
5. Организационно-Хозяйственный план ведения лесного хозяйства Мамлютского Государственного учреждения по охране лесов и животного мира Акимата СКО. Пояснительная записка. - Т. I. - Алматы, 2002. С. 2-85.
6. Григорьев Ю. С. Методика определения токсичности проб поверхностных пресных, грунтовых, питьевых, сточных вод, водных вытяжек из почвы, осадков сточных вод и отходов по изменению оптической плотности культуры водоросли хлорелла (*Chlorella vulgaris* Beijer) (ПНД ФТ 14.1:2:3:4.10-04, 16.1:2:3:3.7-04). -М.: МПР России, 2004.- 25 с.
7. Никаноров А. М., Хоружая Т.А., Бражникова Л.В. и др. Мониторинг качества вод: оценка токсичности.- СПб.: Гидрометеоиздат, 2000.- 159 с.
8. Шавнин С.А., Марина Н.В., Голиков Д.Ю. Оценка фитотоксичности техногенных отходов // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2013. № 4 (42). С. 204-206.
9. Козицкая Ю.С., Шавнин С.А., Исупов И.А и др. Влияние противогололедных материалов и проблемы фитотоксичности почвогрунтов придорожных территорий в городах ХМАО-Югры // Проблемы региональной экологии. 2006. № 3. С.11-16.

ВЛИЯНИЕ ЗАЩИТНЫХ ЛЕСНЫХ ПОЛОС ВДОЛЬ АВТОДОРОГ НА ИЗМЕНЕНИЕ СКОРОСТИ ВЕТРОВОГО ПОТОКА В УСЛОВИЯХ СЕВЕРНОГО КАЗАХСТАНА

Здорнов Игорь Александрович,

Магистрант, Уральский государственный лесотехнический университет;

Капралов Анатолий Витальевич,

к.с.-х.н., доцент, Уральский государственный лесотехнический университет, г. Екатеринбург

THE IMPACT OF HIGHWAY SHELTERBELTS ON WIND SPEED CHANGE IN NORTHERN KAZAKHSTAN

Zdornov Igor Aleksandrovich, Master's Student, Ural State Forest Engineering University;

Kapralov Anatoly Vitalyevich, Candidate of Agricultural Sciences, Associate Professor, Ural State Forest Engineering University Ekaterinburg

АННОТАЦИЯ

В настоящей работе рассмотрены вопросы влияния защитных лесных полос на скорость ветрового потока в полосе отвода автомобильных дорог

ABSTRACT

The paper discusses the impact of shelterbelts on the speed of wind flow along highways

Ключевые слова: Защитные лесные полосы вдоль автомобильных дорог, ветрозащитные свойства лесных полос, конструкции полос, скорость ветрового потока

Keywords: highway shelterbelts, windproof properties of forest belts, shelterbelt structure, speed of wind flow

Придорожные защитные лесные полосы (далее ЗЛП) выполняют конкретные защитные функции: снегозадерживающие, ветроослабляющие, оградительные, пескозащитные, почвоукрепительные и др. ЗЛП создают вдоль дороги для защиты её и прилегающей территории, а также для эстетического оформления местности [1]. Ветроослабляющие защитные лесные полосы создают в целях ослабления ветровой нагрузки на движущиеся транспортные средства, линии связи, контактную сеть и т.д. Такие насаждения выращивают на ветроударных склонах, в местах образования гололёда и т.д.

В свое время в СССР была создана сеть ЗЛП вдоль путей транспорта, которая достаточно эффективно действовала до наших дней. Но по прошествии 40-60 лет с момента их создания, произошли значительные изменения в состоянии этой системы, многие из полос утрачены, часть находится в состоянии распада. При строительстве новых автодорог защитные полосы часто не предусматриваются. Все это увеличивает вероятность возникновения на дорогах отрицательных явлений, связанных с воздействием ветров на открытых пространствах. В качестве примера, можно привести недавние события в Краснотуринском районе Ростовской области (29.03.15), где на 979 км

трассы М-4 «Дон» сильным боковым ветром, достигающим 30 м/с было перевернуто несколько пассажирских автобусов и произошел обрыв ЛЭП.

В связи с вышеизложенным, нами были проведены исследования скоростей ветрового потока вблизи автодорог с присутствием ЗЛП. Целью наших исследований являлось изучение ветрозащитных свойств лесных полос, их влияние на скорость и распределение ветрового потока в пределах придорожной полосы. Исследования проводились на территории Мамлютского района Северо-Казахстанской области, Республики Казахстан.

В качестве объекта исследования были выбраны 5 участков на автодорогах: «Трасса М51 Новосибирск-Челябинск»¹ и «Трасса А21 Мамлютка-Костанай»².

Это участки дорог, примыкающие к населенным пунктам, на них сосредоточено основное движение транспорта района. На участках ежегодно фиксируются случаи снежных заносов дорожного полотна в зимний период времени. Величина снежных заносов и их повторяемость зависят от количества выпадающего снега и ветрового режима территории. Схема расположения участков исследования представлена на рисунке 1.

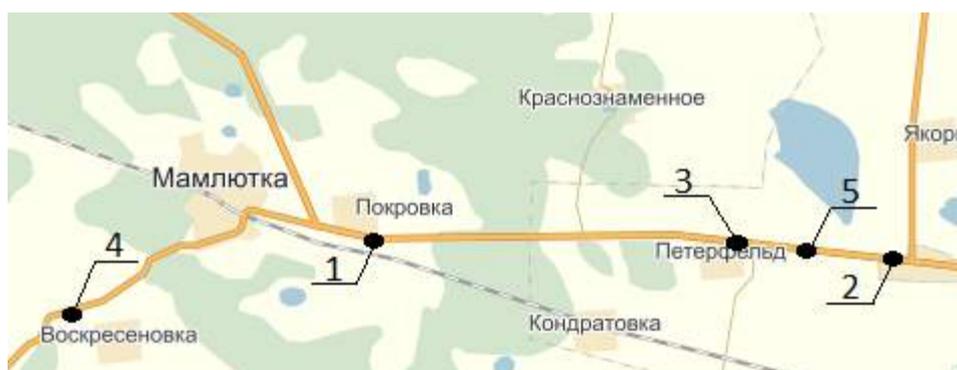

Рисунок 1 - План-схема участков исследования

Защитные лесные полосы расположены на расстоянии от 20 до 25 м от дороги. Исследования были проведены 4 января 2015 года. На момент производимых измерений скорости ветрового потока в ЗЛП (по данным gismeteo.kz), направление ветра, по отношению к исследуемым лесным полосам было юго-западное (↙ Ю-З), скорость ветрового потока могла достигать до 20 м/с с сильными порывами.

В ходе наших исследований были определены конструкции защитных лесных полос, их структура и состав. Конструкция ЗЛП определялась на основании визуального исследования и по данным таблицы КазНИИЛХА

«Конструкция и полезная эффективность лесных полос» [2].

Видовой состав защитных лесных полос представлен:

Участок 1 - берёза пушистая (*bétula pubéscens*), полоса состоит из 8 рядов, расстояние между рядами - 2,0 м, в ряду между деревьями - 0,7 м. Полоса продуваемой конструкции. Участок 2 - тополь бальзамический (*populus balsamifera*), полоса состоит из 8 рядов, расстояние между рядами - 3,5 м, в ряду между деревьями 1,5-2,0 м. Полоса продуваемой конструкции. Участок 3 - сосна обыкновен-

ная (*Pinus sylvestris*), полоса состоит из 2 рядов, ряд главной породы (С) и ряда ивы кустарниковой. Полоса ажурной конструкции. Участок 4 - смешанная полоса, состоящая из тополя бальзамического и сопутствующего ему вяза обыкновенного, имеет 2 яруса, состоит из 3 рядов,

расстояние между рядами - 2,5 м, в ряду - 1,5-2,0 м. Полоса продуваемой конструкции. Участок 5 - вяз мелколистный (*Ulmus parvifolia*), полоса состоит из 3 рядов, расстояние между рядами - 2,5 м, в ряду - 0,7 м. Полоса ажурной конструкции. Продольные профили полос ажурной и продуваемой конструкции представлены на рисунке 2.

А. Берёза пушистая (*Bétula pubéscens*)

Б. Тополь бальзамический (*Populus balsamifera*)

В. Сосна обыкновенная (*Pinus sylvestris*)

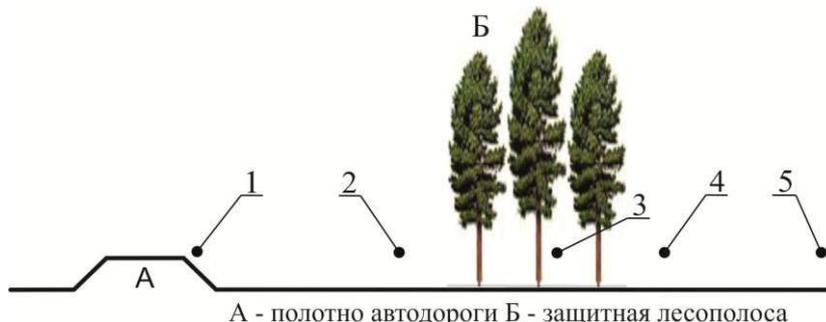

Г. Вяз мелколистный (*Ulmus parvifolia*)

Рисунок 2 - Продольные профили защитных лесных полос продуваемой (А, Б) и ажурной (В, Г) конструкции

В исследуемых ЗЛП были проведены замеры скорости ветрового потока в следующих точках: 1* - У дороги (бровка кювета); 2* - Перед полосой, на равноудаленном расстоянии от дороги и ЗЛП; 3* - В полосе (замеры прово-

дились в центре, независимо от количества рядов и конструкции ЗЛП); 4* - За полосой на расстоянии 10 м; 5* - 50 м за полосой. Высота замеров для каждой точки была равна 2 м от уровня почвы (грунта). План-схема проводимых замеров представлена на рисунке 3.

А - полотно автодороги Б - защитная лесополоса
Рисунок 3 - План-схема точек замеров скорости ветрового потока

Было проведено по 5 замеров скорости ветрового потока на каждом участке исследования в полосах ЗЛП (измерения проводились в перпендикулярном направлении к ЗЛП как с наветренной, так и с заветренной стороны.). Замеры скорости ветра в каждой точке проводились с такой периодичностью, чтобы наиболее точно зафиксировать каждый последующий порыв ветра. Замеры

проводились ручным электронным анемометром АРЭ (диапазон измерения скорости ветра от 1 до 35 м/с).

На основании полученных данных были рассчитаны средние скорости ветра на выбранных точках, таблица 1. Расчет стандартного отклонения и стандартной ошибки среднего был произведен в программе Microsoft Excel.

Таблица 1

Результаты замеров скорости ветрового потока (участок 5) наветренная сторона

№ замера	ЗЛП Вяз мелколистный				
	1*	2*	3*	4*	5*
	Скорость ветрового потока м/с				
1)	5,6	4,2	4,3	11,9	12,0
2)	5,0	5,2	6,0	11,6	10,0
3)	4,7	4,6	7,3	9,0	10,4
4)	4,3	5,0	7,8	9,9	8,4
5)	5,0	4,8	6,2	13,4	11,2
Ср. значение м/с	4,9	4,8	6,3	11,2	10,4
Ст. отклонение	0,48	0,38	1,36	1,73	1,36
Ст. ошибка среднего	0,21	0,17	0,61	0,77	0,61

Для определения достоверности различий в скорости ветрового потока были проведены сравнения по точкам исследования (просчитан статистический критерий (t) Стьюдента в программе STATISTICA 8.0) [3]. Расчет был произведен методом сравнения полученных данных по каждой точке исследования (пример: 5*и 4*; 4*и 3*; 3*и 2*; 2*и 1* и т.д.) таблица 2.

Полученные нами результаты свидетельствуют, что ветровой поток существенно снизил свою скорость после преодоления ЗЛП.

Изменение скорости ветрового потока в защитных лесных полосах различных конструкций графически представлено на рисунках 4,5.

Таблица 2

Значения t-критерия Стьюдента при сравнении показателей скорости ветрового потока

t-табличн. = 2,21 (при уровне значимости = 0,05%)							
Сравниваемые выборки							
Точки замеров	5*и 4*	4*и 3*	3*и 2*	2*и 1*	5*и 3*	3*и 1*	5*и 1*
t-вычислен.	0,77	4,92	2,48	0,58	4,76	2,18	8,52

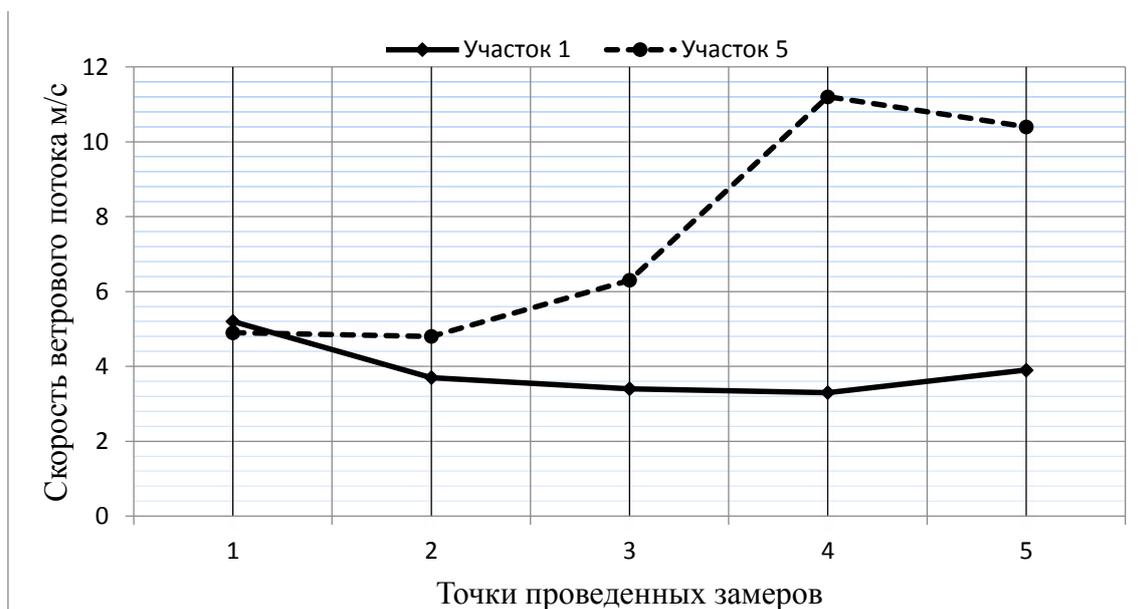

Рисунок 4 - Изменение скорости ветрового потока на участках 1,5

Примечание к рисунку 4: точка «3» проходит по центру ЗЛП, слева от точки «1» находится автодорога. Движение ветрового потока осуществляется по направлению от точки «5» к точке «1» ←.

Примечание к рисунку 5: точка «3» проходит по центру ЗЛП, слева от точки «1» находится автодорога. Движение ветрового потока осуществляется по направлению от точки «1» к точке «5» →.

Наши исследования показали, что защитные лесные полосы различных конструкций по-разному влияют на изменение скорости ветрового потока. Эффективность

полос различных конструкций, или так называемая ветрозащита, меняется в зависимости от степени ажурности и скорости ветра, как это видно на графиках, рисунок 4,5. Если скорость ветра в открытом поле по данным gismeteo.kz составляла от 15 до 20 м/с, то в пределах придорожных полос она была зафиксирована в диапазоне от 2,8 до 11,2 м/с. Даже при расположении одиночных полос с наветренной стороны от дороги, на самой дороге они значительно снизили скорость ветра в зависимости от конструкции в 2-3 раза. Перед полосой и в самой полосе продолжилось снижение скорости ветра, и вплоть до расстояния 50 м за полосой значительного изменения скорости ветра не наблюдается, рисунок 5. При расположении

полос с наветренной стороны от дороги основное снижение скорости ветра наблюдается перед полосой и в полосе, и практически не изменяется при выходе на дорожное полотно, рисунок 4. В конкретных условиях все конструкции ЗЛП значительно снижают скорость ветрового потока. Данные исследования явились нашим первым опытом по изучению влияния ЗЛП на ветровой поток в

данном районе и носили предварительный характер. В последующем предполагается детально изучить данный вопрос в течение летне-осеннего периода 2015 года с увеличением числа пробных участков и диапазонов измерения скорости ветра. Полученные данные предполагается увязать со снегораспределением в полосах отвода дорог и степени загрязнения почв.

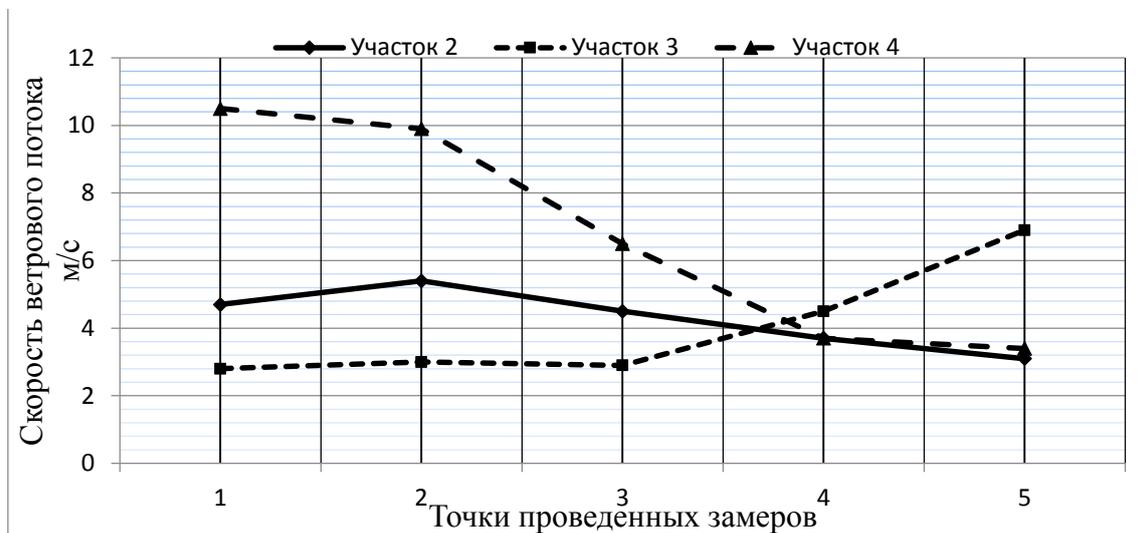

Рисунок 5 - Изменение скорости ветрового потока на участках 2,3,4

Литература

1. Защитное лесоразведение в СССР / Под ред. Е.С. Павловского. - М.: Агропромиздат, 1986. - 263 с.
2. Бозриков В.В., Муканов Б.М. Лесомелиоративное районирование лесостепной, степной и полупустынной зон Казахстана / КазНИИЛХА. - Алматы: РИИ «Бастау» НАЦАИ РК, 1997. - 200 с.
3. Ефимова М.Р. Практикум по общей теории статистики: учебное пособие для вузов / М.Р. Ефимова и др. - М.: Финансы и статистика, 2007. - 368 с.

АНАЛИЗ ФИТОСАНИТАРНОЙ СИТУАЦИИ ПОСЕВОВ ОЗИМОЙ ПШЕНИЦЫ В ШЕКИ-ЗАКАТАЛЬСКОЙ ЗОНЕ АЗЕРБАЙДЖАНА

Мехдиев И.Т.

Докторант, Азербайджанский Государственный Аграрный Университет, г. Гянджа;
Ведущий инспектор Шекинского Межрайонного Карантинного Пункта Растений Государственной Службы Фитосанитарного Надзора при Министерстве Сельского Хозяйства Азербайджанской Республики

ANALYSIS PHYTOSANITARY SITUATION OF WINTER WHEAT IN THE SHEKI-ZAGATALA ZONE OF AZERBAIJAN

I.T.Mehdiyev, doctorant, Azerbaijan State Agrarian University

АННОТАЦИЯ

Проводимые исследования позволяют изучить характеристику действия фунгицидов, примененных в посевах озимой пшеницы, и правильный подбор нужного препарата.

Таким образом, для предотвращения болезней против патогена необходимы создание устойчивых районированных сортов, применение севооборота, сохранение черных паров, качественная обработка почвы, применение органических и сбалансированных минеральных удобрений, оптимальные сроки сева, нормы посева и другие мероприятия. В ходе исследований, проводимых 2013-2015 годах, выяснили, что на посевах озимой пшеницы в варианте с применением фунгицидов Алто Супер и Тилт против мучнистой росы, биологическая эффективность была намного выше. В варианте, где были применены Алто Супер, эффективность была 78,1 %, в варианте, обработанном Тилтом 76,0%.

Key words: winter wheat, phytosanitary condition, stress factors, diseases, fungicide, root rot.

ABSTRACT

Ongoing studies allow us to study the characteristic of action fungicides applied to winter wheat and the correct selection of the desired drug.

Thus, to prevent the disease against the pathogen need to build sustainable recognized varieties, crop rotation, conservation of black vapor treatment of soil, use of organic fertilizers and balanced, the optimum time of sowing, seeding rates and other measures. In the course of research conducted 2013-2015 years, found that in the winter wheat in the version with fungicides and Alto Super Tilt against powdery mildew, biological efficiency was much higher. In the embodiment where they were applied Alto Super efficiency was 78.1%, in the embodiment Tilt treated 76.0%.

Ключевые слова: озимая пшеница, фитосанитарное состояние, стрессовые факторы, болезни, фунгицид, корневая гниль.

В последние годы фитосанитарная ситуация в посевах озимой пшеницы резко ухудшилась. Во многих местах отмечается повышение эпифитотии головневых (твердая и пыльная), корневые гнили (обычная, фузариозная, офиоболезная), септориоза, ржавчины (желтая, бурая) болезней.

В общем, по данным исследований посевов озимой пшеницы, результаты фитосанитарного состояния, оцениваются неудовлетворительно. В результате влияния патогенов снижение урожайности составляет от 10-до 25%. Причинами этого являются взаимные изменения метеорологических, агротехнических, экономических и социальных ситуаций. Одним из основных факторов, влияющих на снижение урожайности зерновых культур является, широкое распространение привозимые из заграницы сорта пшеницы неизвестного происхождения и не прошедших испытание в местных условиях.

Надежное обеспечение продовольственной безопасности населения важное условие для экономической и социальной стабильности каждой страны. С этой точки зрения зерноводство как основное стратегическое направление в обеспечении продовольственной безопасности населения, должно быть всегда в центре внимания.

Основной задачей, стоящей перед аграрной наукой, является увеличение производства зерна с каждой площади посева и тем самым обеспечения населения зерном и зерновыми продуктами. Главным и решающим фактором при выращивании зерна является своевременное выполнение правильного и качественного ухода за посевами [1].

Большая часть пахотных земель в стране расположены в рискованных и нестабильных зонах земледелия. Получение стабильных урожаев зерновых культур возможно только при внедрении научно-обоснованных технологий для предотвращения стрессов (заморозки, весенние и осенние засухи или морозы) и борьбы против заражений патогенами болезней растений.

Под влиянием неблагоприятных абиотических (физические и химические) и биотических стрессовых факторов неблагоприятных для роста и развития, растения заражаются, и на них начинаются патологические процессы. В результате чего нарушаются обмен веществ, анатомические, химические и биологические процессы, снижаются урожайные, вкусовые качества зерна, нарушается состав почвы и все эти факторы приводят к резкому ухудшению фитосанитарного состояния зерновых полей.

На XIV съезде энтомологического общества в России было информировано, что в Украине в результате глобального потепления и негативной деятельности человеческого фактора в агробиоценозах, фитосанитарная ситуация находится в катастрофическом положении.

По данным В.Р. Федеренко, В.Н. Чайка [2] каждый год, несмотря на проведение общепринятых мероприятий, на Украине ухудшается положение в агробиоценозах

и причин для этого много; несоблюдение научно-обоснованного севооборота, неприменение минимальной и нулевой обработки почвы, не сбалансированное применение удобрений и т.д.

В связи с обострением фитосанитарной ситуации проводятся исследования в разных странах мира. С.С. Хасенов [3] пишет, что в Казахстане на 5015 тыс. гектарах ожидается развитие особо опасных вредителей и болезней. В 2011-году проводилась государственная регистрация 145 пестицидов, в том числе 17 из них были фунгицидами.

Некоторые авторы, в том числе М.М. Левитин [4] объясняет распространение болезней на сельскохозяйственных плантациях глобальным потеплением. По словам ученого, постоянно меняются погодные условия на нашей планете. Среднее потепление в последние тридцать лет было на 1,33 °C. Прогнозируется потепление к середине века до 20 °C. Изменения в погоде будут влиять на эффективность принимаемых мероприятий в области защиты растений. С большой вероятностью экстремальные температуры, ветер, осадки и другие факторы влияют на эффективность фунгицидов и их фитотоксичность, динамику фунгицидов в почве, осадки их в листьях, поглощение их листьями и меняют деградации препаратов.

А.М. Малко, Д.Н. Говоров, А.В. Живых [5] пишут, что в России защитные мероприятия проводились на еще больших плантациях, чем в прошлом году на 67,5 млн. га земли, но фитосанитарная ситуация по-прежнему остается напряженной.

Корневая гниль реальная проблема на наших полях и эта проблема должна быть решена в срочном порядке. Защита растений не заменит агротехнические приемы, она только дополняет [6]. В.А. Захаренко отмечает, заинтересованность применения пестицидов в России.

В настоящее время на культурных растениях отмечено 207 видов особо опасных возбудителей болезней. В наше время мировое производство пестицидов составляет 40 млрд долл. США, на каждый гектар посевной площади земли (всего 1380 млн. га) приходится пестициды на сумму 29,5 долл., а в России этот показатель оценивается всего в 5,8 долларов.

Необходимо разработать способы стабилизации фитосанитарной ситуации, приемы химического контроля должны соответствовать экологическим требованиям. Биологизация земледелия требование сегодняшнего времени. В то время как по-прежнему лидирует химическая защита растений, но в последние годы развитие земледелия идет по направлению к биологизации [7].

О. В. Бизюкова [8] в своих исследованиях анализирует мировой рынок микроорганизмов. Автор отмечает, что использование средств защиты растений для контроля вредных организмов на плантациях, остается основным методом борьбы.

Н.Гусекова [9] отмечает, что защита растений - фактор национальной безопасности. По мнению экспертов, чтобы производить продукты питания для одного человека, требуется 0,3-0,5 га пахотных земель, пастбищ, еще 0,07-0,09 га необходимы для жилья и дорог. Сегодня, имеющиеся у нас технологии и посевные площади, обеспечивают продуктами только 10-17 млрд. людей. Согласно информации в настоящее время 8-10% или 500-600 млн. человек населения земли страдают от голода. По данным ФАО в мире 1,2 млрд. человек страдают от голода.

Далее автор пишет, что природные и климатические условия Республики Беларусь, являются благоприятными для 65 видов опасных вредителей, 100 возбудителей болезней и 300 видов сорняков.

Напряжение фитосанитарной ситуации приводит к расширению использования средств защиты растений. Белорусские ученые А.Майсеенко, Т.Гололоб [10] показали, что государственная регистрация пестицидов направлена на использование широкого спектра ассортиментов, высоко эффективных, экологически безопасных и отвечающих требованиям современного сельскохозяйственного производства препаратов. Это, состоящие из двух, трех или более действующих веществ препараты 4 поколения. Они имеют низкую дозу применения, широкий спектр действия и высокую эффективность против вредных организмов.

Е. Коломентс [11] и ряд других авторов предпочитают эффективность и экологическую чистоту биопестицидов. Отмечается, что в мире в области защиты растений по-прежнему ведущая роль принадлежит химическим средствам защиты растений. Пока пестициды являются наиболее эффективным методом в борьбе с болезнями и сорняками.

Следует также отметить, что массовое использование пестицидов является причиной негативных экологических, санитарно-гигиенических и социально-психологических явлений.

Поэтому все системы мероприятий проводятся с целью регулирования числа вредных организмов, полезных насекомых и увеличения других антивозбудителей болезней. В рамках фитосанитарной ситуации масштаб работы увеличивается. В литературных источниках по этому вопросу приведены много причин С.Ш.Еркенов, Г.Б.Глазкова [12] показывают, что садоводы и фермеры нуждаются в помощи.

К сожалению, иногда фермерами становятся люди, которые не имеют агрономического представления и вместо картофеля культивируют сорняки и проводят такие химические обработки, что остаются без урожая.

Г.Серикова [13] и другие показывают, что эффективность борьбы с болезнями зависит от правильного определения диагноза болезни. Они отмечают, при своевременном и правильном определении возбудителя болезней облегчается борьба с ними и в результате улучшается фитосанитарная ситуация. Другие ученые с целью оптимизации фитосанитарного состояния посевов, считают важность создания устойчивых к болезням и вредителям сортов. Из-за глобального потепления даже самые устойчивые сорта теряют свою устойчивость. И.Б.Коротсева, Г.А.Химич [14] указывают, что для выращивания тыквенных в открытом грунте, необходимо создание скороспелых сортов устойчивых к неблагоприятным факторам окружающей среды и болезням. Эту точку зрения также

поддерживают У.А.Рагимов [15], И.Г.Джафаров [16,17] и др. ученые.

Среди всех болезней озимых растений корневая гниль в списке одних из наиболее распространенных и трудно устранимых заболеваний. Максимальная эффективность современных протравителей семян в экспериментах составляет 60-70%, а в производственных условиях не более 50%. Возбудителей болезней много и их взаимодействия с годами меняются. Существует большое количество вредителей, и их взаимное действие меняется в зависимости от года, биологического периода, резкого изменения условий проживания, поэтому эффективная защита от них возможна только протравливанием семян и опрыскиванием растений фунгицидами в вегетационном периоде.

В 2013-2015 годах на посевах озимой пшеницы в условиях Азербайджана в Шекинской опытной станции для изучения действия фунгицидов против грибковых болезней были поставлены опыты. Опыты были поставлены в 7 вариантах в 4-х проворностях опрыскивания проводились 2 раза с 15 дневными интервалами. Опрыскивание проводилось на всех вариантах (одновременно) в тот же день, и норма расхода рабочего раствора была 300 л/га.

В результате исследований выяснилось, что в вариантах, где применяли Алто Супер (0,4 л/га), биологическая эффективность составляла 78,1%, в варианте где опрыскивания Тилтом 250 ЕС (0,5 л / га) этот показатель был 76,0%.

В результате исследований пришли к выводу, что при применении фунгицидов, в начале развития болезни, поражение листьев в фазе созревания зерна болезнями составляло 11-16% (в контрольном варианте 32,5%) и по сравнению с контрольным вариантом масса 1000 семян увеличилась от 0,2 грамм до 2,4грамма, содержание крахмала от 0,3% до 2,2%, содержание клейковина от 0,5% до 1,4%. В контрольном варианте до фазы молочной спелости 1/3 части листьев верхнего яруса пожелтели. В опытном варианте листья верхнего и нижнего яруса оставались зелеными и пожелтели на 4-8 дней позже. В результате увеличилось число зерен в колосе, масса зерен и созревание зерна прошло в нормальных условиях. Урожайность увеличилась на 6-11 ц.

Эффективность фунгицидов Алто Супер и Тилта была отмечена в исследованиях зарубежных ученых [18,19].

Также следует отметить, что применение фунгицидов в период вегетации уменьшает поражаемость растений болезнями, обеспечивает защиту семян и уменьшает потенциал инфекций, вызывающих заболевания листьев и стеблей, а также снижает скорость развития инфекции и, таким образом, продлевают защитный период между опрыскиваниями [20]. Для защиты растений от корневой гнили и комплекса микроорганизмов, развивавшихся в семенах были применены протравители в сравнительном порядке. Объектом исследований был сорт пшеницы Шеки-1, зерна до посева были протравлены препаратом Дивидент Стар (1 л/тон), Селест Топ (1,5 л/тон), Тебу 60 (0,5 л/тон) и эталоном взяли препарат ТМТД (2 кг/тон).

В результате исследований выявлено, что у растений семена которых были протравлены, развитие корневой гнили было слабо развито особенно у вариантов которые были обработаны Дивидент Стар и Селест Топ в полях обработанных фунгицидом развитие болезни не наблюдалось.

Литература

1. Алиев Дж.А., Талаи Дж.М., Мусаев А.Дж., Ахмедов М.Г. Дар Института Земледелия в провольственной безопасности страны // Сбор. науч. тр. Азербайджанского НИИ Земледелия, XXIII том, Баку, 2012, с. 6-12.
2. Федоренко В.П., Чайка В.Н. Фитосанитарные состояние агробиоценозов Украины // Защита и карантин растений, 2012, №4, с. 48-52.
3. Хасенов С.С. Защита растений в республике Казахстан // Защита и карантин растений, 2012, №6, с.3-5
4. Левитин М.М. Защита растений от болезней при глобальном потеплении // Защита и карантин растений, 2012, №8, с.16-17
5. Малько А.М., Говоров Д.Н., Живых А.В. Россельхозцентр: год 2011-й // Защита и карантин растений, 2012, №1, с. 6-8
6. Стамо П.Д., Кузнецова О.В. Применение фунгицидов должно быть рациональным // Защита и карантин растений, 2012, №2, с. 5-8
7. Захаренко В.А. Заинтересованно о пестицидах // Защита и карантин растений, 2012, №2, с. 11-12
8. Бизюкова О.В. Обзор мирового рынка микробиопрепаратов // Защита и карантин растений, 2012, №3, с. 9-12
9. Гусакова Н. Защита растений – фактор национальной безопасности // Наука и инновации, 2011, №3 (97), с. 6-10
10. Майсеенко А., Гололоб Т. Государственная регистрация средств защиты растений // Наука и инновации, 2011, №3 (97), с.10
11. Коломиец Э. Биопестициды: эффективны и экологичны // Наука и инновации, 2011, №3 (97), с.11-13
12. Эркенов С.Ш., Глазкова Г.Б. Садоводом и огородникам нужна помощь // Защита и карантин растений, 2012, №2, с.13-14
13. Серикова Г. Защита сада и огорода от болезней и вредителей. М.: Эксмо, 2013, 192 с.
14. Коротцева И.Б., Химич Г.А. Основные направления и задачи селекции тыквенных культур // Овощи России, 2013, №2 (19), с.17-20
15. Рагимов У.А. Биологическое обоснование мероприятий по защите овощебахчевых культур от возбудителей заболеваний в Азербайджанской ССР. Автореф. дис. на соиск. уч. ст. доктора биол. наук. Кировабад, 1970, 36 с.
16. Джафаров И.Г. Фитопатология. Баку, 2012, 568 с.
17. Джафаров И.Г. Болезни полевых культур. Баку, 2009, 322 с.
18. Gooding M.J. Influence of foliar diseases and their control by fungicides on grain yield and quality in wheat. In: H.T. Buck et al. (eds.) Wheat production in stressed environments // Developments in plant breeding, 2007, vol. 12, p. 567-581
19. Wiik L., Rosenqvist H. The economics of fungicide use in winter wheat in southern Sweden // Crop Protection, 2010, vol. 29, № 1, p. 11-19
20. Попов Ю. В. Экологизированная защита зерновых культур от болезней /Ю. В. Попов, Е. А. Мелькумова. Воронеж: ИСТОКИ, 2009, 262 с.

РЕЖИМЫ ВЫПАСА И СОСТОЯНИЕ ПАСТБИЩ ПОЛУПУСТЫННОЙ ЗОНЫ

Насиев Бейбит Насиевич

д.с.х.н., профессор

Тулегенова Диамара Кабденовна

кандидат с.х. наук, доцент

Беккалиев Асхат Кажмуратович

магистр с.х. наук, Западно-Казахстанский аграрно-технический университет имени Жангир хана, Республика Казахстан

PASTURE MANAGEMENT AND PASTURE CONDITIONS SEMIDESERT ZONE

Nasiyev Beybit Nasiyevich, doctor of Agricultural Sciences, Professor

Tulegenova Diamara Kavdenovna, candidate of Agricultural Sciences, Associate Professor

Askhat Bekkaliev, master of Agricultural Sciences, West Kazakhstan agrarian-technical university named after Zhangir khan

The Republic of Kazakhstan

АННОТАЦИЯ

Благодаря Таможенному союзу, созданному по инициативе Главы государства, между нашими странами ликвидированы барьеры, упрощены разрешительные процедуры, унифицированы ветеринарные нормы, тем самым созданы все условия для наращивания объемов экспорта.

Республика Казахстан располагает всеми необходимыми предпосылками для развития мясного скотоводства. Это - наличие естественных кормовых угодий и неиспользуемой пашни, малозатратная пастбищная технология мясного скотоводства. Кроме того, животноводство является исконным ремеслом коренного населения. Все это создает потенциал для становления Казахстана как значимого и конкурентоспособного игрока на мировом рынке. В связи с этим, повышение продуктивности природных пастбищ является задачей приоритетной.

Исследованиями установлено целесообразность умеренного (65-75% стравливание) использования пастбищ. При интенсивном использовании пастбищ отмечено изменение флористического состава и продуктивности, а также ухудшение агрохимических и агрофизических показателей почвенного покрова пастбищ.

ABSTRACT

Due to the Customs Union, created on the initiative of the Head of the state, barriers between the two countries were eliminated, licensing procedures were simplified, veterinary norms were normalized, thus creating conditions for increasing the volume of export.

Kazakhstan has all the necessary prerequisites for the development of beef cattle. This is - the presence of natural grassland and unused arable land, low-cost technology of beef cattle grazing. In addition, animal breeding is the age-old craft of the indigenous population. All this creates the potential for Kazakhstan development as the significant and competitive player in the global market. In this regard, the increasing of native grasslands productivity is the priority task.

The researches established the expediency of moderated (65-75% browsing) use of pastures. The change of floristic structure and efficiency, and also deterioration of agrochemical and agrophysical indicators of pastures soil cover was noted at the intensive use of pastures.

Ключевые слова: Пастбища, мониторинг, стравливание, флористический состав, почвенный покров, продуктивность

Key words: Pastures, monitoring, browsing, floristic structure, soil cover, efficiency

В XX веке аридные экосистемы Евразии подверглись интенсивному антропогенному воздействию. В связи с чем, их продуктивность снизилась, исчезли из травостоя ценные виды кормовых растений, легкоранимые экосистемы подвергаются деградации. Сегодня в республике 187 миллионов гектар пастбищ, из которых используется порядка 81 миллиона гектар, при этом, из используемых пастбищ - 26 миллионов гектар деградированы - это в основном близ лежащие к населенным пунктам пастбища [1, с. 374; 2, с.10].

Многочисленные научные поиски и разработки научных учреждений сельскохозяйственного и биологического профиля показывают, чтобы поддержать способность пастбищ к постоянному семенному и вегетативному возобновлению и воспроизводству необходимого уровня кормовых ресурсов, надо их эксплуатировать в рамках экологического императива. Первой экологической заповедью рационального использования пастбищ является соблюдение принципа соответствия их природной емкости численности выпасающихся на них животных. Многолетние научные исследования, проведенные во второй половине 20 века учеными разных стран, показывают, что без ущерба для последующей продуктивности пастбищ можно изымать в различных природных зонах от 25 до 75% надземной растительной массы [3, с. 79; 4, 25; 5, с.5].

Таким образом, главные вопросы экологически устойчивого ведения пастбищного хозяйства – это размер изъятия и частота стравливания травостоя. Можно изымать без ущерба для возобновительных процессов 65-75% годового прироста растений. Отчуждение годового прироста именно на этом уровне формирует естественные благоприятные условия для вегетативного и семенного возобновления растений, создает предпосылки для ежегодного воспроизводства растительной массы и исключает возможность нарушения экологических связей в растительном сообществе и вследствие этого обеспечивает устойчивость всей пастбищной экосистемы.

Работа выполнена в рамках программы грантового финансирования Комитета науки МОН РК по проекту «Оценка состояния и разработка адаптивных технологий рационального использования полупустынных пастбищных экосистем».

Цель исследований: разработка адаптивных технологий рационального использования природных пастбищных экосистем, обеспечивающих ускоренное восстановление и повышение их продуктивности, улучшение параметров окружающей человека среды в полупустынной зоне Казахстана.

Методы. Для решения поставленных задач на пастбищах полупустынной зоны Западно-Казахстанской области (Жангалинский район) проведены учет урожайности и

режимные наблюдения изменений видового состава, ценопопуляционной структуры пастбищных экосистем по сезонам года, определение кормоемкости пастбищ.

Для изучения влияния отчуждения годового прироста надземной массы в процессе выпаса на зонально типичных пастбищах заложены трансекты размером 100x50 м. Выпас проводился в начале весны, середине весны, конце весны, летом и осенью. Схемы стравливание травостоев: 1. Полное 100% стравливание годового прироста пастбищных растений; 2. Умеренное стравливание – 65-75% годового прироста пастбищных растений. Полное (100% годового прироста) и умеренное (65-75% годового прироста) стравливание проводилось во все сроки стравливания: в начале, середине, конце весны, летом и осенью.

На опытах по изучению влияния выпаса на пастбищных экосистемы проводились следующие учеты и наблюдения: 1) фенологические наблюдения; 2) изменение видового состава травостоя пастбищ; 3) возрастной состав ценопопуляции; 4) изменение урожайности кормовой массы по годам и сезонам;

Результат. Для опустыненных пастбищ полупустынной зоны характерны двучленные, трехчленные и четырехчленные сообщества, получившие название пятнистых или «чубарых» степей. Преобладающими компонентами таких угодий являются злаки (*Stipa capillata*, *S. sareptana*, *Festuca valesiaca*) и полукустарнички (*Artemisia lerchiana*, *A. pauciflora*, *Camphorosma monspeliaca*, *Atriplex cana*).

На территории Жангалинского района большей степени распространена типчаково-ковыльная растительность. Кормовые угодья представлены сообществами с господством *Stipa lessingiana*, *S. capillata*, *S. pennata*, *Festuca valesiaca*, *Artemisia austriaca*. В разнотравье встречаются ксерофиты: *Astragalus testiculatus*, *Crinitaria tatarica*, *C. villosa*, *Falcaria vulgaris*, *Phlomis pungens*.

Для пастбищ полупустынной зоны также характерны тырсиковая (*Stipa sareptana*), типчаковая (*Festuca valesiaca*), лерхопопынная (*Artemisia lerchiana*) формации. В тырсиковой формации выделены: лерхопопынно-тырсиковая (*Stipa sareptana*, *Artemisia lerchiana*) и пустынно-житняково-тырсиковая (*Stipa sareptana*, *Agropyron desertorum*) ассоциации.

На участке пастбищ с умеренным стравливанием (65-75% годового прироста пастбищных растений) типичные степные злаки (*Stipa capillata*, *S. sareptana*, *Festuca valesiaca* и другие), *Agropyron desertorum* встречается только несколькими экземплярами. Флористическое разнообразие здесь составляют 30 видов, среди них отмечаются и много представителей степного разнотравья *Phlomis tuberosa*, *Astragalus longipetalus*, *Glycyrrhiza glabra*,

Tragopogon sp и многолетние злаки — *Stipa capillata*, *Agropyron desertorum*, *Puccinellia gigantea*.

На участке с интенсивным выпасом (100% стравливание годичного прироста пастбищных растений) видовое разнообразие растений самое низкое - 17 видов, которые представлены в основном малопоедаемыми и сорными видами (*Artemisia taurica*, *Alhagi pseudoalhagi*, *Petrosimonia oppositifolia*, *Tribulus terrestris*, *Polygonum aviculare*, *Cynodon dactylon*, *Chenopodium album*, *Ceratocarpus arenarius* и др.).

На всех участках в весенний период развиваются эфемеры. Довольно разнообразны эфемероиды (*Poa bulbosa*, *Tulipa biebersteiniana*, *T. gesneriana*, *Ornithogalum fischerianum*, *Gagea bulbifera*, *Iris pumila*). В травостое преобладают ксерофильные полукустарнички: *Artemisia austriaca*, *A. lerchiana*, *A. pauciflora*, *Kochia prostrata*, *Thymus marschallianus*, *Tanacetum achilleifolium*.

На 2-х участках в весенний период, наряду с эфемерами, основным доминантом выступает полынь белая или Лерха *Artemisia lerchiana*, которая по мере усиления пастбищной нагрузки увеличивает свое участие в составе травостоя. Так, при 100 % встречаемости на всех участках, число кустов *Artemisia lerchiana* на пастбище с интенсивной нагрузкой почти в два раза выше, чем на участке с умеренным стравливанием.

Режим использования отражается также и на обилие эфемеров. Из эфемеров, увеличивающих участие по мере усиления нагрузки, можно отметить *Veronica praecox* и *Alyssum turkestanicum*, численность которых на пастбище с интенсивным использованием в 2-3 раза больше, чем на участке с умеренным стравливанием.

Однолетние эфемеры, такие как *Poa bulbosa* и *Tulipa biebersteiniana*, как и полынь, уменьшает свое участие в составе фитоценозов пастбищ по мере усиления нагрузки.

В середине июня на пастбище с умеренной нагрузкой выделяются два яруса: верхний - до 60 см, представленный доминантом *Stipa capillata* и реже *Agropyron desertorum*; и нижний - до 10-12 см, образуемый *Artemisia lerchiana*, с проективным покрытием 35%.

На участке с умеренным выпасом *Artemisia lerchiana* образуют вместе с *Kochia prostrata* одноярусное сообщество с высотой до 30 см, а их суммарное проективное покрытие возрастает здесь до 40%.

На участке интенсивного выпаса ярусность также не выражена, проективное покрытие *Artemisia lerchiana* увеличивается до 50% при средней высоте травостоя 17-20 см.

Осенью на участке с умеренным использованием общее проективное покрытие уменьшилось до 55% за счет сброса некоторой части листьев полыню. На участке с 100% стравливанием оно составило 45%, причем, на *Artemisia lerchiana* приходилось 42%. Численность вегетирующих особей *Artemisia lerchiana* к концу вегетационного периода на обоих пастбищах уменьшилось почти в два раза.

По сравнению с *Artemisia lerchiana* *Kochia prostrata* была представлена единичными экземплярами на пастбище с 100% стравливанием.

Максимальная продукция фитомассы на пастбище с интенсивной нагрузкой была отмечена в период массового развития эфемеров и достигала 2,34 ц/га. Главную роль в составе продукции играли *Bromus mollis*, *Poa*

bulbosa и *Anisantha tectorum*. В дальнейшем здесь наблюдается снижение продуктивности до 1,2 ц/га до конца вегетационного периода.

На пастбище с умеренной нагрузкой, где эфемеры не играют значительной роли, максимум продукции отмечается в начале июня, соответственно 4,05 ц/га. К концу лета на участке с умеренным использованием происходит снижение продуктивности до минимальных значений, что связано с выпадением из состава растительности представителей разнотравья и высыханием злаков - 2,38 ц/га.

На пастбищах с 100% стравливанием проективное покрытие коренной растительности в пределах 6,14-6,82 %. Отмечены распространения рудеральной растительности на уровне 3 %. Пастбища имеют больше тропинок скота, что свидетельствует о большей нагрузке и высокой степени вытаптывания пастбищ сельскохозяйственными животными. Снижена современная продуктивность от потенциальной (33,06-39,85 %), запасы кормов уменьшены до 13,00-14,61 %. Экосистема данных пастбищ представлены кратковременно-производными сообществами. Высота травостоя на уровне 15,22-17,86 см.

На пастбищах с 65-75% или умеренным стравливанием проективное покрытие коренной растительности на уровне 28,76-32,08 %. Кормовые угодья имеют степень снижения запасов кормов от 1,95 до 2,13 %, а современная продуктивность пастбищ составляет 87,82-92,20% от потенциальной. На пастбищах распространены длительно-производные сообщества, тропинки скота отсутствуют. Высота травостоя на уровне 25,22-32,86 см.

Выводы. Таким образом, агроэкологический мониторинг проведенный в полупустынной зоне Западно-Казахстанской области определил современное состояние растительного и почвенного покрова пастбищ в зависимости от режимов использования. 100% или полное стравливание по сравнению с 65-75% или умеренным стравливанием ведет к изменению флористического состава и продуктивности растительного покрова пастбищ полупустынной зоны.

Литература

1. Насиев Б.Н., Жиенгаалиев А. Мониторинг факторов и процессов деградации почвенного покрова кормовых угодий полупустынной зоны // Опустынивание Центральной Азии: оценка, прогноз, управление: мат. междунар. научн.практ. конф. / Институт географии, Назарбаев Университет. – Астана, 2014. – С. 374-378.
2. Огарь Н.П. Трансформация растительного покрова Казахстана в условиях современного природопользования. / Институт ботаники и фитоинтродукции. – Алматы, 1999. – 131 с.
3. Рачковская Е.И. Краткая программно-методическая записка по маршрутному изучению сукцессионных рядов растительных сообществ, возникающих под влиянием хозяйственной деятельности человека // В кн.: Программно-методические записки по биокомплексному и геоботаническому изучению степей и пустынь Центрального Казахстана. – М.-Л., 1960. – С. 79-82.
4. Шамсутдинов З.Ш. Долголетние пастбищные агрофитоценозы в аридной зоне Узбекистана. – Ташкент: ФАН УзР, 2012. – 167 с.
5. Zhang K, Zhao K. Afforestation for sand fixation in China. *J. of arid environment*, 2011, 16/ 1: - С. 3-10.

PERSPECTIVE TYPES OF CLIMBING PLANTS FOR VERTICAL GARDENING OF ALMATY CITY

*Zhussupova Zh., Sarsekova D., Seifullin S.
Kazakh Agro Technical University, Kazakhstan*

Keywords: vertical gardening, liana, climbing plant, assortment, decorativeness, aesthetic characteristics.

Usually modern cities tend to have extensive type of development due to socio-economic reasons. As a consequence, the availability of public green spaces reduces. In order to compensate the constantly deteriorating ecological conditions in the inhabited localities it is necessary to have the gardening system the most various in its composition and to observe safety and protective functions. Most areas of the city of Almaty also have a high density, so the ability to accommodate traditional trees and bushes planted in them is reduced to zero. In such circumstances, the vertical gardening becomes an ideal solution, but its role is currently undervalued. However, the use of lianas in combination with traditional plantings will improve the quality parameters of the environment. Perennial vines are not only decorative, but also economically valuable. Many species of lianas have edible fruits and healing properties (actinide, vine and lemongrass).

The special studies on the introduction of lianas has not been conducted in Kazakhstan and only since 1962 in the Main Botanical Garden of Academy of Sciences of the KazSSR (Alma-Ata) systematic work on the study of these plant species [1] has been started. As a result of fifteen years of testing in the open field, a large number of species forms and varieties of climbing plants, it was stated that, for example, in the South-East of Kazakhstan 30 species of lianas of different geographical origin can successfully grow. Most of these species, in the present day, can be found in the collection of the

Botanical Garden, but outside Almaty the lianas are not diffused. To execute works on vertical gardening in Kazakhstan's largest city, it is necessary to study the properties of climbing plants and reassessment of their role in a complex, as well as a detailed study of the range with the response and impact on the lives of individual human species.

In 2014 in Almaty a survey was conducted in order to study the plantings of specific composition of lianas. As a result, the following types of perennial lianas were revealed:

- *Vitis amurensis*
- *Parthenocissus quinquefolia*
- *Campsis radicans*
- *Clematis jackmanii*
- *Clematis viticella*
- *Clematis lanuginosa*
- *Rosa multiflora*

Study and analysis of biometric indicators of lianas was carried out in different administrative areas of the city during the period of June and August of 2014. Definition of the different types of indicators of lianas was carried out in plantations with public and restricted use. Methodological work includes the study of the condition and aesthetic characteristics of lianas in vertical gardening, identifying prospects for its future use. The living conditions value of lianas was carried out visually during the leafing period according to the V.A. Alekseev's scale of trees living conditions categories, given in Table 1 [2].

Table 1

Scale of categories of lianas' living conditions

Category of living condition			
Healthy plant	Damaged (weakened) plant	Severely damaged (very weakened) plant	Moribund (dried) plant
There are no signs of depression, growth and development are good	Unsignificant signs of depression, slowing growth and development	Significant signs of depression, slowing growth and development	Plant is under depression, signs of growth and development are absent
Density of the crown is usual for these species	Crown density has been reduced by 30%.	Crown density has been reduced by 60%	Crown is destroyed. Crown density is 15-20%.
External damages of crown and stem are absent or rare, shoots dried up	In the upper part of the crown there is up to 30% of the dead and (or) drying shoots	In the upper part of the crown is present 30-60% of dead and (or) drying shoots. Extinction of the upper part of the crown	Over 70% of the shoots in the crown are dry or are drying out.
Colour of leaves is typical for the specie. Damages and diseases are absent or insignificant	Up to 30% of the surface of the leaves are damaged due to various reasons	Damage 60% of the total leaf area	Leaves have atypical for these species chlorotic color with damages more than 70% of the surface.
Absence or sporadic manifestations of pests	A slight infestation by pests.	Significant damage by pests	Significant damage by pests

The living condition of *Parthenocissus quinquefolia* and *Vitis amurensis* in all investigated areas is characterized as healthy. Sick, injured, oppressed copies are not revealed. The *Campsis radicans*'s state in the study area is also healthy. Plants of this species in urban environments is well developed, adapted to different conditions, as well as all types of *Clematis* that have a healthy living condition, which is caused by growing in areas of limited use, where the appropriate care

is carried out. The *Rosa multiflora*'s condition was rated as healthy at sites remote from the places with high anthropogenic load and with appropriate care.

Rosa multiflora blooms (25 May) before other species. It continues to bloom until middle of June. In *Clematis* species of Jackmani group the leaves remain green until the constant frost comes, while the aboveground parts die com-

pletely. The types of lianas such as *Parthenocissus quinquefolia* and *Vitis amurensis* are characterized by dropping leaves before the autumn constant frost comes. These types of lianas can be considered as the most promising for widespread use in vertical gardening of Almaty city. The period of leaf fall in different species of lianas lasts in average of 15-35 days. Leaf fall in the examined species happens in the last ten days of September and October. There is no evergreen species among the studied lianas types in Almaty.

The most types of lianas are characterized by manifestation of all the decorative features, except the *Clematis* leaves colour in autumn, which remains green until frost. In the weather conditions of Almaty the majority of lianas pass the full development cycle. The types such as *Parthenocissus quinquefolia*, *Vitis amurensis*, and *Campsis radicans* can be recognized as perspective. Table 2 shows the results of the study.

Table 2

The living condition of vines in green areas of Almaty

Nr.	Name of species	Category of plantations living conditions	
		Public use	Restricted use
1	<i>Vitis amurensis</i>	1	1
2	<i>Parthenocissus quinquefolia</i>	1	1
3	<i>Campsis radicans</i>	1-2	1
4	<i>Clematis jackmanii</i>	–	1
5	<i>Clematis viticella</i>	–	1
6	<i>Clematis lanuginosa</i>	–	1
7	<i>Rosa multiflora</i>	–	1-2

Decorative features characteristic of species was based on the method of Balkovskiy B.E. [3] which is used to compare the range for decorative qualities. According to this

method a high decorative features have the lianas scored up to 36-55 points of the scale, the average –18-35 points, the lowest –2-17 points.

Table 3

Average value of lianas' decorativeness

Nr.	Name of species	Lianas' decorativeness in plantations	
		Points	level
1	<i>Vitis amurensis</i>	28,23	medium
2	<i>Parthenocissus quinquefolia</i>	20,00	medium
3	<i>Campsis radicans</i>	31,67	medium
4	<i>Clematis jackmanii</i>	42,00	high
5	<i>Clematis viticella</i>	41,33	high
6	<i>Clematis lanuginosa</i>	41,67	high
7	<i>Rosa multiflora</i>	37,66	high

The mostly decorative species are considered to be the flowering types such as: different species of *Clematis*. *Parthenocissus quinquefolia* and *Vitis amurensis* have medium decorative features. However, in certain periods their rates are higher than those of flowering plants, due to the earlier leafing, colourful autumn colour. In particular, *Parthenocissus quinquefolia* and *Vitis amurensis* in autumn are painted in bright orange, red, purple shades. Decorativeness of vines keeps its features for longer period of time: their shoots are perennial plants and vegetation begins earlier. Combining different types of vertical gardening and varieties of lianas, it is possible to get permanent decorative compositions.

In the composition the lianas medium texture should be dominant, usually forming a background (*Parthenocissus quinquefolia* and its *Engelmann's* shape). The plants with coarse texture (*Vitis amurensis* and ordinary vines) are recommended to use to emphasize a composition and strengthen a certain part of the building or structure. They are suitable to create the background of a composition (with a large area of landscaping on large objects). The plants with fine texture (different species of *Clematis*) are recommended for use in the foreground of a composition in order to mitigate its contours. Decorativeness of a composition made of lianas can be enhanced by the introduction of other plants life forms.

During the study also was given a rapid assessment of the lianas' conditions, according to the presence of visually

identifiable lesions (tab. 4). So it may be noted that the use of lianas in all surveyed areas is reduced to near-wall plantings of residential buildings and institutions. The most common planting of lianas are on fences and hedges. Lianas are practically not used for decorating of architectural and commercial facilities.

Parthenocissus quinquefolia is found more often than other species in all categories of urban spaces. The places of its growth are more than 50% of the total habitat of lianas in the city. Also, very often together with *Parthenocissus quinquefolia* grows *Campsis radicans*. On private land surveyed in Almaty, it was revealed a significant share of flowering of climbing roses and different *Clematis* types.

Physiological state of the identified plants can be considered in most cases as well, thanks to the stability of the species or the presence of care. However, there were noted some destruction of plants by pests and diseases. Not revealed any sick or oppressed samples of *Parthenocissus quinquefolia*, which certainly testifies to its high resistance also to high anthropogenic stress. Regarding the reaction to the urban environment of other types of lianas on the basis of visual examination it is difficult to judge, since they are found only in the plots with a limited regime of visits and in the areas remote from the highways and large industrial enterprises.

The heights of the surveyed plants do not exceed the value given in the literature [4]. The strongest growth has Parthenocissusquinquefolia, which refers to a group of high lianas. The group of medium-sized lianas, according to the survey, includesVitis amurensis andCampsis radicans. It is worth

noting that with appropriate support they are able to rise and to grow in heights. According to the research Jackmanii, Viticella andLanuginosatypes of Clematiscan be attributed to the low-growing species.

Table 4

Availability and condition of the lianas in the composition of plants in Almaty

Nr.	Name of species	Presence and abundance of species in the composition of urban trees			Damage caused by		presence of systematic care
		street plantations	multi-storey residential complexes	private plots	pests and diseases	ecological conditions	
1	Vitis amurensis	+	+	+	-	-	+
2	Parthenocissus quinquefolia	+	+	+	-	-	-
3	Campsis radicans	+	+	+	-	-	-
4	Clematis jackmanii	-	-	+	-	-	+
5	Clematis viticella	-	-	+	-	-	+
6	Clematis lanuginosa	-	-	+	-	-	+
7	Rosa multiflora	-	-	+	+	+	+

One of the most effective methods to monitorand regulate the content of greenhouse gases and carbon dioxide in the atmosphereis to create the green spaces, including lianas. This characteristic of plants isrelevant to industrial cities affected by environmental problems. The greatest ability to improve the sanitary conditions in urban areas of Almaty city hasVitis amurensis andParthenocissusquinquefolia. Contributionof otherspecies to the formation of sanitary and hygienic

properties of green spaces is significant and in combination with other kinds and forms of plants used for landscaping will help to organize an effective biological protection of the environment. Recommendations for the use of lianas for the vertical gardening are based on the results of comprehensive studies of species held in Almaty. In accordance therewith, lianas have the following basic characteristics (Table. 5).

Table 5

Characteristics of some lianas

Name of species	Smoke and gas resistance	Sunlight necessity		Frost and winter resistance	Necessity of soil fertility	Relevance to soil moisture	Speed of growth		
		L	S				VH	H	M
Parthenocissus quinquefolia	Sus	+	+	+	-	-	+	-	-
Vitis amurensis	Sus	+	+	+	+	-	+	-	-
Clematis jackmanii	Sus	+	-	-	+	+	-	-	+
Clematis viticella	Sus	+	-	-	+	-	-	+	-

* Legend: «Sus»– sustainability, «Av»– average resistance, «L»– light necessity, «S» –shade tolerance, «VH»– very high, «H»– high, «M» – moderate, «+» –typical characteristic, «-» – not typical characteristic.

Based on the received information and research of lianas in the city of Almaty, these green plantations can be recommended to be included in the main (Parthenocissusquinquefolia, Vitis amurensis), optional (Clematis viticella) and limited (Clematis Jackmanii) range. In accordance with the division of vines can be recommended for use in the different categories. Species included in the basic range should be actively used in vertical gardening in all categories of green spaces. Species of the limited and additional assortment can be recommended for use in plantations with limited usage.

Use of lianas in vertical gardening in the region of research has a little diffusion and limited use. Practically no balcony and container gardening is diffused. Existing planting of lianas, especially in the common areas, are natural and not well maintained. Range of lianas in plantations is poor. For Almaty city the number of species of lianas does not exceed 7 species. The exception is the individual land plots and some special objects of green building.

For facades gardening can be recommended the same combination of climbing plants with floral plants of annual or perennial crop. The tall lianas are spectacular for gardening of small architectural forms and landscaping architecture structures, can be used as tapeworms and also as a ground cover.

For landscaping of the objects with low height (up to 3.0-5.0 m) it is recommended to use clematis and climbing roses. These species are the most spectacular for gardening of small architectural forms, landscaping architecture structures, as tapeworms.

Much attention in the selection of lianas' species in a composition should be given to factors such as excessive and prolonged flowering, decorativeness and duration of the autumn colour of leaves and fruit.

Literature

1. Belinskaya N.K. Lianas.– Alma-Ata:Kainar, 1979. – 96pages.
2. Alekseev V.A. Diagnosis of living condition of trees and forest stands [Text] / V.A. Alekseev // Dendrology. – 1989. – Nr. 4. – Pages 51-57.
3. Denisov V.N. Landscaping of residential areas. [Text] / V.N.Denisov. –Saint Petersburg: MANEB, 2006. – 224 pages.
4. Osipova N.V. Lianas are amazing plants / N.V.Osipova– Moscow: Veche, 2005. – 160 pages:Illustrations.